

О православии в отношении к современности

Александр Матвеевич Бухарев

См. также: Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев) «О православии в отношении к современности» (рецензия) архим. Александр

Заглавие «о православии в отношении к современности», которое дается сборнику разных статей, так общо и неопределенно (а иным может показаться и так притязательным), что, в предотвращение недоразумений, сочинителю необходимо точнее объяснить значение сборника своих статей. Под «современностью» здесь разумеются собственно господствующие духовные стремления, потребности и опасности в наше время. Чего по этим стремлениям, потребностям и опасностям надо искать в православии, – это и раскрывается в разных предлагаемых здесь статьях, конечно – по мере разумения сочинителя. В таком именно значении и дано всем этим статьям одно общее заглавие: «о современности в отношении к православию» ...

Некоторые у нас поборники православия трактуют современность, как нечто враждебное православию; так как и наоборот, есть свои поборники и современности, подозрительно смотрящие на самые требования православия. Но в самом ли православии и в самой ли современности заключается причина такой несовместимости того и другой, в какой они являются иногда у их поборников? Этот вопрос был в особенном виду у сочинителя, когда он писал свои настоящие статьи.

Что касается до избрания разных частных предметов в статьях, для рассуждения вообще «о православии в отношении современности» (в объясненном уже значении этого заглавия), – и в этом нужно дать отчет пред читателем. Следя движение духовной мысли и письменности, особенно в соприкосновении и связи ее с светскою письменностью, неизбежно встречаешься с некоторыми грустными и затруднительными в разных отношениях явлениями, которые также соприкасаются к вопросу

об отношении между православием и современностью. Иногда мысль, жизненная и светлая, но еще не зрелая, не развитая или даже только что рождающаяся, естественно представляет в себе разные стороны, которые не выдерживают испытания пред судом истины; и потому эта мысль, или ее литературное выражение неминуемо и справедливо задерживается, или возбуждает против себя сильные протесты. Иногда мысль, сама почти мертвая или направленная к смертельному поражению чего-нибудь безразличного (чтобы не сказать; даже прямо доброго), представляет в себе «общее место» той или другой неоспоримой истины; и потому самому эта мысль, только обессиливающая истину, уже не может быть законно остановлена. Предлагаемые статьи и касаются именно таких предметов, о которых всего обыкновеннее у нас – мысли первого и второго рода, как замечал сочинитель не только по наблюдениям со стороны, но и по служебным своим обязанностям. Порядок в расположении статей, по возможности, таков, что предыдущие статьи служат к уяснению последующих.

Если кому-нибудь эти статьи поспособят, хоть сколько-нибудь, в разумении и раскрытии самой силы истины Христовой, или в охранении и развитии разных зародышей мысленного добра, если в сборнике этих статей окажется, хотя меньшее и горчичного зерна (Мф.8:31), семя мира относительно каких бы ни было мысленных борений в наше время: то и слава Богу!

1. Двенадцатые церковные праздники

Размышляющему нельзя не призадуматься над следующими словами великого проповедника отечественной Церкви: *«Подобно есть царствие небесное сокровищу сокровенну на селе (Мф.13:44)*. Село, или поле, изображает человека. Глубина, в которой скрыто сокровище, означает сердце или внутренность человека, более или менее открытую верою. Сюда в таинстве крещения Дух Божий, *дышащий, идеже хочет*, дохнул невидимо, и внес в своем дыхании сокровище: нетленное семя возрождения, новую жизнь от Бога. Итак, сокровище положено, и точно есть на поле нашем; но каждый ли из нас сделал с своей стороны то, чего далее требует притча? *Обрел* ли оное глубоким самопознанием и вхождением внутрь себя? *Скрыл* ли от невидимых татей смирением? *Продал* ли *вся, елика имать*, отвергся ли мира и плоти, отдал ли без остатка страсти и пожелания, чтобы взять внутреннее сокровище и употребить к своему блаженству? Если мы ничего такого не сделали, если совсем не позаботились проникнуть, что скрыто в нашем поле, если мы только на поверхности его пасемся чувственным удовольствием, как бессловесное лаком, если скрытое сокровище глубже и глубже зарываем уметами и дрязгом помыслов и дел суетных, нечистых, незаконных: то сокровище лежит, но мы им не пользуемся; нетленное в нас семя не прозябает, не цветет, ни плодоносит; духовная жизнь наша или в зародыше или в обмороке; надобно желать, чтобы о нашем возрождении вновь попекся кто-нибудь, как святой Павел о возрождении, крещенных еще прежде Галатов, когда он писал к ним: *чадца моя, имиже паки болезную, дбндеже вообразится Христос в вас (Гал.4:19)*. То есть: как рождающая мать, нахожусь я в подвиге и страдании, дабы споспешествовать вашему духовному рождению, и притом уже не в первый раз: сперва сие было нужно, когда надлежало посредством веры и крещения положить в сердцах ваших начаток духа; но когда вы, *наченше духом, ныне плотию сканчаваете (Гал.3:3)*, то потребен новый болезненный подвиг,

дабы погребенное под преобладающею плотию духовное сокровище открыть, дабы задержанный росток духа возрастить до приношения плодов духовных, дабы впечатленный в душу крещением образ Христов прояснить и проявить во всех ее способностях, силах, расположениях и делах хриstopодобных и богоподобных. *Паки болезнь, дóндеже вообразится в вас Христос.*

«Кто соглашается с сими размышлениями в том, сколь важно и необходимо для истинного христианства возрождение, а между тем в своей жизни, делах и совести не обретает успокаивающего свидетельства, что он действительно пользуется плодами возрождения: тому надлежит не без заботы подумать, в каком состоянии он находится и к чему сие ведет. Суд Христов произнесен и, верно, не переменится. Как судил Он в безмолвную ночь, в присутствии одного Никодима: так же будет судить и в славный последний день, в присутствии всех ангелов и всех человеков: нерожденный свыше не может видети царствия Божия». (Беседа высокопр. Филарета, митроп. Моск., о новом рождении свыше).

Кто может не согласиться со всем этим? Действительно, как вообще Русский народ принял благодать возрождения вместе с Православием, при св. Владимире, так и, в частности, каждый из нас удостоился благодати возрождения в крещении, большею частью при самом начале нашей жизни. Но и то правда, что как вообще в народе и мире, так и в отдельных личностях видно, скажем словами того же церковного славного учителя, «более явлений и дел человека невозрожденного, ветхого, нежели возрожденного, нового, более бедности Адамовой, нежели блаженства Христова». Откуда разливается такая страшная беда, превращающая нас из состояния по новому Адаму – Христу в состояние опять по ветхому Адаму (хотя и вышли мы из этого последнего состояния – каждый в крещении, а в народном состоянии при равноапостольном Владимире)? С Запада ли неправославного, или от нашего собственного невнимания и неверности к самой силе Православия – в обиду самому Западу, которому достоинство Православия мы же должны раскрыть в себе? Как бы это ни было, – надобно

всеусильно стараться выходить из этой погибельной и для настоящей и для будущей жизни беды – как каждому самому по себе, так и всем в общественном своем составе. Возможно-простые и общедоступные способы к этому каждый, на своем месте, имеет в главных церковных праздниках, если только захочет входить в их дух и разносить этот дух на все прочие и работные дни. Раскрытие этой мысли и содержится в предлагаемой статье: *двунадесятые церковные праздники*, составляющей собственно одно пространное письмо, которое было писано к одной особе, именно об оживлении христианства в сердце и образе мыслей у тех из нас, в которых оно, заметно мало проявляет своей жизненной и светоносной силы. Вот это, довольно длинное, письмо.

Вам желательно было, чтобы некоторые мысли, высказанные в устной беседе с вами, изложены были для вас на бумаге. С своей стороны, я желаю не только удовлетворить вас в этом, но еще дополнить недоконченное в моих устных замечаниях.

Вам еще понравилась моя небольшая икона, изображающая двенадцать праздников. Примите от меня и эту св. икону; придерживаясь этой иконы, я хочу вести с вами настоящую письменную беседу. По вашей молитве, да даст мне Господь совместить в одной беседе все, о чем хотелось бы и нужно говорить с вами. Итак, прошу вашего снисхождения и внимания ко мне. Но со вниманием соединяйте и рассуждение, призывая самого Духа истины – Св. Духа в помощь. Начнем письменную беседу прямо с того, на чем сосредоточивалась наша беседа при личном свидании.

Когда мы, став во Христе новою тварью, успели духовно изветшать: то, для нашего обновления во Христе, потребно самым тайнам, относящимся к воплощению Христову, духовно воздействовать в нашей вере своею спасительною силою. Ибо нет иного имени и домостроительства, по которому можно спастись, – кроме Христа и домостроительства Его воплощения (Деян.4:12). Таким образом благодатная, сама по себе всегда живая и действенная, сила всех главных Богородичных и

Господних праздников, которыми воспоминаем мы тайны Христова домостроительства, – и должна раскрываться по отношению к миру, чтобы обновить и оживить этот мир. Не только дух, но и самая историческая верность евангельских событий требует того, чтобы сила их раскрывалась в нас: ибо Спаситель приходил в мир, собственно, для нас, а не для Себя.

1. И, во-первых, нужно, чтобы благодатно раскрылась и воздействовала в нас сила и тайна *Рождества пресвятой Богородицы*. Как же это? – Вы же сами, помнится, выражали предо мною ту мысль веры и упования о пресвятой Богородице, что Она могла бы исходатайствовать у своего Сына помилование нашему Миру, если бы ему и гибель угрожала и уже не дерзали бы ходатайствовать за него все прочие небожители. Эта мысль вполне согласна с духом церковных молитв, песнопений и сказаний, относящихся к Божией Матери. Для усвоения миру всегда готовой, особенно по ходатайству Богоматери, оживить наши умы и сердца милости Божией, и требуется, чтобы дух Богоматерней любви к гибнущим грешникам, болящей во Христе над чужими недугами, принимающей к собственному сердцу духовные опасности и беды ближних, омывающей оскверненные совести своими небесными слезами, так сказать, возродился и в нашем мире, – например, в вашей душе и в сродных вам душах. Дух же Богоматернего человеколюбия всегда открыт для веры, особенно в чудотворных Богородичных иконах. Если Ап. Павел мог сказать о себе: *свидетель ми есть Бог, яко люблю всех вас утробою (сердцем) Иисуса Христа (Флп.1:8)*; то Богоматерь, по превосходству пред самыми херувимами и серафимами, естьместилище сердца Христова, объемлющего своею беспредельною любовью весь мир. Поэтому можно сказать, что в Христовом теле Церкви Богоматерь составляет точно сердце его, бьющееся одною только любовью Божественною: болезни и страдания всех членов Церкви живо доходят до этого сердца церковного, так что пресвятая Богородица соболезнает своею любовью всем нам недугующим и мертвеющим. Чем ближе и вы будете духом к этому сердцу, тем более будете сострадать немощам и омертвлению других; да и собственные ваши немощи

и омертвление будут для вас тяжелы особенно потому, что они задерживают ток жизни во Христе и для других – ваших сочленов. Итак, с любовью к другим сокрушайтесь и о своем омертвлении, как останавливающем жизнь и в других; любовью болезнуйте и о чужих немощах, как о собственных. Чрез такое духовное соболезнование о других, которое да сообщит вам Царица небесная от духа своего Богоматернего человеколюбия, будут врачеваться, как все *ваши* духовные немощи, так и немощи близких к вам людей. Душу, в которой рождается, хотя одна маленькая искра такой любви к грешным и гибнущим людям, и можно будет поздравить с *праздником рождества пресвятой Богородицы*, духовно открывшимся в этой самой душе.

Молю Бога, и пречистую Матерь Его, чтобы сколько-нибудь отобразилась в вас своею любовью к людям эта благодатная *Баня, омывающая нечистые совести* (как Церковь величает пресвятую Богородицу). Не думайте, что слишком гордо было бы с вашей стороны желать этого. Солнце отражается и в малой капельке воды; и, если, при открытом сиянии солнца, иная духовная капелька не захотела бы принять в себя отражения его, это значило бы, что она хочет быть мутною и грязною. А стремящейся к чистоте и непорочности душе не трудно и принимать отражение света Богоматерней любви, не гнушающейся оскверненными, но очищающей их скверны. Согласитесь, что если бы поболее христианских душ так дознавали тайну рождества пресвятой Богородицы; то это было бы началом благодатного обновления для целых обществ христианских. И нам ли сердечно не болеть о чужих немощах, как о своих, когда, попристальнее посмотрев в свое сердце, действительно найдем в нем семя или тайную силу всяких грехов, замечаемых нами в других? ... Притом, я сам видал опыты того, как иная душа, светлая и живая, но недознавшая тайну любви *омывать* оскверненные *совести* других собственными слезами, – как такая душа видимо мертвела и терялась, как скоро ощущала недостатки духовные в том человеке, в ком думала найти святость и силу Христовой истины и благодати. Видите, что пока не дознаете внутренне в

себе тайну *рождества пресвятой Богородицы*, чрез общение вашего сердца в духе Ее любви, дотеле вы сами находитесь в опасности духовного омертвения. Итак, сколько для других, столько и для себя стремитесь к тому, чтобы благодатно-человеколюбивый дух Богородицы, по Ее же дару, зачался и родился в вашей душе, хотя сколько-нибудь.

Спросите: как достигнуть этого? Сама Божия Матерь ищет сосудов, в которых мог бы раскрыться и воздействовать Ее дух к помилованию и обновлению нашему, о котором Она непрестанно ходатайствует пред своим Сыном и Богом. Всегда взирайте на Нее особенно в чудотворных Ее иконах, взирайте на Нее, как на Матерь во Христе всех христиан – все равно – дворяне ли они, духовные, или крестьяне: ибо во всяком христианине положен начаток Христов чрез самое крещение; если в ком этот начаток Христов омертвел и почти не действует, то о нем тем более болит материнское сердце Богоматери, – болит о новом омертвлении в нем Сына своего. Прислушивайтесь вашим сердцем к тайному голосу Богоматерней любви к нам омертвелым: *болезную, дóндеже вообразится* или воскреснет *в вас* Сын мой, *Христос....* Стяжите такое направление и расположение вашей веры сначала по отношению – хотя только к вашей сестре, к брату, к особенно близким вам людям. А главное, при этом Св. Духа, который один оживляет нашу веру и Сам ходатайствует о нас воздыханиями неизглаголанными. Ужели чрез это не откроется душа к порождению в себе духа материнского человеколюбия и соболезнования о немощах и омертвлении таких грешников, каков первый я? Божия Матерь сама уже начала открывать для сего вашу душу, как и душу единокровных с вами. Передайте и им сказанное здесь. Если любите Христа, то не можете не болеть душою, по благодати и духу пресвятой Богородицы, о всех подобных мне, в которых Христос точно мертв и погребен.

2. Перейдемте к другому празднику, следующему (как изволите видеть на св. иконе), за Рождеством пресвятой Богородицы. Это праздник *Введения*, Ее, трехлетней еще отроковицы, *во храм*. Нужно, чтобы тайна или сила и сего

праздника раскрылась и воздействовала в невестах Христовых – наших душах, по слову псалма: *приведутся Царю девы в след Ее* (Пс.44:5).

В новом Иерусалиме, который и есть невеста Агнца, одетая в чистый и светлый виссон праведности святых (Откр.19:7,8; 20:2), сам *Господь Бог Вседержитель храм ему есть и Агнец* (Откр.20:22). Итак, будьте душою, как трехлетняя отроковица, и, с детскою простотою и небоязненностью веры, входите во святая святых ново-иерусалимского храма, по благодати и в след пресвятой Богородицы, – Как же это? Как проникнуть в это пренебесное святилище, каков сам *Господь Бог Вседержитель и Агнец*? – Бог Слово, единосущный Отцу и Св. Духу, для того и воплотился, и во плоти нисходил даже до смерти, как Агнец, заколенный за нас, – для того, говорю, чтобы чрез это открыть нашей вере (хотя бы мы и омертвели грехами) доступ в пренебесная святая святых. И смотрите, как для детской веры просто воспользоваться таким доступом: – Апостол сказал, что Бог Слово – Христос есть *существенное сияние славы Отца* (Евр.1:3), и что *никтоже может даже только рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1Кор.12:3). Итак призывайте везде сущего и вся исполняющего Св. Духа, как можно чаще, и особенно за богослужением в храме, и в силе Св. Духа взирайте своим умом и сердцем к Божию Агнцу – Богу Слово, Христу; а во Христе, как в солнце света, созерцайте и Бога Отца, – созерцайте Отчую любовь, со всеми сокровищами Божества существенно раскрытую в Сыне по Его Божеству, а, по домостроительству Его воплощения, открытую и для нас грешных в силе Св. Духа. Сказанное повторю еще кратко: с *детскою простотою веры, во Св. Духе взирайте ко Христу – Сыну Божию, а в Сыне созерцайте Отца с Его славою и любовью*. Когда Божия Матерь даст вам понять и усвоить это, простое для веры, духовное делание: то вы истинно будете входить во святая святых, вслед за пресвятою Девою – трехлетней отроковицею, и здесь будете, подобно Ей, питаться ангельскою пищею благодатных утешений и слова Божия. Да! точно, как небесною пищею, будет питаться ваша душа такими мыслями и чувствованиями, что если в Боге Слово – Христе

почивает вся полнота Отчего благоволения и любви, то не иначе, как в Нем же, благоволение и любовь Отца простираются и на все создания, дав им бытие, сохраняя их, спасая грешных, возводя верных в славу. Во всем, что ни есть, вы будете верою видеть любовь Отца, сияющую в Сыне; ибо не иначе, как по ее же попущению, существует и самое зло в мире, а всякое истинное добро есть прямо дар этой любви Отца, в Сыне раскрытой и *изливающейся Св. Духом* на приемлющих (Рим.5:5). И таким образом всюду, где бы вы не находились при таком делании веры вашей, вы будете чувствовать себя точно, как во храме Божиим, во храме любви Отчей, всюду в Сыне Сияющей, *светящейся* даже и *во тьме* грехов и заблуждений и такую *тьмою необъемлемой* (Ин.1:5). И чего вы во Св. Духе не испросите у Отца – во имя Сына, в котором вся Его любовь? О, если бы дал мне Господь когда-нибудь, поздравить вас с этим *праздником Введения Богоматери во храм*, как дознаваемым вами в самой силе! Вы будете своею верою понимать и чувствовать, что самое вечное блаженство святых есть не что иное, как открытое наслаждение во Св. Духе любовью Отца, сияющею в Сыне – Боге Слове, Христе, как Им самим сказано: *да любы, еюже Мя еси возлюбил* (Отче), *будет в них, и Аз в них... Да видят славу Мою, юже дал еси Мне, яко возлюбил Мя еси прежде сложения Мира* (Ин.17:26,24). Вы будете понимать и чувствовать своею верою, почему будут и вечные, нескончаемые муки злых. Это потому, что во Христе – Сыне Божиим почивает любовь Отчая всею своею полнотою, и только в Нем простирается на создания; и потому, если кто не усвоит своему духу этой любви Божией во Христе, и даже воспротивится ей и в расположении решительного ей противления перейдет в будущую жизнь, то о таком не будет уже, и быть не может, ни малейшего сожаления у Отца во веки веков, и он будет отвержен Богом любви на всю вечность. Вне Христа – Бога Слова нет любви Отчей; ибо она почивает в Нем всею своею полнотою со всеми силами и дарами Св. Духа. Кто на суде окажется чуждым Христа, о том не будет и быть не может ни тени сожаления ни у Бога, ни у святых, во всю вечность. Как сильно душа ваша будет при таких мыслях

воспламеняться желанием приводить всех, кого можно, и особенно присных ваших – ко Христу, к разумному и сердечному участию в любви Божией, во Христе открытой и изливающейся Св. Духом! Как жалко будет вам тех людей, особенно детей, которым дается направление мимо или даже против любви Божией во Христе! Вы, конечно, всем существом своим бросились бы спасти столь очевидно погибающих. Все, что не причастно самого духа и силы любви Отца, во Христе – Боге Слове раскрытой даже для грешных и омертвелых, будет для вас самою жалкою формою; и к чему бы вы не прикоснулись своею душою в таком ее настроении, – изветшавшие, мертвые формы обновлялись бы и оживали в вас. Божия Мать да подаст вам и всем вашим войти в дух и силу праздника *Введения своего во храм Господень*.

3. Теперь, по иконе, следует праздник *Благовещения пресвятой Богородицы*.

В событии Благовещения Господня совершалась, по выражению церковному, *спасения нашего главизна*; во чреве пресвятой Девы Бог Слово *плоть бысть*. Но должно и всем нам, христианам, стремиться к тому, чтобы благодатно и в нас, чрез общение нашей веры в Христовой благодати воплощения, Слово воплотившееся вселилось. Это учение апостольское. *Да даст вам* (Бог Отец), так говорит Ап. Павел, – *да даст вам, по богатству славы своея, силою утвердятся Духом Его во внутреннем человеце, вселится Христу верою в сердца ваша... да исполнитесь во всяко исполнение Божие*, т. е., «всею полнотою Божиею» (Ефес.3:18,19). И в другом месте: *живу не тому аз, но живет во мне Христос* (Гал.2:20).

Подумайте же теперь, – заботливо, как о собственной участи, подумайте, таковы ли ныне мы христиане, чтобы уже не мы сами по себе жили, а жил бы в нас Христос – Бог Слово, одушевляя и двигая своим Духом все наши члены, весь наш состав по душе и по телу? Далеко, далеко не таковы даже лучшие из нас, за исключением Богу ведомого остатка избранных; не говорю уже о живущих, хотя и честно, но по духу *мирской* честности. Как же достигнуть того, чтобы снова зачалась в нас истинная Христова жизнь? Просите Архангела

Гавриила, чтобы он открыл вашей душе тайну этого благовещения. Молите Божию Матерь, чтобы Она, послужившая тайне воплощения для нас Бога Слова, и нам исходатайствовала и даровала благодать воспринять Его в свое сердце и ум так, чтобы вся наша жизнь была в Нем и от Него. И, с помощью Божией Матери и Архангела благовестника, рассуждайте вашею верою вместе со мной.

Если вы ревнуете об исполнении закона Божия, как такого долга, с выполнением которого уже сознаете за собою как бы заслугу пред Богом и людьми: то вы держитесь такого направления, как будто сами от себя *воздаете Богу и людям* то или другое. Это значит, что вы уже поставляете, или ищете поставить, свою собственную правду пред Богом и людьми. Правды Божией, как *дара Христова*, вы не принимаете. Такого направления держались Иудеи, и не приняли Христа: *не разумеюще бо Божия правды, и свою правду ищуще поставити, правде Божией не покорисяся* (Рим.10:3).

Если вы стараетесь повиноваться и предаваться любви Божией со смиренным и сокрушенным чувством покаяния, с строгими подвигами бдений, поста, молитвы и проч., и притом, веруя и надеясь получить спасение не сами собою, но во Христе – Сыне Божиим: это прекрасно! Но и эта правда не возвышается еще над духовным (на вере же во Христа, конечно, основанным) направлением Иоанна Крестителя, проповедника покаяния и строжайшего подвижника, и притом исповадавшего о Христе: *се Агнец Божий, взявляй грехи мира* (Ин.1:29); *только веруяй в Сына имать живот вечный, – а иже не верует в Сына, не узрит живота; но гнев Божий пребывает на нем* (Ин.3:36. слч. 27). «Что-же,» скажете вы, «с меня и довольно – последовать Крестителю Господню». Но не того хочет сам Креститель; ибо его дело было предуготовить путь именно Христу, – его служением и желанием и радостью было приводить Церковь и всякую верующую душу ко Христу, как невесту к жениху (Ин.3:28,29). Сам Господь говорит: *не воста в рожденных женами болий Иоанна Крестителя: однако самый малый, мний в царствии небеснем, или в царстве Христовой*

благодати, по сообщению своему с самим Христом, *болий его есть* (Мф.11:11).

Как же нам усвоить этот чрезвычайный, неизреченно великий дар Христовой благодати, чтоб Он сам – Бог Слово, сияние славы Отца, в нас вселился своею благодатью? Как удобно и просто это для детской, чистосердечной веры! Тогда как само- поставляемая, законная правда говорит: *сотворивый та человек, жив будет в них, – делай то и то, и спасешься* заслугою своих дел; правда Христова, напротив, так говорит: *близ ти глагол есть во устех твоих, и в сердце твоём, сиречь глагол веры*, только не отвергни, а прими (Рим.10:5,8). И в самом деле, сам Господь Иисус Христос *бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение и избавление*, как говорит Апостол (1Кор.1:30). Все нужное для нашего спасения и оправдания, Бог Слово во плоти Сам соделал для нас; и все спасительное для нас Он открывает и дает Сам в Себе, – только принимайте Его. Он сам удостоверяет вас о такой своей благодати: *се стою при дверех и толку, аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему и вечеряю с ним и той со Мною* (Откр.3:20). Итак, все обстоятельства вашей жизни так проходите, все ваши добрые дела так делайте, все ваши отношения к людям так устраивайте, чтобы при всем этом вы очами веры видели Его самого, Христа Бога, и принимали Его к себе...

Начну с простейшего. Например: вы кушаете? Знайте, что и Господь Иисус, воплощенная любовь Отчая, также на земле вкушал пищу; и это снисхождение Его до немощей нашей плоти было именно для нас, чтобы мы входили в благодатный и спасительный для нас дух такого Его снисхождения. Итак, вкушайте пищу в таком расположении и настроении вашей веры, как бы Он сам вкушал с вами и у вас пищу. Таким образом *и* за чувственной трапезой вы духом своим будете вечерять с Божественным Женихом вашей души, и Он будет с вами вечерять своею благодатью. «*Стою при дверех и толку*, говорит Он вам, только не откажись принять Меня к своей вечери, и Я приму тебя к Моей благодатной вечери».

Хотите сделать какое бы ни было доброе дело? Делайте дело правды так, чтобы вам непременно за этим призывать и воспринимать в свое сердце самого Христа, который именно и есть наша *правда*. Вот это самое направление – принимать верою самого Христа во всяком деле, и есть благое иго Христово и бремя Его легкое. Держась такого направления веры и правды, вы будете делать всякое доброе дело со всем усердием; ибо как не иметь усердия принять Того, в Ком вся любовь Отчая, вся слава Божества, все святое и истинное, и радостное для вас? Будете делать вместе и со всем смирением сердечным, с глубоким чувством своего недостойнства и ничтожества: ибо кто, не исключая и самых ангелов, может принять Его достойно? И если бы вы все доброе исполнили, во всем этом вы видели бы и ощущали одну, незаслуженную вами нисколько, милость, ту великую милость, что Он, Царь славы, смирившийся ради нас до *рабия зрака*, благоволил быть принятым вами в вашем делании, дал усвоить Себя созданию неключимому и ничтожному... Непрестанно будете славить Его благодать, чудно творящую самые ваши дела столь великим даром своей благодати. Самых тех людей, для кого вы делаете добро, будете признавать великими своими благодетелями, давшими вам бесценный случай сотворить благодеяние самому Христу в ваших благодеяниях им (Мф.25:40); нищие, питаемые вами духовно или чувственно, будут для вас, как приведение к вам Господа, всевышнего Царя, вельможи и даже братья Его (по Его же слову).

Послушайте, – уразумейте своею верою и примите это направление, чтобы во всяком деле, в самом совершении всякого дела, приобретать Христа – нашу истину и правду, – жизнь и правду всех ваших добрых дел, вмения все прочее в тщету и уметы (Флп.3:8). В этом духе совершаемое, и простое, малое дело любезно Отцу небесному более, нежели большая правда иная: потому что во всяком деле, которое вы сделаете, усвоая Христа, Отец небесный видит знамение и дух своего Сына возлюбленного, в котором все Его благоволение, как в Сыне единородном и единосущном Ему. Но как, скажете, войти и утвердиться в этом направлении, чтобы во всяком деле

приобретать себе Христа? Знаете, и выше было уже говорено, что *никтоже может даже речи Господа Иисуса точию Духом Святым*. Не иначе, как во Святом Духе, обращаясь к Нему сердцем и мыслью, можно верою и *принимать* или усвоять себе Господа Иисуса во всяком деле, принимать духом, как видимо принимаете дорогих, желанных гостей. Основание того, чтобы и нами верою принят был и своею благодатью вселился в нас Бог-Слово Христос, есть единственное таинство Боговочеловечения в пресвятой Деве Богородице. *Како будет сие?* – спросила Она Архангела. *Дух святой найдет на тя,* отвечал Благовестник, *и сила Вышняго осенит тя. Темже и раждаемое свято, наречется Сын Божий*. Итак, верою принимайте и усвояйте себе Сына Божия – именно во Св. Духе.

Но сила и тайна *Благовещения пресвятой Богородицы*, как они духовно могут и должны отражаться в нас, еще не вполне раскрыты. Архангел говорит пресвятой Деве, благовествуя о зачатии и рождении от Нее Господа Иисуса: *сей будет велий, и Сын Вышняго наречется: и даст Ему Господь Бог престол Давида отца Его: и воцарится в дому Иаковли во веки, и царствию Его не будет конца* (Лк.1:32,33). Таково именно Божественное достоинство и вечное владычество Царя истины и благодати – Христа Сына Божия, единосущного Отцу и Св. Духу, вочеловечившегося от пресвятой Девы Богородицы Марии; все, за исключением разве одного отрицания бытия и истины, состоящего впрочем в действительной Его же власти, – все только в Нем имеет свое верховное начало и получает свое истинное значение и силу. Итак, видите ли, какой великий плод обещается направлением веры принимать живую мыслью и сердцем во всем и чрез все самого Христа? Соответственно нашему постоянству и верности в стремлении *всего отщетиться и вменить вся уметы быти, да Христа приобрящем* (Флп.3:8), Господь благоволил бы раскрывать в нас и чрез нас свое вечное владычество, животворную силу и непреложность своей спасительной истины и благодати. Это поистине так. Вы поймете это, когда и в разных отношениях ваших к людям будете также своею верою взирать ко Христу, искать и усвоять себе Христа.

Так, вы находитесь в известных церковных отношениях к священникам, к архиерею и прочим освященным лицам. Благодать священства есть благодать самого Христа – единого вечного Первосвященника, облакающего земных своих служителей, в разной мере и степенях, силою своего священства, *своей* пастырской власти. Итак в лице каждого освященного лица взирайте верою на Того, в чью благодать Он облечен, – на самого Христа, единого Первосвященника, приводящего нас в Себе ко Отцу, и принимайте именно Его самого духом своим, при помощи Св. Духа. И поступайте так не только в отношении тех, в ком ясно сияет впечатление Христова священства, но и в отношении к тем, в ком эта великая благодать погружена под грубостью, корыстолюбием и проч. И чем в ком менее открыт свет благодати священства, за личными его недостатками и пороками, тем более подвизайтесь духом – выдержать силу и направление своей веры, не опустить из виду, не отвергнуть, а признать и принять Христа во всей живости Его благодати и истины, врученной священству. *Блажени не видевшии, но веровавшии.* – Что ж? Думаете ли, что ваша живая вера, подвизающаяся достичь самого Христа и в лице недостойного Его служителя, останется втуне? Нет, она приведет у него в живое движение благодать священства, и если он не ожесточился во зле, рано или поздно оживит его: потому что благодать священства, ему данная, чрез живую веру вашу будет всегда возбуждаться и не даст ему покоя, пока он не сделается чистым Христовым орудием. Итак, если бы то направление веры, о котором столько говорю с вами, распространилось, то чрез это много, много ожило бы духом из нашей братии – священников. Воскрес бы тогда и во мне Христов дух. Священство православное засияло бы пред миром живым светом святости...

Случается также нам, священникам, допускать, и за самым священнослужением в церкви, грехи небрежности о деле Божиим, беспорядки взаимных несогласий, и т. п. Но вы, находясь в церкви, вознесите свои мысли к Святому Духу и детскою верою созерцайте во всем церковном – то орудия Христовы, то Его же облачения, то Его дары и слово, вообще

присутствие Его самого, едиnorodного Сына Божия, в котором все благоволение и слава Отца. По вашей вере, если она успеет выдержать свое детское воззрение при каких бы ни было наших нестроениях, благодать устроит, что наше священнослужительское разногласие и неблагочиние (внешнее ли оно или духовное) незаметно придет в стройность и согласие. Вы сами говорили мне о таком духовном даровании одного из рабов Божиих. Так будет с вами, если в церкви будете, по детскому настроению веры, точно, как у самого Христа, Сына Божия возлюбленного, предзреваемого вами во Св. Духе. Так-то, видите сами, что Бог даст, может духовно обновиться в нас все духовное, когда-то же настроение веры будет понемногу распространяться.

Подобно сему, и в отношениях к другим людям, даже самым грешным, также своею верою имейте в благоговейном виду и своею любовью усвойте себе Христа. – Это – как? Христос Бог соделался человеком для всякого человека и взял на Себя грехи всех грешных. Итак, и в лице каждого грешника, не обинуется предстать вашей вере Он сам, воплощенная правда и святость: *неведешаго бо греха по нас грех сотвори*, т. е. «Его безгрешного и всесвятого Отец соделал как бы грехом за нас, за всех грешных». Вы того не знаете, кто из нас, – вы или я – первый из грешников, окажется на суде усвоившим себе Христа; не нужно и знать это вам: только нужно усвоить себе Христа. Но то вы знаете, что Христос за всех умер, – умер и за меня, первого из грешников, – что Он взял и мои грехи вместе с грехами всего мира; и вот вам случай принять и усвоить себе Христа, имея на лицо только первого из грешников... Чем более мои грехи закрывают для вас Христову благодать, находящуюся, однако во мне от самого крещения, тем более подвизайтесь своею верою, и в отношении ко мне, принять и присвоить себе Агнца Божия, вземлющего и мои грехи вместе с грехами всего Мира. Подвизаясь принять и усвоить себе Христа, взявшего мои грехи, вы будете чрез это достигать участия в любви самого Христа ко мне грешному, так что мои грехи, чуждые вам, будут для вашего человеколюбия во Христе, как ваши собственные грехи, что о моих сквернах будете

сокрушаться и болеть, как бы о своих винах. То же будет в вас и в отношении к другим, подобным мне, грешникам, если вы и в отношении к ним не опустите из вида, а примете и присвоите себе Христа, взявшего на Себя и их грехи. *Кто изнемогает, и не изнемогаю?* говорит Ап. Павел, вошедши в полную меру веры, приемлющей Христа – Агнца Божия, взяющего греховные немощи всех. *Кто соблазняется, и аз не разжизаюся?* (2Кор.11:29). Судите же, какого грешника не оживит и не исправит такая вера и любовь? И потому, что было бы с Миром, если бы распространилось подобное направление веры? ...

Припомните также притчу Христову о милосердном Самарянине (Лк.10:29–37). Православные чада ветхозаветной Церкви – Иудеи отвращались от Самарян, как от раскольников и даже как (по-нашему выразиться) от поганных. В самой св. библии есть указания на то, что *сидящие на горе Самарийской*, т. е. Самаряне, были *омерзительны*, и притом для истинно-верующего ветхозаветного, наряду с ненавистнейшими из язычников (см. Сир.50:27,28). *Два языка омерзаста души моей*, говорит премудрый сын Сирахов, *а третий несть язык: сидящие на горе Самарийской, и Филистимляне, и людие буи живущии в Сикимех*. И вот законник некий, услышав от Господа, что для спасения нашего должно нам любить ближнего, как себя, *желая оправдиться сам*, задал Господу такой вопрос: и кто мой ближний? Как бы так он говорил: «и я рад бы был другого любить, как самого себя, если бы я в нем находил как бы самого себя, человека *родного* мне, такого, в ком бы я чувствовал благоухание святыни Израилевой, богоизбранность семени Авраамова и тому подобное. Но вот мы живем под властью язычников – Римлян; с нами рядом, или даже среди нас, живут Самаряне, худшие иных и из язычников. Ужели эти люди, омерзительные для верующих и мудрых отцов наших, суть мои ближние?» В ответ на такой вопрос Господь и сказал притчу о *впадшем в разбойники*, мимо которого прошли равнодушно священник и левит. Здесь в образе милосердного Самарянина Господь прикровенно представил Себя самого: так понимает эту притчу Церковь. Так и должно понимать; иначе

вопрос законника оставлен был бы Господом без ответа, без разрешения своей трудности, которая состояла в том: как снять преграду, разделявшую чад Церкви – Иудеев от неверных язычников и Самарян? Эту преграду снял или уничтожил один Христос, взявший на Себя грехи всех равно... Не раскрыл же Господь этой тайны прямо пред законником потому, что она была еще совершенно неудобовместима до искупительной смерти и воскресения Христова и до сошествия Св. Духа. Христос как-бы так говорил законнику, выставлявшему свою правду законную: «ты не хочешь видеть своего ближнего в омерзительном для твоей веры Самарянине? Но знай, что Я принимаю на Себя самые греховные мерзости равно Иудеев и Самарян, чад Церкви и язычников. Итак, в лице Самарянина, которого ты отвращаешься, невидимо предстою тебе Я сам, твой Господь и Спаситель. Подумай же, кто в ком нуждается: Я ли, Владыка и Спаситель всех, нуждаюсь в тебе, или напротив ты во Мне, ты, которого именно и умертвил грех, ты, избитый на смерть истинным человекоубийцею и его слугами – разбойниками демонами, ты, которому без Меня никто и ничто не поможет, ни священник, ни левит?... Смотри же: отворишь от Самарянина, – отворишь в лице его и от Меня – твоего Спасителя, взявшего на Себя все вины и мерзости самарянина. Напротив, если ты, и в отношении к Самарянину, не опустишь из вида, но от всего сердца будешь держаться верою Меня, самого Агнца Божия, вземлющего грехи и самарянина, вместе со грехами всего мира: то этот-же самарянин, ныне омерзительный для тебя, будет для тебя во Мне, как самый лучший твой брат, даже ближе брата».

Законник в таком милосердном Самарянине, каким с силою, хотя и приточно, представил Господь самого Себя, выносившего на Себе вину самарянства, почувствовал и признал своего истинного ближнего. И Господь на это сказал ему: *иди, и ты твори такожде*. То есть: «усвой же и ты своему сердцу Мой дух и расположение, усвой собственно Меня самого, как взявшего на Себя грехи этого бедного самарянина. Тогда, по этому самому участию в нем твоей веры и любви, отчуждение самарянина от Церкви будет для тебя так

чувствительно, как бы ты сам в нем был отчужден от Церкви; грехами и струпамии его души, чуждыми тебе, ты будешь по вере и любви болеть, как-бы собственными твоими струпамии. И ты, одушеваясь таким духом Моей любви к нему, верно, приобретешь Мне и Церкви этого неверного самарянина, которым гнушаешься; ты исполнишь в отношении к нему Мое дело милосердного Самарянина. Войди же в дух Моей любви к этому отверженному грешнику. *Иди, и ты твори такожде*». И действительно, св. Апостолы, водясь духом милосердного Самарянина, приобрели для Христа и Его Церкви, и Самарян и язычников бесчисленное множество. Судите же (спрошу вас что было бы с целым миром, когда бы огонь, о котором говорю, разгорелся и распространился в мире? Каких раскольников, каких неправославных, каких неверных не обратили бы мы, православные, когда бы, в отношении к ним, так приобрели мы взявшего их вины Христа, что вина и погибельность их отчуждения от веры православной была бы для нас, – как бы наша, – когда бы и наше равнодушие к ним в деле веры (прикрытое часто личиною человеколюбия, веротерпимости), и наше нечеловеколюбивое отвращение от них (прикрытое часто личиною ревности по вере), были бы для нас то же, что равнодушие или холодное невнимание к самому Христу Спасителю всех людей, стоящему при дверях наших: *се стою при дверех и толку?*...

Но мы говорим еще только о зачатии и рождении того благодатного направления веры, чтобы во всех делах и во всех отношениях к людям принимать верою самого Христа – во Св. Духе. Хорошо, или даже чудесно было бы, когда бы вы, взвесив мои слова своим верующим умом и сердцем, вошли вместе и в дух ответа благовестнику самой Матери Божией: *се раба Господня: буди ми по глаголу твоему*. Она первообраз ваш, по изречению слова Божия: *приведутся Царю девы в след Ее*.

О празднике Благовещения пресвятой Богородицы довольно.

4. Когда вы внутренне усвоите, и во всей внешней жизни будете проявлять то направление веры, чтобы во всех делах, во всех отношениях – к пастырям ли, как словесных овец, так и

бессловесных, к мудрецам ли века сего, или к людям необразованным – очами духа и сердца взирать и устремляться во Св. Духе ко Христу Сыну Божию, в котором вся любовь и слава Отца: то вас можно будет приветствовать и с *праздником Рождества Иисуса Христа*, поклоняемого от пастырей и восточных мудрецов. И все, о чем выше было говорено касательно этого направления, будет вами дознаваемо опытно. Конечно, все это будет сначала еще слабо, по-младенчески, в смешении с житейским; но и Христос ради нас родился *младенцем*, положен в скотских яслях. Довольно пока того, что вы в своем духе будете ощущать как-бы взошедшую утреннюю звезду, или рассветающее утро нового дня, того дня, когда Египетская тьма уступит свету Христову, когда все истинное, благое и прекрасное станут люди признавать и принимать в едином Христе, и слава Христова чрез православную Церковь распространится *до последних земли*.

При этом особенно обратите ваше благоговейное внимание на следующее. Праздник Рождества Христова торжественно собою возвещает нам, что сам Бог, именно Единосущный Отцу своему – Бог Слово восприял в самую свою личность (в единство своего «Я») истинное и полное человеческое естество, и это, собственно, для нас человеков, и именно грешных и погибающих. Поэтому в рожденном Богомладенце открыта нам вся Божественная полнота; и таким образом нашей вере уже вполне доступно – как в отношениях наших к людям досягать духом до явившегося для всех и за всех в человечестве Единородного Сына Божия, так и самим в себе, в своей нравственной деятельности, водиться Его волею и благодатью, и особенно в области знаний, искусств, жизни общественной, следить и усвоить собственно творческие и миродержавные мысли Его, *вся носящего глаголом силы Своея* (Евр.1:1). С другой же стороны, в «ставшем плотью Боге Слове», всечеловеческое естество – душа, тело, и в душе и теле все природные их силы и свободное действие этими силами являются, также именно ради нас, принадлежащими собственно Его лицу, так что нам должно стоять за все стороны человечества, как за собственность уже Христову, – за

мысль, волю, воображение, сердце, за самое тело и удовлетворение во Христе его потребностей. Подавление, стеснение, тем паче осуждение и отвержение чего бы то ни было истинно человеческого (кроме греха, составляющего уже извращение человечества), есть уже посягательство на самую благодать, на дух и смысл – рождения для нас Христа Богочеловека; – и это точно так-же, как стоять за что-либо человеческое не во Христе, значит уже отнимать у Христа собственность Его благодати и низвергать это человеческое из области спасения в неизбежную пагубу и растление. Усвойте это своим воззрением, или вообще своему образу мыслей и правилам; – и я вас поздравляю с праздником Рождества Христова, дознанным вами в самой его силе.

Начинайте с простейшего, наглядно-доступного: ибо что удободоступнее Младенца, и притом рожденного в пещере пастушеской и положенного в скотских яслях? Вот теперь у нас в России идет великое, но, в сущности, наглядно-простое дело об улучшении быта крестьян, касающееся и ваших интересов. Из обстоятельств же Рождества Христова в Вифлеемской пещере, вам известно, что в Вифлеем прибыла Божия Матерь с обручником своим Иосифом именно по случаю народной переписи. Примечаете ли вы, как таким образом замешались в обстоятельствах самого появления Богочеловека на свет, – высочайшее событие церковное и распоряжение гражданского правительства, податное состояние и высокий род? Высокий род: потому что, по сохранившимся до самого того времени генеалогиям, или родословиям, Иосиф и пресвятая Дева Мария были происхождения царственного – из дома и рода Давидова, почему они и прибыли на место родины Давидовой – Вифлеем. Податное состояние: потому что переписывались Иудеи, как подневольные Риму. Распоряжение гражданского правительства: таково именно распоряжение о народной переписи. Церковное событие: потому что Новорожденный Богомладенец есть единственный Глава Церкви и ветхозаветной так же, как новозаветной. Ведь все это для нас человек, все это благодать нам.

Ужели все это, вся такая благодать по отношению вместе и к Церкви и к гражданству, к уничиженному состоянию и высокому роду, останется без живого приложения к нам?! Современные нам обстоятельства помогают вере (разумеется, желающих) вполне воспользоваться этою благодатью. Вы, без сомнения, желаете воспользоваться для себя и для других такою благодатью. Итак, в предусматриваемом улучшении людей податного состояния – усматривайте вашею верою сущность всего дела в том, чтобы эту милость явить самому Рожденному для людей в подобном-же состоянии Христу, явить Ему это благодеяние именно в меньших Его братиях. Разделяя заботы о сем с другими людьми высшего рода, стремитесь верою собственно к тому, чтобы вам вместе с ними воспринять и удержать духовно (т. е. в своих расположениях и духе) также самого Божественного Потомка Царей, благоволившего снизойти для нас до восприятия нашего обнищавшего естества (а не то, что до какого-нибудь не очень большого пожертвования). В правительстве и Царе, подъявшем подвиг улучшения быта крестьян, вашею верою примечайте воздействовавшую благодать Всевышнего Царя, восхотевшего воспринять на Себя наше худшее для дарования нам своего лучшего, воспринять наше человечество для дарования нам соучастия в своем значении Сына Божия. Наконец в св. Церкви, с духовно-тонким вниманием веры, усматривайте истинную Мать, незримо своими благодатными способами поддерживающую и соблюдающую такую благодать в своем православном народе и государстве: ибо все истинно-благое и полезное, *всяк дар совершен выше есть сходяй от Отца светов* (Иак.1:17), а всецелая благодать Отца светов, являемая в Единородном силою Св. Духа, имеет собственную своею областью единую святую православную Церковь. О, если бы нам всем и воспринять и удержать в своем духе Богомладенца Христа, родившегося в мире, собственно, для того, да чрез веру благодатную вселится в сердца всех и да возглавятся в Нем всяческая, все и земное так же, как небесное! И мысль и чувство верующих, вникая и входя, по мере веры и дара благодати, в такую силу Рождества Христова, поистине

присоединяются более или менее к тем бесплотным созерцателям, которые, при рождении Христовом воспели: *слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение*, и которые всегда желают *приникнути* в проявления и действия в мире Христовой тайны (1Пет.1:12).

5. С такими начатками обновительного для мира духа Христова, как с младенчеству Иисусом, верующая душа будет тщательно и верно соблюдать все законы и уставы православия; – и несомненно будет иметь встречи со старцами и старицами Божиими, вроде Симеона Богоприимца и Анны пророчицы, которые признают и благословят духовно носимого ею Богомладенца Христа, – *свет во откровение языков и славу людей Божиих Израиля*.

Так праздновать праздник *Сретения Господня* и желаю вам. Но послушайте еще св. Симеона Богоприимца, как он сретил Господа; – и он научит вас еще лучше входить в силу этого великого праздника Христова.

Св. Симеон приветствовал сретенного и принятого им на руки Богомладенца, как *свет во откровение языков и славу людей Божиих Израиля*, – «свет к просвещению язычников и славу народа Божия – Израиля». Вы знаете, что есть и в христианском Мира (случается даже и между православными) одно такое духовно-нравственное направление, по которому стоят и ревнуют собственно только за букву Божия закона и православия, как некогда иудеи, а другое такое, по которому для мысли в разных областях знания, и для жизни в общественных, домашних и личных делах, христиане имеют живым действующим началом не Христа, а вне Его взятые идеи и правила, или даже иногда просто страсти необузданные.

Первое направление справедливо можно назвать духовно-иудейским, а другое духовно-языческим; потому что сила и дух, как иудейства, так и язычества точно таковы, какова сила означенных направлений. Нет нужды говорить, как худо и губительно то и другое направление, из которых по одному иудеи распяли Христа, а по другому язычники отпали от Бога и гнали Его Церковь. Хотите ли не только себя обезопасить, но и других предостерегать от подобных направлений и незримо подрывать

эти направления в ком бы ни было? У веры вашей, если только захотите иметь такую веру, есть на это верные способы. Господь Иисус, как «свет к просвещению язычников и слава Божия народа» – иудеев, и есть эта непреодолимая и победоносная сила к ниспровержению, как иудейского, так и языческого направления. Но Он уже благодатно облек в самого Себя всякого, приявшего св. таинство крещения, по слову Божию: *елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь* (Гал.3:27). Итак, вашей вере не только нет препятствия, но есть, напротив, и самые сильные побуждения (именно мысль, чтобы не приобидеть благодать Божию своим невниманием) – при всякой, так сказать, встрече с крещенным – мужчиной или дворянином, женщиной или женщиной – духом сретать и Того, в Кого невидимо облечен этот крещенный человек чрез самое св. крещение. *Живет ли Христос* в этом человеке так, что сей последний уже *не тому себе живет* (Гал.2:20), или, напротив, этот несчастный духовным иудейством или язычеством своей мысли и жизни уже дошел до того, что *второе распинает* у себя *Сына Божия* (Евр.6:6); но несомненно то, что на благоговейное внимание и тайный вопль вашей веры благодатно отзовется Сам облекший в Себя этого человека, Христос Сын Божий, *бывший мертвым* за грешных и заблуждающих, *и се, живущий во веки веков* (Откр.1:18). И сретая таким образом Того, Кто, взяв на себя грехи язычества и иудейства нашего, есть свет к просвещению язычников и слава Божия народа – Иудеев, ваша вера и будет воспринимать Божию благодать, подрывающую в крещенных приражающиеся к ним направления как духовно-иудейское, так и духовно-языческое. Но и этого мало и недостаточно для истинной веры во Христа Богочеловека. Он стал человеком за каждого человека, взяв грехи каждого человека так же, как и всего мира; Он своим сиянием, (пожалуй, идеями) истины, блага и красоты – *светит всякому человеку, грядущему в мир* (Ин.1:9). Итак, при встрече и с неверным, с язычником, жидом или магометанином, воззрите духом к Тому, Кто, будучи Бог, облекся в наше человечество именно нас ради человеков – из всех мест и времен, и кто тайно светит духовным отсветом своей истины и

блага и этому неверному или язычнику. Для христианина (не как для язычника Диогена) нет нужды в фонаре, чтобы отыскивать человека днем среди многолюдства. – Восприимите верою Божественного Ходатая человеков, представляющего Отцу небесному в своем человечестве все грешное и гибнущее человечество для помилования, *имиже вестъ судьбами*. Сретая таким образом и приемля духом своим единого истинного Человеколюбца везде, где бы ни увидели вы человека, будете и с своей стороны содействовать к раскрытию света и славы Христовой для просвещения и спасения, как языков, так и Евреев, или Израиля. Ведь вам известно, что у Христовой благодати, кроме совершительных ее способов и проявлений, есть и предварительные или предуготовительные к обращению того или другого человека или народа.

Дополним речь о празднике Сретения Господня словами Богоприимца, которые сказаны им именно Божией Матери, относительно Божественного Ее Сына: *се лежит Сей на падение и на востание многим во Израили и в знамение пререкаемо. И тебе же самой душу пройдет оружие*; и откроется наконец, кто чего держится в своих внутренних помышлениях, – строгого ли к чужим грехам мира, или Христа, вземлющего грехи мира (Лк.2:34,35). Пососкорбите верою сердцу Божией Матери, которой душу пронзал меч при распятии Христовом и, по Ее любви к Божественному Сыну и к нам грешным, не престает пронзать всякой раз, как иудейским или языческим направлением второе распинается у нас Христос, о которого и претыкаются самые Христиане именно чрез то или другое направление¹, соделав Его предметом противоречий по разным исповеданиям и сектам неправославным. Скажете ли, что вы и за себя опасаетесь потерпеть преткновение (истинно слез достойное) о Божественный камень – самого Христа Спасителя? Опасение доброе! Ибо если Божий возлюбленный народ, столько веков соблюдавший у себя завет всемирного спасения, так плачевно преткнулся при явлении самого Спасителя мира, – если потом, первый из вселенских патриархатов также не пощажен был от многовекового преткновения, захотев духовное, живое и всегда действующее

самим Св. Духом, главенство Спасителя превратить для себя, по-иудейски, в одну мертвую букву, чрез чувственное и мирское главенство Папы, – если и с самопожертвованием взявшиеся поправить в себе и других такое гибельное преткновение, западные преобразователи христианства сами потерпели новое преткновение, открыв, по-язычески, самоуправство (в самом деле веры) человеческих воззрений и произвола, вместо управления мысли и воли и сердца единым Христом и, Его-же Духом одушевляемую и Его тело, по Его-же благоволению и благодати, составляющую, – св. Церковь: то как будем мы пощажены от новых, может быть, еще гибельнейших преткновений и падений, если с крайнею духовною опасливостью не будем вверять себя охранению самой благодати Божией? В предосторожность от преткновений надобно глубже входить в дух Сретения Господня Богоприимцем. Так, во всех ваших делах, во всех отношениях ваших к людям – по родству или приязни, по оффиции или случайностям, в вашей мысли, в движениях вашей воли и сердца воспринимайте и держите, как своего единственного на все начала, самого Христа, вере всегда доступного в Св. Духе: и вы будете отражать от себя духовно-языческое многоначальное или многобожное направление. Но смотрите, – воспринимайте верою и держите духовно Христа – в истинном Его духе, – в духе той Его любви, в том Его святом расположении и *мудрствовании*, что Он Всевышний *смирил* себе, снизойдя ради нас земнородных с пренебесной своей высоты в наш земной порядок вещей, восприял Себе полное человеческое естество ради всего человечества, и притом – как будто Сам виноватый во всех человеческих грехах и заблуждениях, благоволил претерпеть страдания до неисследимой степени ощущения оставления Его самим Единосущным Его Отцом, и наконец позорную крестную казнь: и вы будете предостерегать себя от приражения духовно-иудейского направления. Да, вы будете держать Христову истину не в букве, а в самой ее силе, если будете стремиться к тому, чтобы все земное было возглавлено во Христе, чтобы не судить и отвергать, а спасать человеческое, – и особенно если в

злостраданиях, хотя бы от тех самых, за кого вы духовно подвизались, вы будете вопиять сердцем не об отмщении им, как в Ветхом Завете кровь Авелева, а о помиловании их же, как *кровь Ходатая Завета нового, лучше глаголящая, нежели Авелева (Евр.12:24).*

При этом возьмите и ту предосторожность, чтобы в таких, внушаемых вам расположениях не требовать ни от себя, ни тем паче от других сейчас же и зрелости духовной. Сам Христос для нас был сначала младенцем, каким Его, принесенного на руках Богоматери, и восприял Симеон Богоприимец. Итак, умейте духовно воспринять и держать – и в себе и других, к вам близких, – сначала именно младенчеству Христу, или, сказать то же иначе, старайтесь блюсти и поддерживать и младенчествующие во Христе и Его духе расположения и мысли. Только на всякий случай помните, что и в малом чем-либо намеренно и произвольно допустить фальшивое соглашение и примирение направлений духовно-иудейского или духовно-языческого с настроением по Христу, значило бы уже убивать в себе дух Христов. Впрочем, сдерживайте любовью и самую ревность против этих двух нехороших направлений, чтобы или мудрствовать и жить не по Христову началу, или из самого этого животворного начала делать для себя и для других одну мертвую букву, одну рабскую форму. Знаете сами, что Илии, снедаемому ревностью *по Господе Боже Вседержителе, яко оставиша Его сынове Израилеви* и избили пророков Его, было такое слово Господне: *се мимо пойдет Господь, и дух велик и крепок, разоряя горы, и сокрушая камене в горе пред Господем, но не в душе Господь: и по душе трус, и не в трусе Господь: и по трусе огонь: и не во огни Господь: и по огни глас хлада тонка, и тамо Господь (3Цар.19:11,12).* Можно и нужно иногда усмирять и Христово духовно-свободное дитя веры – в себе ли, в другом ли, от вас зависящем, но только с осторожностью, как бы не приобидеть Духа Господня, Духа сыновней свободы, а не рабского страха.

Перейдемте теперь, следуя св. иконе,
6. К празднику *Богоявления*.

Позвольте сказать здесь нечто в роде предисловия к раскрытию значения этого великого праздника.

Случалось мне не раз говорить с вами об усилившемся у нас, и именно между ревнующими по благочестию, духе строгой ревности против влияния западных неправославных идей, против стремления к земным или житейским удобствам и улучшениям, и проч. Это, очевидно, благонамеренное направление. Лучшее, что можно сказать в похвалу этого строгого направления, состоит в том, что оно сродно духу св. Крестителя Господня Иоанна. Но не надобно забывать, что св. Иоанн Предтеча приготовлял и вел души верующих собственно ко Христу – Агнцу Божию и к общению в Христовом духе; потому сам этот величайший праведник не может быть доволен коснением наших душ в его предуготовительном, хотя и строго-покаянном, направлении. Это во-первых! – Во-вторых, сам Господь, на вопрос некоторых: *почто ученицы Иоанновы и фарисейстии постятся, а твои ученицы не постятся*, – отвечал так, что не только фарисейское направление поста отринул, но не принял в образец для своих учеников и самого последования Иоаннову духу. Он сказал о своих учениках: *приидут дние, егда отъимется от них жених, и тогда постятся в тья дни* (Мк.2:18–20). Над Апостолами это исполнилось во время страданий и распятия Божественного Жениха их душ, когда им, точно, как любящей невесте при смерти жениха, было поистине совсем не до вкушения пищи. Та же сила поста совершится и в нас, если и наши души будут свой пост настраивать и сопровождать именно сетованием любви к небесному своему жениху Христу, – сетованием о том, что не успеваем еще войти в живительный Его дух, что мы еще отчуждены от Его человеколюбивого расположения и настроения, и что, следовательно, наши души еще внутренне чужды своему возлюбленному жениху – сладчайшему Иисусу. – Итак Господь внушает своим последователям направление правды, прямо отличное от Иоаннова строго-ревнивого духа.

Смотрите же теперь на изображение крещения Господня на св. иконе. Видите, св. Предтеча достиг или сподобился такого Богоявления, что не только видел Бога Слова во плоти, им

крещаемого, но вместе слышал глас и Бога Отца, и видел очевидно Св. Духа. Преклоняюсь пред столь высокою правдою проповедника покаяния, но не иначе, как сокрушаясь о том, что я не даю успокоиться у меня Христу духом любви Его к грешному Миру, как Агнца вземлющего грехи Мира... Да, я, при всем благоговении к правде и величию Крестителя Господня, желаю себе и вам и всякой душе христианской воспринять к себе самого Христа Сына Божия, омывающего на Себе ваши нечистоты в Иордане, как бы он были собственные Его всесвятого, – воспринять Его именно в этом духе Его человеколюбия: тогда душа в себе самой ощутит голубиное осенение Св. Духа и получит внутри себя свидетельство Отца небесного о своем усыновлении ему во Христе. В такой именно силе *праздник Богоявления* вожделенен для меня! Ибо все мое спасение состоит в том, чтобы верою в Духе Святом, входить, сколько Бог даст, в дух и силу всех действий и состояний Христовых, ради меня бывших, – сказать то же иначе, чтобы приять Христа во всех Его состояниях, следовательно, и в состоянии Его крещения, когда Он всеправедный наряду с грешными преклонил выю под руку крестящего крещением покаяния, как истинно вземлющий ваши грехи – Агнец Божий. Повторяю, смотрите: на одном зрелище крещения видны как Иоанн, свидетель и созерцатель Богоявления, так и преклоняющийся пред ним, в расположении повинного за чужие грехи, сам Господь, на Которого нисходит Св. Дух при гласе Бога Отца: *сей есть Сын Мой возлюбленный*. Сообразуйтесь, с кем хотите, или с Иоанном или с самим Господом. Но, сообразуясь с Иоанном (впрочем, не в угоду и ему, ведущему души ко Христу), вы не поднимете и не оживите своею строгою ревностью противу всего нехристианского – ни в ком и ни в чем истинного христианства; потому что Иоанн *не бе свет* животворный, по только свидетельствовал о Свете, (Ин.1:18). Сообразуясь же со Христом, усвая своей душе Его расположение и мудрствование в силе Св. Духа, христиане восстановят в себе все православно-христианское во всей силе: ибо Христос есть Сама жизнь и свет животворящий (Ин.1:4).

Знаете, что Христос по крещении веден был Духом Святым в пустыню, и здесь имел сорокадневный пост, и победоносно выдержал борьбу с сатаной. Усвойте себе Христа и возрастайте в Нем: будет время, когда усвоите и Христов пост, и Христову победу над дьяволом. И христианство вообще, и монашество в особенности процветут по-прежнему.

Так мы дошли и до праздника:

7. Преображения *Господня*. Ибо с раскрытием для нашей мысли и чувства всей жизненности и светоносности православного христианства, Христос в своем христианстве и явится духовно в такой славе, и свете, как это было в Его *Преображении на Фаворе*. Все законы и учреждения церковные, доведенные (не сами по себе, а только в нас, и то не во всех), формализмом нашим до мертвой ветхозаветности, оживятся и раскроются во всей благодатной силе и славе; все в слове Божиим, претящее и угрожающее нам ныне за наши неверности Христову духу, будет свидетельствовать только о преизбыточествующей над нами милости и благодати Христовой. Так законодатель Моисей и ревнивый по Боге, Израилев пророк Илия – явились соучастниками славы и света Преображения Христова! И, конечно, тем ощутительнее для нашего духа будет осеняющее православную Церковь благоволение Отчее во Св. Духе, чем более войдем в животворный свет человеколюбивого мудрствования и расположения Христа, в котором почивает все благоволение Отца. *Добро нам zde быти* на веки, так будут отзываться об оживленном своем состоянии наши души с Апостолами – свидетелями Христова Преображения. О, когда бы нам дожить до этого славного *Преображения Христова* в нас самих, в нашем христианстве.

Но это еще слишком общая мысль о великом празднике Преображения Господня. Надобно попристальнее взглядеться в светоносную силу этого праздника.

Евангелие так говорит о Преображении Христовом: *и просветися лице Его, яко солнце: ризы же Его быша белы, яко свет* (Мф.17:2). Видите, что Божественная, несозданная слава просияла в самом теле Христовом и даже в чувственной Его

одежде. Что значит такое чудное прославление самого тела Христова и всего, относящегося ко Христу чувственного?! Вот есть у нас православных в действии еще такое направление, что живительным духом, духовным признают не то, что в нас по Христу Господу (вопреки прямому слову Божию: *бысть первый, человек Адам в душу живу, последний Адам в дух животворящ* (1Кор.15:45), но нечто, принадлежащее самой природе человека, составляющее отдельную от души и тела часть. Поэтому все, относящееся к телу и даже к второстепенным (так сказать) силам души – воображению, внешнему чувству и даже низшему идеальности рассудку, со всеми их проявлениями и плодами их действий в мире, признают областью почти отверженною, по крайней мере, ни к чему горнему, имеющему раскрыться собственно в будущей жизни, совершенно не пригодною и не нужною². Не то видим в славе Преображения Господня: сила и свет будущей вечной жизни открыто просияли и в теле Спасителя, и не только в теле, но и в самой Его одежде. И это все для нас, как именно св. Григорий Солунский (Палама) отстоял против мертвого формализма латинистов истину живого нашего общения в Божественном свете Преображения Христова. Итак, если не хотите отчуждаться от силы такого великого праздника, то все, относящееся не только прямо к благочестию и правде, но и к удовлетворению, стремящейся прямо к усвоению разнообразных человеческих наук или искусств и изделий, любознательности и нужды, – все относящееся к земным потребностям и интересам даже до нужной собственно для тела пищи и одежды, разумевайте, исполняйте и употребляйте именно по Христу Спасителю, точно взимая все это своею мыслью и сердцем из сокровищ Отца нашего небесного, в Сыне Его нам открытых, и ради Его вочеловечения удободоступных в этом самом своем значении – и для нас грешных и недостойных... С таким воззрением и началом веры, какой светлый, благодатно-небесный, духовно-соучастный свету Преображения Христова – мир открывается во всем нашем дольном! Поистине, это было бы ярким духовым отсветом *нового Иерусалима, сходящего от Бога с небесе на новую землю* (Откр.21:2). Вся слава этого горнего Иерусалима

торжественно раскроется не иначе, как в будущей жизни; но для того, чтобы она могла раскрыться для нас в вечности, необходимо нам эту самую силу нового Иерусалима, чтобы с небесе простереться ему и на земное, – благодатно усвоить верою и проявить в делах (и следовательно, в действительности) еще в настоящей жизни. И тогда все стороны нашего человеческого существа до костей телесных, кажется, возопияли бы с Апостолами: *добро нам zde быти*. Или мы напрасно молимся Отцу небесному словами Христовыми: *да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли*.

Евангелие говорит еще, что явившиеся в славе к преображавшемуся Господу Моисей и Илия «беседовали с Ним» именно «о исходе Его, который Ему надлежало совершить во Иерусалиме» (Лк.9:30,31). И так вот какая мысль исполняла Христа в Его преображении, – мысль об *исходе* Его страданий и крестной смерти, какие Он имел претерпеть за грехи Мира в Иерусалиме, мысль опять Агнца Божия, что точно как бы Он виноват и действительно имел вполне ответить своею смертью за все наши грехи и заблуждения, за все виды человеческого извращения и злоупотребления собственными сил и предметов, внешней природы, допускаемые нами во вред себе и ближних. *Сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе* (Флп.2:5); эта мысль и расположение Агнца Божия, по благодати Его, да одушевляет и вас, если в самом деле желаем соучаствовать и содействовать тому, чтобы все и долнее-земное у нас было разумеваемо и исполняемо или употребляемо именно по Христу, чтобы таким образом усвоить нам себе благодать Его преображения по самому Его телу и даже одеждам. Иначе, как же потребится и рассеется тьма и мгла мирских заблуждений и злоупотреблений, особенно в отношении к земным нашим потребностям и интересам? А между тем в этом настроении и проявлении Христовой любви, чтобы выносить и взыскивать на себе и чужие вины, и тем открывать место свету Господню и в дольних житейских областях, – как Илиина ревность по Господе должна найти полное свое удовлетворение, так и Моисеево образное предначертание Христовой благодати в предметах дольного мира – найдет полное свое раскрытие для верующих.

Вот вам сила и значение явления Моисея и Илии во славе Преображения Господня!

Впрочем, Господь говорит: *Аз не от человека свидетельства приемлю... Аз имам свидетельство* высшее (Ин.5:34,36). Сам Отец небесный прямо и открыто засвидетельствовал всю полноту Своего благоволения к своему Сыну, вземлющему грехи мира, и к этому Агнчому духу и силе Его учения и завета. *И глас бысть из облака глаголя: сей есть Сын Мой возлюбленный: Того послушайте* (Лк.9:35).

8. Вот мы дошли с вами и до праздника торжественного *Входа Христова в Иерусалим*. Сила и значение того, что Господь, исполненный благодати и истины, явился открыто, как Царь в видимом столичном городе известного Божия народа, духовно раскроются для вас, очевидно, не иначе, как разве все области нашей жизни, народность и гражданственность царства православного, не только в своих прямо нравственных сторонах, но и в отношении к внешним своим выражениям и принадлежностям, будут для вашей веры освещаться единою Христовою истиною и благодатью. И только бы благоволил Господь именно *так* раскрыть пред миром христианским внутренний свет своей благодати и истины: все были бы рады этому *торжественному входу в Иерусалим* Царя кроткого, Царя истины и благодати, которого нужно только принимать с детскою верою. Я видал и слышал разные опыты и примеры того, что детские сердца уже призывают Его своими гласами: *осанна в вышних! Благословен грядый во имя Господне*. Все всюду томятся по Нем, – ждут и жаждут живой, всеисцеляющей и всеобновляющей воды Его. Да! И жребя, на которое *никтоже николиже от человек вседе*, то есть, весь круг того, что вольно движется у нас пока по началам мирским, – и подъяремная *ослица*, или круг всего, изнемогающего под разными формально законными, но безжизненными воззрениями на истину и правду, пойдут дружно по общему пути разумения и принятия живого духа Христова, к просвещению и спасению мира, к раскрытию света православия на Западе, к обновлению и освобождению Востока. С детьми иерусалимскими призывайте к нам Царя благодати в том Его духе и настроении, чтобы, и имея правду,

не себя оправдывать, а других грешных, чтобы властвовать над всеми самою истинною, и притом проявляемою в истощании за всех, не как у папы или западных философов, чтобы небесная духовность Его царства простиралась и на земное, как она проявилась во внешне-царственном входе Его в земной Иерусалим. Зовите детей к Его Сретению. *И дух и невеста глаголют: прииди. И слышай да глаголет: прииди. И жаждай да приидет, и хотяй да примет воду животную туне (даром). Глаголет свидетельствуя ей: ей, гряди скоро: Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе (Откр.22:17,20).* Дай Бог нам всем дожить до приложения к нам этих слов Откровения: *и слышах яко глас народа много, и яко глас громов крепких, глаголющих: аллилуиа: яко воцарися Господь Бог Вседержитель... Прииде брак Агнчий, и Жена Его уготовила есть себе... Блажени звании на вечерю брака Агнца (Откр.19:6,9).* Брак вечера Агнчей торжественно откроется в будущей жизни; но сила одного, состоящая в живом общении нашей веры в любви Агнца Божия к грешным, должна быть усвоена нами ныне.

9. По порядку в иконе следует теперь остановиться нам на празднике *Вознесения Господня*. И как это кстати – после того, что выше было говорено! Принимая духом своим во всех делах, во всех отношениях к людям самого Христа – правду нашу, Агнца Божия, вземлющего грехи всех людей, и созерцая духовный свет и царственную славу Его, исполняющую и самое земное, мы в то же время должны твердо содержать в своей вере ту истину, что *Христос на небесах*. Так по Божеству везде сый и вся исполняяй, Христос своим человечеством, за нас восприятим, вознесся на небеса – в пренебесное царство славы, и здесь недомыслимо для нас сидит одесную Отца. Твердо держите это умом и сердцем своим; и тогда, созерцая верою и приемля во всех делах и отношениях Христа, вы чрез это столько же будете возвышаться над мечтательными и ложными представлениями царства Христова, сколько не будете полагать ни в ком и ни в чем земном сокровища своего ума и сердца; напротив, все сокровище вашей души, весь *живот* ваш будет *сокровен со Христом в Бозе*, и таким образом

жительство ваше продолжаясь на земле, будет истинно *небесное* (Кол.3:3. Флп.3:20).

«Христос на небесах», держите это в памяти ума и сердца и тогда, как приемлет Христа даже в освященных лицах; ибо благодать священства в архиереях и священниках, действительно, есть не что иное, как духоносное облачение вечно живого первосвященника, прошедшего небеса, *да явится лицу Божию о нас* (Евр.9:24). Так настраивая свой дух в вере, вы будете свободно досягать своим умом и сердцем Христа – в лице всякого священника; ибо ваша вера устремлена собственно не к человеку земному, но к вознесшемуся превыше всего земного – Богочеловеку, *Архиерею преподобному, незлобивому, бесскверному, отлученному от грешник, высшему* самых небес, в благодать которого Св. Духом облечен земной человек, обыкновенно немощной и грешный. С такими воззрениями веры, вы будете безопасны от приражений к вам того (русского раскольничьего и западного протестантского) направления, по которому, осуждая и отвергая законно-рукоположенных священников за их немощи, отвергают самого Христа, в коего благодатно облечены немощные священники: «мой Христос, во имя которого приемлю законное священство, – скажете вы против этого направления – есть на небесах, одесную Отца, и следовательно, превыше человеческих земных немощей и грехов. Будете свободны вместе и от приражений (собственно Римско-католического, западного) направления, по которому, вместо того, чтобы в сане и служении священства сердечно признавать и воспринимать во Св. Духе самого Христа Сына Божия и в Нем – иметь сыновний доступ к небесному Отцу, и таким образом самой силе возглавляться под единственное небесное главенство самого Христа и быть истинными Его членами, имущими и на земле жительство небесное, – вместо этого, самое главенство и священство Христово представляют каким-то мирским правом и званием, сосредоточивая оное в простом человеке: «мой Христос, глава моей веры, – скажете вы со святою православною Церковью против такого направления, – есть на небесах; Его, единого пренебесного Иерея во век, приводящего в Себе всех к своему

Отцу, действием своего Духа, ищу и принимаю в лице и служении всех законно рукоположенных архиереев и священников и диаконов; и таким образом для меня православное священство есть звание, хотя в Мира сем сущее, но не сущее от мира сего, да и меня возвышающее над миром сим к небесному жительству, к жизни сокровенной со Христом в Бозе».

«Христос на небесах!» – держите вы в уме и сердце, когда идете к кому бы ни было из духовных и святых людей. Ибо, не останавливаясь на чувственной личности какого бы ни было сосуда Христова, но восходя мыслью и сердцем к самому небесному Христу – Богу Слово и в Нем ко Отцу, исполняющему избранный сосуд своею небесною благодатью, вы потому и будете свободно пить из сего сосуда Христова живую небесную воду. С другой стороны, держась внутренне во Св. Духе Христа – Бога Слова, для нас *во плоти* приходившего на землю и *плотию* вознесшегося превыше небес, вы чрез это будете тонко дознавать и с силою отражать духов лестчих, обманывающих каким либо призраком или личиною чего-либо духовного: ибо *о сем дознавайте Духа Божия и духа лестча: всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть. И всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша* (признавая какую-то духовность не по Христу, восприявшему и вашу плоть *(от Бога несть, и сей есть антихристов* (1Ин.4:2,3). *Аще убо рекут вам: се во пустыни есть: не изыдите: се в сокровищах: не имите веры* (Мф.24:26).

«Христос на небесах – говорите в себе и тогда, как видите или увидите когда-нибудь, при случае светлого раскрытия для вас истины и благодати Христовой, как бы самый торжественный вход Христов во Иерусалим, и душа ваша готова детски восклицать: *осанна сыну Давидову! осанна в вышних! Благословен грядый во имя Господне!* Ибо, чрез такое воззрение вашей веры прямо ко Христу небесному, вы в деле истины и спасения всегда будете держаться самого Христа, превысшего всех земных переворотов, всякой изменчивости и непостоянства, от которых не свободны и лучшие люди на

земле. Человек, говорящий и раскрывающий вам истину Христову, может преткнуться и пасть; но чрез это вы, взирая верою, собственно, ко Христу небесному, ничего не потеряете из истины Христовой, слышанной от этого человека. Почему? – потому что веруете духом своим Христу небесному, а не человеку земному, которого и самого вы поддержите во Христе – чрез такое направление веры вашей.

«Христос на небесах!» но подумайте, что Он вознесся на небеса именно своим человечеством, восприятым ради вас, ради меня, ради всех нас человеков. Подумайте и почувствуйте, что Христос – Бог Слово, чрез вознесение, возвел это свое человечество, представляющее и духовно, так сказать, сосредоточивающее в себе *всех нас*, возвел в открытое наслаждение всею полнотою Отчей любви, почивающей существенно и вечно в Его Божестве. Сказать то же словами Апостола: *Бог, богат сый в милости, за премногую любовь свою, еюже возлюбил нас, и сущих нас мертвых прегрешеньми, соживил Христом и с Ним воскресил и спосади на небесных во Христе Иисусе (Еф.11:5,6)*. Итак видите: Христос вознесся на небеса не для того, чтобы от нас удалиться и нам нельзя было бы досягать Его, но напротив прямо для того, чтобы мы, живя и во плоти на земле, имели живот свой сокровенным на небесах – *со Христом в Бозе Отце*, и чтобы, потому, нашей вере удобно и просто было во всех делах, во всех взаимных отношениях – досягать и воспринимать Его, как уже объемлющего своим Богочеловечеством всех и каждого из нас, с раскрытием для нас всех сокровищ любви Отчей во Св. Духе. *Сшедый, Той есть и восшедый превыше всех небес, да исполнит всяческая* своею благодатью, как исполняет всяческая везде присутствием своего Божества (Еф.6:10). И действительно, как скоро Христос чрез вознесение вошел своим человечеством, за всех нас восприятым, в открытую любовь и славу Отца: то, вслед за сим, *любовь Божия и излилась Св. Духом* на Апостолов для всей вселенской Церкви, – излилась любовь такая, что сам Христос вселяется Св. Духом в приемлющее Его сердце и душу. Такова тайна и сила Христова вознесения на небеса.

10. Теперь нам удобно раскрыть силу и праздника пресвятой Троицы, далее изображенного на иконе.

Размышляли ли вы когда о том, почему в день Пятидесятницы, когда сошел на Апостолов Дух Святый, мы празднуем пресвятой Троице, а самую пресвятую Троицу созерцаем и чествуем в образе того Богоявления ветхозаветного, когда Бог явился Аврааму в виде трех странников у дуба Мамврийского? Что за связь между Богоявлением Мамврийским Аврааму и сошествием Св. Духа на Апостолов, и таинством пресвятой Троицы? – Связь между всем этим самая внутренняя. Аврааму явился Бог в образе трех мужей-странников: *явился ему Бог у дуба Мамврийска*, сказано в Бытописании. Как же явился? *Се трие мужи стояху над ним*. И отец верующих принял к себе трех, как единого Господа. *Господи*, так он говорил троим, как одному Господу, – *Господи, аще убо обретох благодать пред Тобою, не мини, раба своего* (Быт.18:3). Видите, что в сем Богоявлении открылось таинство триединого Господа или пресвятой Троицы, – открылось впрочем не в той недомыслимой для созданий силе своей, как пресвятая Троица пребывает в своем вечном существе, но в том отношении, как триединый Господь приходит к верующему и вселяется у него благодатью. *Господи, аще убо обретох благодать пред Тобою, не мини раба своего*. Таинство пресвятой Троицы, благодатно присещающей верующего, само по себе есть высочайше духовное, но оно открылось для отца верующих – Авраама чувственно образно; это потому, что ветхозаветная вера поучалась духовным тайнам более или менее чрез образы, чрез чувственные явления и видимые предметы. Но в новозаветной благодати Св. Духа, сошедшего на Апостолов, то же самое таинство пресвятой Троицы, вселяющейся в сени верных и преданных Христу душ, открылось для всех времен уже прямо в своем духе и истине, просиявающих впрочем непременно и во внешнюю жизнь. Это очевидно из слов самого Господа: *аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте, и Аз умолю Отца, и инаго Утешителя даст вам, да будет с вами в век, Дух истины... Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к Нему*

*приидем, и обитель у Него сотворим (Ин.14:17,23). Такое благодатное вселение пресвятой Троицы и открылось в Апостолах с сошествием на них Св. Духа. Теперь для вас должно быть понятно, почему в день *Пятидесятницы*, в день раскрытия благодати Св. Духа, празднуется пресвятой Троице, а Троица созерцается в образе Мамврийского Богоявления Аврааму. Понятна должна быть и сила *праздника пресвятой Троицы*: когда, по вашей любви и верности ко Христу, пресвятая Троица духовно к вам приидет и обитель у вас сотворит, подобно как удостоился сего образно и единожды Авраам; то вас поистине можно приветствовать с *праздником пресвятой Троицы*.*

Казалось бы, что и всегда в этой силе должен быть у нас *праздник пресвятой Троицы*, потому что мы и крещены (конечно, в самом духе и силе) во имя пресвятой Троицы, и тогда же получили благодать Св. Духа. Но, увы, наша новозаветная вера, в отношении к благодатному опытному дознанию таинства пресвятой Троицы, отстала даже и от ветхозаветной веры. Так помертвело в большей части из нас наше христианство! Зато, как оно оживет и процветет в нас, когда *во Св. Духе* будем принимать к себе *Христа – Бога Слова*, с Его премудростью и любовью, и купно с Ним и в Нем – *Бога Отца*, когда таким образом и в нас благодатно откроется таинство животворящей Троицы! Тогда-то мы окажемся на деле, как истинные дети Авраама – отца верующих и Сарры – матери верующих, которым видимо открылось таинство пресвятой Троицы, – именно в образ для нас христиан.

Но и тогда, если бы благодатная церковная жизнь в большей части христиан не действовала, или мало действовала, православная Христова Церковь тем не менее остается и есть – вся жизнь и источник благодатной жизни. Она только почивает, и притом почивает, как царица, превысшая над миром сим, имеющая над собою всегда живого Главу – Господа, окруженная Апостолами, или пребывая в своем духе *Церковью Апостольскою*. Образ и силу всего этого вы видите в *Успении Богоматери*, которая, как Мать Господа, в нас благодатно вселяющегося, как объемлющая материнскою любовью всех

чад Церкви, есть живая представительница матери нашей – святой Церкви. Еще в ветхом завете Богоматерь и Церковь были созерцаемы в одном образе, например, в самом первоевангелии о семени жены, в 44 псалме и др. Итак, горе тому, кто, из-за нашей мертвости, дерзнул бы порочить святую и животворность св. Церкви: это – новый жид Афоний, устремляющийся к ниспровержению одра с почивающею на нем благодатною Царицею. Богоматерь оскорбление Церкви и ее служителей принимает к собственному лицу, пред которым благоговеют и Ангелы.

Но приникнем к самому основанию силы праздника Успения Божией Матери. У Святых Божиих, для которых *еже жити Христос и разрешитися* значит еще открытие *со Христом быти* (Флп.1:21,23), смерть есть не что иное, как окончательное и решительное сообразование и сообщение с смертью Христовою, приводящею в славу Его воскресения; такое сообщение бывает, разумеется, сообразно с благодатным служением и совершенством каждого. О Богоматери же в церковных песнях и прямо выражено, что Она восприяла смерть именно *подобаясь Сыну своему и Богу*, благоволившему подвергнуться смерти. – Но дух и сила Христовой смерти и есть именно любовь Его к грешному миру, как Агнца, вземлющего грехи мира и за них, закланного. Итак, в эту самую силу Христовой смерти пресвятая Богородица окончательно и вошла в своем Успении, – вошла именно как Матерь Его – Бога Слова во плоти, единосущного Сына и сияния Отчего, зиждительного основания всего мира, света и жизни всех духовных тварей, внутренне вселяющегося в верующих и преданных душах, просвещающего и всякого человека грядущего в мир отблеском своего же света в их духовной природе. Следовательно, неизследимая любовь Отца небесного, явленная миру в Его Единородном, особенно – чрез Его воплощение, открыла в пресвятой Деве Богородице, с Ее успением, беспримерно совершенный сосуд для своей светоносной и животворной полноты и глубины, преизливающейся светом и жизнью Христовою и на самые бесплотные чины небесной иерархии. В особенности все

благодатно-Христово в верующих, – все, принадлежащее и предваряющей Христовой благодати относительно каждого человека, имеет в Богородице такое матернее охранение и поруку, что Она, по превыше-Херувимскому общению своему в любви Агнчей к грешному человечеству, готова была бы Собою отвечать за действующее в Церкви спасение всего человеческого – от души до плоти. Все это совершительно раскрылось в Ней чрез Ее возможно-полное соучастие в смерти Господней, совершившееся в Ее успении. Такая сила успения Ее засвидетельствована самым чрезвычайным образом: к успению Ее явились, с одной стороны, носимые на облаках вожди верных – св. Апостолы, а с другой – сам Господь, окруженный бесплотным воинством небесных сил, который и восприял Ее душу в полнейшее общение своей Божественной любви. – В этой именно силе по мере веры нашей и надобно нам праздновать Успение Богоматери, чтобы усвоить себе и удерживать за собою Богоматернее заступление, охраняющее все церковное ко спасению человека.

11. Но и веруя в незыблемость и неприкосновенную святость всего церковного, страшно подумать о той непреложной истине, что вообще все, что делается не по Христову началу и с целью не во Христе, – все это уже решительно выходит из-под благоволения Отца небесного, которое всею своею полнотою почивает во Христе – Боге Слове Единородном, и только в Нем простирается на создания. Все, что *несть от Отца* во Христе, относится по своему духу уже к области князя мира сего, к области лжи и греха (1Ин.2:16). Подумайте же, что изобретения и плоды европейской цивилизации, перешедшие к нам с Запада, измышлены там человеческим разумом в собственную его славу, для целей Мира сего, а не в славу Христову и человеческое спасение. Подумайте, что большая часть наук и искусств западно-образованного Мира, перенесенных и к нам, основаны также не во Христе.

Следовательно, все это находится вне благоволения Отца небесного; а *всяк сад, егоже не насади Отец, искоренится...* Подумайте же, говорю, в какой страшной опасности находится

почти весь новейший мирской порядок вещей. И ужели нам нет с ним спасения? – Есть спасение всем и всему от всякого губительного мирского зла – спасение в *кресте Христовом*.

Мне да не будет хвалиться, говорит Апостол Павел, *только о кресте Господа нашего Иисуса Христа, имже мне мир распялся, и аз миру* (Гал.6:14). «Держась умом и сердцем силы креста Христова, или, что то же, приемля и усваяя в себя распятого на крестя Агнца Божия, взявшего мои грехи и грехи всего Мира, – как бы так говорил Апостол, – я чрез это достигаю как того, что зло мирское для меня теряет свою обольстительную и погибельную силу, так и того, что упраздняется *собственное мое зло* или греховное пристрастие к миру; ибо то и другое взято и упразднено на кресте Христовом, Который, в самой силе такой любви Христовой к миру и ко мне, внутренне усвоен мною. Итак, крестом Христовым истинно – *и мне мир распялся, и аз миру*. Чем же еще мне хвалиться, как не крестом Христовым, которым я столь чудесно торжествую над злом – и в мире, и во мне самом?» Итак, только бы нам для себя открыть или усвоить крест Христов в этой его победоносной над всем миром силе, хотя бы эта его сила была закрыта капищем ложных идей или страстей нечистых: такое *всемирное воздвижение креста Господня* и спасет нас от всегубительства. Это непременно так; только бы воздействовала в духе нашем так мыслящая и действующая вера: «Человек с своею свободною разумностью есть собственность, полная и безусловная собственность Бога Слова Христа по сугубому непреложному праву: во-первых – потому, что Он с своим разумом и создан от Бога Слова, по образу Божию и, значит, в сообразность с Ним же – существенным образом Божиим; во-вторых – потому, что человек с своею свободною разумностью, по своем падении, искуплен и воссоздан также Богом Словом чрез домостроительство Его воплощения и крестных страданий во плоти, чрез ту Его же благодать, что Христос Сам во Св. Духе внутренне воображается и вселяется в человеке – в его сердце, уме, во всех его силах, в самой его плоти. Итак, что ни сделал бы человеческий разум не во Христе, не по Его началу, с целями

чисто-мирскими, во славу собственно свою, – словом – без благодатного внутреннего соображения своего с Богом Словом Христом, – во всем этом человеческий разум прелюбодействовал бы от своего Божественного Жениха, или похищал бы Божие на гибель себе и человечеству. Но мы снова возвращаем и похитителя и похищенное им Христу Богу, как непреложную Его собственность, долженствующую служить к Его- славе. Умом и сердцем признаем и торжественно исповедуем только Христа Бога Слова – началом и целью всего существующего, верховным условием самых возможностей (ибо чего Он не попустит, то и быть не может), началом и целью, владыкою и судиею, и светом человека с его разумом, со всеми его силами и внутренними законами; вне Христа, все для нас (как все и само в себе есть) не более, как ничтожество и уметы. Барометры, пароходы, все перешедшие к нам с Запада плоды цивилизации, изобретения и успехи человеческого разума – все это отселе составляет для нас дары Бога Слова, которые доселе были только тщетно похищаемы у Него человеческим разумом, забывшим, что он и сам есть собственность Его же, и пренебравшим свою небесную славу – быть сообразным и сообщным с Ним же – Богом Словом; отрекаемся во всем этом только от всего того, что не может быть подчинено духу Христову, что выходит из сообразности с ним и, следовательно, упадает до образа, не свойственного человеку, созданному по образу Божию, – до скотоподобия и зверообразности, – отрекаемся однако так, что, по Апостолу, *не отметаем благодати* (Гал.2:21) Агнца Божия, взявшего на Себя вину всего такого греховного. И отселе началом и целью всех наук и искусств, альфой и омегой всего для нас будет (как и по своему существу есть на веки) Един Бог Слово, Христос, вземлющий грехи мира и наши Агнец Божий; и это да будет во спасение наше и самых наших собратий – западного христианства». Видите, как чрез Христа и Его крест, удобно может нашею верою восстановиться сообразность всего нашего со Христом, в котором все благоволение Божие почивает во всех силах Св. Духа. Видите, что все сокровища Египта и Вавилона (кроме только их скверн) можно вере перенести в

землю обетованную, в наследие Единородного и возлюбленного Сына Божия, и следовательно, из-под гнева Божия и угрожающего отвержения – ввести во Христе в отеческое благоволение Божие под животворное осенение благодати Св. Духа. Совершится, Бог даст, у нас это *всемирное воздвижение креста Христова*, и – тогда поистине, по слову Божию (Откр.1:7), восплачутся колена земные, узрев, кого они прободали своими грехами и заблуждениями, – саму всеобъемлющую истину и любовь, жизнь и славу свою. – Ибо у нас на земле еще нет такого сатанинства, чтобы ненавидеть и отвергать истину прямо за то самое, что она истина. Следует нам православным, содержащим Христову истину во всей ее чистоте, так раскрыть для себя и для мира достоинство и силу Христовой истины, чтобы, как день, ясно было, – что поистине нечем нам хвалиться, как только крестом Господа нашего Иисуса Христа: тогда найдутся любители и поклонники чистой истины Христовой или православия – между всеми коленами земными. Подлинно *всемирным* должно быть *воздвижение креста Христова* – в его духе и силе.

Посмотрим теперь на самое спасительное заключение и венец праздников.

Так, дошли мы с вами, наконец, и до средоточного в иконе изображения – *сошествия Христова во ад* для изведения оттуда Адама с первосвященниками, царями и пророками, и Евы с верующими женами, и вообще всех людей, кто только мог и хотел принять такую благодать открывшегося первоначально во аде прославления и Воскресения Христова (1Пет.3:18,19).

Видите на иконе представителей и представительниц ветхозаветного человечества, освобождаемого Господом из области смерти: сам Господь – с знаменiem победы над смертью, а окрест Его Ангелы, один – с чашею, другой – с крестом, иной – с хлебом, изображающим, конечно, новую пасху – хлеб жизни, иной – с орудиями Христовых страданий – копием, тростью и проч. Благодатная сила всего этого может и должна воображаться и действовать и в нас, если хотим, и каждый сам по себе, и вместе друг с другом, более и более освобождаться из темницы духовного омертвления. Рассуждайте,

и увидите, что в силе и духе сошествия Христова во ад сосредоточивается все сказанное выше, так как и самое сошествие Христово во ад изображено в самом средоточии иконы. Рассуждайте же.

Если мы, христиане, новая тварь, причастники нового Адама – Христа, духовно помертвели или более и более мертвеем, делаясь внутренне, в духе своем, чуждыми жизни Христовой: то в этом отношении мы становимся опять ветхим Адамом и, следовательно, находимся на пути к аду, а перешедшие в другую жизнь в сем омертвлении, действительно – в аду. Но мы тем не менее имеем в себе благодатный начаток Христов, полученный нами еще в крещении; и благодатное Христово тело – Церковь неодолима до скончания века; и Христос сам в Себе живет во веки, взяв однажды навсегда грехи мира, следовательно, и омертвление всех и каждого из нас, как Он сам говорит: *бых мертв и се жив есмь во веки веков, аминь: и имам ключи ада и смерти* (Откр.1:18). Итак, будем подвизаться верою – принять и усвоить себе Христа, взявшего на Себя омертвление всех и каждого из нас; – принимать Его так, как бы именно наше омертвление задерживало жизнь и в других, и омертвление других как бы было нашим (ибо, повторю сказанное прежде, во Христе мы члены одного тела, одушевляемого одним началом жизни, значит – и жизнь и омертвление у нас общие, разве кто-нибудь так омертвевает, что уже совсем отпадает от живого состава церковного); – будем, по духу общей веры и взаимной во Христа любви, каждый самого себя считать виновным во всем за себя и за других, и со всеми этими винами будем предавать себя и друг друга Господу, взявшему уже все вины наши на Себя, умершему за всех нас, *мертвых прегрешеньми*, и в своем человечестве возведшему всех нас в любовь своего Отца во Св. животворящем Духе; – будем во Св. Духе усвоять, во всех делах и отношениях наших, Христа и, в Нем простертую на всех нас, любовь Отца – готовую все даровать, все оживить, все простить только бы мы принимали это деятельною верою для себя и для других. – Подвизайтесь в этом своею верою и любовью, – подвизайтесь, сколько бы ветхий человек, в вас и в

других, ни усиливался ослабить и подорвать такую веру. – И по вашей вере (говорю, в лице вашем – и себе и другим) будет раскрываться животворная, светоносная сила Христова в самой бездне омертвения – как в вас, так и около вас в других. – Вот вам и *сошествие Христова во ад*, в духе своем открывающееся по отношению и к нашему ветхому Адаму!

Угодно ли вам живое доказательство на это? Я знаю одного человека, который в таком настроении духа входил в темные глубины мысли, извратившей Христову истину в новейшей философии; и – он был поражен и меня поразили обилием Христова света, открывавшегося здесь верующей мысли. Не знаю, сумею ли с точностью и вместе понятно передать вам его слова. Он говорил мне: «если, по собственным твоим совершенно справедливым словам, задача мудрости и науки есть созерцать и узнавать, что и как любовь Отца небесного, сияющая в Единородном всеми силами Св. Духа, совершила и открыла и не перестает совершать и открывать во всем: то следует, что вполне основательно и истинно что-нибудь знать – значит разуместь это что-нибудь, как осуществление и выражение мысли существенного Отчего Сияния – Бога Слова, – мысли или положительной (в отношении к добру), или только попустительной (в отношении к злу). Но ты знаешь, что, для открытия нам этой благодатной удободоступности к Божию, да «исполняемся Божиею полнотою» (Еф.3:19) и в сердце нашем и в мысли, – сам Бог Слово Единородный восприимчив в единоличное соединение с собою, в единство своего «Я», наше человеческое естество с человеческим сознанием, сердцем и мыслью. Приини же теперь благоговейно к той спасительной для нас (именно по отношению к нашей мысли) тайне, как сам Он в своем Богочеловечестве мыслил и познавал какие бы ни были предметы человеческим разумом, восприимчив от Него в единство своего «Я». Ведь выходит, что Господь своим человеческим разумом, действовавшим всеконечно – основательно и правильно, разумевал собственную свою мысль, – именно мысль, принадлежащую Его всетворческому и вседержительному Божеству, с которым единолично (или в одном «Я») соединено и все Его человечество. – А это значит то

же, что сказать другими (философскими) словами: Христос, как возраставший по человечеству в премудрости (Лк.2:52), мышлением и познанием своим раскрывал в человеческом своем сознании из собственного же Богочеловеческого «Я» весь мир мысленный и познаваемый. Не то, чтобы мысль Его отнимала у внешнего Мира истинную действительность (объективность). Напротив, Он сам своим человечеством подчинялся условиям этой действительности мира и природы и, следовательно, Собою утверждал оную. Но дело в том, что существенность всего мыслимого и познаваемого обоснована в Нем же самом, *носящем всяческая глаголом силы своея* (Евр.1:1). И потому выходило, что, как внутренняя область Его Богочеловеческого самосознания (субъективное Его всеобъемлющее бытие), так и внешняя действительность всего мыслимого и познаваемого, взятая в своем основании и сущности (объективное бытие), – сходились у Него, в Богочеловеческой мысли, в некоторое чудное единство или тождество. Ибо каждая вещь, например семя, закваска, невод и проч., как Его же тварь, составляет раскрытие и осуществление Божественной мысли Его же вседержавного «Я», к которому одному относилось, вместе с Его Божеством, и человечество Его с своею мыслью, понимающею каждую вещь именно в значении выражения и осуществление Божественной мысли. Но глубина таин Богочеловеческой Его мысли, проявляющей в себе и всю святую благодать Его сердца, не исчерпаема. Ведь Господь и по отношению к мысли человеческой так же, как по отношению к другим сторонам человечества, есть Агнец Божий, взяв грехи мира; Он вполне понес на Себе и вину всех заблуждений нашей мысли. Но значение вины греховных заблуждений – страшное, низвергающее свободно-разумную тварь до ничтожества и даже ниже ничтожества. Ибо самые, как говорят, ничтожные вещи, например, ползущий в нечистоте червь или попираемая ногами пылинка, беспрекословно осуществляют и выражают в себе творческую мысль о них Бога Слова, и без Него решительно не могут и существовать; *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть* (Ин.1:3). Теперь наша мысль, хотящая быть, развиваться и действовать не на основании Бога

Слова, очевидно, падает ниже червя, ниже пылинки, до некоторого рода ничтожества. Да и ничтожество не противилось Творцу, воззывавшему твари к бытию из ничтожества; а мысль твари, осмеливающаяся иметь притязание на духовную какую-то самобытность в независимости от начала и основнии всяческих, мятежничает и враждует против державы Вседержителя Бога Слова. И вот такую-то, низвергающую ниже ничтожества вину грехов нашей мысли, как и всяких грехов, сам Бог Слово, вочеловечась, взял и с преизбытком вынес на самом Себе; – вынес, истощаясь за нас не только до бессознательности своего бытия по человечеству в утробе Богоматери, до подчиненности условиям постепенного преспеяния в премудрости (а Сам Премудрость), до человеческого неведения предметов, необозранных и нерассмотренных осязательно³, но до смерти, до сознания непостижимого некоторого оставления Его единосущным Его Отцом за наши грехи, отвращающее благоволение Отца от нашей согрешающей мысли и воли и сердца, – до того, что на кресте был, как олицетворенный *грех и проклятие* (Гал.3:13, 2Кор.5:21) и до такого духовного *ничего*, даже глубже и ниже *ничего* истощался Господь с самосознанием своего вседержавного «Я», как полноты самосущее, как основание мысли всего духовного мира, как основания бытия всемирного. Ведь это то же, что сказать: в Нем, в Его самоистощании за грехи нашей мысли и за все наши грехи неизследимо сходились духовно *бытие* и *небытие*, входя одно в другое в тождестве или единстве Его «Я». – И все это собственно для нас, – *нас ради, человек и нашего ради, спасения*, в этом совершилась тайна упразднения зла и лжи, в собственной их области, и вечного торжества благобытия и истины для всего мира. И как дух и сила такого самоистощания Агнца Божия, вземлющего грехи мира, *седмичными* дарами Св. Духа разносятся *во всю землю* на все времена (Откр.5:6): то, приметно, слышала такой дух и силу домостроительства Богочеловека и самая мысль философов. Но только как дети, смотря на горизонт или на небо, облегающее со всех сторон землю, воображают, что вот недалеко небо и земля действительно сходятся между собою:

так и философская мысль тайну Богочеловека, смутно слышимую, отнесла прямо к человеку и таким образом произвела системы Фихте, Шеллинга, Гегеля о раскрытии всего из «Я», о единстве субъективного и объективного, о тождестве самого бытия и небытия. – Но, с другой стороны, не будь систем этих философов, или не вникай я в их начала с мыслью вземлющем и философские грехи Агнце Божиим: мне и на мысль не пришло бы с благоговением приникнуть к тому, каково для спасения человеческой мысли было мышление и познавание нашего Спасителя Богочеловека во время земной Его жизни. А не вникая в эту тайну Христовой благодати относительно человеческой мысли, я, разумеется, не мог бы и усвоить этой благодати Христовой своему разумению и мысли. «Так спасительная сила сошествия Христова во ад воздействовала в верующей мысли относительно адски-темных заблуждений человеческого разума!

Принимайте, если угодно, и вы участие в этой благодати для себя и для других. Подвизайтесь так верую и за отшедших из сей жизни; Господу, снисходившему во ад, удобно вывести и прямо из ада ту душу, грехи которой вера ваша, как бы собственные ваши грехи, принесла бы Агнцу Божию, вземлющему грехи мира, – принесла бы так, чтобы себе самой усвоить Агнца Божия, как взявшего грехи этой души....

Так, если бы какой-либо, подобный мне, священник – служитель новозаветной истины и благодати, обращал самую Христову истину только в мертвую букву законную, а порядок благодати – в формы, не живительные для сердец, не дающие места сыновней свободе духа, закрывающая живой и всеозаряющий свет Христов для верующих умов: то в сем отношении служение его становилось бы *по своему направлению*, как бы ветхозаветным священством, которое не освобождалось от ада. Но если, не смотря на это, или и видя и понимая это, верующие души, подобный вам, подвизаются созерцать своею верою действующую и *в таком* священстве – благодать *Священника во век по чину Мелхиседекову*, возведшего нас в своем Богочеловечестве к самому (так сказать) сердцу любви Отчей, и изливающего в нас сию любовь

во Св. Духе: то по вашей вере будет раскрываться дух и сила светоносной Христовой истины и животворной благодати – и чрез мое омертвелое священство; и подзаконный сын Аарона из своего омертвления понемногу будет возводиться в чин Мелхиседеков, в светлый и живой сосуд и образ Христа. Вот вам (в дополнение говоренному о том же и выше) живое отображение и действие тайны *сошествия Христова во ад* – для изведения из него подзаконного священства!

Если и политика некоторых христианских царств имеет своим началом и целью не совсем самого Христа, и свитки многих мудрецов исписываются не по духу и началу Христовой истины, и даже самые писания Пророков и Апостолов часто соблюдаются нами только по книжному: то, с этой стороны, христиане также переходят из области благодати и истины Христовой под изветшавший ветхозаветный порядок, из-под которого цари и мудрецы и сами пророки шли до времени в ад. И надобно сказать правду, что в таком духовном омертвлении нынешнего (христианского) мира много повинна также Ева, которая и первоначально ввела смерть в наш Мир. Ибо у нас в России оно зависит наиболее от влияния Запада, а на Западе смертоносное начало утвердилось еще в *средние века*, когда в западном христианстве женщина была идолом, увенчивающим подвиги и за Христов крест и просто за мирскую честь. Дай папству, в самом источнике заградившему и возмущившему живые духовные токи Христовой благодати и истины, поддержка мирских его притязаний дана была особенно женщиною, отдавшею светские владения в наследие пап. Нынешней женщине надобно расплатиться за новую Еву, как за древнюю Еву, виновницу греха и смерти человеческой, уплатила отчасти Мария Магдалина, первая из всех вошедшая в радость животворного для нас воскресения Христова, и как, даже с преизбытком, уплатила долг Евы пресвятая Богородица, дав нам во Христе самую правду и жизнь. Есть самые живые побуждения для христианских дев и жен входить сердцем в скорбь св. Мироносиц и даже соскорбеть пронзенной мечем (по предречению Симеонову) душе Богоматери, во время страданий, смерти и погребения Спасителя. Смотрите, как

снова Христос распинается в христианстве чрез наше отступничество от Его духа, – снова пронзается *копием* наших смертных грехов, – снова напояется желчью злословия и невозддержания нашего, и как бы, мертвый погребается в нашей духовной безжизненности. С миром любви ко Христу, плачь, всякая душа верующая, слезами Марии Магдалины всякой раз, где бы и в ком бы (в родстве ли, или в дружбе, в невежественной ли грубости, или в политике) ни встречался гроб, в котором Христос *погребен*.... Такая душа будет вводима там, где и не чаяла бы, и в радость Христова воскресения, или оживления в умах и сердцах человеческих Христова духа и истины. Более же всего, – когда слышите за литургией слова Христовы: *приимите, ядите: сие есть тело Мое, еже за вы ломимое; пейте от чаши Моей вси: сия есть кровь Моя нового завета*, и особенно когда приобщаетесь этой чаши и хлеба жизни, то, веруя и исповедуя, *яко сие есть истинное тело и истинная кровь* Господня, – молитесь Ему, да приобщит Он ваше сердце самого духа и силы любви своей, взявшей на себя чужие всемирные грехи, как бы они были Его собственные; (ибо по этой своей любви Он и предал за нас тело свое и пролил кровь свою). Да, еще повторю: приобщаясь тела и крови Христовой, вкушайте во Св. Духе самой силы любви Христовой, взявшей на себя чужие, и притом всемирные, вины, – насыщайтесь самым духом и сладостью Христова самопожертвования за чуждые Ему грехи всего человечества, как за собственные. Тогда сладко будет вам споспешествовать спасению других, даже с собственной опасностью; – так сладко, как будто вы сами находились в смертной или адской опасности, и увидели бы Христа снизшедшим к вам в бездну ада. Ибо чужая духовная беда, чужие грехи будут для вас, по общению вашему в духе любви Христовой, поистине, как бы ваши собственные. Где-то я читал, что для спасения одного грешника пресвятая Богородица готова была ступить ногою даже в геенский огонь: такова сила и значение того, если кто, движимый Богоматерним милосердием к погибающему, бросается спасти его с готовностью для этого дойти хотя бы до ада. Заключаю: все в мире христианском может обновиться, и

откроется в нас сила Христова воскресения, если тайна *Христова сошествия во ад* и воскресения будет познаваема духовным опытом веры избранных, при содействии сему св. Ангелов, которые с благоговейною радостью и любовью взирают на воображение в нас таин Христовых?.. *Молил бых ся*, говорит Апостол Павел (Рим.9:3), объятый духом Христовой любви к грешным, духом Христова самопожертвования за погибающих, – *молилбыхся сам аз отлучен быти от Христа* (и, следовательно, дойти до самой глубины ада) *по братии моей, сродницех моих*, чтобы только к ним – в их духовную бездну привлечь Христа. – И в другой раз: *не ищу ваших, но вас. Не должны бо суть чада родителем снискати имения, но родители чадом. Аз же в сладость иждиву и иждивен буду по душам ваших*, «в сладость буду истощать себя самого за души ваши» (2Кор.12:15).

Довольно. Простите меня, ради Бога! И все мое, и добро и худо, что здесь видите, поспешите отнести поскорее ко Христу, – добро, как Его собственность, нам дарованную, а худо, как мою собственность, Им – Агнцем Божиим восприяту на Себя вместе с грехами всего мира.

Видите, колищеми книгами писах вам моею рукою (Гал.6:11). Этими словами Апостола Павла заключаю мое к вам письмо. Благодать Господа с вами!

Вот и все письмо!

В заключительное дополнение к такому, и без того длинному, посланию, укажу на свидетельство опыта, как не трудно было бы прилагать силу всего сказанного здесь к самому делу. Разве трудно при встрече и каких бы ни было сношениях с людьми взирая мыслью и чувством к Богописанному в них (в творении и воссоздании) образу Божию, тайно оживляя чрез это и в себе, и в других сообразность и общение с существенным образом Божиим – Христом. А чрез это те же наши ласковые приветствия друг другу изменяются внутренне на истинные и целомудренные выражения духа человеколюбия Христова. Разве тяжело любви, напр., сына или дочери, вспомнив слово Христово: *отца не зовите себе на земли; един бо есть Отец*

ваш, уже на небесех (Мф.23:8), – не терять из виду в своем родителе-старце данного Отцом небесным отображения Его самого – Ветхого деньми? А между тем чрез это все родство земное, связи братьев и сестер и других родных начинают уже выражать силу и дух небесного родства чад Божиих. Или, толкуя и заботясь о благах, относящихся к временным нуждам, выгодам и самым удовольствиям, разве нельзя прежде всего видеть своею верою в этих же благах даров любви Отца небесного, который именно своим единокровным Сыном – Христом дает нам вся обильно в наслаждение (1Тим.6:17)? А чрез это будет уже оказываться в нас, среди самых хлопот и забот искание прежде всего благ вечного Божия царства. Что мешает остерегаться лицемерного унижения, единственно только в охранение чести нашего высшего звания во Христе Иисусе? С другой стороны, и самые черные работы – что препятствует производить как бы под непосредственным смотрением единого всемирного (да позволено будет сказать во славу Христову) Хозяина, благоволившего для этого самого до тридцати лет жить в доме простого тектона (плотника)? Самые, по видимому, пустые разговоры и бесплодное для духа чтение можно слушать не иначе, как следя внутреннюю мысль за не постыдившимся взять на Себя вину всей нашей пустоты, всех человеческих греховных страстей, Агнцем Божиим, а може аще пойдет (Откр.14:4) на своем крестном пути; и тогда сам Дух Его имеет силу управить нашу мысль к раскрытию для нее, чрез те же разговоры и чтение, истин и рассуждений об истинном благе и усовершеннии человека в многообразных духовных его положениях. – Повторю, что сказано это с живого свидетельства опытов. – Вот близко относящиеся сюда слова того же мудрого святителя, словами которого мы и начали настоящую статью:

«Да разумеваем друг друга в поощрении любви и добрых дел (Евр.10:24). Сим указывается на нашу знаемость друг другу и чрез нее пролагается путь взаимному поощрению к добродетели. В самом деле сколько людей, которых мы знаем, с которыми знакомимся, видимся, проводим время, безотчетно предаваясь развлечению, часто не догадываясь даже спросить себя о пользе наших общений! Для чего бы не сделать сию

знаемость более – рассудительною? Для чего не дать знакомствам более возвышенного направления? *Да понимаем друг друга*, не по образу только видимому, но паче по невидимому в нас образу Божию; не по ласковым приветствиям, но паче по словесам истины и целомудрия; не по родству только земному, но и по небесному родству чад Божиих; не только по связям временных нужд, выгод, удовольствий, но гораздо более по святому союзу в искании благ вечных; не по видам любочестия, но по стремлению к почести высшего звания о Христе Иисусе. Так, понимая друг друга, сколько времени и деятельности, так небрежно иногда расточаемых на праздные беседы, на увеселения, на суеты, могли бы мы сберечь и употребить на употребление, сообразное с достоинством человека и сына Церкви и отечества, на рассуждение о истинном благе каждого и всех, о нашем собственном и взаимном усовершеннии, на чтение назидательное и душеполезное, вместо бесплодного и раздражающего страсти, наконец, на самые дела добрые и других к добру поощряющие!»

«Но это значило бы изменить направление господствующих в обществе обычаев... Кто может сие сделать? – Да, ты и я сделать сего не можем: потому-то мудрость Апостольская и не обращается к тебе или ко мне с повелением поощрять других к добру, но всем совокупно заповедуем: *да понимаем друг друга во поощрении любви и добрых дел*. О, если бы хотя не все, хотя довольно многие, возревновали о сем деятельною ревностью, постоянно сие имели в намерении, не затрудняясь мелочными препятствиями в немаловажном подвиге! – Доброе соединение добрых волей, без сомнения, много возрастит их силу, в обилии привлечет благословение и силу Божию; и тогда добро решительно превозможет; любовь воцарится; благоденствие царства и Царя будет совершенно, царство земное будет предградием града небесного. И да будет! – Аминь». (Окончание слова Высокопреосвящен. Филарета Московского на Царский день, Августа 22-го 1842 года).

2.О современности в отношении к православию

Статья первая

Вопрос о современности в отношении к православию в последнее время пришел, по-видимому, в некоторое живое движение. Появлялись в нашей литературе статьи: «современность и православие». Затем еще начался целый ряд статей: «современные идеи православны ли?» Были по поводу этих статей и журнальные критические замечания. Есть у нас писатели, которые, ратуя под знаменем ревности за православие, постоянно указывают на «современную цивилизацию» или на «современный прогресс».

Говорить ли о том, как важен, как достоин всего нашего внимания этот вопрос о современности в отношении к православию? Довольно сказать, что большая часть преткновений и даже крушений, испытываемых нашею мыслью или только угрожающих ей, соприкосновенна к этим двум важнейшим пунктам – православию и современности. Сам Господь наш сильно упрекал не только законников и учителей иудейских, но и весь народ Божий, за невнимательность к современным нуждам и опасностям по отношению к вере. *Глаголаше же и народом (так сказано о Господе в Евангелии, Лк.12:54–56), егда узрите облак восходящ от запада, абие глаголете: туча грядет: и бывает тако. И егда юг веющ, глаголете: зной будет: и бывает. Лицемери, лице небу и земли весте искушати: време же сего како не искушаете?*

Во время земной жизни, Господь находил нужным с особенною силою обличать многие превратные понятия современников, которые относились к области веры, и которые самими ревнителями ветхозаветного православия были признаваемы правыми. С этой именно стороны и нам в особенности нужно испытывать нашу современность в отношении к православию. Допущенные касательно этого недоразумения и тем более ошибки могут привести к самым плачевным последствиям. Ибо всякое другое преткновение или даже падение мысли и духа, не относящееся прямо к вере или к ее направлению, легко может быть примечено и исправлено при

свете чистой веры; а напротив преткновения и ошибки, какие вкрались бы в направление и мысль самой веры у кого бы то ни было, им самим уже не примечаются, а не примеченные не могут быть и исправляемы. Итак, вопрос о современности в отношении к православию определяется для нас так: идеи и стремления иных наших современников, относящиеся к самому православию и признаваемые ими самими за православные, – все ли и вполне ли, на самом деле, православны, – если иметь в виду истинные нужды и опасности нашего времени по отношению к православию?

Истина Господня пребывает во век, едина и непреложна: но отношение наше к Господней истине, в разные времена, бывает соответственно различным их особенностям и нуждам, и потому оно неизбежно разнообразится, хотя сила дела в этом отношении всегда должна быть одна и та же. Правое, или прямо православное, отношение наше к истине Божией, по силе дела, должно быть непременно таково, чтобы в какое бы ни было время искать и обретать в Божией истине полный, чуждый и тени какой бы ни было односторонности, свет и жизнь: ибо в Господе, который един и есть самое существо истины (Ин.14:6), содержится свет и жизнь для всякого человека, от самого его вступления в сей мир (Ин.1:4). Но, чтобы иметь в истине Господней свет и жизнь, первенствующие христиане должны были проливать кровь свою в гонениях от иудеев и язычников; православные христиане периода вселенских соборов должны были стоять против ересей, возмущавших и колебавших весь Мир христианский; далее, православные Востока должны были, при внешнем напоре на них ислама, устоять против заблуждений и притязаний папства, и так далее. Понятно, что и в наше время, которое, если не более, то, по крайней мере, и не менее других времен отличается резкою особенностью и знаменательностью, – должно верующим стоять так же в особом, свойственном особым нуждам нашего времени, отношении к истине Христовой, чтобы находить в ней полный свет и жизнь для всех потребностей и против всех опасностей нашего времени.

Хорошо было бы проследить весь ряд времен, прожитых уже православием, сличая их с нашим временем: тогда бы мы лучше и яснее всего увидели, что многое, нужное и достаточное для того или другого прежнего времени в отношении к православию, будет для нашего времени уже недостаточно раскрывать (а иногда даже более закрывать) свет и жизнь православия, если мы потеряем из виду особенности нашего времени, или современные потребности и опасности для православия. В настоящий раз мы возьмем во внимание только самые первые времена христианства.

В первые века христианства, среди гонений сначала от иудеев и потом от языческого мира, христианину православному, для соблюдения и раскрытия в себе спасительного света Христова, нужно и вполне достаточно было чистосердечного и твердого исповедания веры во Христа с решительным отвержением иудейства и язычества: потому что это соединено было с подвигом мученичества, которое вводило в самое живое общение в *страстях Христовых*, и потому преизобильно и разнообразно раскрывало в христианах светоносный и животворный дух Христов, – «Что ж, и теперь, скажут сейчас же иные, – разве для спасения не требуется и недостаточно твердого и прямодушного исповедания веры во Христа, с решительным и полным отвращением от всего враждебного Его истине?» Так; но вопрос в том: достаточно ли этого в наше время для такого же чудного и победоносного над всем враждебным раскрытия животворной и светоносной Христовой истины и благодати, какое украсило и прославило православную Церковь в века гонений? Святые мученики и мученицы Христовы, терпя из любви и верности своему Господу ужасные кровавые страдания, чрез это, как уже сказали мы, глубоко и с особенною живостью входили в дух и силу Христовых страданий и смерти, именно – в общение той Господней любви к нам, грешным и гибнущим людям, какую проявил Он в своих страданиях и крестной смерти. И потому – сладость сей божественной любви, ими вкушаемая, выражалась в радостных их славословиях среди самых мучений; – расположения Христовой любви, исполняющие и движущие их

сердца, раскрывались в пламенных молитвах не только за Церковь, за присных по вере, но и за самых гонителей и мучителей; – Божия всемогущая сила любви Господней проявлялась в чрезвычайном могуществе слова некоторых из св. мучеников и мучениц, в знамениях и чудесах, творимых страстотерпцами. Вследствие всего этого, кровь, ими проливаемая в страданиях за Господа, оказывалась самым живым и плодотворным семенем к распространению и возвеличению Церкви Христовой. Сличи же теперь со всем этим свои расположения и дела и их последствия сам ты, которого Бог помиловал и ущедрил твердою и искреннею верою во Христа и Его Церковь, – который еще одушевляешься и ревностью против всего христовраждебного. Сличай, однако, не поверхностно, и не укрываясь от истины ни под какими предлогами, под предлогом напр., сознания своего личного ничтожества и недостойнства пред св. мучениками; ибо, отчуждаясь от истинного духа св. мучеников, который есть собственно Христов дух, христианин отчуждался бы и от самого Христа. Благо тебе, если ты уже и стоишь на том, чтобы во всем следовать и предаваться духу и силе крестных страданий и смерти Христовой, именно – духу Агнца Божия, вземлющего грехи мира, движением и расположением той Его любви к человеку, как будто Он и виноват был пред Отцом за все человеческие заблуждения и грехи! Тогда не далека и от тебя благодать быть мучеником любви Господней к нам грешным; ты на себе (не сам собою, а по общению в благодати Божия Агнца, вземлющего наши грехи) будешь выносить многие духовные бремена своих ближних, их преткновений, недоразумений, ошибок и даже падений. Но только Бог и душа твоя будут знать тайну такого твоего мысленного и нравственного мученичества; по наружности же это, очевидно, будет несколько не похоже на внешность мученического подвига древних страдальцев, по совершенно различному от их времени характеру нашего времени. Но, если ты или я вздумаем опочить на своей твердой и искренней вере в Христа Бога и даже предадимся ревности против всего христовраждебного; а наперед не позаботимся выяснить для себя и принять в начало для своей мысли и

сердца и воли *общение в силе страданий Христа, которым, собственно, и отличались св. мученики*, именно – духа и силы любви Агнца Божия к нам грешным: то очевидно, мы – не подражатели веры св. страстотерпцев. Без участия в духе и настроении Господней любви, по которой Он на кресте *бысть по нас*, грешных и заблуждающих, *клятва* или олицетворенное проклятие, по слову Божию (Гал.3:13), – наша твердая вера, при всей своей ревности, не далека будет от духовного самодовольства, соединяемого более или менее с осуждением других в их недостатках и заблуждениях относительно веры; – наша ревность против всего христовраждебного не далека будет от духа отталкивающей и пугающей нетерпимости, – и, управляемая и одушевляемая такими расположениями, наша деятельность, конечно, совсем не будет плодоносным для христианства семенем, а скорее всего будет иссушать все живое и плодоносное в христианстве. Да! ныне время такое, что иной ратует на словах за Христа, а посмотришь внимательнее – увидишь, что он самоуверенно и с самооправданием ратует много, много за мертвую букву той или другой истины, не желая и знать истинного Христова духа; а ведь это значить иудействовать и в христианстве. Иной думает и говорит, что он в вере тверд, а посмотришь – он служит мерзости своего корыстолюбия или другой страсти, или какой идеи, взятой совсем не от веры; а ведь это идолопоклонство и язычество, хотя и прикрытое личиною христианства.

Св. мученики, своими страданиями или своим на деле общением в страданиях и смерти Иисуса Христа, одержали победу над язычеством: эту самую победу их над язычеством мы и должны наследовать и удержать тем, чтобы все области знания и жизни, где есть идолы каких бы ни было идей не по Христу, всемерно усиливаться озарить светом Христовой истины и благодати, а верный путь к сему один и для нас, как для св. мучеников; именно – общение в Христовых страстях, участие в духе и расположениях той любви Господней к грешным и заблуждающим, по которой Он душу свою положил за них, как будто Он один и был виноват за всех. Св. мученики одержали победу прежде всего над иудейством: для усвоения

себе этой победы, нам всемерно надобно стараться, чтобы отнюдь не допускать до себя мертвого и рабского духа иудейства, состоящего в ревности только по букве Божией истины, взятой вне своей силы и духа. Подобно св. мученикам и исповедникам, будем мужественно и безбоязненно, с ревностью стоять за истину Христову против лжи иудейства и язычества, духовно приражающейся и к христианам; но вместе будем, подобно тем же добропобедным мученикам, одушевляться духом любви Христовой к грешному и погибающему человеку, – будем духовно щадить и миловать человека и в иудее, и в неверном. Бедственное и плачевное дело, если, с ревностью настаивая на ответственность иудея за пролитую им кровь Спасителя нашего, станем своими криками заглушать для себя и для других тихий голос той же Христовой крови, лучше *глаголющей, нежели Авелева* (Евр.12:24), вопиющей не об отмщении, а о помиловании и прощении врагов: *Отче, отпусти им: не ведают бо что творят* (Лк.23:34). Не похвально и для дела спасения души не безопасно, если, ратуя против вторгающегося и в мир христианский духовного язычества, пренебрежем духа человеколюбия Христова и, не задумавшись и не разобрав дела, будем словом нещадного осуждения поражать иногда и служащего Божью делу мира, как язычника – Пилата. Тут дело уже не в частных мнениях и убеждениях, а в опасности отчуждения от духа истины и благодати Христовой, без которого нельзя и самому спастись и способствовать спасению других, а пожалуй, еще будешь давать самую своей ревностью, неразумною, только повод к разным хулам на православное христианство, в котором одна надежда для всего мира. Страшно, если именно таким образом будет исполняться над нами слово Божие: *вас ради присно имя Мое хулится во языцех* (Ис.52:5).

Статья вторая

Для дальнейшего раскрытия того, как стоять нам за православие по духовным потребностям, нашего времени, посмотрим, как определяли и отстаивали догматы православия в великий период времени семи вселенских соборов, по тогдашним потребностям веры.

С первого же взгляда бросается, можно сказать, в глаза различие между тем временем и нашим, – различие, требующее от нас образа подвигов за православие также различного от тех подвигов, какие потребны были в тогдашнее время. Тогда требовалось с точностью определять самое существо православной веры: ныне, очевидно, нет ни малейшей уже нужды снова определять утвержденные навсегда вселенскими соборами догматы веры православной. Итак, не просто в букве определения догматов, а видно, главным образом, в самой силе дела веры должны мы поучаться у св. отцов вселенских и поместных соборов, и подражать их ревности по православию. «Известное дело», скажет кто либо, «что ныне нужно только твердо соблюдать догматы православной веры, определенные и утвержденные св. отцами соборов, отвергая с ревностью по вере всех и все, в ком и в чем примечается отступление от православия, или неверность постановлениям веры православной»!, – Оно так, если эта ревность по православию соединяется с тем духом св. отцов, по которому они, подвизаясь за православие, полагали, или имели полную готовность положить свои души за спасение людей. В противном же случае, самая твердость в православии была бы далека от силы православия и совсем не похожа на ревность по вере, одушевлявшую православных, в период вселенских соборов.

Прежде собственного развития этой мысли, спешим привести здесь слова великого современного учителя отечественной Церкви⁴, как раз относящиеся к рассматриваемому нами предмету.

«Как? скажет иной, – я верую во единосущную Троицу, в Господа Иисуса Христа Богочеловека, в Его спасительное страдание, крестную смерть и воскресение, в Его вознесение на небо и грядущий суд, в благодатные тайнодействия Св. Духа, – отвергаю всякое неправославное мудрствование: не сия ли есть чистая вера в Бога, каковы бы ни были отношения мои к людям? Нет спора, единоверный мой, что сия есть истинная Апостольская вера в существе своих догматов: но может быть сомнение в том, точно ли ты ее имеешь, и как имеешь. Поколику ты ее имеешь в слове Божиим и в символе веры: потолику она принадлежит Богу, Его Пророкам, Апостолам, Отцам Церкви, а еще не тебе. Когда имеешь ее в твоих мыслях и в памяти, тогда начинаешь усвоить ее себе; но я еще боюсь за сию собственность, потому что твоя вера в мыслях, может быть, есть только еще задаток, по которому надлежит получить сокровище, то есть, живую силу веры. А как получить ее? – сердцем, как говорит Апостол Павел: *сердцем веруется в правду* (Рим.10:10). Но если ты усвоил себе веру сердцем, то есть, в глубине души почувствовал ее достоинство, святость и силу, возлюбил ее, прилепился к ней: то, в следствие сего, надлежит, по слову Апостольскому, *вселитися Христу верою в сердце* (Еф.3:17) твое, то есть, внести в него свою благодать, свой свет, силу и жизнь, свое мудрование, любовь и добродетель; и – тогда ты возлюбишь всех человеков, – иначе и быть не может, – любовью Христовою: из любви и благодарности к пострадавшему и умершему за тебя, готов будешь и умереть за спасенных Его любовью и искупленных Его смертью; кратко сказать, по мере совершенства в вере, будешь совершен в человеколюбии. Таким образом одно из двух: или ты имеешь чистую веру и купно с нею человеколюбие или...» и проч.

Имея в виду такую силу веры православной, мы легко можем выяснить себе подвиги за православие отцов и чад св. Церкви, в период вселенских соборов, не по внешнему образу совершения этих подвигов, а в живой их силе, чтобы в той же силе подвизаться и нам за православие, по нуждам нашего времени.

После того, как св. страстотерпцы своим общением в Христовых страданиях и, следовательно, в Христовой любви к людям, выразившейся в Его страдании и смерти за людей, победили как иудейство, ревнующее за мертвую букву Божия закона, так и язычество, обожающее одни пустые призраки божественного, вместо признания истинного Бога, – чадам св. Церкви открылось ничем не стесняемое совне удобство – к проявлению в себе той силы веры, чтобы Христос вселялся в их души, как верховное начало всей их деятельности и жизни, как Бог их мысли, чувства, желаний, всякого их движения, к раскрытию в них своей святости, премудрости и любви. Между тем, к этому внутри самой Церкви открылись немедленно страшные препятствия и затруднения. Явилось сначала посягательство лжи на самое значение Христа, как высочайшего для нас начала, как истинного Бога, – чем человек, и при самой вере во Христа, поставлялся, очевидно, уже в независимость от Него, как от верховного своего во всем начала; и таким образом все спасительное, истинное, благое, прекрасное, словом – *всяко исполнение Божие*, открытое в Христе человеку, – заграждалось для последнего. Для низложения этой лжи, взволновавшей Восток и Запад христианского мира, требовалась и проявилась вся сила *веры православных*. И она успела для себя и для мира раскрыть солнечный свет той основной для христиан истины, что Христос Спаситель наш есть непреложно верховное для нас во всем начало, истинный в строжайшем смысле Бог, предвечный и единосущный Отцу Сын Его, зиждительное и вседержительное Его Слово ипостасное, которым и открываются для приемлющих (верую) и держащихся Его, как единого всеуправляющего своего начала, все сокровища Отчего благоволения, премудрости, силы и правды. – Но в этом великом и спасительном для нас значении – Христос приемлется и усваивается нами, верующими, не иначе, как силою и действием в нас Св. Духа; ибо *никтоже может* даже по надлежащему *рещи Господа* (назвать Господом) *Иисуса. точию Духом Святым* (1Кор.12:3). Поэтому не замедлило тогда же открыться посягательство лжи и на Божеское достоинство, власть и силу самого Духа Святого; от чего опять полнота

Божия, раскрытая для нас во Христе, становилась бы для нас совершенно недоступною и несообщимою. Новым подвигом веры, соединявшей с снедающею ревностью поистине всевозможную осторожность любви, поставлена в открытом свете и эта жизненная истина, что Св. Дух, в силе которого приемлется и вселяется Христос в верующих, есть истинный Бог, единосущный Отцу, от которого Он исходит, и Сыну, в котором Он почивает всею полнотою своих сил и действенности, – и что, следовательно, для Божественной силы и действия Св. Духа просто и легко вводить верующих в единение со Христом, в общение Его святости, любви и премудрости, в участие во внутренних расположениях, мудрствовании и состояниях Агнца Божия, вземлющего грехи мира. Только бы человек сам верою открывал себя, свой ум и сердце для такой благодати, в каком бы времени, месте, положении и занятии он ни находился, – Но с этой стороны ложь сделала новые отчаянные посягательства на истину. Она настаивала, что в самом Христе, основании благодатного соединения человека с Богом, человеческое с Божественным соединилось только случайно, что Христос родился от своей Матери будто бы простым человеком, с которым, за его святость, уже впоследствии соединился Бог Слово, пребывая в своей личности всегда отдельным от человечества Христова; – от чего самое основание к союзу людей с Богом распадалось бы внутренне в самом Христе. Ибо, если Христос, как человек святой и непорочный, и мог бы соединиться с Богом Словом, то всем прочим людям, как естественно грешным, все же не оставалось бы надежды войти в совершенный и постоянный союз с Богом. Живое чувство православия и неомраченная мысль веры сейчас же заметили ниспровержение этою ложью всей тайны нашего спасения во Христе. И новые великие подвиги нужны были для торжества той истины, что ради спасения грешных людей сам Бог Слово, сам единосущный Отцу Сын Его, *собственным лицом, своим вседержанным «Я»*⁵, низшел до восприятия человеческой природы, так что Мать Его от Духа Святого зачала и родила для нас истинно самого Бога, и потому есть истинная Богородица; также и все,

совершаемое и претерпенное Им в человечестве, Он совершил и претерпел для нас именно – в единоличном соединении своего, сродного всем нам, человечества с бесстрастным своим Божеством, *носящим всяческая глаголом силы своея* (Евр.1:3) и существенно проявляющим в Себе беспредельного Отца. И вот, ради Божества Его, ради вечно почивающей в Нем всею полнотою своею любви Отчей, вся вина грехов нашего Мира, любовью Христовою понесенная до крестной смерти, до состояния неисследимого некоторого оставления Отцом, была с преизбытком Им заглаждена (ибо, что грехи всего мира, сравнительно с истощанием за них самого Бога, которым мир существует?), а ради Его человечества, естественно сродного и общного нам, вся Божия во Христе полнота, Его истина, правда, любовь, вообще все о Христе премудрое, благое и прекрасное, все это – доступно и удобосообщимо нам, человекам, если только сами хотим и подвигаемся воспринимать эти сокровища верою. И есть кому матерински поддерживать, охранять и возвращать самые слабые, самые младенческие начатки такого нашего общения в Божией полноте, открытой нам во Христе: это – сама пресвятая Богородица, Мать Того, в Ком обитает вся полнота Божества телесно (Кол.2:9). Таким образом, основание в Христе нашего соединения с Богом непреложно и вечно, как сам Бог Слово, снишедший для сего до вочеловечения в собственном лице; потому и самое соединение наше с Богом, основанное во Христе, так прочно и глубоко, как неразрывно Христово «Я», единое у Его Божества и человечества от самого Его зачатия для нас Богоматерью.

Ложь и тут снова извернулась, чтобы только не дать человеку быть во Христе с Богом. Явилось лживое учение, будто во Христе человечество поглотилось Божеством, как капля морем; от чего грешные люди должны были бы потерять в самом Спасителе Христе доступность, или сродный с их природою способ к своему соединению с Божеством; да и самое это соединение с Богом, по своему основанию во Христе, грозило бы и им неминуемым поглощением их человечества, вместо спасения... И опять требовался тяжкий подвиг

православия для раскрытия и утверждения истины, что в нашем Спасителе, в единстве Его личности, сохранились, при своей нераздельности, в *неслитности* и в *непреложности*, оба естества – Божеское и человеческое; и все это – для нас, для упразднения естественной человеческой греховности, для приведения человека со всею целостью его личности и природы к Богу; только бы сам человек не отнимал у такой человеколюбивой Божией благодати ни личности своей, ни той или другой стороны (души или тела) своей природы. Ложь, победоносно низлагаемая и рассеиваемая истиною Христовою, и здесь усиливалась подкопать благодатную возможность и удобство для христиан жить своею личностью и всеми сторонами своего существа – и на земле, как на небе, именно – со Христом в Боге. Открылось лжеучение, что во Христе была и действовала, по крайней мере, одна воля – Божеская, и что, потому, и деятельность Его была также одна Божественная; чем опять наша человеческая воля и деятельность, чрез которую только и возможно для нас воспринять благодатно Христа, оказывались бы не имеющими ничего общего с Христовою волею и деятельностью, и таким образом мы, и с верою нашею, все таки оставались бы в отчуждении от Господа. И православие мученическими подвигами, подобно как при языческих гонителях, должно было отстаивать истину, что во Христе, при единстве Его «Я», сохранились в полной целости и силе не только Божеские воля и действие, но, вместе и человеческие; и это опять для нас же, для снятия грехов нашей человеческой деятельности – мысленной, сердечной, телесной, – для того, чтобы вся такая человеческая деятельность, проявляющаяся ли по разным нашим внешним отношениям, или только внутри духа совершающаяся, производилась нами в общении веры со Христом Богочеловеком, и – чрез это, под благоволением небесного Отца. Казалось бы, чего еще более для нашего жительствова в Христе? Но эта *догматическая*, так сказать, борьба истины с ложью, сопряженная с такими опасностями для веры, стоившая стольких жертв, и теперь для св. Церкви не кончилась. Ложь пыталась наконец привести христианство, с его жительствова в Христе, к некоторой

отвлеченной и мечтательной идеальности, в которой испарилась бы вся, простирающаяся на самую наглядную действительность, сила христианства, именно: открылось иконоборство, повторившее языческие и иудейские гонения на православных христиан. Православные подвигами до крови отстаивали св. иконы и благоговейное их почитание, признавая выражение в иконах тайн веры самым сообразным с чувственно-духовным бытием человека и потому, для всех самым необходимым, общедоступным и живо-понятным; в особенности же они указывали основание иконопочитания в начертанном в самих людях образе Божиим⁶, признавая, видно, областью для раскрытия духа иконопочитания всю человеческую действительность. (Ибо, чтобы соблюдать верность иконопочитанию в том его основании, которое составляет самая досточтимость образа в нас Божия, по св. Иоанну Дамаскину – выражаемая и в простых наших поклонах друг другу, – для этого православному необходимо как самому в себе, так и в отношении к другим людям, иметь постоянное внимание к напечатленному в нас образу Божию, или к сообразованию нашему с существенным Образом Божиим – Христом Сыном Божиим).

Итак, подвизавшиеся за православие, в период вселенских соборов, стояли собственно не за мертвую букву веры, а за самую силу союза людей с Богом во Христе, простирающуюся от их духа и на все внешнее, – ту силу, в отчуждении от которой пропадал бы человек не только для будущей жизни, но и в настоящей.

И как они подвизались за спасение человека в своей ревности по православию! *Буди тебе яко язычник и мытарь* – это слово Христово (Мф.18:17) выдерживали они относительно лжеучителей во всей строгости, но только тогда, когда, по слову Христову, сначала вразумлял заблуждающегося каждый из истинных ревнителей православия *между собою и тем единым*, как именно св. Александр Ария, а потом *при двух или трех свидетелях*, или даже при целом частном соборе, как тот же Александрийский архипастырь того же безумного Ария, и наконец после вразумления его всю *Церковь*, на вселенском

соборе. Все это было именно в том духе самого Христа, который Им же самым на тот же самый предмет выражен: *прииде Сын человеческий взыскати и спасти погибшаго. Что вам мнится? аще будет некоему человеку сто овец, и заблудит едина от них: не оставит ли девяносто и девять в горах, и шед ищет заблудшия? И аще будет обрести ю, аминь глаголю вам, яко радуется о ней паче, неже о девяносто девяти незаблудших* (Мф.18:11,13). В частности, поборник догмата единосущия Сына Божия со Отцом, св. Афанасий великий, в собственном духе и уме, столько углублялся в этот высочайший догмат веры, что, по его собственным словам, многочисленные его писания были только самою малою частью, стремящихся к раскрытию тайны, размышлений его, – а по внешней жизни почти постоянно подвергался ссылкам и заточениям, отстаивая для человека ту благодать и истину, чтобы он имел во Христе Спасителе истинно верховное на все начало, истинного Бога. Отец монашества восточного, св. Антоний великий, оставил и пустыню, для которой он оставил самый мир, и нашел не противным иночеству – явиться в шумную многолюдством, торговлей и ученостью Александрию, чтобы помочь великому Афанасию ратоборствовать за спасающее человека Божество Спасителя. Преподобный Исаакий Далматский также счел своим долгом выйти из уединения, чтобы во имя Христа, вводящего людей в любовь Отца, именно потому, что Он сам есть едиnorodный и единосущный Сын Божий, – лично противостоять самому царю, закрывшему православные храмы. Св. Максим исповедник терпел от церковных и гражданских властей – монофелитов мученические злострдания за ту, спасительную именно для нашей человеческой деятельности, истину, что во Христе есть не одна воля Божеская, но и человеческая, – и не одно действие Божества, но также и действие человеческое. Св. Иоанн Дамаскин, любимый и чтимый и неверным властителем (у которого был в службе), за ревностную защиту иконопочитания подвергся бессовестной клевете и убийственным козням от христианского императора-иконоборца. И как ревность этих поборников православия одушевлялась

именно человеколюбием, подвизавшимся за спасение человека: то она соединялась с крайней осторожностью, снисходительностью и самоотвержением любви. Великий ревнитель догмата единосущия пресвятой Троицы, Афанасий, когда некоторые предстоятели Церкви православную мысль о пресвятой Троице выражали словами, по видимому, прямо неправославными⁷, и были за то строго осуждаемы ревнителями буквы православия, – принял сторону первых и тем остановил смущение православных, возникшее от неразумной ревности из-за одних слов; и впоследствии св. Григорий Богослов, подобный Афанасию в ревности по вере, не знал, как и восхвалить Афанасия за это дело мудрой любви. Василий Великий, чтобы удержать в православной Церкви поколебавшихся уже в вере в Божество Св. Духа и постепенно, незаметно, привести их к этой вере, – решался даже некоторое время не говорить в своих поучениях прямо о Божестве третьей Ипостаси Св. Троицы, хотя чрез это и сам подвергался нареканию в неправославии от нечеловеколюбивой ревности некоторых, и даже должен был принять некоторые упреки в излишней снисходительности от своего великого друга – Григория Богослова. И сам Григорий Богослов, видя при открытии второго вселенского собора разногласия и споры епископов, возбужденные личными недоброжелателями Богослова, подвигнут был истинно Христовым духом, как бы виноватый в этих смутах, оставить Константинопольскую кафедру и удалиться в строгое, тяжкое для его ревнивого духа, уединение, чтобы только отцам собора дать возможность спокойно и мирно приняться за великое дело. Любовь св. Златоуста не усомнилась перенять у самых Ариан некоторые виды относящегося к Богослужению благолепия и стройности, которыми они стали-было обольщать простодушных!..

Вот как в период вселенских соборов подвизались за самую силу православия.

Рассмотрев, за что и как, в силе дела, подвизались в те времена защитники православия, обратимся к нашему времени.

Ложь древних ересей, волновавшая весь древний христианский мир, и ныне действует в той же силе и

обширности духовного человекогубительства, но только уже раскрывается в инаковых видах. Есть и прямо, открыто не признающее Христа Богом, арианство; но и такое нынешнее арианство имеет корнем своим уже не догматические недоразумения и заблуждения веры, но то направление, по которому многие христиане не хотят и не думают признавать и иметь Христа Спасителя верховным живым началом своей мысли, своей воли, сердца, воображения, и следовательно, всей области наук, искусств, жизни общественной и частной. Ведь это то же, в силе дела, что не признавать Христа истинным Богом своим, в котором не только все действительное имеет свое основание зиждительное и вседержительное, но вне которого, вне Его благоволительной или попустительной воли и мысли, ничего и невозможно. Бывает и то, что относящееся прямо к вере и благочестию содержится или исполняется, как следует, *по Христу*, а во всем прочем дается место разным житейским или идеальным началам, уже не возводимым под небесное главенство Христово, а иногда и прямо Ему враждебным (каковы напр. начала порочных страстей); это есть повторение, в силе дела, того древнего полуарианства, по которому иные признавали Христа Богом, не воздавая однако Ему всецело и решительно Божеской чести, и с которым древнее православие никак не хотело иметь единения. Весьма еще назидательно и замечательно для нас, что поборники православия против ариан никак не сдавались на громкие их величания Христа *премудростию и силою Божиею, сиянием славы Божией, Словом едиnorodным* и даже *Богом*, и тому подобные; видно, и с громкими речами о Боге можно еще не уйти от силы и духа худшей из ересей. Православные для церковного общения с собою требовали от ариан одного точного слова о Божестве Христовом, – требовали такого исповедания веры, что именно *единосущный* Отцу Сын, следовательно, по самой сущности, Бог, существенно проявляющий в Себе всю премудрость, всю силу и любовь Отца, истощил Себя за мир, как Агнец Божий, понесший на Себе отягчающие и убивающие мир грехи и проклятие. Вот кто есть наш Спаситель Христос, – истинный Бог, высочайшее начало для всего и для нас во всем!

Итак, ревнуете ли по православию, – поревнуйте именно о том, чтобы ни одна у нас область жизни общественной и частной, ни одна среда нашей деятельности, как бы иная из них ни была опутана нехристианскими началами, не оставалась возглавляемую под эти погибельные начала, вне верховного начала – Христа, истинного Бога нашего, и таким образом не была вне благоволения Отца небесного, почивающего всею полнотою своею на *единосущном* Его Сыне. Если необходим для этого великий и разносторонний, мысленный и словесный подвиг: вспомните труды Афанасия Великого, Златоуста, Григория Богослова, и одушевитесь их духом. Если для раскрытия Божественного и духовного главенства Христова над всем, не только прямо-духовным и церковным, но и мирским, земным, неизбежно обращаться иногда мыслью и сердцем к разным сторонам и видам человеческого, земного: не затруднитесь последовать мыслью и духом великому Антонию, который из своего пустынного в Боге уединения явился среди шума и суеты городского многолюдства, для вразумления заблуждающих и утверждения верных в догмате единосущия со Отцом Христа Сына Божия, следовательно, и Божественного Его главенства для всего небесного и земного. Если и трудно противостоять господствующему направлению – мыслить и делать не по Христу Богу, или не совсем по Христу: но возьмите в человеколюбивое ваше внимание, что подобное направление в христианах – этих духовных храмах Божиих, так сказать, прекращает богослужение их мысли и сердца, следовательно, закрывает эти Божии храмы, подобно, как некогда Валент; и, вспомнив св. Исаакия Далматского, твердо станьте против этого арианствующего направления, с уверенностью, что исчезнет же, Бог даст, его господство на радость мучимого им человека.

Да не будет у нас мира с христовраждебною ложью ни в чем; но опутанных ложью следует наводить на истину всевозможным ее раскрытием, следует возбудить к их вразумлению и в частности ревность того или другого, и самое общественное мнение, и только тогда, как на все меры и усилие любви вразумить их, они отзывались бы одним упорством и враждою, – только тогда, следуя св. Отцам, можно применить

к заблуждающим слово Христово: *буди тебе, яко язычник и мытарь* и то не в смысле окончательного и решительного отвращения от них, а с преданием их в волю Божию наряду с другими людьми, чуждыми Церкви Божией. А пока еще дело вполне не разобрано по тому или другому вопросу или предмету, которым занимаются, по-видимому, не по Христу или не совсем по Нему: дотоль еще нет основания для нас отвергать кого бы ни было, как явного невера или еретика. Св. Отцы Соборов так не делали даже с злейшими еретиками. И ныне, как тогда, могут быть у неразумных ревнителей разногласия только из-за одних слов. И ныне какой-нибудь Евтихий, преследуя несторианство, ратуя против направления вести дела человеческие в отдельности от Божественного, нередко впадает в другую столь же лживую и пагубную односторонность или крайность, начинает подавлять человеческое Божественным, забывая, что во Христе, лично соединившем в Себе ради нас человечество с Божеством, человеческое не подавлено и не поглощено Божеством. Во все это вникать до тонкости, конечно, трудно. Зато, при всех трудностях и скорбях нужного ныне подвига за православие, для боголюбивого и человеколюбивого духа радость и торжество – созерцать и указывать в Боге Слове, единосущном Отцу, зиждительное и воссозидательное начало для всего, не исключая и всего того, что доселе поработщено греховной суеде (ибо Он – Спаситель потерянного и погибающего). Св. Григорий Богослов, на которого Ариане не только нравственно, но и буквально бросали камни тем не менее с восхищением духа желал, подобно открытому для всего Мира светильнику, гореть и светить для всех светом единосущной Троицы. А изучать и следить во всем мысли Отца, зиждительно осуществленные и мироправительно осуществляемые единосущным Его Словом в силе Св. Духа, и значит – взирать верою к свету Пресвятой Троицы или единосущного в трех лицах Бога, которым мы живем, движемся и есмы (Деян.17:28). И будет время, когда мысленные и нравственные борения нашего времени будут выясняться и распутываться совершенно на тех же живых основаниях, на каких св. Отцы низлагали древних еретиков, и

когда многое, мнящееся православное, окажется более сродным с неправославием. Дух истины не оставит любящих истину во тьме или сумраке.

Да! не допустим того, чтобы в наше время мог ослабеть тот Дух, в силе которого Св. Отцы раскрывали и отстаивали догмат единосущия Сына Божия со Отцом и, следовательно, верховного, истинно Божественного главенства Христова над всем земным и небесным, над всем внешним миром и над внутренним миром нашей души. Не уступим направлению лжи, будто Дух, – раскрывающий в Церкви силу и значение истощания нашего Господа до того, что за грешный мир гибнущего человека стал Господь сам как олицетворенный грех и клятва в своем распятии за нас, – такой Дух будто уже не может ввести верующих в расположение и мысли этой самой Христовой любви к человеку и миру; так что ныне будто, во имя православия, уже надобно только бросить, как негодное, то и другое человеческое, – порабощенное в чем либо греховной суете, – будто теперь истина Христова уже только осуждает и отвергает, вместо благонаправления и спасения грешного мира. Уступать или допускать это в том Духе, который в своих дарах и действиях проявляет благодатное значение и силу всей Христовой тайны, которым только и можно признавать Господа Бога в Иисусе Христе, значило бы – допускать в себе еретический дух Македония, не верившего в Божество Св. Духа, в Его неизменность, в Его всемогущую вседейственность во всех временах и местах. Впрочем видно, подобно арианству, и македониянство сильно обижает нас своим губительным духом, когда о большей части самых служителей благодати, защищая притом их, приходилось говорить, как о пробивающихся естественными путями и средствами, подобно и прочим сынам Адама и Евы.

«Но где же, – говорят, – нам грешным людям до исполнения Св. Духом, до разумения и исполнения всего по Христу единокровному Сыну Божию, не только в разных стезях житейских, но и в более возвышенных путях науки, искусства и проч.!» Но для кого же, если не для нас, грешных людей, равно на высоких и низких ступенях нашего быта, единосущный Отцу

Бог Слово собственным лицом низшел до вочеловечения, до восприятия в единство своего лица всего естества человеческого, до страданий и смерти в этом человечестве? Или мы хотим, подобно Несторию, отказаться от той благодати, что во Христе вся полнота Божия, соединенная ради нас с родным нам человеческим духом и телом в единое лицо, в одно «Я», чрез это открыта нашему общению по мере веры нашей, и что сама Богоматерь, по самому такому достоинству своему, всегда готова своею матернею любовью охранять и поддерживать самые даже слабые начатки Духа Сына своего в нас, в нашей мысли, чувстве и воле? Ведь дерзнувшее отвергнуть эту истину и благодать несторианство проклято; остережемся давать место в себе его духу.

«Бросим же, говорят с другой стороны, – наш слабый человеческий ум, воображение, особенно эту брENNую телесность; будем попирать и уничтожать нравственно нашу личность; вознесем духом к небесному и божественному» – Хорошо; но не надо забывать и того, что во Христе и человечество, как с душою разумною, так и с телесностью, не поглощено Божеством, но ради нас человеков, ради спасения нашего ума и других духовных наших сил, так же как и нашей телесности, осталось целым, как и его Божество, в единой его личности; и это для сохранения и возвышения нашей личности в истинном ее достоинстве. Подавлять духовным направлением человеческий ум, или другие душевные силы, вместо разностороннего раскрытия их во Христе, – устранять самую телесность нашу от всякого участия в благодатной духовности, значило бы – мириться с духом евтихианства; признававшим во Христе, нашем Спасителе и первообразе, поглощение человеческого Божеским, и с монофелитами не признавать во Христе, вместе с Божескою, и человеческую волю и деятельность, за какую неоцененную для человека истину св. Максим готов был стоять до смерти, хоть бы один против всех в мире. Нет, духовность нашей жизни и деятельности состоит не в парениях – знать не желающих человеческой действительности; между тем, как в среду и под условия этой действительности – под условия не только прямо-духовные и церковные, но и

семейные, народные, гражданские – нисходил к нам единосущный Сын Божий, восприяв и сохранив в единстве своего лица, в соединении с Божеством своим, и человеческое естество с человеческою волею и действием человеческим, значит – и с человеческими мыслями, желаниями, чувствами, воспоминанием, воображением, и – все это ради нас человеков... Благодатный дух, возвышающий нас над греховностью плотскою и над растленностью мирскою, состоит собственно в том, чтобы у нас все, относящееся и к духу – до всякого действия всякой его силы, и к телу – даже до вкушения пищи и до сна, все в нашей личности было по Христу и со Христом и, следовательно, под благоволением небесного Отца Его и в общении Святого Его Духа. И притом, так как Христос приходил в мир в значении и расположениях Агнца Божия, вземлющего грехи Мира, и эта, на себя принявшая всю ответственность за человеческие грехи, любовь Его есть дух всей Его земной жизни, всех Его состояний и действий: то именно в таком Его духе и должна быть духовность всех наших, как внутренних расположений и мыслей, так и внешних отношений и поступков.

Нужны ли еще прямые опытные свидетельства древних духоносцев об истинности такого нашего понятия относительно духовности, развиваемого нами из самого существа утвержденных ими догматов православия? – Один духоносный старец внушал на тот случай, – если бы юный инок своими юношескими парениями стал возвышаться над землею к небу, – удержать его за ноги и поставить на землю. Вот духовность по образу и духу Христа, снишедшего к нам на землю! Еще один из строгих подвижников, узнав о беззакониях чьих-то, только вздохнул со скорбью, неочищенною от осуждения беззаконника, и – сам Господь, в ночном видении, явился подвижнику с осуждением его самого и с готовностью принять второе распятие за внутренне-осуждаемого им грешника. Вот как фальшива духовность, раскрывающаяся не по образу и духу Агнца Божия! Итак, если мы, ревнуя по Богу и Церкви, не внемлем, или мало внемлем самому же Христу в разнообразных затруднениях и нуждах меньших Его собратий –

в среде ли внешне-гражданской и народной, или в области мысли и чувства: нашу, не совсем по Христу высящуюся к небу, духовность следует поставить еще на землю, которую Христос так возлюбил и которая во Христе становится уже небесным жительство. Если я стану смотреть на раскрытие человеческой мысли, сердца, фантазии в науках и искусствах с духом осуждения человеческих здесь неверностей Христу, а не в духе любви, Его, взявлющей на себя ответственность пред своим Отцом в наших неверностях: то при всем том, что я должен выдерживать и раскрывать истину Его пред братьями, сам Господь (не к оправданию моему, конечно) покажет Себя самого воспринявшим человеческую мысль, сердце, фантазию и вообще все человеческое естество с волею и действием человеческими, притом взявлющим на себя вины всех человеческих грехов во всех этих отношениях или силах человеческих...

Впрочем, мнимая духовность отвлеченной идеальности и мечтательных парений отринута в Церкви торжественно догматом иконопочитания, который, кроме утверждения его вселенским Собором, православные отстаивали своею кровью. Если следует быть верным этому догмату в самом основании его, какое представляется в свято-отеческом защищении св. икон, именно в благоговейном внимании к образу Божию, начертанному в нас, человеках (которым именно и должен усвоиться благодатный дух и сила вообще всей священной церковной внешности): то не только в области прямо духовного и церковного, но и в гражданской службе, в земледелии, в занятиях купли и продажи, даже в обществах и увеселениях, истинно православный будет тайно и никому незримо внимать к отобразившемуся в нас существенному образу Божию – Христу, как сам в себе, так и в отношениях к другим до простых приветствий и поклонов друг другу. (Выше мы уже имели случай указать прямо относящееся сюда место из св. Иоанна Дамаскина). И таким образом, истинная духовность православного будет простираться у него от его духа на все внешнее и на самое, так сказать, житейское; так что он, исполняясь и воодушевляясь этою духовностью именно пред св. иконами – в Божиих храмах за святою службою, затем и

среди шумного многолюдства будет,— во внутренней своей тишине,— как бы во храме пред св. иконами за священнослужением. Ибо внимать Христу, приводящему всяческая в любовь своего Отца силою Духа Святого, значит — присутствовать духом за непрестающим священнослужением самого вечного Иерея и Архиерея.

Заклучим слово на сей раз. Мы тогда только будем верны как духу и силе святоотеческого ревнования по православию в период вселенских соборов, так и вопиющим требованием православия в наше время, когда, *во-первых*, будем твердо и с ревностью стоять словом и делом за православие, но именно в настроении и духе любви Господней, взявшей на себя ответственность за грехи и заблуждения Мира, и когда, *во-вторых*, — сколько самое даже дольнее-земное будет у нас устроиться по началам Христовой истины, столько же обратно и самая Христова истина будет нами раскрываема и разъясняема в значении начала для всего, и самого дольного и мирского, то есть, в том самом значении, в каком истина явилась нам в лице самого Христа, снизшедшего с неба на землю и даже во ад сходявшего для открытия всюду своего животворного света...

3. Об особенностях в образе воззрения и жизни ветхозаветного человека

«Разогни книгу ветхого завета», писал покойный Гоголь одному своему собрату: «ты найдешь там каждое из нынешних событий, увидишь яснее дня, в чем оно⁸ преступило пред Богом; и так очевидно изображен над ним совершившийся страшный суд Божий, что вострепетает настоящее». И еще: «огни, а не слова, излетят от тебя, как от древних пророков, если, подобно им, сделаешь это дело родным и кровным своим делом, если только, подобно им, посыпав пеплом главу, раздравши ризу, рыданием вымолишь себе у Бога на то силу, и так возлюбишь спасение земли своей, как возлюбили они спасение Богоизбранного народа». Драгоценные слова для всех любителей истины, особенно для людей ученых, поэтов, литераторов! Для духовных же эти слова должны быть важны и приятны потому, что в них выражена высокая мысль о ветхом завете светским человеком; так как истинной духовности свойственны расположения такие же, какие выражены св. пророком Моисеем по случаю общения и некоторых других в его духовном даре: *и кто даст всем людям Господним быти пророки, егда даст Господь Духа своего на них (Чис.11:29)?* Только для приложения прекрасных слов о значении для нас ветхого завета к самому делу, требуется наперед от нашей мысли труд – так разогнуть книгу ветхого завета, чтобы удобно и просто было читать в ней нынешние события.

И это не малый труд: потому что в ветхом завете, хотя самое существо истины и веры одно и то же, какое вполне раскрыто в новом завете; но воззрение на истину и самая жизнь по вере были во многом различны от нового завета. Так, напр., по новому завету требуется, чтобы нам и мыслью, и волею, и сердцем, вообще душою и телом, жить уже не самим себе, а чтобы жил в нас Христос с Его любовью, спасающею все земное – человеческое: в ветхом завете это самое выразилось в том, что Авраам, веруя обетованию о благословении, в его семени – Христе, всех Языков земных, должен был всем домом

переселиться из прежней своей родины в другую дальнюю и чужую землю, обещанную Господом его роду. По новому завету верующая душа, воспламеняясь любовью к созерцаемой благодати и борясь с неизбежными искушениями в жизни, совершает подвиги внутреннего просвещения и усовершеня, и за то награждается духовными плодами своей веры и Божией благодати: в ветхом завете этот самый дух и сила действовали и раскрывались в Иакове, который, из любви к избранной им соучастнице в осуществлении обетований Божиих о будущем своем роде и всемирном Спасителе из этого рода, семь лет тяжкого труда для ее приобретения почел только за семь дней и потом, однако, был принужден вступить в супружество с иною нелюбимою, но зато не разлучился и от первой, и награжден плодородием особенно последней. Само по себе видно, как трудно отчетливое разумение и приложение к нашему времени подобных примеров ветхого завета. По этой самой причине, конечно, и Церковь предлагает чтения из ветхого завета наиболее во время особенной духовной сосредоточенности православных, как то, в великий пост, в навечерие на самые великие праздники.

Чтобы сколько-нибудь подействовать отчетливому разумению и верному приложению к «нынешним событиям» ветхого завета, мы предлагаем исследование главных и существенных особенностей в образе воззрений и жизни верующих в ветхом завете. Здесь объясним эти особенности: и в их корне, и в историческом их развитии и видоизменениях, и в приложении к нам, христианам, или к новозаветному образу жизни и воззрений.

1 часть

Чтобы объяснить особенности ветхозаветного образа воззрений и жизни верующих в самом их корне, посмотрим, как и из чего возник ветхозаветный образ воззрений и жизни. Начало этого образа воззрений и жизни скрывается еще в Эдеме – в раю, где начался и ветхозаветный порядок вещей.

Эдемское или первобытное состояние человека было таково, что он, как созданный *по образу Божию* (Быт.1:27), находился во внутренней сообразности и живом общении с *существенным образом Божиим*, т. е. единосущным Отцу Сыном Его Богом Словом, и потому одушевлялся и жил, с первой же минуты своего бытия, *дыханием* из уст Божиих, т. е. Св. Духом (Быт.2:7). Не то, чтобы самой природе человека принадлежало Божественно-духовное: природу человека составляли только *душа живая и, перстное тело* (см. там же). Но первозданный человек, по самой своей природе, имел такую живую приемлемость и удобосообщимость с Божественным и духовным, что в надлежащем или нормальном состоянии он не иначе мог и быть, как сообразуясь Единородному и оживляясь Св. Духом. И такая благодать простиралась не только на душу, но и на тело человека: так что он, можно сказать, и дышал в общении Духа Божия⁹. А так как и весь мир, и в общем своем составе, и в каждой отдельной твари, представлял первозданному светлое и живое выражение зиждительных мыслей Божиих, открытых и осуществленных также Единородным и в своем совершении запечатленных тоже Св. Духом: то человеку вся вселенная, и в своей всеобщности, и в самомаleastшей видимой твари, открывала новые разнообразные способы к полнейшему общению с Единородным и источники к обильнейшему исполнению Духом благодати. И в телах небесных, и в животных земных, в деревьях, в последней былинке – чистый и Богусообщный человек беспрепятственно мог читать творческую волю и мысли Отца небесного, внятно слышать зиждительные глаголы Ипостасного Слова и с живостью наслаждаться разносящимся всюду веянием Духа

Святого¹⁰. Рай, как особенною благостью Творца ущедренное место жительства человеческого, с своими водами, деревьями и животными представлял, по превосходству, обильные пособия, побуждения и средства человеку к той жизни, чтобы во всем видимом слышать духовное и Божественное, и в области природы видеть и вкушать истинные блага небесного царствия. Посему, и самый духовно-благодатный закон, требовавший, чтобы человек у Бога был как послушное *отроча*, не хотящее без вразумления и воли Отца даже и *разумети благое или злое* (Ис.7:16), выражен был в чувственном дереве, плоды которого ему запрещено было вкушать, и которое потому отличено было от прочих деревьев райской природы знаменательным именем *древа познания добра и зла* (Быт.2:9). Равно и та духовная тайна благодатной жизни человека, что источник этой жизни находится отнюдь не в нем самом, что такая жизнь есть собственно дар Божий, – эта благодатная тайна выражена была и проявляла свою силу также в видимом эдемском дереве, плоды которого предотвращали ослабление и ветшание самой физической стороны человека: и это дерево, духовно-таинственное по своему смыслу и силе, было равным образом чувственное по виду и существу, но отличное от прочих деревьев эдемского сада, и называлось особым именем – *древа жизни посреди рая* (см. там же). В особенности же о первозданной человеческой чете должно заметить, что муж и жена, видя и слыша даже в чувственных созданиях выражения мыслей Отца, осуществленных Богом Словом и запечатленных в их совершении Св. Духом, тем несравненно более ощущали и сознавали подобный (только по превосходству высший) смысл и силу – друг в друге: именно – будучи оба созданы по образу Божию и тем поставлены в живое сообразование с существенным Образом Божиим, не могли же они не видеть и не чувствовать взаимно друг в друге этого живого и светлого отображения ипостасного Сияния славы Отчей, Сына Божия, – отображения, одушевляемого благодатью Духа Святого. И притом, муж должен был созерцать такой небесный отсвет в своей жене не иначе, как (по его выражению о жене) – *в плоти от плоти своя и в кости от костей своих* (Быт.2:23), т. е. как

в своем теле; а следственно, и жена должна была видеть живой образ Сына Божия в муже не иначе, как в своем главе. Так в видимой человеческой чете выражалась и действовала благодатная сила и той великой духовной тайны (протолкованной после апостолом Павлом из слов самого же Адама Еф.5:30–32), что Христос Сын Божий соединен с своею Церковью, как глава с телом.

И так эдемское состояние первозданных человеков было вообще таково, что все видимое, начиная с них самих до употребляемых в пищу плодов древесных, – вся природа, подлежащая их чувствам, с самою живою внятностью и ощутительностью для них, возвещала им о творческих мыслях всеблаготворного Отца, приведенных в исполнение единосущным Его Словом и утвержденных единосущным же Его Духом. Поэтому самый, уже успевший восстать против Создателя, бесплотный искушитель, – когда ему попущено было подступить с своим искушением к человеку, – нашел нужным употребить в свое орудие также видимую, принадлежащую земной природе тварь – змия. И среди раздававшихся пред живою восприимчивостью жены гласов о Творческой всемудрой любви от всех созданий, на какое бы из них не обратила она своего внимания, – искушителю удалось, скрывшись в видимом змие, заговорить с женою и увлечь ее своей беседой, так что она не успела и приметить неестественность этого нового, противного общему небесному строю, клеветнического голоса. – И таким образом всеродное, страшное духовное несчастье выйти из свободной сообразности с Сыном Божиим, из сыновнего послушания небесному Отцу, из готовой всегда преданности влечениям Духа Святого, – совершилось с человеками (опять вполне соответственно с их устройством и состоянием Эдемским) чрез чувственное вкушение видимых плодов с одного из деревьев эдемского сада.

Так человечество отпало от чудной и щедродаровитой благодати¹¹ первобытного своего состояния, как прекрасная виноградная ветвь от своей лозы или от корня своего (Ин.15:1–2). Но ветвь, оторванная от своей лозы или корня, не тотчас же совсем засыхает; особенно же, если она, при отделении своем

от корня, не подвергалась какому либо усиленно-иссушающему влиянию и потом не брошена, а водружена в сосуде с свежою, живительною водою, – то в этой ветви на значительное время может продолжиться растительная жизненность и даже некоторое прозябание. Подобным образом и человек не вдруг же чрез свое грехопадение утратил все остатки первобытной приемлемости и удобосообщимости к силе и выражению Божественного и духовного, слышного во всех созданиях и особенно в самом человечестве. Так долженствовало быть, и на самом деле так было, тем более что люди вовлечены были в грехопадение хитрым обманом, а не своею мятежностью, и после грехопадения Богом не отвержены на погибель, а поставлены в области обетованного благодатного спасения. И вот начался тот порядок в деле спасения человеческого, что тайна будущего благодатного спасения человеку открывалась от Бога и человеком чрез веру усвоялась не иначе, как на основании или на условиях остатков первоначальной человеческой восприимчивости и сообщимости с божественным и духовным, слышимым в самом видимом и мирском.

Отсюда произошло, что благодать обетованного спасения ветхозаветные верующие разумели в своих воззрениях и воспринимали в жизни не вполне и не прямо в самом существе благодати, а более или менее в одних только ее образах, взятых из области видимого и естественного – мирского. Вот корень ветхозаветных *особенностей в образе воззрений* и в жизни верующих. Открыть и предоставить верующему благодать Христову прямо и вполне в ее существе и истине было еще не время; ибо в духе человеческом много еще было живых остатков первобытной восприимчивости к Божественно-духовному, слышному и видному в мире или вообще в области видимого и естественного, и потому человечество, не испытанное многовековыми опытами, еще не могло ни сознавать, ни чувствовать всей крайней нужды в благодати спасения. Мало того, была и очевидная, неизбежная опасность, что ветхозаветный человек нескладные останки своей естественной (уже возмущенной грехом) приемлемости к Божественному смешал бы с дарами и силою самой благодати,

если бы последняя тогда же предоставлена была ему прямо в собственном своем существе¹². Поэтому и дано ветхозаветному верующему, как в его воззрениях, так и в жизни, воспринимать обетованную Христову благодать не иначе, как в образах, взятых из области чувственного и естественного; и – это дотоле, пока совсем не иссохнет самый корень этих ветхозаветных особенностей в образе воззрений и жизни, именно пока не истощится в человеке остаток первоначальной естественной восприимчивости к духовному и Божественному в самом видимом мире и природе, истощится до невозможности для человека достигать этим путем до благодати спасения.

Согласно с таким свойством и силою своего корня и проявлялись ветхозаветные особенности в воззрениях и жизни верующих, начиная от изгнания праотцев из Эдема до самого пришествия Христова. Так Адам, только лишь успел услышать от Бога приговор смерти себе и своему роду, как свою жену называет *жизнию, яко та мати всех живущих* (Быт.3:20, слич. 19 ст.). Видно, чрез веру в обетование о победоносном над змием *Семена жены* праотец наш ощутил в лице жены указание на Матерь Божественного семени – Христа и, вместе с этим и по этому самому, видел уже в своей жене снова, как до грехопадения, светлый образ матери живущих благодатною жизнью – Церкви Христовой (обе эти идеи – о Церкви и о Матери Божией – соединялись в ветхом завете под одним образом и в других местах, напр. в 44 псалме). Равным образом и сама Ева, рождая детей, принимала одного за *человека, стяжанного* самим *Богом* или почти за человека – Бога (Быт.4:1), а другого – за *восстановленное* ей самим же Богом *семя* (ст. 25); очевидно, что она в образе своих детей, приникала верою к обетованному ей Божественному семени. Так, впоследствии и Авраам оставил прежнюю родину и пошел в совершенно неизвестную землю, созерцая в образе (чувственной) земли обетованной духовную область благодатного спасения и благословения в его семени – Христе всех языков земных. Так и Иаков, избрав своим сердцем соучастницу исполнения Божественного обетования о многочисленном потомстве (соединенного с обетованием о

Христе), – верую свою, которую с особенною силою оживляла любовь его к Рахили, ощущал в ней, по остаткам райского воззрения, светлый и прекрасный образ Церкви – области благодати и спасения. И таким образом, бесплатно трудясь из любви к Рахили семь лет, как будто не более семи дней, он выразил в этом, действительно, ту самую духовную силу жизни созерцательной, по которой, восхищаясь созерцанием благодати, праведник не чувствует тягости своих подвигов и испытаний. В последующие времена, видимая красота новорожденного младенца возбудила в Израильском семействе особенную к нему любовь, чрез которую оживилась в том же семействе и особенная вера в благодать спасения, обетованную Израилю; и вот, именно по духовной силе веры, *Моисей родился сокровен бысть три месяцы от отец своих, зане видеша красно отроча* (Евр.11:23). Затем, странствуя из Египта в землю обетованную по вере в обетованное спасение, Израильтяне испытывали и проявляли образно дух и силу того, что относится собственно к духовному странствованию из погибельного мирского состояния в царство небесное. В чувственных врагах слышались им духовные враги нашего спасения, темные начала лжи и зла. Чувственный Агнец пасхальный, – чудесная и чувственная же манна, – естественная, хотя и чудом изведенная, вода, – видимый переход чрез Чермное море – указывали им, или, по крайней мере, давали чувствовать силу таинственного избавления от гибели, силу духовной и Божественной пищи и питья, силу таинственного вступления в новую спасительную жизнь. *Иерусалим, Сион, престол Давидов* не только в блестящие времена ветхозаветной теократии, но и в то время, когда уже прозираем был и даже когда уже наступил испровергший все это Вавилонский плен, предукзывали не просто только вере, но и Богопросвещенному взору пророков – царство Христовой благодати и даже вечной славы. Те же образы, с тем же непосредственно-ощущаемым духовным значением, предносились вере и в самые поздние времена ветхого завета, когда вера с некоторым предначатием духовной отчетливости поучалась в словах Божиих и выражала свое чистое

понимание слова Божия в так называемых *неканонических священных книгах*. И даже, когда корень ветхозаветных особенностей в жизни и воззрениях веры совсем иссыхал, так что народ Божий своим большинством стал, по поводу самой образности ветхозаветной, ожидать какого-то чувственного и мирского царства Христова, – самая благодать нового завета возвещалась и являлась вначале, сообразуясь с ветхозаветною приемлемостью веры. Ибо не только рождение Предтечи Господня приветствовано было такими словами отца его: *благословен Господь Бог Израилев, яко посети и сотвори избавление «народу своему», и воздвиге рог спасения нам в дому Давида... спасение от враг наших*, и проч. (Лк.1:68–71), но и Ангельское благовещение о зачатии и рождении самого Господа выражено пресвятой Деве, между прочим, так: *и даст Ему Господь Бог престол Давида отца Его и воцарится в дому Иаковли* и проч, (там же ст. 32 и 33). Таким образом ветхозаветные особенности – воспринимать духовно-благодатное в образах, взятых из области земного и видимого, оставались в своем действии (согласном с эдемским корнем своим), пока сам Господь не отменил их, исторгнув самый, уже иссохший тогда, корень их. – Но вникнем и в самое развитие или исторический ход и видоизменения ветхозаветного образа воззрений и жизни верующих, и – нам еще лучше и полнее раскроются особенности этого образа воззрений и жизни.

2 часть

В последовательном раскрытии ветхозаветных особенностей, относящихся к образу жизни и воззрений веры, можно примечать две стороны – внешнюю и внутреннюю, развивавшиеся, впрочем, в неразрывной между собою связи.

Внутренняя сторона определялась тем, что остатки эдемской восприимчивости к Божественно-духовному, открывающемуся чрез самое видимое и земное, грехопадением были уже подрваны у человека в самом своем основании, – т. е., в беспрепятственном для его природы общении с существенным Образом Божиим – Богом Словом (а в Нем и с Отцом, – общении в силе и действии Святого Духа), а потому, с раскрытием человеческой греховности, эти эдемские останки по необходимости должны были более и более истощаться; а следовательно, соответственно этому, должен был видоизменяться и самый образ восприятия (при помощи этих райских останков) обетованной и ожидаемой благодати спасения. Чем более в человеке закрывалась или возмущалась грехом восприимчивость к Божественному в образах, взятых из области мира и природы, тем, очевидно, более точное и положительное требовалось раскрытие Божественного и благодатного, выраженного в этих образах; иначе человек стал бы извращать смысл Божественного и благодатного, смутно или смешанно им ощущаемого. А когда та или другая *существенная*¹³ сторона благодатного спасения, от преумножения грехов, затемнявших духовное знаменование чувственных образов, готова была в них совсем закрыться для веры: для спасения человека была неотступная потребность уже в возможно-полном, или евангельском раскрытии таких сторон спасения; – иначе и верующий человек оставлен был бы на жертву неизбежной гибели. Когда же, наконец, и вся чувственная образность ветхого завета совсем затемнялась в своем духовно-знаменательном значении, и *стихии мира*, дававшие эдемскому духовному слуху и взору ясно слышать и видеть в своей области небесную благодать, делались совсем

для этой цели *немощными и худыми* (по Апостольскому выражению, Гал.4:9): то надлежало или человечеству совсем погибать, или благодати Христовой явиться и быть восприемлемой уже вполне и прямо в своем духовном существе и истине, – прийти самому Христу с новым заветом. Таков характер и самый порядок в развитии *внутренней* стороны ветхозаветных особенностей в образе восприятия Благодати, или, что то же, в жизни и воззрениях веры. – Что касается до *внешней* стороны в том же самом, – она зависела от того, как раскрывалась и видоизменялась самая среда видимого и земного, из которой наибольшею частью взимались и которой всегда соответствовали видимые и земные образы Божественно-духовного или благодатного. Эту среду вначале составляла патриархально-семейная жизнь верующих; далее – жизнь их племенная и народная; еще далее, гражданская и государственная; и наконец, более и более упадающая под игом порабощения и рассеяния – жизнь Израиля. Соответственно такому последовательному порядку и видоизменениям этой своей среды ветхозаветная вера и воспринимала грядущую благодать спасения в образах предметов и обстоятельств Богоправимой жизни сначала *патриархально-семейной*, потом *народной*, – *гражданской*, – *порабощаемой и упадающей*.

Для ясности и в подтверждение сказанного, представим весь ход развития Ветхозаветных особенностей в образе воззрений и жизни, – на одной общей картине.

Первое звено этого развития мы видели уже прежде, когда раскрывали происхождение и корень ветхозаветных особенностей в жизни и воззрениях веры. В оторванной от живоносного корня, однако еще свежей и зеленеющей ветви человечества, которая при том водружена была в духовный сосуд обетований и откровений о благодати спасения, так свежи и обильны были остатки эдемской удобосообщимости с Божественно-духовным, виднеющимся и слышным в самом естественном и чувственном, что, приняв с верою обетование о спасителе, осужденный на смерть праотец наш видел и признавал в своей жене, как в Церкви, духовное сокровище *жизни для всех живущих*; а праматерь, рождая детей,

принимала того или другого из них чуть не за самого Обетованного или за самые выразительные Его образы и залогов. Это мы уже видели выше. Таким образом Благодать спасения и стала предизображаться и верою предусвояться сначала в кругу и обстоятельствах *семейно-патриархальной жизни*. О том, как еще эдемски-внятно все видимое вещало людям о Духовно-небесном и (тем, конечно, живее и яснее давало им прозирать обетованные блага спасения), – нет нужды и говорить; так как первые люди и жили *прямо рая сладости* – этого неба первобытной жизни, которого они лишились, и *херувим с пламенным оружием* был открытым для зрения стражем *пути к древу жизни* (Быт.3:24).

И не одна тысяча лет прошла под этим *патриархально-семейным* порядком, который, впрочем, с продолжением времени, естественно более и более ветшал или утрачивал свою первоначальную силу и жизненность.

В первые времена, в сынах и потомках согрешившего Адама так свежи еще были оживляемые верою в Божественные обетования останки первобытной сообразности и общности с Сыном Божиим – Богом Словом, или, что то же, так светла и открыта была в верующих человеках печать *сынов Божиих* (Быт.6:2), что для благодатного просвещения и спасения своего им оставалось только не закрывать очей от этого, ярко еще для них сиявшего в земном, небесного отсвета. Но при сем и грех также не останавливался в своем развитии. И вот самые сыны Божии стали опускаться из виду горний отсвет, видный в земном и естественном, и привязывались просто уже к одной лепоте земного: *видевшие сыны Божии дочери человеки* (уже не более, как *человеки*), *яко добры суть, посяща себе жены от всех, яже избрала* (Быт.6:2). Богатое жизненностью семя сынов Божиих, повергаемое на чисто плотскую почву, могло и приносить только уже плотский плод, поражающий обилием и силою *только плотской жизни*: *егда вхождаху сынове Божии к дочерем человеческим, и раждаху себе: тии бяху исполины, иже от века человецы именитии* (Быт.6:4). И таким образом, среди обилия останков первобытной жизненности и свежести, при ярком во всем отсвете духовно-Божественного, все почти человечество

стало *плотью*, в которой *Духу Божию* не было уже места (Быт.6:3.). И всемирный потоп смысл страшно разросшееся, в виду еще (можно сказать без иносказания) самого Эдема, нечестие первого мира, который не хотел знать и чтить, так близко всеми и во всем ощущаемого, Божества.

В последующие за тем времена семейно-патриархальный быт продолжался еще в человечестве, хотя уже более и более переходил в быт племенно-родовой и народный по различным племенам и языкам. Также и восприимчивость к видимому и слышному в земном и чувственном духовно-Божественному и благодатному была еще очень жива и отличалась самою непосредственною или чисто патриархальною простотою; впрочем, она была уже столько возмущаемая увлекаема естественною греховностью, что человек и не теряя из виду высшего Божественного отсвета в дольном или чувственном, стал, без управления правою верою, приписывать ощущаемую им Божественность самому видимому и дольному. Началось, таким образом, языческое служение тварям как божествам, перемешавшее и самые чистые предания с баснями. И вот, для предостережения от этого нового заблуждения, охватившего почти весь тогдашний мир, по распоряжению Божию оказалось нужным – вывести или изъять из ряда размножающихся племен и языков истинно-верующего патриарха и его род, которому и даны были Божии обетования о происхождении именно от него грядущего Спасителя всех племен и народов земных. И тайны обетованного Спасителя и благодатного спасения продолжали, с эдемскою почти простотою, проявляться в семейно-патриархальной жизни преимущественно (но еще не исключительно) этого избранного семейства и рода; а для утверждения правой веры против усиливавшегося заблуждения боготворить самые видимые отображения Духовно-божественного, умножились чрезвычайный откровения и Богоявления. Такова история Авраама, Исаака и Иакова с их семействами и еще, вне избранного рода, такова история Иова.

В последствии – отделенный от языков род Авраамов размножился в народ; а усиливающаяся греховность, извращая в человеке духовную чувствительность к видимой в творениях

присносушной силе Божества (Рим.1:20), неудободержимо увлекала человека к обожанию тварей и к необузданности страстей (как это с чрезвычайною поразительностью открывается в истории обстоятельств и поступков странствующего из Египта, избранного народа). В таком состоянии человечества, обетованная Христова благодать предъявляла себя в среде и событиях *народной жизни*, поставив избранный народ под строгую стражу закона, изобразив духовные свои блага и внушения в точно определенных постановлениях, относящихся впрочем к ярко еще отсвечивающим духовною знаменательностью видимым и естественным предметам, как-то: к кровавым жертвам, к очистительным омовениям, к чистым и нечистым животным, к разделу и благам обетованной земли, и проч, и проч. Под таким водительством, образно-открывавшейся Христовой благодати, Израиль занял завоеванную им землю обетованную, как область обетованного спасения. Возделывание и плодоношение этой земли, освященное праздниками, оттенялось для верующего также благодатною знаменательностью. Враждебные языческие племена, окружавшие Божий народ и, при умножавшихся неверностях последнего Господу, озлоблявшие этот народ, внятно выражали собою силу и значение духовных врагов спасения. И юный Божий народ жил под управлением прямо Божией десницы, всегда для него ощутительной и особенно проявляющейся в откровениях, то смиряющей своеволие народное общественными бедствиями, то милующей и спасающей озлобляемый и исправлявшийся народ чрез Духоносных вождей; народная жизнь Израиля и была духовно-церковною его жизнью в доме небесного Отца, ограждаемую оттеняющим будущие Христовы блага законом.

Век Давидов и Соломонов, до которого уже мы дошли, представляет как бы расцвет развития ветхозаветного образа воззрений и жизни верующих. Ибо, с одной стороны, народная жизнь Израиля (хотя пополам с греховным самоволием, которое потребовало себе царя у Бога, с некоторым пренебрежением Божественного управления (см. 1Цар. 7. 8), и за то наказано было бедствиями Саулова царствования), успела развиться в

такое Богоправимое *гражданство*, которое получило себе царей по сердцу Божию – Давида, принявшего от Бога обетование о происхождении Христа Спасителя именно из его царственного рода, и Соломона, удостоившегося Богоданной премудрости и вместе славы воздвигнуть Всевышнему единственный в мире храм. И в принадлежностях этого Богоправимого гражданства (каковы в особенности составляющее средоточие его – Сион и Иерусалим с храмом), по преимуществу же в самых лицах этих великих царей – грядущая Христова благодать нашла новые светлые образы, новые выразительные залогов своих духовных благ. С другой стороны, духовно-Божественное и благодатное, отражавшееся для веры в чувственном и земном, нашло для себя (главным образом также в Давиде и Соломоне) Богодвижные органы к своему словесному выражению в Богодохновенных песнях (разумею *Псалтирь*), – в высоких уроках и созерцаниях небесной Премудрости и любви (разумею *книги Притчей Соломоновых, Екклесиаста, Песнь песней*).

Но слишком кратковременен был этот прекрасный расцвет ветхого завета: потому что видимое и земное, сколь бы светло ни отсвечивалось небесным и духовно-благодатным, при отсутствии самой сущности истины и благодати – естественно должно быть непрочным и при беспечности кончиться суетою (что во всей горечи испытать, сознать и почувствовать и дано было от Духа Божия именно Соломону)¹⁴. И вот, вслед за Соломоновым царствованием теократическое гражданство Израиля распалось на две половины, из которых наиболее значительная¹⁵, потеряв храм и истинное Богослужение, не в слишком продолжительное время совсем почти растлилась язычеством и потому была пленена и рассеяна в языческом мире. Но и оставшаяся¹⁶ половина, с своими царями из Давидова рода и с храмом истинному Богу, упала в веру до того, что для нее тускнели и померкали не только издревле светившиеся, но и так еще недавно данные образы и залогов обетованного спасения и Спасителя. В таких-то обстоятельствах обетованной благодати Христовой, если она не хотела вовсе оставить человека, оставалось одно – открывать избранному народу с

евангельскою ясностью те свои стороны, образы которых померкали и затемнялись греховностью. Так напр. дом Давидов, столь недавно получивший обетование о происхождении из него Спасителя, при напоре сильных врагов, уже как сам не сознавал, так и в глазах других терял свою духовную знаменательность, указующую на непреложное спасение, и предавался страшному унынию и отчаянию вместе с своим народом (Ис.7:2). В этом случае, назnaменованную в доме Давидове тайну спасения, именно происхождение из сего дома самого Спасителя, предлежало открыть уже с простотою евангельскою: *се Дева во чреве зачнет и родит Сына* и пр. (Ис.7:14). Так же, когда предизображающая искупительную смерть Христову кровавый жертвы, по лицемерию и другим грехам приносивших оные, становились мерзостью в очах Божиих и тем совершенно омрачались для веры: то искупительная смерть Христова открываема была, по необходимости, уже в евангельском свете не только по своим обстоятельствам, но и по своему таинственному значению (Ис.53). И вот в пророческих книгах, и по преимуществу в кн. пророка Исайи, наряду и во внутренней связи с образными откровениями, встречаются целые страницы евангельски-ясных предвещаний о великой тайне Христовой. Так, истинной вере, и среди сумраков неудержимого увлечения народа Божия к языческим заблуждениям и порокам, не престава́л быть видным путь спасения.

Для оживления растлеваемого необузданною греховностью ветхозаветного порядка вещей употреблено, наконец, последнее решительное средство, сила и значение которого определяются тем, что сокровище, пренебрегаемое человеком при его обладании, оценивается по достоинству тем же человеком при его лишении. Народ Божий был отведен в плен, и – все образы, все видимые залого пренебрегаемой и преогорченной Благодати были осквернены или разрушены. И на реках вавилонских избранный Божий народ вспомнил Иерусалим, как бы утраченное царство небесное... По возвращении же в землю обетованную, иудеи являются в своем большинстве уже свободными от своего страстного увлечения язычеством,

подобно как иной христианин, испытав за упорную измену Христу всю горечь и беду жизни безблагодатной, по обращении своем уже сам с живостью отвращается от своих прежних идолов. И было в остатках народной жизни у Божия народа время, хотя самое краткое, когда вечерний и почти уже заходящий свет отражающегося в земном и чувственном горнего и Духовного еще раз блистательно озарил этот народ победоносною свободою и славою (при Маккавеях). И вера, которой дано, в этот остаток ветхозаветных времен, уже самой входить в свет данных прежде откровений без нужды в новых откровениях, успела сделать несколько таких духовных опытов верного и живого изучения слова Божия, что эти духовные опыты, как относящиеся к урокам Божественного воспитания ветхозаветной веры в образ и руководство для веры новозаветной, христианскою вселенскою Церковью признаны за священно-поучительные для всех верующих на все времена, вместе с откровениями Слова Божия. Разумею здесь библейский отдел неканонических Св. книг, как-то: книги премудрости Соломоновы, Иисуса сына Сирахова, Товита и другие. Но при всем этом и греховность человеческая сделала, так сказать, тоже последние усилия к окончательному и решительному извращению Богоданного завета тех времен. Отвращение от язычества мало-по-малу превращалось у Иудеев в самомнительное отвращение от самых язычников и в духовно-горделивое сознание своего достоинства, как Богоизбранного народа, потомства Авраамова и проч... Ревнивая верность и усердие к Божию закону и пророкам понемногу превращалась в неразумное и рабское ревнование по одной мертвой букве закона и пророков. с забвением живительного их духа и силы, с невольническим страхом казней за неверности¹⁷. Самое исполнение Богооткровенных заповедей незаметно так настраивалось, что иудей, исполнивший то или другое предписание Божия закона, признавал уже себя в этом отношении правым пред Богом и людьми; и таким образом, вместо Божией правды, которую вера и верность Богу должны были, как дар, воспринимать от Него, иудеи в воззрениях и в жизни начали горделиво поставлять свою правду, как заслугу

собственных дел пред Богом и людьми. Самые даже, взятые из области чувственного и земного, образы грядущей Христовой благодати, которые уже давно утратили свой первоначальный живой блеск, большею частью иудеев соблюдались и понимались в таком смысле, будто Христос откроет мирское царство, преизобильное довольством, силою и славой мира сего, и чувственно покорит себе языческий мир. Так, по Апостольскому выражению, стал *по премногу грешен грех*, – самым *благим* (добром), и именно Божиим законом и откровениями, *содеяв смерть* духовную человеку (Рим.7:13)! Так изветшали и стали *неможны и худы*, бесполезны и недействительны – *стихии мира*, которые были средою и главными способами ветхого завета! Оставалось или погибать человеку, или явиться спасительной Благодати и истине вполне и прямо в своем существе: и Бог *Слово плоть бысть*, – пришел Сам, *исполненный истины и благодати* (Ин.1:4).

Таково развитие (от начала до конца, хотя изложенное в самых кратких чертах) ветхозаветного образа жизни и воззрений веры и Церкви! Кому угодно сообразить это развитие с ходом и развитием и прочего человечества, относящегося к Церкви, как к своей сердцевине или к жизненному для всего мира зерну: тот пусть возьмет во внимание, как сильно языческий Восток, ранее прочего языческого мира пробужденный к общественной жизни, был движим и, можно сказать, подавляем своим нелепым благоговением к природе и к собственным чудовищно-фантастическим созданиям, – как живо Эллины сознавали человека по самой его наружности «боговидным» (по выражению их же книг)¹⁸, – как всюду в природе – в заре, в солнце, в земле и проч., они чувствовали (хотя и извращали в своем представлении) Божественное, – как у них боговидные и богоравные, вместе и с самими их божествами, любят есть и пить, и – это, при всей своей видимой несообразности с горним, не представляется однако простою животностью, какою ныне показалась бы подобная чувственная жизнь. Из этого до очевидности ясно, что вообще древнее человечество, даже и при отуманенном и возмущенном грехом духовном чувстве, весьма чутко было к Божественному в самом земном и

видимом, что оно, по своей греховности, неудободержимо увлекалось к смешению Божественного с отображающими его тварями, и что, потому, крайне опасно и неблагоприятно было в такие времена открывать человеку вполне Божественную истину и благодать, что, наконец, еще удобно было уроки Божественной истины выражать для веры в чувственном, в самом даже *ядении или питии* (Кол.2:16). Или и это трудно понять, что почва ветхозаветного Мира была общая, как для пшеницы веры, так и для плевел отпадения от веры, и что, следовательно, и от прозябения сих последних, она может быть уясняема? Так духовная почва и нашей современности, если надобно изучать эту почву для более успешного духовного земледелия, может и должна быть разъясняема не только тем, как на ней растет пшеница Божией истины и веры, но и тем, как на ней же прозябает и мнящаяся пшеница – пустоколосица и плевелы.

3 часть

Заклучим наше исследование ветхозаветных особенностей в жизни и воззрениях веры нужными выводами по отношению к новозаветным воззрениям и образу жизни по вере.

Мы, верующие сыны нового завета, верою разумеем и в жизни усвояем себе уже прямо самое существо и силу Христовой истины и благодати, которую в ветхом завете разумели и усвояли более или менее образно. Итак, не потеряло ли уже для веры своего духовного значения видимое, чувственное, земное, и в особенности жизнь семейная, народная, гражданская – эта среда ветхозаветной образности? Никак, если только мы сами не захотим допустить, чтобы все это было у нас только *плоть*, отревающая от себя Духа Божия. Дело в том, что ветхозаветная вера, как возрастающее и воспитываемое дитя (Гал.4:1–3), чрез образы возводилась к проразумению и предусвоению спасительной благодати и истины: теперь, в новом завете, вере дано ходить в открытом свете Христовой истины и благодати, и этим светоносным началом с отчетливым сознанием освещать для себя все – и внутренний мир души и внешний мир природы, истории и проч. Что же отсюда следует для нашей веры относительно земного и чувственного? То, что это земное и чувственное, возводившее ветхозаветную веру к духовному и божественному чрез простые непосредственные впечатления на чувства, теперь новозаветною верою может и должно быть уже с отчетливым сознанием, с сыновнею свободою, как изучаемо, так и употребляемо именно в том своем значении, что вся эта область земного и видимого, природа и человеческий мир, в целом и в частях до подробностей, в законах, в силах и в их проявлении, выражают мысли Отца небесного, осуществленные Его едиnorodным единосущным Сыном, совершенные Св. Духом, – и в том же Христе, Сыне Божиим по благодати Св. Духа доступные нашему разумению и усвоению. Чрез это только и могут возвышаться до истинной высоты нового завета наши воззрения и наша жизнь; чрез это просто, сами собою

примиряются нередко борющиеся направления: ревность по благочестию – в одних, и стремление к живой мыслительности, к отчетливой деятельности – у других. Вас снедает ревность по вере? Не давайте же оставаться зарытыми, не выведенными на свет знания и употребления, безмерным сокровищам Божиим – в природе, в человечестве, во всем видимом и земном. Или вы томитесь жаждою знаний, снедаетесь стремлением к деятельности, ревностью о преспеянии всего, вас окружающего и с вами связанного? Наш Господь и Спаситель, усыновивший нас своему небесному Отцу, сам того же желает; Он дает дела всем и требует дела у всякого и на всяком поприще. Ибо Он стал человеком для того, чтобы *все человеческое* принадлежало Ему, и чрез это очистилось и спаслось от всякого растления лжи и греха. Поэтому будем работать мыслью или руками уже не на заднем каком-либо духовном дворе, наряду с незнающими Христа (или, может быть, и с бессловесными), а в доме Отца небесного, как Его дети и наследники Его сокровищ во Христе Сыне Божиим.

Что касается в особенности до жизни семейной, народной и гражданской, – в ветхом завете все это составляло среду, поднимавшую верующего к воззрению издали на грядущую Христову благодать и к усвоению ее благ. А теперь мы, уже знающие и имеющие во Христе самое существо благодати и истины, можем и должны уже прямо и вполне сознательно созидать, и развивать свое, и семейное, и народное, и гражданское, благоустройство – на основании Христовой истины и благодати. Так, в ветхом завете в патриархально-семейной жизни, супружество, дети давали предощущать верующим обетованного Божественного потомка Христа и союз Его с Церковью: теперь в новом завете Божественный союз Христа и Церкви благодатно отображен в каждом супруестве, и – вере остается только *не вотще принимать* эту благодать, а напротив всегда внимать ей и чрез это приводить ее всегда в живое движение. В ветхом завете народ избранный и земля обетованная удерживала свою духовную знаменательность, именно как Божий народ, как Божия земля: в новом завете уже вполне известно, что сам *Бог Слово во плоти* жил под

условиями народной и гражданской жизни на земле, и это для всего человечества на все времена: и таким образом, вере нашей в воззрениях и жизни, относительно гражданства и народности, предлежит только удерживать за ними и проводить дальше и дальше в их области эту великую благодать, делающую и земное наше жительство небесным. Не забудем главного:

Благодать и истина открыты и даны нам, христианам, в самом своем существе: но надобно нам в воззрениях и жизни не зарывать, а употреблять в самое дело Божественное сокровище Христовой истины и благодати. Тогда *вся Божественные силы яже ко животу* будут действовать в нас во Св. Духе (2Пет.1:3), и *вся сокровища премудрости и разума* будут раскрываться для нас во Христе (Кол.2:3). Иначе же, само собою разумеется, что и православные христиане, при всей высоте своего новозаветного призвания, будут не только в семейной или гражданской, но и в духовно-церковной жизни такие же плотские люди, как и прочие сыны Адама и Евы, пробавляющиеся только естественно немощными силами и идущие естественно разбитыми путями; – в чем уже и начали ныне гласно признаваться с благородною откровенностью¹⁹. Так в жизни! Такая же несчастная несостоятельность неизбежна и в воззрениях христиан, коль скоро мысль последних или не будет достаточно вникать в Христову истину, как бы в землю зарывая это небесное сокровище, или не захочет Христа признавать своим всеуясняющим светом и верховным началом, позычески блуждая своими самовольными путями. В первом случае, воззрения христианские окажутся односторонними, узкими и даже мертвыми; доказательств на это мы не станем приводить. Во втором случае, воззрения рано или поздно так запутаются, что мысль окажется – в безвыходном положении. Доказательством этого может уже служить ныне и новейшая философия. С глубоким вниманием и совершенным беспристрастием следящие движения философии находят, что, в области философии, логической способности разума ничего не остается более делать... «Или искомое знание (высшего Всеначала) для нас вовсе недоступно, или – доступно, но может

быть достигнуто только совсем иным путем, путем непосредственного реального соотношения с предметом знания» (Рус. Беседа 1859 г. III. Рационалист. движ. философии). Подобным образом запутаться в воззрениях и сбиться в жизни и самый ветхозаветный человек успел только к концу ветхозаветных времен.

Что, впрочем, такой крайней беде подвергся христианский Запад, – это еще понятно. Как скоро Запад не захотел держаться одного небесного главы – Богочеловека Христа так, чтобы духом своим быть в благодатном, по силе Св. Духа, единении и сообразовании с самим едиnorodным Сыном Божиим и в Нем с небесным Отцом: то это отпадение от православия было то же для западного христианства, что вторичное лишение рая, возвращенного нам Христом. Ибо сила райской жизни человека, как выше мы видели, и состояла именно в живом, всем видимом, поддерживаемом общении и сообразовании с едиnorodным Богом Словом и в Нем со Отцом, по благодатному действию Св. Духа. Утратив же снова этот рай или духовное небо чрез признание земного верховного главы и самодержавного в Церкви отца, западный человек естественно уже потом доходил до того, что все Божественные силы, открытые во Христе людям, приходили у него в бездействие и оскудение (ибо они приводятся в живое движение в нас не иначе, как чрез неуклонное направление веры нашей к самому Божественному – главе Церкви – Христу), а остаток их действительности, с продолжением времени, стал западный человек приписывать уже самому себе, природе и проч. (как это было, только в другом, наружном виде, в ветхозаветные времена). Отсюда своего рода обоготворение нашего разума, человечности, природы. Все это на Западе шло, так сказать, логическим порядком, уже проложенным в ветхом завете: только в новозаветные времена этот порядок шел уже не чувственно-образно, но, по свойству новозаветных времен, уже духовно в мысли и нравах. Но, как и у нас, православных, во многое вкралась та же самая беда? Не допущена ли она (отчасти) и к нам, собственно, для того чтобы предостеречь нас от духовной гордости пред другими народами, от которой так

страшно погиб ветхий Израиль? Но мы, как православные, и без того должны знать, что православие или беспримесная с ложью Христова истина есть сокровище для всего мира, и что, следовательно, мы, обладатели этого сокровища, оказываемся должниками пред всем миром, – такими должниками, с которыми на страшном Христовом суде будут судиться все народы, если не стараемся достаточно и доступно для всех раскрыть истинно-всемирное значение этого, обладаемого нами, сокровища православия. Или, может быть, странное до непонятности, но столь обыкновенное у нас – невнимание к этому светоносному сокровищу есть ни более ни менее, как признак нашего духовного детства? В этом случае особенно не мешало бы нам приглядываться к ветхому завету.

Апостол Павел ветхозаветное состояние спасаемого человека сравнивает именно с детством или несовершеннолетием наследника: *в елико время наследник млад есть, ни чимже лучший есть раба, Господь сый всех: но под повелители и приставники есть даже до нароча отча: такожде и мы...* На этом основании и обратно – состояние несовершеннолетнего человека, или даже целого народа, которому вручено всемирное наследие чистой Христовой истины или православия, но который, в своем большинстве, сам не знает и легкомысленно не заботится узнать свое духовное богатство, – можно приравнять некоторым образом к ветхозаветному состоянию человечества, состоянию сына и наследника как бы под опекой. И в самом деле, то состояние России, когда большинство в ней более или менее безотчетливо держалось начала православия, некоторые у нас и представляют состоянием «под опекою религиозного начала», – так, именно выразился почтенный писатель истории древней России²⁰. Пора бы Русскому народу, достигающему уже тысячелетия своей многоиспытанной жизни, понять и содержать свое «религиозное начало», начало православия, – это небесное наследие для всего мира, – уже не как состоящему под опекой недорослю, но с свободною преданностью и всестороннею отчетливостью веры – достигающего духовной зрелости наследника-сына. Надобно же нам быть благосознательными

пред нашим во Христе небесным Отцом, и пользоваться, сколько возможно, полным светом Его благодати и истины, столь необходимым и для нас, и для всего мира – Западного и Восточного.

4. О божественном законодательстве чрез св. пророка и боговидца Моисея

О божественном законодательстве, ходатаем которого (Гал.3:19) был Боговидец Моисей, намерены мы говорить с тою же мыслью, с какою говорили вообще о ветхом завете²¹: хотелось бы помочь любящим истину, и особенно подвизающимся на поприще мысли и слова, – находить в ветхозаветных книгах слова Божия благопотребные указания и руководство по разным вопросам и нуждам нашего времени. В Израиле, которому дан был чрез Моисея Божий закон, явился миру народ, Богоизбранный и Богоправимый в образец для всех верующих народов: в нем образно открывались духовные нужды и опасности вообще спасаемого Богом человека. Только уже надо нам следить не изветшавшую форму, а живой дух и самую силу Богоправления в этом народе. Следует нам раскрыть, в живой силе дела, *во-первых* – *то*, в каком состоянии найден и в какое состояние поставлен Израиль, или вообще спасаемый человек, Богоданным Моисеевым законом, *и во-вторых* – *то*, каким для этого орудием и сосудом Божественной премудрости и любви оказался и послужил Моисей. И тогда, *в-третьих*, Божий закон, начертанный в Пятикнижии Моисеевом, легко может открыться нам в живом значении благодатного руководства, простираемого от Бога и к нашему времени, указующего его опасности и нужды духовные, с выходом из них, и вразумляющего, как каждый из нас, на своем месте, может споспешествовать этому спасительному выходу...

1 часть

Итак, мысленно перенесемся ко временам Моисея и вникнем в обстоятельства и потребности тогдашнего человека, в руководство которого ко спасению дан был первоначально закон Божий, содержащийся в Пятикнижии. Само собою разумеется, что этим историческим делом мы должны заняться не так, чтобы у нас вскрылось минувшее, как гробы с костями, имеющее значение уже только археологическое. В отношении к делу спасения в его существе, человек тогдашний и нынешний не имеют существенного между собою различия и не допускают взаимного разрыва; ибо существенные нужды и способы спасения одни и те же для всех времен. Итак, намереваясь раскрыть обстоятельства и потребности человека Моисеевых времен в отношении к делу спасения, мы займемся не совсем чужими нам обстоятельствами и потребностями, но будем как бы припоминать прошлое из нашей же человеческой жизни, относящееся к самому бесценному и важному для всех нас делу спасения нашего. Такую точку зрения, относительно времени Моисеева и вообще прошедшего в церковно-духовной жизни человечества, утверждает для нас Апостол Павел, когда говорит о минувшем в роде человеческом и Церкви, как бы об испытанном и пережитом им самим: *аз живях кроме закона иногда: пришедшей же заповеди, грех убо оживе, аз же умрох* (Рим.7:9).

Рассмотрим сначала внутреннее, а потом внешнее состояние человека спасаемого, его внутренние и внешние удобства и затруднения, опасности и нужды в деле спасения, при Моисее.

Приведенные сейчас слова Апостола указывают на одну из самых главных сторон внутреннего состояния человека, в каком застал еще его закон Моисеев: – *аз живях кроме закона иногда* («я был жив некогда без закона»). Какую жизнь понимает здесь Апостол? Этой *жизни*, какую имел человек *кроме закона иногда*, Апостол далее противопоставляет *смерть* того же человека, произведенную грехом посредством самой заповеди закона

(грех бо вину приемь заповедию прельсти мя и тою умертви мя, Рим.7:11), – смерть, как очевидно, духовную. Отсюда понятно, что и жизнь он понимает духовную же, и следовательно, как бы так он сказал: живях духом, которого грех еще не успел вовсе убить. Но как Апостол в том же послании (одною главою выше настоящего места, в 5 гл.) показал, что еще в Адаме во вся человеки вниде осуждение смерти (Рим.5:18): то ясно, что сказано: живях, в смысле не безотносительном, т. е. не в том, чтоб человек до закона жил вполне первобытную жизнь в Боге, но разве в том, что он имел, сравнительно с последующим временем, значительнейшие останки первобытной жизни, хоть в корне поврежденной, – останки, уже после законодательства Моисеева, истощенные грехом.

В самом деле, посмотрите, в какой еще близости к Богу, с какою живою приемлемостью к Божественному нашел человека самый закон. *И взыде, так повествует книга Исход (Исх.24:9–11), и взыде Моисей, и Аарон, и Надав, и Авиуд, и семьдесят от старец Израилевых. И видеши место. идеже стояше Бог Израилев: и под ногами Его яко дело камене сапфира и яко видение тверди небесная чистотою* (т. е. под ногами Его нечто подобное работе из сапфира, подобное самому ясному небу). *И от избранных Израилевых неповредися ни един* (собственно: и Он не простер руки своей на избранных из сынов Израилевых). *И явишася на место Божие и ядоша и пиша* (т. е. они видели место Бога, и ели и пили). Очевидны здесь светлые следы эдемской жизни, когда люди слышали глас Господа Бога, ходящего в раю (Быт.3:8), и предметы чувственного вкушения относились к открытым урокам и способам Божественного откровения. Но вместе с сим приметим, что только «избранные из сынов Израилевых» допущены до такой райской свободы и простоты Боговидения. Притом, из всех многочисленных и разнообразных чудесных явлений, при Моисее, не было еще другого подобного случая, когда, кроме Моисея, несколько десятков старейшин израильских так удобоприступно и просто видели место стояния Божия, еще же ели и пили при этом. Да и в изображение настоящего случая Боговидец Моисей нашел

нужным заметить, как видно, нечто уже необыкновенное, что Господь Бог «не простер руки своей на сих избранных из сынов Израилевых». При первом Боговидении сам Моисей, как сказано в 3 гл. (Исх.3:6): «закрыв лицо свое, потому что боялся воззреть на Бога». Во время синайского законодательства, сам Господь строго подтверждал народу чрез Моисея «чтобы он не порывался ко Господу, чтобы видеть», *да никогда, приступят к Господу уразумети и падут из них мнози (Исх.19:21)*. После уже самого опыта слышания Божиих глаголов не только весь народ говорит Моисею: *глаголи ты с нами, и да не глаголет к нам Бог, да не когда умрем» (Исх.20:20)*; но и самые избранные из сынов Израилевых, их старейшины, выражали то же, с обстоятельным объяснением своей неспособности к открытым и непосредственным Богоявлениям: *и бысть яко услышаште глас из среды огня, говорил Моисей, вспоминая синайские обстоятельства (Втор.5:23–27), и приидосте ко мне вси начальницы племен ваших, и старейшины ваши и ресте: се показа нам Господь Бог наш славу Свою, и глас Его слышахом. И ныне да не измрем... Аще приложим мы слышати глас Господа Бога нашего ктому, и умрем. Кая бо плоть, яже слыша глас Бога жива... яко же мы, и жива будет? Приступи ты, и проч.* Вот уже до какой степени дошел тот страх грешных людей пред лицезрением Божиим, которого началом было стыдливое движение первых преступников скрыть от Бога свою наготу (Быт.3:8–10)! Мало сего, – до того уже уменьшилась естественная близость и приемлемость человека к открытому общению с Богом, что уклонение от сего могло происходить не только по невольному движению в человеке нечистой и обличающей совести, как в прародителях, или даже по упорству, как в Каине, скрывшемся от лица Божия после братоубийства и суда над ним Божия, – но уже и по свободному и святому движению благоговения и чистого страха Божия, как бы, столько отдалясь от Бога грехом, не оскорбить Его открытым к Нему приближением. Так подданные, чем отдаленнее живут от местопребывания и лицезрения царя, тем более по самому благоговению к священной особе царя, признают себя недостойными его лицезрения; тогда как

намеренное уклонение от того же лицезрения, при всегдашней его удобности и доступности, было бы знаком вообще недобрых отношений таких подданных к царю. Сюда же относится и из сказанного объясняется следующее замечательное обстоятельство: некогда уклонение Каиново от лица Божия было выражением решительного его отпадения от Бога и Его Церкви, – а теперь уклонение сынов Израилевых от слышания гласа Божия сам Господь приемлет, как изъявление с их стороны достойных и святых чувств к Богу. *И услыша Господь глас словес ваших, глаголющим вам ко Мне, – говорил Моисей об отречении Израильян открыто предстоять лицу Бога и слышать Его глас и, – и рече Господь ко мне: слышах глас словес людей сих, елика глаголаши к тебе: право вся, елика глаголаша. Кто даст, еже быти тако сердцу их в них, яко бояться Мене, да благо будет им и сынам их во веки. Гряди, рцы им: возвратитесь в дома своя. Ты же стани zde со Мною и возглаголю к тебе вся заповеди и оправдания и суды, еликим научиши их* (Втор.5:28–31).

Итак, из всех указанных случаев выходит такое общее заключение о приемлемости человека к Богоявлениям и Боговидениям: с одной стороны, столько еще она жива была сравнительно с последующим, что можно было по крайней мере избранным возноситься даже до райски-свободных и простых видений Божественных, а в некотором отдалении быть свидетелями, хотя не столь простых, сколько поразительных явлений силы и слова Божия, было доступно и сродно еще всякому верующему; но, с другой стороны, столько уже оскудела она сравнительно с прежним временем, что разве избраннейший из самых избранных мог свободно принимать и выносить продолжительные и частые Боговидения и Богооткровения, а все прочие необходимо, по самому долгу благоговения пред Богом, требовали уже посредника для принятия от Бога откровений. Это заметим.

Книга Иова (содержание которой показывает во внешнем состоянии человека довольно уже развитые начала жизни *народной*, а во внутреннем явные еще следы и резкие черты жизни *патриархальной*, и следовательно, относится к времени

переходному или колеблющемуся между патриархальностью отживающею и возникшею народностью, – ко времени, очевидно, отчасти еще застигнутому Моисеем²² дает нам удобство глубже вникнуть во внутреннее отношение духа человеческого к Духу Божию, в то время. Первозданная духовная природа человека была такова: «Иегова Бог, – говорит св. Бытописание, – вдунул в ноздри его дыхание жизней» (Быт.2:7). Не только сам Иов еще живо ощущал и сознавал в своей душе дыхание Божие или, то же сказать иначе, сознавал свою душу оживляемую и дышащую Богом: «доколе есть во мне дыхание и *Дух Божий в ноздрях моих*», так говорит страждущий праведник (Иов.27:3), – но и юнейший из его собеседников, осмелившийся обратиться к нему с своею речью уже после многих продолжительных бесед троих друзей Иова, – вот еще как богат и силен был остатком первобытной духовной жизни, животворимой внутренне самим Духом Божиим:

Я полон речами,

Дух теснит грудь мою.

Вот грудь моя, как с неоткрытым вином,

Рвется как новые мехи.

Поговорю, и – мне будет легче».

(Иов.32:18–20,)

И он же так изъясняет свое состояние:

«Дух Божий настроил меня,

И дыхание Вседержителево оживило меня».

(Иов.33:4).

еще то же, но касательно вообще человека:

«Дух в человеке, и дыхание Вседержителево дает ему смысл».

Что здесь речь точно о естественных останках в человеке первобытного духовного света и жизни, а не о вышеестественном Боговдохновении, свойственном например – пророкам и апостолам, видно из того, что юный Елиус, так настроенный Духом Божиим и оживленный «дыханием Вседержителевым», столь же несправедливо и даже в более резких выражениях винил и осуждал праведного Иова, как и другие его собеседники. Что сказанное Елиусом было

отражением общего духа того времени, а не просто юности и личности его самого, – в доказательство сего приведем слово другого и при том старейшего из друзей Иовлевых (Елифаза). Он рассказывает, с какою необычайною живостью он ощущал своим духом Духа Божия, углубясь в уединенные размышления:

«Среди размышлений, прежде ночных сновидений,
Когда сон нападает на человека,
Объял меня страх, и трепет,
И все кости мои потряс:
Понесся передо мною Дух,
Волоса на теле моем стали дыбом;
Он остановился, лица его рассмотреть не мог;
Только облик стоял, пред глазами моими.
Тишина... и слышу потом, голос».

(Иов.4:13–16.)

О подобных же случаях духовного соприкосновения души с Духом Божиим Елиус говорит просто, как о явлениях обыкновенных.

«Бог говорит – однажды (вразумляя человека в случае какой-либо его погрешности);

И, если этого не заметят, – в другой раз.

Во сне, в ночном видении,
Когда он находит на человека,
Во время дремоты на ложе.

Тогда он открывает человеку ухо,
И не запечатлевая, дает им наставление,
Чтоб отвести человека от какого-либо дела».

(Иов.33:14–17).

В такой еще степени дух человека, долженствующий по своей первозданной природе дышать и жить духом Божиим, естественно был близок, сроден и привычен к внутреннему соприкосновению с Духом Божиим. Но не опустим из виду и того, как при этом, с другой стороны, был близок дух человеческий уже к обольщению собственными мечтами, даже при добром и благонамеренном своем настроении. Так, тот же Елиус желал, по его чистосердечным словам, воздать достодолжное Создателю своему (Иов.34:3): но столь чистое и

высокое намерение не попрепятствовало ему допустить в своих речах крайнюю несправедливость против величайшего праведника и закрыть ее для себя сердечным убеждением в том, что он говорит по вдохновению Вседержителевым дыханием. И, следовательно, отличить внутренние внушения Духа Святого от собственных воззрений души свойственно было уже разве чрезвычайному избраннику Божию. Тот же собеседник Иова, ощущавший дыхание Божие в движениях своего духа, засвидетельствовал, что «истинный посол, нелживый истолкователь Божий может быть один из тысячи, который бы указал человеку долг его» (Иов.33:23).

Сделаем же общие выводы из сих наблюдений над внутренним состоянием тогдашнего человека и подтвердим их фактами из современности Моисея, описанной им самим.

Опасность для тогдашнего человека смешать, при внутренних озарениях, свет Божий с собственными движениями и взглядами, – опасность, от которой не избавляло уже и чистое намерение или высокая духовная ревность, как оказалось в Елиусе, необходимо требовала великой перемены в домостроительстве человеческого спасения. Истинное и чистое просвещение человеческого духа Божественным Духом должно быть уже только особенным чрезвычайным призванием тесного круга избранных, а для общего состава тогдашней Церкви (не исключая и верных ее чад) должно составлять только предмет чаяния и желаний. Особенно ясным и поразительным доказательством на это может служить тот случай, когда для Моисея оказались нужными помощники в его служении (Числ.11:16). По слову Божию, Моисей собрал семьдесят мужей из старейшин народа и поставил их около скинии. «Тогда, – так повествует книга Чисел, – сошел Господь в облаке и говорил с ним (Моисеем), и взял от Духа, который на нем, и дал семидесяти мужам старейшинам; и, когда почил на них Дух, они стали пророчествовать». Стали также пророчествовать двое из избранных же мужей, случайно не бывших при скинии. Но это вдохновение последних, открывшееся у них не при святилище, а просто в стану народном, сейчас же показалось ближайшему к Моисею человеку и притом будущему его преемнику (Иисусу

Навину) притязанием на совместничество с Моисеем и, следовательно, увлечением собственной их мечтательностью, требующим строгости запрещения. *Господи мой Моисею, запрети им*, так говорил Навин. И хотя Моисей подтвердил истинность Боговдохновения Элдада и Модада, не препятствующую собственному его достоинству и служению, и даже изъявил горячее желание и некоторую надежду такого же дара и всей Церкви или всему Израилю (*егда ревнуеши ты мне*, отвечал он Иисусу Навину, *и кто даст всем людям Господним быти пророки, егда Господь даст Духа своего на них*); однако, Божественное вдохновение и в получивших этот дар семидесяти избранных мужах прекратилось: *пророчествовала и ктому не приложиша*, «стали пророчествовать, и потом перестали» (Числ.11:24–29). Что же касается всецелого света спасительной истины, какой только тогда мог быть доступен и нужен был для веры, – такое просвещение Духом Божиим могло принадлежать, действительно, разве одному избраннейшему из самых избранных, пользующемуся полною свободою и открытостью Боговидения. Сие с поразительностью открылось в том обстоятельстве, когда даже Аарон и Мариам пророчица Богопросвещение своего духа смешали с своими мятежными внутренними движениями: ибо они, в качестве Богопросвещаемых людей, стали уничивать самого Моисея: «неужели только чрез Моисея говорит Господь? неужели Он не говорит *и чрез нас!*» И Господь о Моисее сам подтвердил, что только ему одному доступно полное озарение духа благопотребным тогда духовным светом: *послушайте словес Моих: аще будет в вас пророк Господень, в видении ему познаюся и во сне возлагаю ему. Не тако, якоже раб Мой Моисей, во всем дому Моем верен есть. Усты ко устам возлагаю ему*, «и даю ему видеть не в загадках, но он видит Образ Господень» (12:1–8). И таким образом, общему составу Церкви спасительная истина должна быть не только преподаваема вообще чрез внешнее научение, но и доверяема или внушаема Вере, для хранения и преемственной на будущее время передачи, уже не иначе, как во внешней строго-положительной форме, сколько возможно независимой от

произвольных действий самого человека; такую положительную формой и для того времени уже служили именно письма. В доказательство потребности в письменном изложении Божественной истины довольно сказать того, что после того, как сам Господь Бог в слух всего народа изглаголял десятисловие, во главе которого стоит заповедь: *Аз есмь Господь Бог твой, изведый тя из земли египетская* (Исх.20:2), – после того, как чрез это дух народа подвигнут был искренним и чистым благоговением, одобренным от самого Господа, – Израильтяне эту самую Божественную истину, уже духовно-действенную в них, смешали с своими мечтами и призраками. «Израиль, вот Бог твой, который вывел тебя из земли египетской», это слово первой заповеди говорили они вскоре уже о самодельном божестве. Сам Аарон увлекся общим оболъщением до того, что провозгласил: «завтра праздник Иегов»; здесь употреблено имя Бога, глаголавшего с Синая и самому Аарону, недавно влагавшего во уста свое Божественное слово пред Фараоном; но праздник разумелся – освящение тельца, пред которым Аарон и поставил жертвенник (Исх.32:1–8). Как доверить Божественную истину простой вере таких людей, всегда готовых извратить самую первую заповедь и высочайшую истину своими чувственно-мечтательными воззрениями? Посему-то сам Господь даже двукратно начертывал десятисловие письмами на скрижалях. Не говорим уже о нужде заключить в письма столь разнообразные частности Божественной истины, составляющие закон.

Но при таком оскудении духовной приемлемости к внутреннему Богопросвещению, с другой стороны, мы должны твердо помнить из сделанных выше наблюдений над внутренним состоянием тогдашнего человека то, как еще живо, хотя и с опасностью оболъщений, ощущал в себе человек дыхание Вседержителя. Прямо и необходимо отсюда следует такое заключение чрезвычайной важности: нужно только на таких людей действовать истинным Богооткровением и от оболъщения ограждать их незатмимым Богопросвещением одного, по крайней мере, их представителя и вождя, и – духовная благодатная сила Божественной истины удобно и

внятно может отзываться и действовать в их душах. Прочно ли, глубоко ли? Это – другой вопрос. Довольно того, что внешнее научение Божественной истине, наружные Божественные учреждения и разнообразные вышеестественные явления, по роду и значению своему, удобно могли проникать своим духовным светоносным влиянием в сердце каждого внимательного, как естественно, весьма еще чувствительное к веянию Вседержителя дыхания, и даже, при самом обольщении, мнящееся оживляться и возбуждаться сим Божественным дыханием. Прямое свидетельство о том, что вообще предписания и принадлежности Богоданного чрез Моисея завета не были внешнею мертвою буквою, напротив, удобно касались своим благодатным духом сердец и без затруднения могли сокровенною во всем законе благодатию Христовою двигать и проникать послушные души, дает сам Моисей пред концом своей жизни и служения: *Заповедь сия, юже аз заповедаю тебе днесь, не тяжка, есть, ниже далече есть от Тебе. Ни на небеси есть, и пр. Близь тебе есть глагол зело, во устех твоих, и в сердце твоём, и в руку твою, творити его* (Втор.30:11–14). Когда же самая положительная и внешняя буква Божественной истины сияла вообще для всех верующих столь животворным и действенным в их душах светом благодати: то душа, во всей глубине своей открытая Божественному спасительному свету в той его полноте, какая только была тогда доступна, могла даже отчасти предъявить в себе, хотя уже неудобовыносимо для прочих, славу совершенного спасения, простирающуюся до просветления самого тела. И такое состояние открытого духовного просветления, поколику еще упреждало совершение благодатного возрождения, могло быть не иначе, как еще также на основания остатков природной сообщимости с Божественным в человеческом духе и в естественных его отношениях к телу, и, значит, должно быть по необходимости временное и престающее. Такое состояние, выразительным образом обозначающее и обнаруживающее характер всего церковного домостроительства того времени, открылось именно в Моисее: «когда сходил Моисей с горы Синая.... тогда.... лицо

его издавало лучи от того, что Бог говорил с ним. Аарон же и все сыны Израилевы, видя, что лицо Моисея издавало лучи, боялись подойти к нему, и пр., так что Моисей должен был положить на себя покрывало» (Исх. 34:29–30). Итак, когда, на основании не ослабевшей еще сообщимости с Божественным самой природы человеческой, спасающая любовь Божия столь могущественно и славно могла раскрыться хотя в одном величайшем избраннике, а для прочих по крайней мере была внятна, ощутительна и удобоприступна: то понятно, что не было еще потребности явиться самому единому истинному и вечному Посреднику между Богом и людьми, или спасительной истине и благодати раскрыться во всей полноте и сущности своей. Напротив, для спасения человека достаточно было спасающей во Христе любви Божией продолжать домостроительство спасения еще на основании эдемских остатков духовного света и жизни, – домостроительства, очевидно, временного, которое уже и тогда, при всей своей действенности и светлости, начало уже закрываться покрывалом с своей высшей и светозарной стороны....

Все это заметим и пополним. Между тем с сей, так сказать, вершины человеческой природы, где дух человека общается с Богом, низойдем вниманием к тем духовным силам человека, которыми он действует в мире, в которых особенно усматривается степень или возраст естественного развития человеческого духа. Посмотрим на образ мыслительности тогдашнего человека, на его умственные и нравственные воззрения, на характер внутренних его движений и внешней деятельности. – Образ мыслительности его, равно воззрения умственные, всего яснее можно усмотреть опять из книги Иова – из содержащегося здесь продолжительного собеседования между Иовом и его друзьями. Кто хотя однажды читал сию книгу, тот знает, что у собеседников способ исследования и доказывания состоит, собственно, не в умозаклучениях рассудка, или не в нити отвлеченных мыслей, логически развиваемых. Таких мыслей здесь немного, и они просты. Со стороны друзей Иова: – «страдание и беды – участь грешных;

праведник должен быть благополучен: того требует правда Божия; так бывало и бывает». Со стороны Иова: – «хотя бы так надлежало быть, но бывает и противное; не дам оспорить чистоты моей совести, хотя и стражду беспримерно, не зная за что». Но и не простая наглядность или впечатления внешних чувств служат основой мысли в беседах: если бы в них, главным образом, внешние впечатления внушали или доказывали истину, то для исследования или поучения достаточно было бы просто указать на известные внешние предметы; а здесь – сильные, неудержимые и обильные речи. В чем же состоит главный прием и пружина мысли в сих беседах? Преимущественно в поражении духа *чрезвычайными впечатлениями, образами и картинами величественными и разнообразными*: отсюда – и это обилие и эта стремительность речи; отсюда, при столь многократном повторении мыслей, если брать их в голой отвлеченности, никак однако ж не повторяются здесь доказательства или возражения, в существе дела для того времени. Сам Господь Бог (как это и вообще обычно Его премудрости и благодати) снисходит к образу разума своих земных чад, вразумляя Иова сим же способом!»: т. е. в Своем явлении (в буре и вихре) и величественном слове действует главным образом на его воображение и внутренние чувства поразительностью и разнообразностью образов и картин. Прощальные речи Моисея, во Второзаконии, отличаются тем же самым характером. Итак, простота мысли, вынесенная из Эдема, где мысль человеческая питалась и раскрывалась преимущественно внешними простыми впечатлениями, уже не мало изменилась. Теперь требовалось просвещать и назидать веру сильнодействующими на воображение и движущими внутреннее чувство представлениями, возбуждались ли они *чрезвычайными и величественными явлениями, или поразительными и разнообразными искусственными учреждениями, или словом сильным, сопровождаемым поразительными обстоятельствами и обильным такими же образами*.

Перейдем теперь к рассмотрению самых воззрений или основных понятий умственных и нравственных, в Моисеев век.

– От не вовсе еще утратившейся удобоприступности человека к самому Боговидению и особенно от внутренней его чуткости к Божественному, о чем прежде была у нас речь, и от познавания истины чрез поразительные впечатления и образы, о чем сейчас мы говорили, – естественно происходило то, что человек, даже высшие духовные тайны и истины созерцал и понимал более или менее чувственно (т. е. чувственно по форме, а не по сущности, которая для истинной веры оставалась всегда духовная и благодатно действенная); равно и наоборот, видимое и чувственное, особенно чрезвычайное и поразительное, человек ощущал и понимал в значении и силе духовного, и в самых явлениях природы с восторгом видел или слышал Бога. В пример этого последнего воззрения к Божественному и духовному в видимом и чувственном довольно указать на то, как Елиус встречает начинающуюся грозу в видимой природе:

«И от сего содрогается сердце мое
И чуть не выпрыгнет из своего места.

Слышите ли гул гласа Его (Бога)
И гром, исходящий из уст Его?

По всему небу Он раскатывает его;
И свет молнии Его на краях земли....

Гремит Он величественным гласом своим,
...И дожди проливные в Его власти.

На руку всякого человека Он кладет тогда печать, чтоб вразумлять всех сотворенных Им людей» и пр.

(Иов.37:1–8).

Величественный пример чувственно-образного созерцания высочайше-духовных предметов, представляется нам в начале книги Иова, именно – в зрелище невидимого мира духов и самого Вседержителя, зрелище сокровенных духовных пружин Божественного мироправления. Обратите внимание здесь особенно на то, что это, выпренное по мысли, но чувственно-образное по изображению, зрелище Бога, пред Которым предстоят небесные Его служители и Которого манования раболепно следит и выполняет сам мятежный сатана, введено в историю не как внутреннее видение какого-либо Святого

мужа, как например рассказывается, в священных дееписаниях о царях народа Божия, подобное видение одного из пророков (Михея), но как самостоятельный факт, не отделяемый от фактов, относящихся к нашему земному миру. Это первоначальное чрезвычайное явление из невидимого мира и земные обстоятельства праведного Иова стоят на одной общей картине, в общей последовательной связи видимой действительности. Так близко к чувственно-земному созерцаемо и представляемо было небесно-духовное! Укажем и прямо из современности Моисея хоть два-три ясных примера как чувственно-образного созерцания духовных тайн, так и воззрения на чувственное с ощущением в нем силы и значения вышечувственного. Пример сего последнего: В видимом избавлении Израильян от египетского мирского преобладания, с наказанием поработителей, сам Господь, согласно тогдашним человеческим представлениям, указывал совершение суда своего собственно над мнимыми богами египетскими; так, Он сказал относительно последней из казней египетских, побудившей Египтян даже гнать Израильян от себя: «над всеми богами египетскими произведу суд. Я Иегова» (Исх.12:12). Равно и сторонний зритель или только слышатель сих событий тоже признал и исповедовал: «благословен Иегова, избавившей вас из рук Египтян, – говорил Иофор, тесть Моисеев, – ныне узнал я, что Иегова велик паче всех богов в том самом, чем они превозносились» (Исх.18:10–11).

Пример чувственного и образного представления духовных тайн и истин: смотрите, как Моисей ощущал и изображал самую любовь Божию, начавшую дело избавления Израильян – «Сыны Израилевы стенали от работы и вопияли, и – вопль их от работы взошел к Богу. Бог услышал стенание их, и вспомнил Бог завет свой с Авраамом, Исааком и Иаковом, и увидел Бог сынов Израилевых, и стал Бог знать их» (Исх.2:23–25). И затем, в том же последовательном ряду фактов, повествует Моисей о своем пребывании у Иофора, о видении несгораемой в пламени купине, и проч. Историческая простота повествования дает представленному изображение любви Божией совсем иной характер, нежели какой имеют у нас подобные образные

выражения, составляемые уже чрез подражание сему (Исх.2:23–25). Пример вместе того и другого, т. е. и чувственно-образного воззрения на духовное, и ощущения духовности в чувственном: Моисей повелевает покрывать естественные и видимые нечистоты землю, – для чего же? «Поелику Иегова Бог твой, – так сказано далее у Моисея, – ходит среди стана твоего, чтобы избавлять тебя и предавать врагов твоих в руки твои, а посему стан твой должен быть свят, чтобы Он не увидел у тебя чего срамного и не отступил от тебя» (Втор. 24:13–14). Так внешняя естественная нечистота берется в значении скверны, несовместной с благодатью присутствия Божия, – в значении, следовательно, духовной нечистоты. Но, с другой стороны, благодатное Божие присутствие представляется, как чувственное хождение Его среди стана и озиране даже таких видимых предметов, какова просто естественная нечистота.

Сколько свойственно и сродно было человеку разуметь и воспринимать как созерцательные, так и нравственные истины веры и благодати – именно в образах видимого и естественного, столько напротив еще не удобоприемлема человеком и не по силам ему была чистая духовная истина, – как бы высоко он ни был развит естественно или совершен духовно. Лучшее и яснейшее свидетельство о том – опять та же книга Иова. И такие просвещенные мужи, каковы эти мудрецы – собеседники Иова, и такой необыкновенный праведник, каков Иов, любовь Божию, милующую и спасающую благопокорных и напротив отвергающую мятежных, созерцали именно в земном видимом благополучии и злополучии человека. Первые сими воззрениями доведены были до жестокой несправедливости винить страдальца и величайшего праведника в великих беззакониях; а сам Иов тем же воззрением поставлен был в такое ужасное противоречие между сознанием своей пламенеющей любви к Богу и чувством отвержения от Божией любви, что не рад был своему бытию и проклял день своего рождения. И только чрезвычайным духовным подвигом он возвысился до того, чтобы воззреть и воззвать прямо к Икупителю из мрака своего безотрадного положения – против клеветы друзей; однако, после сего великого испытания,

благодатное спасение предъявлено было Иову и его современникам опять в образе видимого, только усугубленного, благоденствия сего праведника. Для такого, еще застигнутого Моисеем, времени, очевидно, необходимо было созерцательные и нравственные истины благодатного спасения выражать еще чертами, взятыми с видимого и чувственного. Таковы и есть постановления закона Моисеева с своими прещениями и обещаниями. С особенною же силою возбужденное в человеке воображение не только позволяло, но и требовало даже искусственного построения видимых образов духовного и благодатного. При удобосообщимости духа человеческого с Духом Божиим, простым художникам и мастерам просто и удобно было при совершении дела, предначертанного спасающею человека любовью Божиею, вдохновляться ее Божественным Духом. Так, не только о главном художнике, при устройении скинии, сам Господь засвидетельствовал: *се нарекох именем Веселиила... и исполних его Духом Божиим, премудрости, и смышления, и ведения, во всяком деле разумети, но и вообще о всех мастерах, работавших над теми или другими принадлежностями скинии, сказано также от Господа: и всякому смысленному сердцем дах смысл, и потрудятся и сотворят вся, елика заповедах (Исх.31:1–7).* Как рад был современный Моисею человек искусственному построению образов небесного в скинии, как, следовательно, сие соответствовало его потребностям, видно это из неудержимого усердия Израильтян к пожертвованиям для устройства скинии.

Рассмотрим теперь характер внутренних движений и внешней деятельности человека. Относительно сего, самая чрезвычайная живость его воображения уже показывает, что тогдашний человек кипел страстями, ибо они обыкновенно воспаляют воображение, как и сами возбуждаются и оживляются его образами. И в самом деле, как страстен был человек, и потому как порывист и непостоянен, упрям и нетерпелив, своенравен и легкомыслен и т. п., — многочисленные тому примеры и доказательства представляются в книгах Моисеевых. Не будем говорить уже о

Фараоне, которого упорство развивалось и принесло столь страшный плод решительного ожесточения, очевидно, на почве духа, неудержимого и необузданного в своих страстных порывах, или – о Валаке, усиливавшемся самое вдохновение Божественное, которому он верил, покорить своему страстному желанию проклясть и погубить ненавистный ему народ. Сами Израильтяне сколько раз или по движению панического страха пред опасностью, закрывавшего для них все величие видимо покрывавшей их Божией десницы, или просто по прихоти, мятежничали против Моисея с ропотом на то, зачем он вывел их из Египта! Проследим содержание с 14 гл. книги Исход, по 17. После столь поразительных казней над Египтянами, с такою чудесною торжественностью освобожденные из их ига, при первоначальных еще движениях своего исшествия из Египта, *воззревше сынове Израилевы очами, видеша: и се Египтяне ополчишася в след их, и убояшася зело.... и рекоша к Моисею: за еже не быти гробом в Египте, извел еси нас умертвити в пустыни* и пр. Далее, столь чудесно и славно вышедшие из сей опасности, воспев Господу, потребившему их врагов в море, а их проведенному чрез море сухим путем, *Израильтяне идяху еще только три дни в пустыню, и не обретаху воды пити. Приидоша же в Мерру и не можаху пити воды от Мерры, горька бо бе.* Как приняли они это искушение? *И роптаху людие на Моисея, глаголюще: что пием?* Удовлетворенные и притом, с избытком против того, чего желали, получив при этом особенное подтверждение Божие о спасении всякого верующего и покорного, не более как чрез месяц от дня, в которой они оставили свой Гесем, *возропта весь сонм сынов Израилевых на Моисея и Аарона: и рекоша к ним сынове Израилевы: о дабы быхом измерли мы уязвлены от Господа в земли египетской, егда сидяхом под котлы мясными, и проч.* Удовлетворенные и на сей раз крастелями и начавшимся ниспосланием для них манны, Израильтяне получили об употреблении последней сию заповедь: *никто же да оставит на утрое от сего небесного хлеба, и – что-ж? И не послушаша Моисея, но оставиша нецыи от него на утрое и воскип червми и воссмердеса.* Но между тем, как оставленная на день субботы та же самая манна не

воссмердеса, ниже червь бысть в ней, и притом Моисей с усилием подтвердил народу касательно сего самого дня, чтоб не выходили собирать манну в сей день: ядите днесь, есть бо суббота покой Господу: днесь не обрящете на поле. Что же Израильтяне? Бысть же в седьмой день изыдоша нецыи от людей собирати и не обретоша... С продолжением времени искушение от недостатка воды повторилось, и народ повторил и даже до крайности усилил свое нетерпение, как будто доселе ничего особенного не видали и не принимали от Господа. И хуляху людие Моисея, глаголюще: даждь нам воду, да пием, и на успокоительное увещание Моисея народ отвечал почти бешенством: вскую сие? извел еси нас из Египта уморити нас и чада наши и скоты наша жаждою... И при сем случае крайней нетерпеливости и необузданности народа, даже сам Моисей, видя, что еще мало, и побьют его камением, – как он это выразил пред Богом, – допустил коснуться своего сердца тому же духу нетерпения и жестоковыйного пререкания. Получив уже повеление от Бога об изведении воды из камени и с чудодейственным жезлом в руке, созва Моисей и Аарон сонм пред камень, и рече к ним... еда из камени сего изведем вам воду? И воздвиг Моисей руку свою, удари в камень жезлом дважды, и тогда же последовало сие слово Господне к Моисею и Аарону: понеже не вероваша освятити мя пред сынами Израилевскими, сего ради не введете вы сонма сего в землю, юже дах им (Чис.20). Не упустим из виду, что человеку, чувственному и в самых духовных воззрениях, свойственно посему было и увлекаться страстями особенно плотскими. Так, некогда и самая небесная манна до того прискучила прихотливому народу, что вслед за тем, как беша людие ропщуще злая пред Господом и за то наказаны были огнем от Господа, потребившим часть некую от полка, – вслед за тем седше плакахуся сынове Израилевы, и рекоша: кто ны напичает мясы? Помянухом рыбы, яже ядохом в земли египетской тун, и огурцы, и дыни, лук, и червлёный (репчатый) лук, и чеснок. Ныне же душа наша иссохла, ничтоже, точию манна пред очима нашими (Чис.11). Был еще случай, что, когда уже возгорелся гнев Божий на Израильтян за прелюбодейные

связи с мадианитянками, «вот некто из сынов Израилевых, – как сказано в книге Чисел, – пришел и привел к братьям своим мадианитянку, в глазах Моисея и в глазах всего общества сынов Израилевых, когда они плакали у дверей скинии собрания» (Чис.25). Тем же характером стремительных порывов запечатлены и добрые движения современного Моисею человека. Так, при последнем из указанных выше случаев, бесстыдной страсти Еврея противостала пламенная ревность по Боге Финееса, который, в глазах также Моисея и всего общества, пошел с мечем вслед за прелюбодеем и пронзил точно, можно сказать, самое действие преступления. Так, усердие всего народа жертвовать для скинии драгоценностями могло быть остановлено только прямым запрещением сих приношений (Исх.36:5,6).

Что ж было делать спасающей Божией любви с сим страстным человеком, не только увлекающимся к крайностям и открытым порокам своими страстями, но не знающим должной меры и в добрых своих движениях? Очевидно, что нужно было следить его на всех путях его жизни и подчинить строгим приставникам заповедей – даже касательно и таких предметов, каковы – ястие и питье. Нужно обуздать его строгостью закона, чтобы он не погиб в своей беспорядочности и излишествах; а в случаях такого рода, где не совсем исключался или извращался дух спасительного добра и истины²³, полезно было и снисхождение к жестоковейности, чтоб беспощадною строгостью правды совсем не ожесточить такого человека. Таков вообще был Богоданный чрез Моисея закон; ибо все вышесказанное мы и вывели в самом этом законе.

Доселе мы рассматривали общее состояние человеческой природы, отчужденной от Бога грехом, но довольно еще небедной остатками прежней приемлемости и удобосообщимости к Божественному. Теперь остается нам указать и объяснить господствующие в то время проявления греха и заблуждений в жизни человека. И это уже легко нам раскрыть из вышеговоренного.

Вспомним из сказанного, что человек, с одной стороны, имел в своей духовной природе столь живую приемлемость и

удобосообщимость с Божественным, что удобно мог ощущать и в обилии воспринимать в себя истинные благодатные влияния Духа Вседержителя, и вообще имел преобладающее духовное направление и влечение к Божественному; а с другой стороны, был в опасности, даже и при добром намерении, принять за дыхание Вседержителево собственное, и притом ошибочное, устремление к истине Божественной, собственные мечтания о Божественном. Вспомним также, что, с такою же опасностью обольщения, всюду и в видимом мире, как созданном словом Господним и совершенном Духом уст Его, человек видел или слышал духовное и вышечувственное; и наоборот, духовные и вышестественные тайны обыкновенно разумевал и созерцал в образах чувственного и естественного. Не упустим при сем из внимания и того, что кипели в нем страсти, едва сдерживаемые в границах долга в самых избранных и притом при самых даже похвальных движениях, – страсти, особенно наклонные к плотскому и обыкновенно сопровождаемые образами фантазии, управляющие и неразумно играющие всю жизнь без исключения, впрочем, господствующего тогда духовного направления к Божественному. Возьмем во внимание, при всем сказанном, и самую живость и так называемую, творческую производительность воображения, в то время подчиненный также господствующему в духовной природе направлению к Божественному. Не забудем того всеобщего свойства человеческой жизни, что человек удобнее и охотнее служит греху даже и в христианстве, и что враг истины и добра, введший в наш мир грех и заблуждение, конечно, не дремал с своими невидимыми человекоубийственными кознями; а победоносная над ним Благодать предъявлялась еще только в такой мере, сколько ей было места в остатках первозданной благодатной жизни, которые, притом, и в самой светлой своей стороне могли давать пищу греху и опору обольщению для природно-грешного человека. И таким образом, из всего этого становится для нас вполне понятным, почему господствующим духовным злом в мире того времени было именно то охватившее почти весь мир заблуждение, что – самообольщаемый столько же, сколько обольщаемый духом

лжи, человек, игру собственных страстей и воображения принимал за Божественные и небесные вдохновения, и потому свои мечты и басни (мифы) выдавал за откровения, – что человек, при тогдашних воззрениях на природу, с усвоением ей духовного религиозно-высшего значения, и в то же время при деятельном служении своим греховным страстям и, следовательно, при духовном удалении от истинного Бога, самые обольстительные для его страстей или воображения образы и явления природы принимал за божества – что, при сильной производительности своего воображения, даже сам для себя искусственно устроил мнимые божества по предначертанию своих мечтаний и измышляемых им басней. Так и действительно, не было в природе предмета, которого бы не только в естественном его виде, но и в искусственном не обоготворял современный Моисею человек. Это видно из следующего Моисеева исчисления существовавших тогда видов обоготворения твари, в предсмертных беседах Боговидца с народом: «дабы вы не развратились и не сделали себе кумиров, изображений какого-либо вида, представляющих мужчину или женщину, представляющих какого-либо скота, который на земле, представляющих какую-либо птицу крылатую, которая летает под небесами, представляющих какого-либо гада ползающего по земле, представляющих какую-либо рыбу, которая в воде, ниже земли». И особенно обольстительными, в сем отношении, представляет Боговидец величественные явления природы: «и дабы ты, – продолжает он свою речь к Израилю, – взглянув на небо и увидев солнце и луну и звезды и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им, и не служил им, которых Иегова Бог твой разделил всем народам под всем небом» (Втор.4:16–20). Как неудержимо поползновен был к сему заблуждению тогдашний человек, видно с особенною поразительностью из того, что, при столь славных и непрестанных явлениях силы и славы истинного Бога, после слышания самого гласа Божия, при самом Синае, Израильтяне (при увлечении общим обольщением и самого первосвященника Аарона), слили золотого тельца и составили в честь его, хотя под именем Иеговы, праздник своей

мечтательности и чувственности. Итак, в духовной жизни тогдашнего человека, при всем его (господствующем) *религиозном* настроении, померкала самая основная духовная идея о Божестве; ибо внутренний свет сей идеи наибольшая часть людей смешивала с собственными мечтами, а внешние соответствующие ей виды принимала за самый основной и существенный ее предмет, за самого Бога. Таким образом, в силу всеобщего и коренного закона в Божественном водительстве человека ко спасению²⁴, потребно было, сколь ни чувствен был человек в своих, даже и духовных, воззрениях, идею о самом Божественном существе отрешить совершенно от всяких образов. И действительно: законодательство Моисеево идею об истинном Боге поставляет в открытом строго-духовном виде, как идею Духа единого, невидимого, превысшего вещественности, Творца природы, владычествующего над природою; тогда как прочие стороны спасительной истины, при удержании духовного значения главной ее стороны – идеи о Божестве, могли быть еще безопасно предъявляемы и в законе преимущественно выражены в образах, взятых из области видимого и естественного.

О человеческой греховности того времени скажем в заключение вообще: когда грех извращал в наибольшей части человечества господствующую сторону духовной жизни – религии, то, понятно, какой простор для себя имела его тирания в жизни человеческой. Закон Моисеев самые низкие и отвратительные виды греховности указывает, как самые обычные языческим народам и совершающиеся в самом Израиле: ибо закон содержит и определяет суды над сими видами беззаконий. Итак, правде Божией потребно было вооружиться всею грозю своего нетерпения человеческих неправд, чтоб человек до безнадежности не предался растлению и таким образом не погиб прежде удобства и нужды совершенного открытия Благодати спасения, приемлемой сыновне-послушною верою. Так изъясняется апостольское слово о законодательстве Моисеевом: *Что убо закон? преступлений ради приложися... Под законам стрегоми бехом* (Гал.3:19,23).

Само собою разумеется, что не все человечество в одинаковой степени увлекалось обольщением боготворить природу или создание собственных рук, и не все в равной степени растлевалось грехом. При всей поползновенности к тем падениям, которые свойственны были духу того времени, Израиль представляет, сравнительно с прочими народами, особенно отрадное явление в нравственном отношении. Можно заметить, что Израильяне того времени тяжкие свои падения по большей части заглаждали хотя некоторым исправлением, и при всяком обольщении были у них не увлекшееся оным. Посмотрим, как они приняли Моисея, удостоверясь в его Божественном посланничестве: *и вероваша людие и возрадовашася: яко посети Бог сыны Израилевы, и яко призре на их скорбение: и преклоншеся людие поклонишася.* Известно, какую торжественною песнею, и доселе не исходящею из уст Церкви в хвалебных славословиях, прославили они Бога Спасителя, по переходе чрез Чермное море. Тяжко согрешили они при Синае, так тяжело, что Господь готов был истребить весь народ: но у них на сию страшную минуту нашелся представитель всего народа – Моисей, который и стал, по выражению одного псалма, «в проломе стены» и своим ходатайством пременил гнев Божий на благодатную милость. И притом, после сего самого греха и суда над ним Божия, Израильяне доказали свое покаянное чувство тем чрезмерным усердием к пожертвованиям для сооружения скинии, о котором уже мы имели случай говорить. Когда соглядатаи земли обетованной своими рассказами о силе Хананеев смутили Израильян до того, что они не только прямо отвергнули повеление Божие идти завоевать сию землю, но и самого Моисея готовы были побить камнями и избрать себе вождей для возвращения в Египет: тогда между самыми соглядатаями нашлись не увлекшиеся общим мятежничеством и малодушным духом, именно Халев и Иисус Навин. И когда Моисей возвестил народу об определении Божиим, чтобы все неверующие умерли в пустыне, не видав земли: то *восплакашася людие зело.* Сюда относятся все случаи подобного рода: Исх.19:3; 20:18 и сл.; 24:3; 33:4–6; 35 вся глава; 36:5. Вообще сам Моисей при конце своего

служения, обличая народ в жестоковейности, по которой Израильтяне и доселе *не обрезанны сердцем*, в тех же беседах засвидетельствовал (Втор.30:11–14), что заповедь закона была в устах и сердцах их... Так Израильтяне если и не заслуживали по делам, по крайней мере не отвергали общим неверием благодатного спасения или прощения грехов по милости.

Что же прочие народы? Египтяне, которых можно назвать первыми известными представителями всего языческого мира по совершенно-развитой их народности, по нечестию оказали решительное противление явной для них по всемогуществу деснице Божией, и по бесчеловечию не соглашаясь на столь умеренное и справедливое прошение отпустить (не покоренных притом ими) сынов Израилевых, совершить в пустыне жертвоприношение всевластному над самим Египтом Богу. Прочие *языки*, к которым соприкасались Израильтяне, – не смотря на то, что слава Бога Израилева в казнях над Фараоном и его гибели отозвалась во всем известном тогда мире, как свидетельствовали сами иноплеменники – царь Валак, а после Раав блудница (Чис.22:5. Нав.2:10), – оказывали только враждебность сему народу и, следовательно, Самому, видимо для сих языков покрывающему их, Богу. Особенно растлены были жившие в обетованной Израилю земле потомки Ханаана, которые, по словам Моисея, могли только и научить Израиля делать такие же мерзости, какие они сами делали для богов своих (Втор.20:18). Конечно, лучший человек из языков того времени был провидец Валаам; но и он столько занят был льстивыми предложениями царя моавитского Валака и так страстно желал угодить ему, что не только в угоду ему переходил с места на место, для удобства проклять Израиля, но, еще прежде будучи останавливаем человеческим гласом ослицы, занятый своею страстью, даже не обращал внимания на вышеестественность сего явления и запросто без ужаса разговаривал с ослицею, «обличавшею безумие пророка», и только пред явлением ангела пал на землю. Мифы языческие, известные у всех исторических народов того времени, показывают, что прочие языки приняли решительное направление ходить своим самовольным путем, передаваемым

уже от предков в свои роды. Беспорядки, открывавшиеся и среди Израиля, возбуждались или начинались иногда прямо иноплемениками, какие вышли из Египта вместе с Израилем. Так (Лев.11:4), «скопище иноплемеников, которые были в них, стало обнаруживать прихоти: от чего и сыны Израилевы заплакали и говорили: кто накормит нас мясом?» Языческие народы старались открыто развратить Израильян, чтобы возбудить против них гнев покровительствующего им всевластного Бога. Так, Моавитяне жертвовали честью своих жен и дочерей, чтобы только их красотой обольстить Евреев. – Что же было свойственно делать относительно язычников спасающей мир Божией любви? Область свою, доселе открытую и для языков и в них находившую также избранных, каков напр. был Иов и еще прежде Мелхиседек, заградить для языков, ограничить ее уже одним избранным родом и за ним упрочить заветы спасения, теперь и прежде верою полученные, а безнадежных к исправлению язычников даже открыто отринуть и истребить. Время же, в которое преобладало воображение и кипели страсти в человеке, требовало, чтоб сие совершенно было «рукою крепкою и мышцею высокою» при множестве, разнообразии и величии вышеестественных знамений и чудес (что потребно было и по причинам иного рода, который увидим далее).

Каким именно образом и в каком порядке дел и событий свойственно и благопотребно было совершить все, чего требовало внутреннее состояние спасаемого человека, – для уяснения сей стороны совершенного чрез Моисея дела спасающей мир любви и премудрости Божией – обратим внимание на внешнее состояние и внешние обстоятельства спасаемого человечества.

Вообще во внешнем быте человечества, в век Моисея патриархальность решительно сменялась уже жизнью народною. Впрочем, самая особенность каждого известного народа того времени обозначалась и определялась тем, от какого родоначальника происходил тот или другой народ. Это видно из Моисеева описания племен и народов, сделанного в книге Бытия именно по родословию их патриархов или

родоначальников (Быт.10). Имена сих последних становились именами и произошедших от них племен, или целых народов, и самых земель, ими занимаемых.

Всеобщее движение рассеявшихся и размножившихся племен и народов уже окончилось. Но в частности то или другое племя, случалось, переменяло свое место и для сего изгоняло или истребляло на избранной ими земле прежних ее жителей; так же поступали с прежними обитателями той или другой страны вновь возникавшие или размножившиеся в сих странах народы. Пример первого рода представляют упоминаемые во Второзак. (Втор.2:23) – Кафторяне, которые, пришедши из Кафтора и истребив Аввеев, живших около Газы, поселились на их месте. Примером второго рода служат Идумеи, размножившиеся на горе Сеир и изгнавшие или истребившие здесь прежних ее жителей – Хорреев (Втор.2:12), – также Моавитяне, наследовавшие землю после народа Еммимов (Втор.2:10), – и Аммонитяне, занявшие землю изгнанных ими Рефаимов (Втор.2:20–21).

Все такие перемены и судьбы общественной жизни народов общими того времени понятиями о народном праве возводимы были к распоряжениям Божественным, как бы ни понимали самое Божество: это известно о всех народах древности. Иначе и быть не могло по господствующему и живому, хотя большей частью извращаемому, направлению духа и мысли тогдашнего человека к Божественному. Само собою разумеется, что всеми народными переменами располагала мироправительная десница Всевышнего. Так, сам Господь относительно земель, занятых Аммонитянами и Моавитянами, сказал: *сынам Лотовым дах наследити... сынам Лотовым дах в жребий* (Втор.2:9,19).

Таковы существенные черты и основания внешнего быта тогдашнего человечества вообще!

Чтобы, среди такой народной жизни языков, Израиль был отдельною и огражденною от них областью спасающей человека Божией любви, – для этого, очевидно, надобно дать и ему свойственную его назначению народную самостоятельность. Когда земли, занятые уже известными племенами, могли

поступать, по распоряжению свыше и по общим тогда понятиям самих народов, в законное наследие других племен, имевших возможность изгнать первых: то тем более законным наследием Богоизбранного народа свойственно быть Богоизбранной земле, хотя бы она была занята уже другими народами. И при таком устройении народного быта избранного рода только бы явно для всех действовала рука Вседержителя, в котором Едином заключается верховная и вечная Правда народов: это, по самым понятиям того времени о народном праве, так же как и по существу или по внутренней правоте дела, должно было составлять непреложное и непререкаемое право для избранного народа – торжественно искать, защищать и утверждать свою народную самостоятельность; а напротив, всякие посягательства других народов на самостоятельность сего избранного народа и вообще враждебные против него действия должны были получать значение вопиющих нарушений народного права – в самых его основаниях и, след., подлежать строжайшему наказанию народными казнями. – Итак, с общим ходом внешней жизни тогдашнего человечества вполне сообразно было, чтоб избранный из всех народов и племен народ поставлен был в упроченное народное состояние, в наследственной земле, и чтобы это сделано было открытою пред всеми рукою крепкою и мышцею высокою Вседержителя. Так просто устраняются дерзкие возражения, будто Израиль, по народной правде, не имел права на гражданскую самостоятельность и на занятие земли обетованной. А вместе тем же объясняется общий образ чрезвычайного водительства Божия, чрез которое область спасения благодатного ограничена одним Израилем и заграждена для языков.

Обратим внимание в особенности на внешней быт и обстоятельства самого избранного рода. Во-первых, он теперь, в век Моисеев, уже является размноженным в народ и, следовательно; необходимо уже требующим народного устройства вместо прежнего патриархального. И основание к народной самостоятельности, соответственной назначению избранного рода, и начатки народной его жизни были положены еще в жизни и небесном водительстве избранных патриархов:

подобно как основанием для народности и прочих языков были их родоначальники и движения последних при рассеянии племен. Еще в то время, когда область спасающей любви Божией была открыта для всех племен и народов, и когда, между тем, уже началось общее направление их «ходить своими путями», – еще тогда спасающая Божественная любовь избрала из всех родов и племен собственно Авраама, Исаака и Иакова и усвоила исключительно им в родовое наследие свои заветы и обетования о Христе, начавшиеся еще при выходе прародителей из Эдема. Тогда же была назначена в народное наследие для их потомства земля обетованная, которой обитатели, потомки проклятого в роды Ханаана, тогда еще не исполнили меры долготерпения Божия грехами своими: *(не бо исполнишася греси Амморреов до ныне, – так сказано было Аврааму: Быт.15)*. По такому благодатному избранию патриархов, долженствующему идти в род их, самые семейные их обстоятельства и отношения имели значение Церковное: ибо обетование о Христе было управляющим началом в их жизни, а в естественном и видимом тогда еще удобнее было, нежели в век Моисеев, прозревать и ощущать духовное и Божественное. Самое происхождение от корня избранных патриархов имело значение благодатного избрания, запечатленное и видимым знамением обрезания; и след., размножившийся род их, среди всех других племен и народов, уже составлял избранное достояние спасающей Божественной любви. Тогда же обозначались и главные народные отделы сего избранного Божия достояния; двенадцать колен обоих родоначальников получили также в родовое наследие особые благословения, средоточием которых было предсказание также о Христе, как грядущем «Князе от Иудеи» – чаянии самых язычников. Итак, основания и начатки самостоятельной народной жизни, свойственной благодатному избранию Израиля (так названного по имени своего патриарха), уже были готовы. Следовало только (что согласно и с показанными выше потребностями времени) *положительным* образом воспроизвести и упрочить, как основоположение народности и законодательства в Израиле, все прежние заветы спасающей человека любви

Божией, идущие от прародителей и уже усвоенные исключительно Аврааму, Исааку и Иакову в родовую собственность. Все это и содержится в первой книге данного чрез Моисея Божия закона – *книге Бытия*.

Во-вторых, современные Моисею внешние обстоятельства Израиля были таковы, что, с одной стороны, сами *языки* давали случай и побуждение оградить от них область благодатного спасения, а с другой, Израиль мог вступить в свою народную жизнь не иначе, как приравняв оную, в ее самостоятельности и устройстве, от самой спасающей во грядущем Христе любви Божией. Израильтяне были не только вне обетованного им наследства, но и в самом тяжком и губительном порабощении чуждому народу. Поработители усиливались довести их до невозможности не только достигнуть народной самостоятельности, но и продолжать свое отдельно – родовое бытие: ибо самое основание и корень рода – мужской пол Израиля присужден был к истреблению при самом появлении на свет, или как скоро младенец попадет на глаза какому-либо Египтянину. Значение сих отношений Израиля к языческому миру, которого Египтяне были достойными представителями, определяется тем, что Израиль, по заветам Божиим с его патриархами, был уже особенным образом присвоен от спасающей во Христе любви Божией, и что, притом, современное народное право, по понятиям самих язычников, перемены и судьбы общественной жизни возводило к распоряжениям самого Божества, если не истинного, то мнимого. Если бы теперь язычникам удалось достигнуть желаемого истребления Израиля: то они, в силу современного народного права, мечтали бы, что само Божество Израиля или слабо или не любит своего народа, – как это не раз выражал Моисей в ходатайстве за свой народ пред Богом; и след. напротив мнимые Божества самых язычников суть истинные властители над порядком вещей в мире и надежные и верные покровители. Египтяне, столь жестоко преобладая над Израильтянами, чрез это самое превозносились превосходством своих богов пред Богом Израилевым и властью их над Израильтянами, – как это прямо выразил Иофор после

чудесного избавления Израиля: «ныне узнал я, что Иегова велик паче всех богов в том самом, чем они превозносились пред ними» (Израильтянами). Итак, очевидно, что вопрос о взаимных отношениях избранного народа и языков был для того времени вопросом о силе и власти, с одной стороны, Бога Израилева, заветы которого о спасении мира перешли к сему народу от патриархов, а с другой – языческих мнимых божеств. «Над всеми богами египетскими произведу суд» – так сказано самим Богом о наказании Египтян (Исх.12:12). – Вражда народа, стоявшего во главе языческого мира, против Израиля – наследника заветов спасающей Божественной любви, была, по своему значению, враждою именно темной области князя мира против царства благодати, предъявляемого в Израиле. Следовало только дать место раскрыться сей вражде во всей богоборной ее силе; и – по поводу сей самой вражды, необходимо должно было совершиться и открыться разделению между языческим миром и Израилем, как совершенно несовместными и противоположными областями – областью богоборного Мира, гибнущего под державою боготворимых Мiroдержителей тьмы, и областью спасающей человека Божественной любви. Такое разделение между языками и Израилем и продолжалось дотоле, пока не изветшал в Церкви ветхозаветный порядок вещей. С другой стороны, когда Израиль был в крайнем озлоблении и даже в неотвратимой человеческими способами опасности истребления: то, очевидно, что надежда спасения оставалась ему разве в одних заветах любви Божией, наследованных от патриархов. В силу заветов и подвиглась Божественная любовь, дабы извести свой народ «из железной печи» египетского порабощения и даровать ему своеобразное народное устройство. «Вспомнил Бог завет свой с Авраамом, Исааком и Иаковом», – как обозначает Моисей основание всего дела избавления Евреев от египетского порабощения (Исх.2:24). «Иегова Бог отцов ваших, Бог Авраамов, Бог Исааков и Бог Иаковлев послал меня к вам», – с таким уполномочием явился к Израильтянам Моисей (Исх.3:15). И таким образом, в самостоятельную народную жизнь Израиль, осужденный к естественно-неизбежной гибели, должен был, так

сказать, снова родиться от самой спасающей, в обетованном Христе, любви Божией, как и действительно Господь говорил о нем: «Израиль есть сын Мой, первенец Мой» (Исх.4:22). И сами Израильтяне признавали и чувствовали это, когда воспели по переходе чрез Чермное море: «Ты ведешь милостью своею народ сей, Тобою избавленный, провожаешь силою Твоею в жилище святыни Твоей... проходит народ Твой, Господи.... проходит народ, Тобою *приобретенный*» (Исх.15:14–16). При сем у Израиля все частные обстоятельства и Божественные установления должны были относиться к открытию и устройству сей общественной жизни, воспринимаемой им от самой спасающей, в грядущем Христе, Божественной любви. Все, сказанное здесь, так именно и совершилось, и изложено во второй книге закона – *Исход*.

В-третьих, чтобы упрочить и благоустроить народную жизнь Израиля в разных ее отношениях до подробностей, раскрывая оные из начала и духа самой Божественной любви, при совершенной противоположности сему начал и духа языческих народностей, столь обольстительных и соблазнительных вообще для тогдашнего человека, – следовательно, и для Израиля (как выше показано): для этого требовалось уединить Израиля от всех сторонних влияний. И действительно, законодательство происходило в пустыне, где Израиль находился под открытым охранением днем и ночью самой спасающей Божией любви и удовлетворяем был в жизненных своих потребностях чрезвычайными ее же способами и дарами. Таким образом и разные порядки и законы общественной теократической жизни Израиля были направленными к его освящению и отделению от прочего мира учреждениями и требованиями той же спасающей человека небесной Любви; стражи сих порядков и законов оказывались ее же священными приставниками и служителями. Эта сторона и характер законодательства выражены в третьей Моисеевой книге – *Левит*.

В-четвертых, чтобы сколько-нибудь утвердиться и окрепнуть Израиль в новой общественной жизни, требовалось вообще некоторое время для Израиля; не свойственно – тотчас по

рождении в новую жизнь оказаться взрослым и крепким. Нужно помнить, притом, чрезвычайную посползновенность тогдашнего человека к страстным увлечениям. Сверх того, поколение, возросшее в самом тяжком порабощении, кроме заимствования у поработителей нравов и заблуждений их, имело и дух, в следствие прежнего жестокого рабства, особенно неудобовосприимчивый к добровольному и охотному послушанию веры в ведущую и спасающую человека Любовь небесную. Это открылось при самом еще начале Моисеева дела (Исх.6). Господь удостоверил, что Он примет Израиля в свой народ и введет его в землю обетованную и проч. «Моисей, как сказано в кн. Исхода (Исх.6:9), пересказал сие сынам Израилевым; но они не послушали Моисея *от упадка духа и тяжкого рабства*». Это поколение Евреев, возросших в рабстве египетском, в последствии решительно отвергло волю Божию идти прямо в обетованную землю и сражаться с прежними ее жителями, не смотря на бесчисленные и явные знамения того, что сам Иегова с Израилем. Итак, нужно было воспитать и возрастить в новой народной жизни новое поколение, под впечатлениями открытого водительства заветной милости и истины Божественной; нужно было дать некоторое время и место для движения и отправлений новой теократической жизни, дабы обозначились все наиболее важные потребности, злоупотребления и затруднения сей жизни, для удовлетворения первых, пресечения других и разрешения последних новыми законоположениями. Все это так и было, и изложено в четвертой книге закона – *Чисел*.

И наконец, в-пятых, род возмужавших еще под египетским порабощением прешел. Место его занято новым поколением, которое с самых ранних лет своей жизни, не знало других учреждений, кроме теократических, или происходящих прямо от самого Бога, и возросло в столь ощутительном и открытом для них значении избранников Божиих, питающихся небесным хлебом, получавших живую воду из камня, в бесплодной пустыне ни в чем необходимом не терпевших нужды, не удовлетворенной самим Богом, и проч, и проч. Теократические порядки и законы были в действии не один уже десяток лет, и –

каждый Израильянин самым сердцем мог ощутить в них именно дух жизни и спасения. Что же оставалось? Разве одно – дать сему поколению обозреть верующим сердцем и мыслью поприще водительства Божия, им пройденное, и круг законодательства, им полученного, – подтвердить ему все заветные внушения и оправдания Господни, – закончить изложение оных в положительных письменах, и – таким образом уже открыть Израилю вход в обетованное наследие, для торжества над боговраждебными ее обитателями и для вседовольного жительства под державою Божиею, для верного и постоянного наследования написанному в книге закона Божия. Все это и содержится в последней книге закона – *Второзаконии*.

Так объяснился и самый внешний порядок дел и откровений, оградивший Израиля законом Божественной любви, и вместе обозначился весь состав ветхозаветного законодательства. Само собою разумеется, что сии дела и откровения Божии имели ответственность внутреннему состоянию и нуждам человека, выше нами раскрытым и таким образом составляли закон, строго обуздывающий греховные увлечения и наказующий страстные пререкания и упорство, – запечатленный чрезвычайно поразительностью, как внутреннего своего содержания, так и внешних выше-естественных явлений, бывших при его откровении и обнародовании, – выражающий духовные тайны и уроки грядущей Благодати в образах видимого и естественного, – исходящий непосредственно от Бога при открытых для всех знамениях Его присутствия, впрочем чрез непосредственное собеседование с Богом о Его воле только одного чрезвычайного представителя и вождя Израильского. Ибо всего этого требовало, как показано выше, внутреннее состояние спасаемого человека²⁵.

Довольно сказано нами для раскрытия, в каком состоянии найден и в какое состояние поставлен Израиль, или вообще спасаемый человек, Богоданным Моисеевым законом. Израиль, наследник заветов и обетований Божиих о спасении всего мира, и по внутреннему и по внешнему состоянию, был в крайней

опасности быть подавленным воспреобладавшим язычеством; это в существе дела было то же, что вообще человек был в опасности погибнуть со всеми еще очень нескучными останками естественной своей приемлемости к Божественному и благодатно-спасительному. Божественное законодательство, предъявляя грядущую Христову благодать на основании еще этих эдемских останков в природе человека, поставило Израиля в твердое, огражденное от язычества, положение Богоуправляемой державы, назначенной для соблюдения сокровищ всемирного спасения впредь до раскрытия этих духовных сокровищ во всей их полноте и в самом существе благодати, т. е. до пришествия обетованного Спасителя миру – Мессии. И таким образом человек продолжал быть (как и всегда, прежде и после) дивно во Христе спасаем.

2 часть

Раскроем, каким для этого великого и спасительного дела орудием Божественной премудрости и силы послужил Моисей.

Самое происхождение Моисея в известном семействе и обстоятельства его рождения и воспитания были ознаменованы особенными путями Промысла, избравшего и готовившего его к великому служению. Семейство Аврама, потомка Левиина, от которого произошел Моисей, было благословенное в Израиле; оно оказалось образцом для всего Израиля по благочестию и вообще духовно-нравственному достоинству своих членов, каковы были, кроме Моисея, Аарон, сотрудник его и первый в избранном народе первосвященник, и Мариама пророчица. Когда на таком прекрасном дереве суждено было возникнуть этой чудной ветви – будущему освободителю и законодателю Израиля: в то время (если продолжать аллегорическую речь) опустошавшая поработленного Израиля буря усилилась до всегубительности урагана. Ибо заповеда *фараон* не только повивальным бабкам, но и *всем людям своим, глаголя: всех мужеского пола, иже родятся Евреом, в реку ввергайте* (Исх.1:22). И воля Фараонова была исполняема Египтянами со всею бесчеловечною точностью; наблюдения их, не родился ли у Евреев *мужеский пол*, простирались в самые дома поработенных, и – за примеченное укрывательство младенцев грозила опасность самим укрывателям. Все это можно видеть из того, что, при всех желаниях и усилиях родительских сберечь новорожденное дитя, нельзя было долго скрыть его, и – самая мать принуждена была оторвать от себя своего младенца, как это случилось именно с матерью самого Моисея. В таких обстоятельствах, чадам Израилевым жениться и посягать свойственно было уже не иначе, как или прямо и чисто по плотской неразумной похоти, или же по живой вере в наследственные для Израиля заветы Божии, по силе которых сыны Израилевы, по самому происхождению своему от избранных патриархов, были избранники Божии, наследники обетования о всемирном и вечном благословении, и

следовательно, не должны и не могли погибнуть. Благословения Божьи, столь видимо почившие на семействе Авраама, не дают места первому предположению. Следовательно, когда Моисей историю о себе самом, после вступительного указания на общую для своего народа опасность гибели, начинает так: *быше же некто от племени Левиина, иже поя от дочерей Левииных и имяше ю: и зача во чреве и роди и проч.* (Исх.2:1–2): то сим он показывает, что самое супружество его родителей было делом веры, и следоват., он по самому рождению своему, был плодом веры.

Вера в избравшую Израиля заветную любовь Божию и открылась в родителях Моисея немедленно по его рождении, и именно – в отношении к нему самому. Новорожденный младенец был необыкновенно красив по виду. Но видимое прекрасное, в подобных летах, и для нас имеет выражение чего-то высшего, свойственного Миру духовному²⁶; а в то время даже слишком живо было ощущение в видимом – чувственном духовного, горнего, равно как и образ представлен о духовном был довольно чувственный. Отсюда понятно, сколь ощутительно должно быть для сердца и духа родителей Моисея высшее и духовное выражение младенческой его красоты. Заветы же и обетования Божии, которые усвоили значение и права благодатного избрания как всему вообще роду, так и в частности каждой отрасли Авраама, Исаака и Иакова, направляли и возвышали родительские воззрения на новорожденного Моисея именно к заветной Божественной любви, и таким образом давали определенный смысл выражению красоты Моисеевой: т. е. верующим его родителям свойственно было в прекрасном своем младенце с особенною ясностью и силою видеть именно одного из избранников заветной Божией любви, одного из наследников ее заветов и обетований о всемирном и вечном благословении в грядущем Христе. Отсюда произошло, и простерлось до самоотвержения, стремление их веры сохранить такое дитя от грозящей ему гибели. Так объясняются слова Апостола: *верю Моисей родився сокровен бысть три месяцы от отцев своих, зане*

видеша красно отроча: и не убояшася повеления царева (Евр.11:23).

Эта бесстрашная вера родителей Моисея не пала ли жалким образом, когда наконец, *понеже не можаху его ктому крыти, взя ему мати ковчежец ситовый, и помаза и клеєм и смолою, и вложи отроча в него, и положи его в лужице при реке?* Но чтобы мать своими руками приготовила гроб для своего младенца, и сама положила в оный его живого, это само по себе неестественно родительской любви. Не было это и порывом отчаяния в спасении дитяти. Для удостоверения в этом припомним, что некогда Агарь, отчаясь в сохранении жизни своего ребенка, истаевающего от жажды, спешила удалиться от него, чтобы не видать его смерти; а в настоящем случае поставляется на страже надзор любви за младенцем, оставленным, по видимому, на верную смерть. *И наблюдаше, так продолжает священное сказание о Моисее, наблюдаше сестра его издалеча, да уведает, что будет ему.* Итак, видно, еще надеялись, что не погибнет прекрасный любимец и избранник небес. Следовательно, и при настоящем случае проявлялась и действовала в этом благодатном доме также вера: увидя совершенную невозможность собственными усилиями и средствами сберечь дитя – избранника и залог заветной Божественной любви, мать его решила своими же руками вручить его самой Божественной любви, да сохранит его *имиже вестъ судьбами*, а сестра его взялась наблюдать за спасительными относительно его путями Промысла. – Такой вере, конечно, наилучшего во Израиле семейства, даруется новое чрезвычайное благодеяние Божественной любви; младенец не только остается в целости и безопасности по материнскому участию в нем дочери самого Фараона, но и возвращается на воспитание в родной дом. Понятное дело, что чрез это вера сего семейства, оправдываемая в отношении к Моисею самыми обстоятельствами, еще более возвысилась и оживилась; воспитание же Моисея давало ей новую пищу и предмет для упражнения. Итак, Моисей был вскормлен, можно сказать, самою верою в Божественное избрание и хранение чад Израиля ради обетованного Мессии, имевшего произойти в этом

народе. И в самом деле, этим обстоятельством, что силы Моисеева духа пробуждались и получали первое направление к деятельности именно под пестунством и влияниями веры в спасительные Божии обетования и заветы, наследственные в Израиле, много объясняется дальнейшая судьба Моисея. Усыновление его царской дочерью, придворная жизнь и вся премудрость египетская не только не подавляли в нем глубоко всеянной веры в Бога Израилева, напротив сами подчинялись господствующему в нем началу веры, и таким образом способствовали к более обширному ее раскрытию. Так еще при дворе фараоном Моисей оказался, по Боговдохновенному свидетельству первомученика Стефана, *силен в словесех и делах* (Деян.7:22). Но тогдашнее отношение между Египтянами и Израильтянами было таково, как уже было говорено о сем, что те и другие представляли совершенно несовместные и взаимно противоположные области: область обетованной Христовой благодати и не терпящую оной область Мира сего. Чтобы душою принадлежать одной области, надобно решительно пренебречь и отвергнуть другую. Между тем для Моисея в Египте было все, что только могло льстить в настоящем и будущем; а Израиль в настоящем подлежал крайнему озлоблению, а в будущем видел грозящую опасность истребления и только обладал обетованным вере благодатным наследием всеблагословляющего грядущего семени Мессии. Моисей не колебался в выборе: от двора Фараонова ходил он к страждущим братьям, сынам Израилевым. – Значение сего уже понятно само собою: *верую Моисей в душе своей отвержеся нарицатися сыном дщери фараоновой: паче же изволи страдати с людьми Божиими, нежели имети временную греха сладость: большое богатство вменив египетских сокровищ поношение именно Христово: взираше бо на мздовоздаяние* (Евр.11:24–26).

Сим-то самоотвержением веры Моисей и достиг того, что, поразись первым же случайно представившимся ему видом бесчеловечного преобладания Египтян над Израилем, он внутренне тогда же услышал свое призвание, *яко Бог рукою его дает им спасение* (Деян.7:25). Так именно первомученик

Стефан изъясняет частный случай, когда Моисей, увидев, что Египтянин бьет Еврея, вступился за Еврея и убил Египтянина. Судя по доказанной уже вере Моисея, можно нам понять, что в настоящем случае Моисей подвигнут был убить собственноручно Египтянина мыслью о Боге Израилевом, отмщающем чрез него за свой народ; а живая в то время, еще по самой природе, удобосообщимость человеческого духа с Духом Божиим соединяла сию мысль веры Моисеевой с непосредственным внушением самого Бога.... По той же естественной чувствительности человеческого духа к влияниям и проявлениям Духа Вседержителя, не трудно было приметить сие в Моисее и посторонним, при должном их вникании в настоящее дело.... Таким образом Моисей, как говорит св. Стефан пред синагогом иерусалимским. *мняше разумети и самым братиям своим, яко Бог рукою его дает им спасение.*

Действительно, рассмотренное дело Моисея столько заняло сынов Израилевых, что оно, хотя совершилось только при одном свидетеле из их среды, немедленно огласилось между ними. Но призвание Моисея было не просто – освободить Израиля от губительного порабощения, но вместе ввести его в правильную теократическую жизнь. В следующий же после указанного случая день, Господь дал своему избранному новый случай – самому понять и явить пред сынами Израилевыми и эту другую сторону своего призвания. *Ишед во второй день, виде два мужа Евреаныни биущияся.* Мысли о Боге Израилевом, избравшем семя Авраамово в наследника и в область спасительной любви своей, имевшей распространить свое благословение во Христе, и на вся племена земные, – свойственно было тем сильнее возбуждаться в верующем духе Моисеевом. Посему удобно было ему и на сей раз услышать внутренне глас самого Духа Божественного заветной любви – только уже не об отмщении врагам Израиля, а об обуздании беспорядочных страстей в самом Израиле. И таким образом, Моисей глагола обидящему со властью как бы судии над преступником закона: *чего ради ты биеши искренняго своего?* Голос власти и суда во имя строгого закона и был услышан в

сих словах Моисея, но так не понравился страстному человеку того времени, что на сей раз Израильтянин обвинил самого Моисея в мятежных притязаниях, отрекаясь уже и от самой столь возжеленной для Израиля защиты от преобладания врагов: *кто ты постави князем и судиею над нами? Еда убиту ты мя хочеши, имже образом убил еси вчера Египтянина?...*

Чтобы понять, как были жестоко обидны и возмутительны для духа Моисеева такие слова, надобно помнить сказанное выше, что Моисей в душе своей уже жертвовал для Израиля своим усыновлением царской дочери, своим высоким положением в настоящем и блестящими видами в будущем. С таким самоотвержением разделять страдания своего родного народа, и за это самое быть так открыто и жестоко обвиняему от своего же народа в мятежнических замыслах – это было чрезвычайно тяжкое испытание для Моисея. В народе своем он видел измену и предательство; от правительства же теперь, при гласности поступков его в пользу своих единоплеменников, должно было ему ожидать неминуемого суда и казни, если будет еще продолжать держаться своею душою стороны родного народа. Таким образом, рассматривая свои обстоятельства в отношении к Египтянам и Израильтянам, с той и другой стороны Моисей находил сильнейшие и настоятельнейшие побуждения отречься от неблагодарных соплеменников и перейти на сторону правительства, вооруженного против Израиля. Немедленною открытою враждою против Евреев он оправдал бы и даже отличил бы себя пред правительством, а вместе дал бы и Израильтянам жестоко почувствовать в себе самом, уже по праву, властительного и беспощадного судию и отмстителя. Искушение усиливалось свойственною тогдашнему человеку кипучею страстностью, по которой и Моисей принадлежал и, случалось, платил некоторую дань своему времени: по этой страстности, не говоря уже о прямом побуждении отмстить предателям, самый *страх ярости царевой* должен был занять всю душу беззащитного защитника Израильтян. Требовалась необыкновенная сила веры, чтобы не поколебаться таким многосложным искушением. И Моисей доказал, что был предан

своему народу истинно по такой вере в Бога своих отцов, которая всем обольщениям Египта и страху ярости царевой противопоставила живое чувство и сознание присутствия над собою Божественного покровительства и надзора, – которая искала не человеческой благодарности или сочувствия своим предприятиям, но угождения и служения собственно Богу Израилеву. Таким образом, точно *верою он остави Египет, не убояся ярости царевы: невидимого бо яко видя*, был тверд (Евр.12:27). Господу Богу не угодно было видимым образом принять и исполнить духовного порыва его – спасти Израиля; и Моисей покоряется сему, заботясь уже только о своей личной безопасности, предоставляя спасение Израиля самому Господу, и так. образ., самым бегством своим из Египта доказывая новую покорность веры.

Моисей поселился в земле Мадямской, вступил в семейную жизнь и *бяхе пасый овцы Иофора тестя своего*. Вера, однако же не позволяла ему успокоиться в сем состоянии. Он жил надеждами обетованного Израилю благодатного наследия, и потому признавал себя пришельцем на земле чужой. Это он и выразил в имени своего первого сына: *нарече Моисей имя ему Гирсан, глаголя: яко пришлец есмь в земле чуждей*. Утешение для себя в своем странничестве он полагал в благодатном избрании своего рода, к которому относил и дело своего спасения от Египтян, как опять выразил это в названии другого своего сына: *и нарече имя ему Елиезер, глаголя: Бог бо отца моего помощник мой, и избави мя из руки фараоновы*. Следовательно, вера в избравшую Израиля заветную Божию любовь по-прежнему оставалась началом его жизни, возвышаясь до самоотвержения в отношении к самому призванию, услышанному им в Египте – принять на себя дело освобождения Израиля. Ибо наконец он уже не думал о сем и даже боялся и считал себя недостойным сего жребия, – как он и выразил сие при торжественном призвании его к сему делу на Хориве, чрез сорок лет своего пришельничества в Мадямской земле: *кто есмь аз, яко да пойду к Фараону царю египетскому, и яко да изведу сыны Израилевы из земли египетския?* Такого именно расположения и требует дело Божие для своего

совершения; ибо оно совершается не человеком самостоятельно, но Богом чрез человека. Таким образом, странническая и пастушеская жизнь Моисея у Иофора была не в противоречии с его призванием, но приготовила в духе Моисея совершенно удобное место и твердое основание к совершенному принятию и усвоению сего призвания, которое наконец и последовало открытым и торжественным образом. *Буду с тобою*, говорил ему в видении купины, горящей и неопалимой, Господь (Исх.3:12); *Аз отверзу уста твои, и устрою тебе, еже имати глаголати* (Исх.4:12), и вооружил его Своею силою творить знамения и чудеса.

Посмотрим же теперь на духовные свойства Моисея, как избранного и совершенного орудия Божественного Духа.

И каждый человек носит на себе печать своего времени; тем боле представители и вожди своего времени, каким по превосходству был законодатель еврейский. Моисей носит в своей духовной природе черты своего времени, но с своими личными высокими особенностями и притом, как орган Св. Духа. Но предварительно заметим об общих свойствах Боговдохновенных мужей ветхого завета: а) тайна спасающей мир Христа Божией любви еще не была совершена в своем существе и открыта во всей полноте; отсюда и в чрезвычайном слуге и сосуде духа сей Любви еще могли иметь место некоторые личные недоумение и нерешительность, – как именно св. Апостол противопоставляет сему свойству *ходатая ветхого завета* отважность и необыкновенную свободу провозвестников нового завета, как взирающих на славу Господню откровенным лицом, т. е. вполне владевших во Св. Духе тайною спасения благодатного (2Кор.3:12,13); и б) Дух Святой вдохновлял своего избранного в ветхом завете, еще не как возрожденного христианством, а только имеющего в душе естественную удобосообщимость к Духу Божию. Отсюда в ветхом завете могли быть случаи, что и в сосуде Духа Св., по особенным намерениям Божиим, могли быть приведены в движения некоторые силы природы, не очищенной от греховности, и следоват., могли открыться некоторые действия, не только отдельные от Божественного в нем действия, но и не

совсем согласные с сим последним. – С этой точки зрения нам и нужно смотреть на главные черты личности Боговидца. – Мысль Моисея, сообразно с временем его, запечатлена характером непосредственно-наглядного и простого воззрения на предметы. Послушаем напр., как он выражает пред Богом, посылавшим его освободить Евреев, вот эту простую мысль: «от чьего же имени я приду к Евреям? Чем уверить мне их в Божественном своем посольстве?» *Се аз пойду к сынам Израилевым и реку к ним: Бог отцев наших посла мя к вам; и аще вопросят мя: что имя Ему? Что реку к ним.... аще не уверуют ми, ниже послушают гласа моего: рекут бо, яко не явился тебе Бог, что реку к ним? (Исх.3:13; 4:1).* Ясное дело, что, говоря таким образом, Моисей как бы и смотрит на себя, как он приходит к Евреям и вступает в объяснение с ними. И такая наглядная простота мысли соединяется у него обыкновенно с живою и свободною игрою внутренних образов. Вот напр. как он выражает пред Богом, призавшим его к многотрудному делу – руководить Евреев, жалобу на это: *вскую озлобил еси раба Твоего? И почто не обретох благодати пред Тобою, еже возложить устремление сих людей на мя? Еда аз во утробю зачах люди сие, или аз родих я? Яко глаголеши ми: возми их в недра твоя, яко доилица носит доимыя в землю, еюже клялся еси отцем им? Такая речь далека уже от простоты не только допотопных, но и слепопотопных патриархов. Но вот затем сейчас же представляется самая простая наглядность его мысли: откуда мне мяса дати всем людям сим? яко плачут на мя, глаголюще: даждь нам мяса, да ядим (Чис.11:11–13).* Но эта черта времени, в лице Моисея, имеет ту великую особенность, что, с одной стороны, было чрезвычайно ясно и вместе глубоко такое простое и вместе образное воззрение его на вещи, а с другой – он ни мало не подчинялся живым и сильным впечатлениям и образам своим, но всегда становился выше их и совершенно овладевал ими. Доказательством первого служит то, что призвание от Бога: *и ныне гряди, да послю тя к Фараону... и изведеши люди Моя (Исх.3:10)* – в мысли Моисея сейчас же отчетливо отразилось со всем необычайным своим величием (Исх.11), с затруднениями своими, и относительно

Израильтян и относительно его самого (Исх.4:1,10), и возбудило в нем живое и глубокое сознание собственного недостойнства и немощи для такого призвания (Исх.3:11; 4:13) Второе видно из того, что, поражаясь зрелищем купины горящей и не сгорающей, он не отступает и не останавливается в изумлении, но говорит: *мимошед увижду видение великое сие, яко не сгорает купина, и приступает видети*, – что, потом услышав глас Самого Бога из купины, и уже боясь *воззрети пред Богом*, он однако обстоятельно и спокойно обсуживает призвание Божественное и со дерзновением объясняет свои недоумения и даже отречение от призвания, как ему непосильного. Далее, сообразно тому времени чертою Моисея была чрезвычайная живость чувства, простирающаяся иногда до нетерпеливости и едва умиряемая сильною мерою при своем сильном движении. Это открылось в Моисее при том же самом обстоятельстве призвания его: чтобы Моисея, пораженного необыкновенным по величию и трудности призыванием, приклонить к послушанию, *разгневался яростию Господь на Моисея*. Или еще: Когда при недостатке воды народ роптал с крайне-оскорбительным и горьким упреком ему, возмущенный духом Моисей не удержался даже после слов Господних: *возьми жезл твой.... и рцыте к камени пред ними.... и изведете им воды из камене*, – не удержался от нетерпеливости, не только не довольно верующей, но даже пререкающей Богу: *послушайте мене не покоривши*, – говорил он народу, – *еда из камене сего изведем вам воду* (Чис.20)? И такому нетерпеливому и сильному движению его сердца тут же противопоставлен был от Бога гнев: *не введете вы сонма сего в землю, юже дах им*. Но столь живое и неудержимое в своих движениях сердце – эта столь открытая для уязвления змия сторона времени – не было в Моисее заражено сластолюбием, своекорыстием и вообще самолюбивыми прихотями; напротив, он имел непреодолимое и готовое на всякую жертву влечение любви к своим ближним, ни чем не заглушаемое сочувствие и сострадание особенно к страждущим и находящимся в опасности. Не однажды рука Божия была поднята на истребление своенравного и жестокого народа; Моисею повелевалось отступить от него и предлагалось произвести от

чресл его самого новый народ; он забывал все крайние и бесчисленные свои преогорчения от своего народа, не смотрел на высокую честь быть родоначальником всего избранного народа или новым Авраамом, всецело жертвовал собою, и самую славою Божиею умолял Бога помиловать непокорных. Что начало такого духовного совершенства было от юности сродно его сердцу, это видно из того, как он вступился за Еврея, обижаемого Египтянином, и в другой раз – за другого, Еврея же, обижаемого от своего соплеменника: *чего ради ты биеши искреннего*; – известно, как защитил он дочерей Иофора от обиды пастухов.

Небоязненная решительность и предприимчивость воли Моисея составляла также всегда отличительное свойство Моисея. Это открывается из того, что он, не смотря на крайнюю ненависть Египтян и их царя к Евреям, выходил *к братьям своим, сынам Израилевым*, и мало того, не усумнился убить одного из Египтян за своего соплеменника. Но в нем при сем была та особенность, что он так поступал не по изменчивым увлечениям, но обдуманно и осторожно. *Обозревся семо и овамо, никогоже виде: и поразив Египтянина, скры его в песце*. По сей же осторожности, он сейчас же увидел свою опасность в Египте, как только услышал и при том еще от Еврея: *убил еси вчера Египтянина*, и – заблаговременно избежал опасности. Такая мудрая осторожность видна в его медлительности принять Божественное призвание избавить Евреев, хотя оно было столь согласно с его собственными стремлениями.

Поелику же с таким духовным настроением и чрез такие великие подвиги веры он предавался вполне Духу заветной любви Божией: то и понятно, почему он, один из всех соплеменников, беседовал с Богом *усты ко устом*, как друг, и таким образом, один из всех современников способен был к открытому Боговидению и Богосообщению, потребному для законодательств ветхозаветной Божией Церкви. А повержение Моисеем мирской образованности пред Богом Израилевым, или покорение оной началам веры в обетования Божии, данный Аврааму, Ною и даже еще Адаму, составляло готовую приемлемость Моисея к таким откровениям Св. Духа, в

которых, с одной стороны, воспроизводились спасительные для человека тайны Божия откровения начиная от сотворения Мира, а с другой – образно проявлялись тайны грядущей Благодати чрез самые разнообразные виды предметов природы и искусства (в устройстве скинии и в законах, касающихся болезней, употребления животных и т. п.).

Вот вообще каким был Моисей орудием и сосудом Св. Духа! И что требовалось для совершения и начертания в письменах Божественного законодательства ветхого завета, – все это и было совершено им или Духом Божиим чрез него именно так, как показано выше в первом отделе.

3 часть

Поставим же теперь, наконец, наше время пред зеркалом Божественного законодательства, раскрытого нами в том главном и общем отношении, как оно совершено чрез Моисея, и из какого погибельного состояния, и в какое спасительное ввело оно Израиля.

Новый Израиль, прообразованный ветхозаветным, это – Христиане, которым тайны веры и благодати, открываемые и действующие в древнем Израиле чрез сеновные образы, взятые из области естественного и мирского, известны и принадлежат прямо в своем духовном существе. Каково же теперь состояние этого нового Израиля? По духу и силе дела, во многих отношениях, таково, каково было состояние Израиля, подавляемого язычеством в Египте. Христиане Запада уже много веков поработены египетскому игу неправославия; христиане Востока православного, по внешнему состоянию, поработены такому же игу магометанства. Наше отечество – Россию Господь помиловал и ущедрил как православием, так и внешнею силою и славою. Что-ж? Выдерживаем ли мы нравственно, даже в большинстве нашем сознаем ли по надлежащему все превосходство нашего положения, а вместе и страшную ответственность нашу равно пред Западом и Востоком? Напротив, если иметь в виду наше большинство: одни из нас и в мыслях и в жизни держатся начал не благодати и истины Христовой, следоват., начал не Израиля новоблагодатного, а скорее египетского или какого другого язычества; другие же, мнящиеся быть верными призванию нового Израиля, своим направлением, а иногда и словом, только или почти только осуждают и отвергают первых, не разбирая того, что поражают не столько ложь и неправду, сколько людей, и то лежащих, и потому не столько привлекают их к истине, сколько от нее отталкивают. В таком положении нравственных наших дел, если и случается возникать чему-нибудь свежему и освежающему дух и мысли, то и это, как вначале естественно не зрелое и слабое, или попадает под

секиру грозной и почти только убивающей ревности по истине и правде, или увлекается духом безблагодатным и пропадает в зародыше. Так ужасно мысленный Фараон распоряжается иногда у нас новорожденными духовными младенцами! С другой же стороны, общее почти недовольство таким нравственным положением вещей, общее стремление и желание выйти из него, а вместе и оживляющая общественный дух надежда лучшего, основательно разумного и следовательно не противохристианского, в будущем – все это, кажется, удостоверяет, что наше духовное положение еще не безнадежное, что Господь силен проявить в мире торжество Своей истины и благодати, еще прежде раскрытия их в славу вечной жизни или второго Своего пришествия (хотя к сему и следует ежеминутно готовиться), и что, следов., еще можно новому Израилю выйти из мысленного или духовного Египта, на началах благодатно-церковного домостроительства.

Что же для этого нужно? То же в духе нужно для нового Израиля, что образно было нужно для освобождения от египетского ига и для благоустроения законом Израиля ветхозаветного. Мы видели, что спасающая человека любовь Божия, по отношению к ветхому Израилю, глубоко снизошла в Моисеевом законодательстве к духовной приемлемости и потребности спасаемого человека: по состоянию тогдашнего человека требовалось упрочить для него Божию истину письменем, и – закон Божий дан ему в письмени; Израиль вышел уже из родового патриархального в народное состояние, и – законом Божиим благоустроена именно народность Израиля. Такой дух любви Божией, сообразующейся всегда с настоящею, живою приемлемостию и нуждою человека, вечен и, значит, имеет всю свою силу для веры и в наше время, для спасения нынешнего человека. Человек нашего времени (говорим это относительно самого большинства) – не то, чтобы уже отвращался прямо от истины Божией; нет, он только с особенною энергией любит земные порядки, заботится о способах, удобствах и благоустройстве земной жизни, хочет заниматься действительностью, какова она есть в сей жизни, и притом еще (надобно отдать ему справедливость) стремится во

всем этом к основательности и разумности. Что же? Противно ли истине и любви Божией снизойти (впрочем, без потачки) к такому состоянию, стремлению и требованию нынешнего человека? Или уж нельзя для самых земных порядков раскрыть и указать разумные основания и законы именно в Христовой истине? Ведь Христос, для возведения оземленевшего человека на небо сам сходил с неба на землю; иначе человек ниспал бы еще ниже земли, до самой преисподней. Так и истине Господней свойственно входить с своим светом и жизнью в многообразные виды самой земной действительности для благонаправления здесь человека; иначе он окончательно увлечется и растлится духом мирским, и рано или поздно самую земную действительность доведет до всегубительства. Без озарения светом Христовой истины всех областей земной действительности, которую так крепко занят нынешний человек, можно ли и добраться до искренней мысли, до господствующего направления воли нынешнего человека, даже у нас в православной России, тем более на Западе? Можно ли думать о благожеланной православии свободе православного Востока, порабощенного исламу? (Ибо эта свобода, установленная на началах, каких бы ни было, вне Христа, конечно, нежеланна и для самих страдальцев Востока, и только вредна была бы им относительно православия). О прочем же человечестве, о возможности напр. иначе тронуть Евангелием живую струну земледельческого Китая, или тоскующих о древней гражданской теократии Евреев, и говорить нечего. – Божественное законодательство, благоустроившее чрез Моисея именно земной народный быт Израиля на началах обетованной и грядущей благодати Христовой, есть великое свидетельство самого слова Божия, что тем паче, по пришествии и явлении Христовой благодати, можно и должно светом ее уяснять и на ее основании устроить, во благо и спасение человека, все земное. Сам Господь научил нас молиться Своему небесному Отцу: *да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли.*

В частности, во-первых, как для благоустроения Израиля Божиим законом требовалось поставить на всегдашний вид Божию народу заветы и обетования Божии о спасении, данные

его отцам и праотцам, начиная от прародителей: так для озарения светом Христовым всего земного, всей действительности у нового Израиля необходимо воспроизвести или раскрыть в живой силе и духе все Божественные в Церкви законоположения и чиноположения, начиная от догматов Веры до обрядности церковной, начиная от первенствующей Церкви и времени вселенских соборов до православной старины в России. Живой же дух и сила всей истины новозаветной, всей православной церковности есть именно дух и сила самой любви Божией, явленной в Христе и изливающейся в верующие души Св. Духом, – той любви, по которой единосущный Сын Божий восприял, для спасения человека, всечеловеческое естество в единство Своего лица, и в этом естестве явился Агнцем Божиим, вземлющем грехи мира, понесшим до смерти бремя всех наших заблуждений и преступлений, как будто именно он и был виноват во всем этом. В этом самом духе и силе и надобно поставить на вид новому Израилю Божию истину и благодать в догматах Веры и во всей церковности, как предали нам эту истину и благодать Христову от самого Христа апостолы Его, а от апостолов св. отцы Христовой Церкви. *Сие книга бытия человека во Христе!*

Во-вторых, как ветхого Израиля надобно было сначала извести из Египта, и – потом уже даны ему в громах и молниях основоположения всего Божия закона: так и чадам нового Израиля необходимо прежде выйти сколько из того направления, чтобы вне Христа заниматься земною действительностью и вне же Его поставлять разумность и правду, столько же и из того, не сродного завету благодати духа, чтобы истиною Божьею только поражать и осуждать немощных и заблуждающих людей, и особенно чтобы считать недостойным и несвойственным ей снизойти до просвещения и благоустройства своим благодатным светом всего дольного – человеческого, как бы ни болело оно духовно. Если этот последний, истинно жидовский, дух будет держать нас в своих узах: то и первое, положим – языческое, направление не ослабит оков на своих пленниках; ибо для освобождения их необходимо требуется снизойти с благодатною истиною до самой области их плена.

Другого *исхода* из современного нравственного и мысленного Египта не представляется во свете Слова Божия.

В-третьих, как ветхого Израиля, для введения его в законополагаемое Богом состояние, нужно было уединить, под открытым Богоправлением, ото всех сторонних влияний: так мысли и духу христиан, если они стали бы подвизаться войти во всеозаряющий и самую тьмою мирскою необъемлемый свет Христовой истины и благодати, надобно уже во всем – и важном и мелочном неуклонно держаться воззрений и правил именно по Христу, Богу и Агнцу Божию, спасающему от греха и лжи все человеческое. Пусть бы для этого пришлось проходить духовно какую-либо пустыню каменистой Аравии, встречаясь постоянно с внутренними и внешними озлоблениями. И даже пусть бы наше шествие по такой пустыне соединялось с ежеминутными преткновениями и увлечениями, как это было с ветхозаветным Израилем ... Во всяком случае, только бы нам уже не возвращаться к Египту льстивых, оковывающих ложью, направлений; только бы, при всяком преткновении и падении нашего духа и мысли, опять становиться на ноги и идти или влещися во Христе вперед. Господь своею благодатью направит все наши шаги и доведет или донесет нашу мысль и всю душу до земли обетованной, до живого значения *царственного священства*.

И тогда, в-четвертых, как старое поколение возросших в рабстве Евреев должно было прейти и уступить свое место новому поколению, возмужавшему под впечатлениями ощутительной руководящей Божией десницы: так и в нас несчастное, строптивное духовное поколение ветхого человека, развившееся в нашем образе мыслей и жизни, связанном односторонними и лживыми направлениями, уступит же наконец место новому человеку, мыслящему и живущему по Христу, по истинному Его духу. У Господа исчислены и измерены все движения ветхого и нового нашего человека.

И так. обр., в-пятых, настанет же наконец такое блистательное время, когда столько же радостно, сколько назидательно, будет вере нашей обозреть пройденные нами и нашими предшественниками трудности и опасности под

водительством Христовой истины и благодати: подобно, как в виду земли обетованной Израилю напоянута были Богодвижимым вождем и законодателем все пройденные пути Божии. Ибо должна же наконец православная Церковь явиться во всей красоте и благолепии как в одержании Востока так и в очах западного человека; и в этом, может быть, Господь даст послужить человечеству и тем уплатить свой долг пред Востоком и Западом – нашей православной России, которой уже пора бы сознательно и дружно взяться за дело истины и жизни во Христе. – Но да будет во всем воля Божия!

Мы же посмотрим теперь на то: кто в этом многосложном деле будет нашим Моисеем? Новозаветный Моисей или, сказать то же, ходатай нового завета есть един наш Господь Иисус Христос. Моисею, ходатаю ветхозаветного закона, дано самому сознавать и засвидетельствовать отображение в себе Христа Спасителя: *Пророка восставлю им, – так самим Богом сказано Моисею о Христе, – от среды братий их, якоже тебе: и вдам слово Мое во уста Его, и возглаголет им, якоже заповедаю Ему: и человек той, иже не послушает Его, елика возглаголет Пророк оный, Аз отмишу от Него* (Втор. 18:18,19). *Пророка от братии твоя, – говорил Моисей Израилю о Христе, – якоже мене, восставит тебе Господь Бог твой, Того послушайте* (там же, ст. 15, слич. Деян.3:22; 7:37). И новому Израилю нашего времени всеми опытами тяжкого скитальничества мысли и жизни не по Христу, как в частных личностях, так и в целых народах, можно бы уже, кажется, вразумиться чтобы не дерзать самим только собою изыскивать высочайшую истину и благо всеобщее. Это значило бы не чистому брению устремляться к обнятию невещественного огня Верховного блага и истины. Вот, и плотский Израиль умел почувствовать или только предчувствовать нужду в едином ходатае Бога и людей, представителем которого был для них Моисей: *и ныне да не измрем, говорили они Моисею, яко потребит нас огонь великий сей... Приступи ты, и послушай вся, елика речет Господь Бог наш к тебе, и услышим и сотворим* (Втор.5:25,27). Сами же собою да не приложим слышати гласа Господа Бога нашего, и огня великого сего не увидим по сем, да не измрем

(Втор.18:15). Как же нам, духовному Израилю, в деле раскрытия истины, правды и порядка на все, устранять Того, Кто, в тайне единосущия Своего со Отцом, слышит от Него и передает нам в своем слове все благопотребное и просветительное для нас, и Кто, именно для удобосообщимости этого нам, восприял наше естество и понес на Себе вину всего, удаляющего нас от Бога истины, правды и порядка? Но, с другой стороны, остережемся и держаться Его только по одной мертвой букве, по одному мертвому и бездейственному согласию на то, что конечно Христос есть начало и спаситель всего, без действительного и живого устремления к Нему нашей мысли и духа во всем. Вот и в ветхом завете, до явления еще благодати возрождения, в Моисее отобразился Христос в самой силе и действии, так что духовный свет, принадлежащий одному Христу – сиянию славы Отчей, просиявал видимо в самом лице Моисея. Нам ли, в св. крещении уже духовно облеченным всецело во Христа для раскрытия Его жизни и света во всем нашем существе и во всей нашей жизни, – нам ли не стремиться к тому и не достигать того, чтобы мыслью, волею, сердцем, душою и телом быть *един дух со Господом*? И эту благодать, притом, следует нам усвоить себе, в силе Св. Духа, так, чтобы верою своею сознавать и ощущать Его, как стоящего, так сказать, своим Богочеловечеством за спасение всего человеческого от лжи и греха, за всех людей – иудеев и язычников, за всех немощных и гибнущих. Ибо всецело решительный суд Его последует уже при открытии вечной жизни: и следоват., дотоле еще всячески должно, кого можно, исхищать из греха и гибели и тем более и более усвоить самим себе любовь и правду Спасителя всех человеков. Повторю: вот и из сумрака ветхозаветного Моисей входил в такой свет и силу любви Христовой и к грешному погибающему человеку, что, когда уже самим Богом изречен был приговор суда на истребление непокорного народа, Моисей в живом образе Христа стал за этот народ и отстоял его от поядающего Божественного гнева таким дивным ходатайством!.: *аще убо оставиши им грехи их, остави: аще же ни, изгладя мя из книги твоея, внюже вписал еси* (Исх.32:32).

И если бы хотя малая росинка или семя такого истинно Христова мудрствования и расположения оказалось в нашем общественном духе: то, как бы ни поедал мысленный Фараон новорождаемые мысли и движения духа, хотя бы духовное дитя благодати самую верою ввергаемо было в какой-нибудь смоляной корзине в Нил, – этот новый Моисей сохранится, отдастся самой вере на воспитание, будет обогащаться плодами самой мирской науки – этой многовековой египетской премудрости, – с незыблемо уже утвержденным в нем корнем Христовой истины и благодати; а потому, с привитием к сему корню всевозможных знаний, чувствуя и давая другим чувствовать свое призвание к освобождению нового Израиля с его наукой и жизнью от мысленного порабощения, это Христово направление мысли и сердца пройдет все испытания странничества и раскроет же наконец пред миром всю беспорочную красоту Христовой невесты – Церкви православной на радость всему миру.

И ужели слишком уже трудно направление мысли и дела по Христовой истине и благодати? Было бы внутреннее противоречие находить слишком тяжелую трудность в принятии благодати, мыслью ли, или сердцем, или волею. Вот Боговидец Моисей, и с чувственно-образным воззрением своей мысли, так чудно-просто выразил ту превыспреннюю тайну творения всего мира и каждого создания, как вечный Отец своим ипостасным *Словом* – Сыном однородным воззывал твари из небытия в бытие, и бытие их запечатлевал и утверждал благоволительным *призрением* Своего ипостасного Духа: «и рече Бог: да будет... и бысть... и *виде* Бог, яко добро». Что же мешает и нам, после уже полного открытия в христианстве тайны творчества триединого Бога, так и изучать и употреблять каждое создание, чтобы следить в нем именно мысли Отца небесного, осуществленные Его Сыном и проникнутые животворящим Его Духом? – Моисей об устройении скинии, бывшей только сению открытых и дарованных нам благ Христовых, написал в книге закона: *се нарече Бог именем Веселиила... и наполни его Духа Божия... архитектонствовать во всех делесех древоделания, творити злато и серебро и медь, и ваяти камени и делати древо и проч.*

(Исх.35:30–33). Что же мешает нашей вере, в области искусства, открывать нам дух влиянию духа творческой Божьей любви, в Христе уже таинственно запечатлевшего своею благодатью и ум и сердце и чувства наши с самыми телесными их органами, и так. образ., из различных видов искусства делать духовно Божию скинию, вместо языческого капища? – Боговидец Моисей весь народный и гражданский быт Израиля устроил на началах и по духу обетованной в грядущем Христе благодати; самое одержание земли обетованной и освященное праздниками и жертвенными приношениями земледелие, по закону Моисееву, выражают тот же дух. У нового ли Израиля, после пришествия и жизни нашего Спасителя на земле под народными и гражданскими условиями, народный и гражданский быт, особенно смиренная рабочая доля земледельцев, будет иметь порядок, не подлежащей Христовой истине и Благодати, и след., только плотской и мирской? Жалко и постыдно было бы для нового Израиля стать в этом отношении ниже ветхого Израиля; обидно было бы и для самой спасительной Благодати, чтобы, по ее пришествии и раскрытии в самой истине, отнять из ее одержания ту область, которая принадлежала ей, когда она проявлялась только в образах.

Если сердца наши слишком огрубели и ожестели для искреннего и живого воззрения во всем к Христовой благодати и истине, то вспомним, что и у самого законодателя еврейского было неудобосмягчимое в сильных своих движениях сердце, возбуждавшее против него ярость Господню. Тем не менее, однако, он оказался таким сосудом любви Христовой, что готов был собою, своею вечною участью, жертвовать для спасения своего народа. Итак, только бы не противились, а предавались мы влечению и действию духа Христовой истины и благодати, наша огрубелость и жесткость не устоят пред Ним. В особенности пусть отдаются духу и силе Господней любви сердца наиболее удободвижные; тогда послужат они верным орудием к смягчению и упорных, ожесточенных. В слове Божьем сказано: *несть мужеский пол, ни женский, вси бо вы едино есте о Христе Иисусе* (Гал.3:28). Это значит, что относительно усвоения нам Христа, Его благодати и истины, в чем

заключается все существенное и спасительное для всех, и женщина не разнится от мужчины, и женщина может входить в Христов дух, наравне с мужчиной; все здесь зависит от свободной преданности веры, могущей принадлежать одинаково мужескому полу и женскому, без уничтожения особенностей того и другого. Итак, пусть верующая женщина, живя Господом, свойственным своему полу мягкосердечием послужит к тому, *да и аще нецыи по жесткости и упорству духа своего не повинуются слову, женскими житием без слова пленени будут* (1Пет.1:1). А с своей стороны мужчина, просвещаясь Христовою истиною, да усвоит себе Моисееву твердость и обдуманную предприимчивость, верую своею *яко видя невидимого* (Евр.11:27). Таким образом Дух Христов и воздействует в духе нашем к изведению нас из мысленного Египта к живому и полному разумению и употреблению всемирного сокровища православия.

Но главная трудность для нас в этом отношении может быть и состоит, собственно, в том, чтобы нам с своими силами, с своими знаниями или с своим неведением, предаться верою Христу и Его духу. Ведь и Моисей, скажет кто-либо, только один в своем роде безусловно и всецело отдался Духу Божию, и явился светлым прообразом. Но он служит образом для всех верующих; нужно, чтобы *вообразился Христос в нас* всех (Гал.14:19). И мы все еще в крещении, погружаясь в смерть Его, умерли чрез это для всего чуждого Христу, чтобы жить уже в Нем и Им; мы духовно оделись в Него. Итак, не будем хромать на обе ноги нашими мыслями и правилами. Нам предлежит одно из двух: или мыслить и жить во Христе, или прямо и сознательно обнажаться, совлекая с своего ума, воли и сердца одеяние Его благодати. Не будем в этом лицемерить пред собою. Сколько зла и лжи от этого лицемерия пред собственной совестью. Там толкуют, что та или другая область – не Богословская, не духовная, а философская, физическая, гражданская и т. д. Что же? Поэтому выходит, что в некоторых только областях или средах христианину надобно быть одетым во Христа, а в других можно ходить без стыда в своей греховной наготе. Здесь с осторожности внушают, чтобы, мысля

или действуя в той или другой сфере независимо от Христовой истины, смотреть, однако за собою, как бы не дойти до открытого разноречия с верой и с словом Божиим. Это выходит, что душа наша, еще в крещении отдавшись вполне своему Божественному Жениху – Христу, может и любодействовать от Него, только бы по внешности не отставала от Него. Может ли эту измену, скрывающуюся за ребяческою личиною, потерпеть ревность Божественной любви, крепкой как смерть (Песн.8:6). Нужно стремиться вон из этого Египта.

Другое дело, если кто имел великое несчастье уже смутиться или потерпеть колебание в вере. Он иногда и рад бы возвратиться к вере, да уж как узник, чувствует себя не в силах освободиться от оков сомнения или неверия. Как такому или таким возвратить утраченную или возмущенную преданность и успокоение во Христе? И для этого есть в Моисее образец и руководство. Ведь и он, – после отвержения его сынами Израилевыми, когда он заступался за них и мирил их между собою, после сорока лет пришельничества своего в доме Иофора, – под конец уже оставил пламенную мысль и решимость веры своей стараться о свободе Евреев (как видно из его, можно сказать, упрямого отречения от Божественного призвания при купине). Но вот, увидя, *яко купина горит огнем, купина же не сгораше*, он понял чрезвычайность этого явления и не пошел от него в сторону, напротив сказал: *мимошед увижду видение великое сие, яко не сгорает купина*. (Исх.3:2,3). Подошел, и услышал Божественное призвание именно к тому, во что уже внутренне он отказался верить. Так и ты, кто бы ни был и во что бы ты не поколебался веровать, только не убегай прочь от Божественной истины, где бы и как бы она ни настигала тебя, но поди, внимательно и осторожно посмотри на дело сам. Положим напр., что ты не можешь или не хочешь успокоиться во Христе верою, по причине возбужденного в тебе неудержимого стремления отчетливо сознать начало вещей и основание всякого знания и мысли. Смотри же, уж на слепую веру и не принимай за коренное основание мысли о бытии ту или другую идею или главный закон разума, что требует еще для тебя оправдания и основания. Изыскивай до тонкости, что

такое в *своем основании и существе* – самые высшие наши идеи или самый главный или всеобщий закон разума и бытия. Посмотри добросовестно и на то, чужда ли света должной отчетливости – вера в Христову истину. Эта истина открывает вере, что самые врожденные идеи нашего духа об истине или добре, о прекрасном и о бытии, самые высшие законы нашего разума, в своем основании и существе, суть именно светлые или мерцающие указания *Света просвещающего всякого человека, грядущего в мир (Ин.1:9)*, Христа Бога Слова, основания всяческих, – указания, касающиеся еще нашей духовной природы, и в настоящем ее расстройстве или удалении от Бога. Христова истина и оправдывает это – для *веры* внутренними опытами верующих, обретающих в ее свете именно то, к чему стремится душа по своим существенным потребностям, а – для *неверия и испытания* непрестающими и до ныне явлениями того, что мысль и слово, внутренне сообщные Христу Богу Слову, основанию всяческих, властительно движут природу видимую и невидимую в знамениях и чудесах. Божественная истина готова открыть для осязательного испытания всякого Фомы – свою красоту и жизнь в своем Божественно-высоком и вместе для детей доступном содержании, свою всеобщность в уяснении светом своим всего круга знаний, в руководительстве своем для всех и во всем. Только приступи к этой духовной, горящей и несгораемой купине с добровольным Моисеевым испытанием: *мимошед увижду видение великое сие, яко не сгорает купина*. Доступ к ней не закрыт ни для кого, если свет от Божественного Огня этой купины сияет или мерцает в идеях духу *всякого человека грядущего в мир*. Господь силен, и упрямого мыслителя заставит послужить, в той или другой мере, изведению из египетского рабства христианской мысли и науки. Только уже не отступать от купины Боговидения, т. е. поставить одну задачу для себя – основательно и твердо дознать истинный свет Христов, чтобы войти в него безусловно и полною верою, без лицемерного двоедушия, без хромания *на обе плесне*. Мечта, нельзя ли не расходиться со Христом при образе мыслей, в чем-либо от Него независимом, – сама себе противоречит.

Довольно для нас уроков и опытов наших предшественников на поприще мысли, куда она без Христа может идти и вести в чем бы то ни было. С другой стороны, сколько и они были добросовестно верны мерцаниям истины, в собственном их духе светившимся, – это составляет несомненную их заслугу для истины; и потому, наверно найдутся и у них зерна в житницу Христа Спасителя – единой всеобъемлющей истины. Нужно нам восхитить все эти драгоценности у мысленных Египтян, держащих в долговременном тяжком рабстве мысли многих, многих Христиан.

5.Об искушении Господа нашего Иисуса Христа диаволом в пустыне

1. (По Евангелию от Матфея).

В исследовании о значении искушения Христова от диавола главная задача – понять, что именно было здесь искусительного. При сем необходимо положить, что искусительная сила должна быть не так слаба; иначе и победа над искушением не была бы великою. Что же было сильно искусительного напр. в первом приеме искушения? Увлекал ли сатана к невоздержанию? *Но постився дней четыредесять и ночей четыредесять, последи* вкусить хлеба, очевидно, не значит – допустить чревоугодие. Или худо то, что хлеб нужно было получить чудом? Но известно о прообразе Христа – Самсоне, что он томимый жаждою, за неимением естественного способа достать воды, получил оную чудом: обстоятельства и теперь почти такие же. Израильтянам в странствовании по пустыне Аравийской также ниспосылался чудесный хлеб. Моисей согрешил, когда сказал жаждущему народу: *еда из камени сего дам воду!* Илиа вышеестественным же образом получал себе пропитание то от вранов, то от Ангела, то от неоскудевающей горсти муки. Сам Господь творил двукратно известное чудо, чтобы наплатить находившихся в пустынном месте, *да не ослабеют на пути*. Не камни ли, или что-нибудь подобное обратилось в снеди, когда Апостолы, целую ночь прошедшее в безуспешной рыбной ловле, *егда излезоша на землю, видеша огонь лежащ и рыбу на ней лежащую и хлеб* (Ин.21:9)? Или губельно, собственно, то, что нужно было принять предложение диавола, каково бы оно ни было? Однако Господь попускает искусителю увлекать себя во святой город и на гору, как хотелось того именно искусителю. В чем же сила настоящего искушения?! Удивительно также и неудобопонятно, что Господь отражает лукавого таким словом писания, которое и изречено было о чудесном получении хлеба – о ниспослании манны, и которое потому, как будто только по внешности своего выражения, противоречит мысли искусителя, а по предмету своему не таково. *И напита тя*, говорил Моисей Израилю о Господе Боге, *манною, еяже ты не увидел еси, ни отцы твои,*

да возвестит тебе, яко не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком словеси, исходящем из уст Божиих, и проч. (Втор.8:3). Но искушение хлебом по крайней мере было к случаю, шло к обстоятельствам и состоянию Спасителя: *последи взалка*. О других видах искушения нельзя и того сказать: они кажутся неожиданными, странными, бесцельными и бессвязными, как между собою, так и с первым искушением. Ни с того, ни с другого, как говорят, – бросься вниз с огромного здания: такое искушение, по-видимому, едва ли имеет какую силу для кого бы ни было, владеющего здравым умом. Поклонение сатане самую уже нелепостью и открытым нечестием своим может, кажется, отразить от себя всякую, сколько-нибудь благочестивую, душу. Достаточно сказанного в удостоверение, что нельзя вполне удовлетвориться, сказав только одну общую мысль: сатана искушал Господа самолюбием, суетностью и гордостью (хотя это и правда). Нужно точнее раскрыть искусительную силу каждого дьявольского предложения.

Аще Сын еси Божий, – так говорит искуситель взалкавшему Господу Иисусу, – *рцы, да камене сие хлебы будут*. Сын Божий – что это значит? *Ты еси сын Божий, ты еси Царь Израилев*, говорили Израильтяне Господу, выражая свою веру, что Он есть Христос (Ин.1:49). *Да речеши нам, аще Ты еси Христос Сын Божий*, спрашивал первосвященник Господа (Мф.26:63). *Исхождаху же и беси от многих вопиюще и глаголюще, яко Ты еси Христос Сын Божий* (Лк.5:41). Отсюда видно, что имя Сына Божия на языке иудейском употреблялось, и злым духам было известно, как одно из названий Мессии, Христа. Мысль о Сыне Божиим – Мессии в отношении к Иисусу Христу могла родиться в искусителе частью уже от открывшегося в Господе Иисусе чрезвычайного совершенства, особенно же от торжественного и открытого свидетельства об Господе, как о возлюбленном Сыне Божиим, во время Его крещения. Сие свидетельство, слышимое Иоанном, конечно, не могло же быть не слышимо для мира духовного. Св. Златоуст, именно на основании Иорданского Божественного свидетельства о Христе, изъясняет в лукавом мысль о Иисусе,

как Сыне Божиим. Вслед за крещением Иисуса Христа, после того как Он был от самого своего Отца засвидетельствован: *Сей есть Сын Мой возлюбленный*, при первой возможности и открылось это искушение.

Достоинство *Сына Божия* или Мессии искуситель поставляет в связи с «творением хлебов из камней», как условие с условливаемым: *аще Сын еси Божий, рцы...* и пр. Такая связь необходимо предполагает, как основание для себя, следующую мысль: «Сыну Божию Мессии свойственно собственно для удовлетворения плотских потребностей творить какое угодно чудо; чрез такое удовлетворение плотскому Он и должен оказаться Сыном Божиим – Мессией». – Но именно так и мечтало о Мессии и Его царстве иудейство того времени, как это явно было выражено иудеями и обличено Господом по случаю напитания Им пятью хлебами пяти тысяч (Ин.6:34. слич. 30,31). Лукавый успел проникнуть в область Церкви и во многих извратить главную ее тайну – ожидание Мессии: так что иудеи в чрезвычайных благах и способах Мессии мечтали иметь самое полное удовлетворение и успокоение для своей плоти; предложенные в чувственных образах залогои грядущей благодати и спасение души они стали так понимать, что как будто в чувственных благах и должно было состоять Христово царство. Отсюда и определяется значение искушения. Искуситель как бы так говорил Господу: «Ты алчешь. Но к Тебе было горнее свидетельство, как к Сыну Божию. Не Ты ли и есть тот самый Сын Божий, которому следует только захотеть и сказать одно слово, чтоб земля закипела медом и молоком и самые камни обратились в хлебы к изобилию и наслаждению как Его самого, так и покорных Ему? Если, в самом деле, Ты и есть этот всемогущий, ожидаемый иудеями, царь земного преизобилия и довольства во всем, виновник всякого житейского благословения: то вот эти камни готовы, по Твоему слову, сделаться потребными Тебе хлебами. *Аще Сын еси Божий, рцы камени сему, да хлебы будут*».

Итак, здесь дело касается не просто вкушения пищи или воздержания, но сатана, во-первых, стремится совершенно овладеть и тайною лица Иисусова, пытается, точно ли Он тот

самый Сын Божий, Которого ждут иудеи, почему и искушает Его речью условною. Св. Златоуст именно это находит в намерении искушения. Вот слова его: «слышав, что глас, снисшедший с неба и свидетельствующей: *Сей есть Сын Мой возлюбленный*, слышав столь же славное свидетельство о Нем Иоанна, – искушитель вдруг видит Его алчущим; это приводит его в недоумение: припоминая сказанное об Иисусе, он не может подумать, что это простой человек; с другой стороны, видя Его алчущим, не может поверить, что Он Сын Божий. Находясь в этом недоумении, он приступает к Нему с словами обоюдными». И, вместе с тем, во-вторых, искушитель усиливается и самого Мессию, буде это Он, покорить своему *влиянию* и направлению. Он так ведет искушение, что предлагает Христу или отказаться от достоинства Мессии – Сына Божия, или же признать своим назначением удовлетворение плотских потребностей и желаний чрезвычайными способами, – другими словами: предлагает Христу быть не более, как чудодейственным служителем плотского успокоения и наслаждения, внушая уже и начать такое превратно-мессианское служение сначала в отношении к собственной плоти. Современное иудейство, изветшившее ветхозаветное домостроительство до значения чисто-плотского, было на стороне искушителя. Вот значение и искушительная сила первого нападения сатаны!

Теперь должно быть понятно, почему Господь отражает искушителя именно таким изречением Писания, которое сказано о чудесно-ниспосылаемой манне. «Когда и ниспосылается от Бога чудесным образом что-нибудь, потребное плоти, – как бы так говорил Господь, – то имеется в виду собственно не плотское удовлетворение и наслаждение, а напротив – возвышение над плотским и утверждение духа в Слове Божиим, устрояющем все благопотребное для человека. Так ниспосылаема была Моисеем манна с неба в удостоверение, что жизнь человека питается и поддерживается собственно не хлебом чувственным, в котором всегда может быть недостаток, но самим Богом вся действующим чрез Свое Слово, и таким образом, в видимой манне, поддерживающей земную жизнь,

преподавалась вере незримая пища Слова Божия для поддержания не просто плотской но и духовной истинной жизни. *И напитана ты Бог манною, – так сказано Израилю, – да возвестит тебе, яко не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком словеси, исходящем из уст Божиих, жив будет человек (Втор.8:3). Писано есть: не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих».* Итак, самое основание искушения подорвано – ветхий завет изощрен против самого искушителя, и – пред сатаною, успевшим убить иудейство и обессилить ветхозаветное домостроительство плотскими мечтами, неожиданно открывается вечно-живое духовное воззрение и на события древности и на жизнь и спасение человека. Господь не только отразил соблазнительное предложение быть служителем собственно плотских потребностей и стремлений, но даже, не отрекаясь от своего достоинства, не дал искушителю проникнуть и в тайну Своего лица; а между-тем в темные очи сатаны блеснул молнией обличительной и осудительной для него истины, в которой не устоял и от которой увлек большую часть иудеев этот отец лжи. Эта истина следующая: источник и пища жизни духовной есть животворящее слово, исходящее из уст Божиих; в отпадении от сего источника жизни, в увлечении от одного каким бы ни было призраком плоти или духа – смерть и гибель.

Не трудно понять искушительную силу и последующих нападений диавола и внутреннюю связь их с предыдущим, нужно только следить оные по открытому уже направлению искушения. Евангелист Матфей показывает, как, уже раз пораженный в голову, древний змий устремляет жало новой лжи, дабы уязвить пяту Божеств. Семени жены. Он измышляет такое искушительное предложение, в котором уже ничего нет плотского, напротив имеются в виду самые священные и духовные предметы, приведено и слово Божие с самым точным, по-видимому, применением; но в этом самом предложении искушителя направляется против Христа новая пружина плотского иудейства, попавшегося уже во владение отца лжи. Так он берет Христа в Иерусалим, на кровлю храма иерусалимского, на открытое зрелище самых священных для

веры Израиля предметов, и говорит: *аще Сын еси Божий, верзися низу: писано бо есть, яко Ангелом своим заповесть о тебе сохранить тя, и на руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою.* – *Аще Сын еси Божий:* речь опять условная, следовательно и здесь предполагающая в сатане прежде всего pytanie, точно ли это Сын Божий – Мессия, пронареченный низложитель диавола. *Верзися низу:* броситься наземь среди Иерусалима, с самой высоты храма и остаться целым – это, очевидно, есть поразительнейшее знамение, не только открывающее достоинство и величие самого чудотворца при счастливой обстановке внешними обстоятельствами, но озаряющее некоторою славой самый святой храм. И такое знамение искушитель связывает с достоинством Божия Сына – Мессии, как условливаемое с своим условием, как с внутренним началом внешнее проявление силы оного: *аще Сын еси Божий, верзися низу.* В самом деле, иудейство мечтало именно о таких знамениях и чудесах Мессии, которые ему необходимо совершать, собственно, напоказ своего достоинства и славы: *знамение хощем от Тебе видети,* – настоятельно требовали от Христа представители иудейства; *кое Ты твориши знамение, да видим и веру имем Тебе,* – говорили иудеи Христу, требуя знамения, как существенного дела Мессии. Ветхозаветные пророчества о славе Божией, имевшей открыться в царстве Мессии над Израилем, над Сионом и храмом, понимаемые в мертвой букве, могли служить опорой такой требовательности. И таким образом открывается новая, и притом внутренняя, сторона искушения: опять сетями самого иудейства думает сатана уловить обетованного Царя иудейского.

«Не будем касаться плотского, – как бы так говорит искушитель по отношению к отраженному уже нападению, – пойдем во святой град, взойдем на высоту иерусалимского храма, единственного в мире святилища веры. Если в самом деле Ты тот самый Сын Божий, Который должен открыться в знамениях и чудесах, какие только вздумается Ему сотворить, блестящие знамения Которого и должны составить и проявить славу Его, долженствующую необходимо отразиться и на

народе Его – Израиле, на царственном Его граде – Иерусалиме, на всемирном Его святилище – сем храме: то вот Тебе наилучший случай открыться таким в Иерусалиме, с высоты храма. Испытай сам, да и другим покажи Божию в Тебе силу и славу: *аще Сын еси Божии, верзися низу*. Нужен ли Тебе на это глагол, исходящий из уст Божиих? С самою строгою точностью идет сюда слово Писания: *Ангелом Своим заповесть о тебе... и на руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою*. Когда это относится и ко всякому, живущему в помощи Вышнего и в крове Бога небесного: то по превосходству и существенно должно принадлежать это Сыну Вышнего, домостроителю Бога небесного – Мессии».

Искусительная ложь состоит здесь в том, чтобы признать существенно свойственными Мессии блистательные знамения и чудеса, совершаемые не более, как напоказ, или для грубого опыта Его силы и значения у Бога; и, следовательно, на место благопокорности веры поставить тщеславное и самонравное истязание благодати внешним опытом. Ветхозаветная блистательность знамений и чудес, яркими красками которой предизображалось в ветхом завете и время Мессии, служила опорой искушения, быв низвращена современным иудейством. Против сей искусительной лжи, направленной опять к совершенному низвращению самого служения Мессии, Господь дает отпор опять словом Божиим: *паки писано есть, не искусиши Господа Бога твоего*. Чтобы понять силу сего отражения, надобно взять во внимание, что приведенное изречение Писания взято из самой блистательной поразительными знамениями эпохи ветхого завета. Моисей, оканчивая поприще сорокалетнего столько-чудесного водительства Израиля, внушает последнему: *не искусиши Господа Бога твоего, якоже искушасте Его в искушении*. Вот поразительный вид искушения: *Исх.17:1,2: не бяхе воды людем пити, и хуляху людие Моисея, глаголюще: даждь нам воду, да пием. И рече им Моисей: что хулите мя? и что искушаете Господа?* И далее: ст. 7: *Зане же искусиша Господа, глаголюще: аще есть Господь в нас, или ни?* Искушение Израильтянами Господа состояло, как очевидно, в том, что они ребячески

сомневались еще, с ними ли находится Господь, изведший и ведущий их так чудно, – или не веровали, что Он не погубит их жаждою, коль скоро не видели своими глазами чувственного опыта присутствия с ними Божия и утоления их жажды. В отражение такого неверия и в возбуждение веры, и дано было знамение – изведение воды из камня. Против такого-то неверия Богу без внешних опытов, и внушается Израилю чрез Моисея: *не искусиши Господа Бога твоего*. Посему ответ Спасителя лукавому искусителю имеет такой смысл: «ты предлагаешь Мне поразительным знамением и Самому испытать и тебе (а может быть, и другим) показать Свою силу и значение, как силу и значение Сына Божия. Но вот уже в самую эпоху поразительных знамений дано сильное предостережение против того злоупотребления знамений, чтобы их обращать не в пищу и опору веры, а в грубый чувственный опыт, требуемый самонравием и неверием. *Писано есть: не искусиши Господа Бога твоего*. Тогда знамения давались к отражению неверия, к возбуждению и поддержанию веры, и – после знамений внушалось избегать того детского легкомыслия, чтобы не доверять силе Божией без чувственных ее опытов. А ты предлагаешь знамениями и оправдать, и утвердить образовавшийся теперь догмат неверия, чтобы силу Божию не благопокорностью веры привлекать и воспринимать, а подвергать самонравному искушению грубыми внешними опытами...» Итак, опять искусительная ложь обнажена, – подорваны самые ее основания. Господь и соблазн отразил и не открыл искустителю тайны Своего лица; хотя указал с отрицательной стороны на духовный закон безусловного послушания и преданности Богу, обличающий и осуждающий как самого искусителя, так и увлеченное им иудейство.

Евангелист представляет новый, и уже теперь последний, изворот поражаемого искусителя. Лукавый искуситель берет Христа на *гору високу зело*. показывает Ему все царства мира сего и славу их, и говорит: «все сие дам Тебе, ежели падши поклонись мне». Предложение сделано Христу (как должно заключать из общего, выше прямо выражаемого, направления искушения) с подразумеваемым условным предположением:

аще сын еси Божий. Чрез умолчание о сем, может быть, лукавый хотел скрыть, что ему крайне хочется удостовериться в значении лица Христова, – может быть, избегал того внутреннего противоречия в искусительной речи, что от Сына Божия требовал поклонения и предлагал Ему от себя всемирное владение, – может быть, и всего вероятнее, что гордость не позволяла князю мира сего признать в Мессии всемирного полновластного Господа и Царя. Как бы то ни было, но Сыну Божию – Мессии издревле обетовано и многократно предрекаемо было обладание всеми концами земли, торжество над всеми царствами: это самое и превращено было иудейством в мечту, что Мессия должен быть завоевателем и царем вселенной в духе и со славой мира сего. Сие-то и употребляется в искусительное оружие против Господа. Искуситель открывает Христу все темное свое величие, величие князя мира сего, самовластно действующего в чадах мира, и как бы так говорит Ему: «Если Ты питаешь желание и замыслы получить в одержание свое концы земли, то знаешь, что этого Тебе не достигнуть без моего соизволения. Ибо все эти царства, вся эта слава мира сего подлежит моей державе; я князь Мира сего. Тут дело ни плоти не касается, над влечениями которой Ты столь высок, ни даже Бога, которого опасно и преступно искушать. Поклонись только мне, и – все будет Твое – все царства мира, со всею их славой». Искусительная сила здесь в том, чтобы Мессии владеть миром в духе Мира сего под властительным влиянием князя мира, чтобы царство Мессии, как и все мирское, было не более, как царство чисто-мирское, зависящее, следовательно, от державы темного Мiroдержавца. Ветхозаветная гражданская теократия, в образах и видах которой представлялось и изображалось царство Мессии, низверженная в своем значении иудейством казалась на стороне искушителя, представлявшего царство Мессии не более, как царством Мира сего. – Чтобы теперь понять значение ответа Господа, нужно взять приводимое Им изречение в связи: *и будет егда введет тя Господь Бог твой,* – говорит Моисей Израилю, – *в землю, еюже клятсся отцем твоим... вонми себе... да не забудеши Господа Бога твоего... Господа Бога*

твоего да убоишися и Тому единому послужиши... и т. д. (Втор.16:10–13). Ясно, что закон поклонения и рабства единому Богу положен как основной закон гражданской теократии Израиля, и что, следов., царство Израиля и в гражданской своей форме было, по значению и духу, царство собственно Божие, а не от Мира сего. «Как же ты смеешь присвоить себе державу царства Божия? – как бы так глаголал сатане прогневанный хулою его Господь. Прочь, сатана: *писано бо есть*, и это есть коренной закон царства Израилева в преобразовательной ли обетованной земле, или в обетованной духовной области самой благодати: *Господу Богу твоему поклонишися и Тому единому послужиши*». Следовательно, и здесь искушитель с самым основанием своего искушения низложен; и царство Божие, царство Мессии, открыто в том своем духовном существе и значении, что оно есть царство собственно поклонения и служения единому Богу, царство, следов., не в духе мира сего, хоть бы было и в мире сем, словом – царство такое, от которого отпал сам сатана и отвлек большую часть Иудеев.

После последнего вида искушения, оставалось искушителю вторгнуться с искушительным оружием разве во внутренность царства Мессии; но эту попытку евангелист Матфей представил уже выше, как сатана предлагал Христу броситься вниз с храма. Посему искушение кончилось. диавол отступил от Господа, и Ангелы приступили и стали служить Ему.

Итак, все виды искушения, по смыслу своему, находятся во внутренней связи и представляют один злохудожный план искушителя. диавол, ведя искушение, становится в уровень с положением Мессии и воздвигает против Него все, захваченное и растлеваемое им в продолжении стольких веков во всем мире и особенно в самой Церкви, и – однако, Господь низлагает его, при всех его нападениях, обращая самые основания его искушений против него же самого, а Сам являясь непоколебимым в своем положении – с величием и простотою исполнителя слова Божия. **Общий смысл искушения тот, что иудейство, со всеми своими мечтами, оказывается на стороне и под державою сатаны, – Христос же открывает**

основные духовные законы Своего служения и царства, взятые из ветхого завета, но совсем противоположные извращенным уже воззрениям иудейства.

Одним взглядом обнимем весь состав искушения. поскольку в ветхом завете предизображалась Благодать в образах плотского, мирского, в блестящей видимости, а иудейство, под влиянием отца лжи, уже самое существо грядущей Благодати стало понимать как удовлетворение и царство плоти, как чрезвычайную своим блеском и суетную видимость, как объемлющую все концы земли державу мира: то искуситель и вооружается против Христа самым верованием иудейства, самым ветхозаветным домостроительством, убитым от него (для большинства иудеев) в своем духовном значении: – «Для Тебя, если Ты Сын Божий, по одному Твоему слову, и камни готовы сделаться хлебами потребными к удовлетворению плоти; Тебе можно и благопотребно, если Ты Сын Божий – Мессия, открыто блистать каким-угодно знамением, каким угодно чрезвычайным явлением и поступком, даже (хоть столь пригодным для Тебя) – таким, чтобы броситься с высоты иерусалимского храма в виду всех, и быть подъятым руками Ангелов; предназначенную же Мессии державу мира, обнимающую все мирские царства и славу их, предлагаю я сам, миродержец или князь Мира, за один Твой поклон». Так все существенные стороны иудейства обращены в пружины искушения. И Господь из ветхого же завета, из основных начал самого иудейства, обличает и отражает ложь искушения, подрывая самые его основания, а вместе назнаменует коренные законы Своего благодатного царства: – «Когда Израилю чудесно ниспосылался чувственный хлеб, то не простое удовлетворение плоти, но собственно возвышение духа к питающему Слову Божию имелось тогда в виду и навсегда внушается Писанием. Уже среди поразительной видимости ветхозаветных знамений воспрещено пристрастие к ней, не признающее вне оной, благодатного присутствия Божия, – воспрещено как неверие, которое дерзает и невидимую по своему существу силу Божию грубо и прихотливо изтызывать чрез внешние опыты. Наконец, основной закон самого Израиля

и его Мирского, по-видимому, гражданства взят с чина Мира горного, ангельского: это – закон служения и поклонения единому Богу». Возвышение, в самом удовлетворении потребностям плоти, к духовности слова Божия, – вера, не терпящая искушать Божественного, и порядок не от мира сего – порядок служения единому Богу по чину жительства небесного, – вот что чрез искушение открылось свойственным царству Христову. Все это раскрыто прямо из ветхого завета, и, однако же, с отрицанием превратных начал современного Христу иудейства. Самый образ искушения точнее представлен у другого Евангелиста: там и нужно будет следить его.

2. (По Евангелию от Луки).

Искушение Христово сатаной в Евангелии Луки изображается с большею обстоятельностью, нежели в Евангелии Матфея. Ибо св. Евангелисты, будучи одинаково сосудами и органами Св. Духа, в самой своей Боговдохновенности отличались между собою разными особенностями; и потому, один Евангелист, по свойственным ему особенностям, излагал события с некоторым различием от другого, выдерживающего также свои духовные особенности.

Вот черты преимущественной точности и обстоятельности евангельского сказания об искушении у Луки:

1) Ев. Матфей, говоря о *возведении Христа Духом в пустыню*, согласно с общим характером своим – *соображать* дело, замечает цель возведения в пустыню – *искуситься от диавола*: св. Лука занимается фактами, и скажет, что Христос *дний четыредесят бысть искушаем от диавола*. Цель, по Евангелию Матфея, достигается, когда бы последовали только одни те искусительные действия, какие открылись *последи* или по прошествии *четыредесяти дней*, и какие одни указаны св. Матфеем. Между тем у св. Луки то же высказано точнее и полнее: в продолжении всех *четыредесяти дней* диавол искусительным оком следил за Христом, пытаясь и усиливаясь уязвить пята у Божественного семени жены.

2) *Четыредесятидневный пост*, на который так общо указано Ев. Матфеем *постився*, св. Лука определяет со всею точностью: *не яст ниче соже во дни тья*.

3) Евангелист Матфей говорит о внешних действиях искушителя в отношении ко Христу общо и не совсем определено: *поят Его...* Как это было? Ужели восхищал и переносил Его сатана с места на место? Евангелист Лука говорит о том же точнее: *возведя Его... веде Его...*

4) В искушении, особенно поразительном и неудобобизъясном по образу своего совершения (каково предложение Христу всей славы мира), Ев. Матфей просто выражает – в чем дело: *показа Ему вся царствия мира и славу*

их, и глагола Ему: вся сие Тебе дам, аще пад поклонимися. Святой же Лука обстоятельнее и определеннее говорит и о самом показании славы Мира: показа Ему вся царствия вселенные в черте временне, «во мгновении ока», и об искусительном предложении: Тебе дам власть сию всю и славу их: яко, прибавляет сатана, мне предана есть, и емуже аще хочу, дам ю. Ты убо аще поклонишия предо мною будут Тебе вся.

5) Самый порядок искушения представлен Ев. Матфеем, как именно свойственно было ему представить с свойственным ему характером – *соображать* события. Царство сверхъестественного довольства и преизобилия всеми благами жизни сей, – отсюда блистательность и слава знамений и чудес, – отсюда уже верх мечтаний иудейства – самовластное и ничем не стесняемое обладание всем Миром: – в такой внутренней связи развиваются иудейские мечтательные представления и надежды относительно царства Мессии. В соответственной сему связи и порядке Евангелист Матфей и следит за искусительными предложениями: и – искушение, по смыслу и внутреннему направлению оно, действительно, удобно и вполне раскрывается по Евангелию Матфея, как это мы видели. Ев. Лука, по свойственному ему воззрению на излагаемые им предметы преимущественно с фактической стороны, изображает ход и порядок искушения, переставляя два последние искусительные действия; и мы ниже усмотрим, что этот порядок искушения у св. Луки фактически яснее, нежели в Евангелии Матфея.

По такой-то преимущественной точности и обстоятельности сказания св. Луки, и надобно именно по его Евангелию раскрывать образ и ход искушения, как это происходило на самом деле: подобно, как смысл и внутреннее направление искушения удобнее раскрывать по Евангелию Матфея.

По Евангелию Луки, подвиг искушения начался у Господа с подвигом сорокодневного поста: *дний четыредесять искушаем от диавола: и не яст ничесоже в тья дни, Лк.4:2.*

Искушаем от диавола: Евангелист эти искусительные усилия диавола против Господа отличает от трех дальнейших

действий искушения, когда первые относит к продолжению сорокадней, а начало последних полагает уже *скончавшимся сим дням*. В чем состояли нападения искушения в продолжение сорокадней, можно отчасти усмотреть из тогдашнего состояния Спасителя, которому, конечно, и были ответственны вражеские нападения. Христос не яст *ничего в те дни*, да и самого алкания не ощущал; ибо уже *последни*, по прошествии сорокодневного поста, *встал*. Чтобы в продолжении сорока дней не только не удовлетворить естественным самым настоятельным потребностям, но и не чувствовать их, необходимо, для сего, всему человеческому Христову существу быть заняту высшими духовными потребностями и их удовлетворением. Так и говорят о сем св. отцы церковные и учителя. Вот слова Амвросия Медиоланского: «пищею для Христа, как (некогда) и для Моисея, была молитва и собеседование с Богом» (lib. 4 Luc. cap. II). А св. Златоуст и Иларий говорят, что именно Божество Иисуса Христа хранило тело Его без алкания (См. Calen.Graec. Pat. in Lucam, pag.110). В самом деле, Христос по самому человечеству своему был уже тогда преисполнен сил и даров Духа Святого, существенно почивающего в Нем по Божеству: *Иисус исполнь Духа Свята*. Дух Святой располагал и двигал всем Его существом: *и ведяшеся Духом*. В таких духовных обстоятельствах, с одной стороны, силам и потребностям человеческим во Христе свойственно было устремляться к Духу и подчиняться вполне Его влиянию и влечению, а с другой – Самому Духу проникать все силы и способности человеческого существа и вводить их в свои тайны. Сему вполне совершиться и навсегда утвердиться, по законам человеческого естества, можно не иначе, как под условием потребного на это продолжения времени и глубочайшей внутренней сосредоточенности и духовного уединения: и – Христос действительно *ведяшеся Духом в пустыню*, на продолжение дней сорокадней. Когда совершалось это неизъяснимое взаимно-действие и срастворение во Христе, с одной стороны – полноты даров и сил Св. Духа, почившего в самом человечестве Христовом по крещении, а с другой – сил и стремлений человеческого Его

существа, когда, при всецелом углублении в Божественное, не было места ощущению и естественных земных потребностей: в это время, что можно делать лукавому? – С своими внушениями приступить ко Христу? Но не было ни одной, удобоприступной для сего точки. Бежать от Христа? Но таинственность (а не открытая слава) совершавшегося – не отражала, не гнала его в бездну. Оставалось искусительно наблюдать за состоянием чрезвычайного подвижника, подстерегать и ловить удобную минуту запнуть Его, и разве какими внешними действиями тщетно усиливаться привлечь внимание Его и тем развлечь Его дух от всецелой сосредоточенности в одном Божественном. Таким или подобным сему образом дней сорок искушаем был Христос *ото диавола*.

Что точно искушитель неотступно следил за Христом, сейчас же открылось, как скоро совершился этот чрезвычайный подвиг уединенного и безмолвного углубления Христова в Божественное, с возвышением над дольными, хотя и естественными, потребностями. При возвращении Христа к обыкновенному положению человека, носящего плоть, заговорили в Нем естественные потребности плотской немощи: *взалка*. диавол сейчас же тонко замечает это и открывает для себя удобство приступить наконец ко Христу с своими внушениями: *последи взалка, и рече Ему диавол...* и проч.

Как понимать вообще этот образ искушения, что диавол беседует с Господом и даже возводит Его в разные места? В изъяснении сего надобно избегать двух крайностей. И, во-первых, не верно такое изъяснение, по которому зрелище искушения представляется в простом чувственном виде: искушитель является будто бы как простой человек, и всего вероятнее, будто бы как книжник; дело искушения идет чрез обыкновенную беседу одного с другим, чрез простое путешествие на гору, в Иерусалим, и проч. Нет никакого правдоподобия и естественности в том, чтобы, случайно сойдясь один с другим (какова была бы в сем случае первая встреча Христа с искушителем) один в другом сейчас приметил алкание, завел с ним речь, не Сын ли он Божий, и предлагал к

утолению голода камень обратить в хлеб. Не говорим уже о том, что *второе* действие искушения (по Евангелию Луки), т. е. предложение Христу всех царств мира и славы их, необходимо предполагает в искушителе открытый вид диавола. И в самом деле, даже и простой человек, подвигами веры усиливаясь проторгнуться в чистую область духа, достигает до благодатного открытия очей своего сердца, которыми он более или менее ясно видит духовные движения и действия невидимого врага; и потому, сей последний ведет с ним борьбу уже более или менее открытую. Что же сказать о Христе, Который, *исполни Духа Святого*, целые сорок дней уже провел в подвиге такого углубления в Божественное и духовное, что все это время даже не слышно было Ему голоса плотской потребности? Ужели область духовного мира была еще закрыта для очей человеческого Его духа? Сказание об искушении Евангелист Матфей заключает так: *тогда остави Его диавол: и се Ангели приступиша и служаху Ему*, – конечно, не в виде простых земнородных прислужников; следовательно, не в виде простого чувственного явления совершалось искушение. Было время (первобытное состояние человека), когда во всем земном – видимом ощущалось первым человеком духовное и небесное: и искушитель подступил к прародительнице в змие, «хитрейшем всех зверей»: св. бытописатель так и изображает образ искушения. Теперь другое время: второй Человек оставляет разнообразие видимого, уединяется в пустыню; здесь совершенно возвышается над плотским к духовному, так что едва наконец ощущает себя обложенным плотию, требующею питания. Искусителю уже, так сказать, не современно было надевать на себя простую чувственную форму. И Евангелист, описывая, как было дело, говорит прямо: *и рече Ему диавол... возведе Его диавол*, и проч. Итак, зрелище искушения Христова, и по существу дела и по образу сказания евангельского, не должно низводить до вида простых чувственных явлений в человеческой жизни.

Но, во-вторых, не справедливо возводить оное к такой духовности, чтобы все искушение представлять совершающимся мысленно, а не во внешней действительности,

или чтобы Христос возводим был на гору, и в Иерусалим на кровлю храма, подобно как Иезекииль духовно переносился в Иерусалим и в храм, в своих видениях. (Так Киприан de jejuniō et tentatione Christi, см. Catena Patrum, pag. 110). Неверность сего видна также и из самого существа дела, и из образа сказания евангельского. Предложение сделать из камня хлеб – должно потерять всю искустительную силу для алчущего, когда хлеб, полученный чрез превращение камня, был бы только в мысленном образе. Предложение броситься вниз с кровли храма в надежде поддержания Ангелами, не имело бы смысла, если б Иерусалим и храм были только мыслимы. Что касается до сказания евангельского, *ведяше Иисус Духом в пустыню*, конечно – действительную, постился и взалкал – на самом деле, возвратился по искушению в Галилею (Лк.4:14) – не в мыслях только; но со всем этим искушение поставлено во внутренней связи и изображено одинаково исторически.

Таким образом, искушение, по образу своего совершения, должно быть таково, что искуститель явился, говорил, действовал открыто в своем значении духа – князя мира сего; но все это было не мысленно только и по отношению к мысленным предметам, но в области внешней: действительности и по отношению к действительным предметам. Действия искустителя, поколику были открыты в своей духовности, являли в нем диявола, но поколику входили во внешнюю земную действительность, были сообразны с ее законами и условиями: диявол говорит, выслушивает, возводит, и проч. Соответственно сему сам Господь в своем человечестве, с одной стороны – следил за искушением, принимал его искушение и низлагал его собственно духом ибо духовные действия сатаны требовали духовного же и воздействия на него; а с другой – выражал духовные движения и во внешней телесной деятельности (отвечал, шел); ибо тело, после сорокадневных духовных подвигов Христовых возвышавших оное над естественными Его потребностями и немощию, уже не могло не быть совершенным органом духа, удобоприемлемым и для внешних духовных сообщений.

Итак, общий образ искушения Христова можно почесть уясненным по крайней мере настолько, что нет места к нахождению каких-либо несообразностей в сем событии, – если рассматривать оное по роду и связи его обстоятельств. Если рассматривать общий ход события и с духовно-нравственной стороны, окажется он также глубоко сообразным с порядком нравственной жизни и потому высоко назидательным.

И рече Ему диавол... И отвеща Иисус к нему... И возведе Его диавол... и т. п. Не унижительно ли для высочайшего Праведника это разглагольствие с сатаной и даже некоторое уступление влечению сего последнего, каково Христово допущение ему – вести Себя? С первообраза святости как снимать и усвоить нам такие черты? Обстоятельное сказание Ев. Луки об искушении дает удобство удовлетворительно разрешить и такой вопрос.

В опытах и правилах духовной жизни, какие нам известны из сказаний о духовных подвижниках, можно находить одно из основных правил такое: не утвердившемуся в духовной жизни опасно и возбраняется – даже мысленно разглагольствовать с внушениями греха; чем менее внимания обращено на подобное приращение нравственного зла и скорее отвращена от него мысль, тем лучше это для сохранения нравственного достоинства – чистоты и мира. Но совсем иное одобряется для твердых и совершенных: так, когда некто из таких спросил другого подобного же, что присоветовал бы ему сей последний, как себе самому – отражать ли внушение греха, не обращая на него внимания с первого же разу, или допустить оное до своего духа, чтоб бороться и уже борьбою низложить искушителя: то подвижник отвечал, что они сами поступают по последнему правилу и то же советует спрашивавшему, относя первое к немощным. В образе искушения Христова то и другое оправдано и утверждено самим Господом. Когда диавол направлял искушительные свои действия против Господа с самого начала и во все продолжение сорокодневного подвига углубления Его в Божественное, с возвышением при том над всем плотским, – когда человеческому естеству Его предлежало, как выше это отчасти раскрыто, сознательно и

свободно подчиниться всеми своими силами движениям приятого Духа, и дать каждой силе и способности, так сказать, обозреть и упрочить свойственную ей полноту Божественных сил Св. Духа, войти в их дух и направление: тогда искушаемый Господь не допускал до Себя никакого внушения искушителя. И вот образец и правило для всех: пока идет, или только начинается, или даже еще не начато дело утверждения в духовной жизни, – уклоняться от всего соблазнительного. Пока напр, разумение не овладело духом истины Христовой и не ввело ее, как душу, в свой образ мыслей и взглядов, – опасно и безрассудно останавливаться на сатанинских глубинах некоторых учений, с самонадеянными порывами отразить ложь и тем паче одним неосторожным любопытством. – Когда совершился духовный подвиг Христова сосредоточения в одном Божественном, и – следовательно, человеческие Его силы сознательно и свободно вооружили себя силами Св. Духа: то Господь, чрез внимание к требованиям плотской немощи, открывает доступ искушителю с его лукавыми внушениями, беседует с ним и даже некоторым образом уступает его влечению, позволяя ему возвести Себя на гору, на кровлю храма. Так сила Св. Духа, облекшая своим всеоружием человеческую немощь, дает свободу духу злобы подвигнуть против Себя самые злохудожные пружины, чтобы тем решительнее и торжественнее низложить противника. По сему первообразу, твердо обучившиеся различению добра и зла не обинуются выходить на зрелище соблазнов и лжи, чтобы тем более раскрыть победоносную силу правды и истины.

Обратим теперь внимание на частности искушения Христова, требующие уяснения.

И рече Ему диавол: аще Сын еси Божий, рцы каменеву сему, да будет хлеб. Смысл и направление искушительного предложения нам уже известны. Но нужно выставить на вид соотношение его с оказавшимся Христовым состоянием алкания, дабы яснее был виден и дальнейший ход искушения. Христос, засвидетельствованный как Сын Божий и целые сорок дней проводивший как бесплотный, наконец и, ощутил требование плотского естества и внял сему требованию: *взалка*. При таком

выходе Его из духовной сосредоточенности, и именно по поводу телесной потребности, и удобно было лукавому подступить ко Христу с своим внушением, относящимся к мечтам о плотском вышеестественном довольстве царства Мессии, о готовности самых камней служить плотскому удовлетворению сынов и тем паче Главы сего царства.

Господь отверг это предложение, на основании тех же начал ветхозаветных, какими думал воспользоваться искушитель, и именно – указав, что в царстве Божиим, и в отношении к потребностям тела и предметам чувственным, сила собственно не в плотских способах жизни и довольства, а в духовных и Божественных, – что так было и в ветхозаветной теократии, и притом, в таких ее явлениях, когда вышеестественно преподавалось Израилю плотское благо – хлеб, манна (Лк.4:4). Чрез это Христос отнял у сатаны самую возможность действовать на немощь плоти, хотя более других удобоприступную к уязвлению: Христос, и с ощущаемою немощию плоти, явился в духовной борьбе с искушителем, как принадлежащий к миру горнему и живущий самою плотью в Боге и для Бога. *Писано есть*, сказал Господь диаволу, *яко не о хлебе едином жив буде человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих*.

В сем положении Христа врагу, уловившему Его внимание, открывалось удобство действовать прямо на духовную Его сторону: как бы жителю мира горнего, духовного, делает он Христу такое предложение, духом которого отец лжи и сам, в начале увлекся, и увлек целые сонмы небожителей, теперь своих темных клеветников и служителей: *Тебе дам власть сию и славу их:.. будут Тебе вся*. Такая ответственность второго искушительного действия диавола с оказавшимся положением Господа и показывает, что порядок искушения Евангелия Луки фактически яснее и полнее, нежели у Матфея; хотя, по смыслу искушения, порядок сказания Матфея естественнее и целесообразнее.

И возвед Его диавол на гору высокую, показа Ему вся царства вселенныя в черте временне или «во мгновении ока». Как разуместь это? – *Мне предана есть, и емуже аще хочу, дам*

ю, говорит искушитель о власти над всем миром. В самом деле, сам Спаситель называет его князем мира; по Апостолу, все неискупленные *проданы под грех* ; по его же словам, диавол *действует в сынех противления*, и по словам Христовым, *противящиеся Богу похоти отца своего диавола хотят творити*. Не существом, а действием мысли и воли надобно же обнимать ему (как властительно действующему похотью своей воли и мысли; всю подвластную область; и это объятие мыслью, как у духа, необложенного плотским покровом, должно быть не отвлеченное, а созерцательное. «Он, как есть дух, – говорит св. Иоанн Лествичник о диаволе, то может озирать все поднебесное» (стр. 12 на обор, в Лествице 1842). Чем более и у человека дух освобождается, хотя бы и насильственно, от зависимости плоти: тем менее для него стеснительны законы и условия расстояния пространства. Теперь, весь языческий мир ходил по веку мира сего, по князю власти воздушных. Самое иудейство стало оружием и вместилищем его лжи, кроме немногих избранных. *Мне предана есть* (власть и слава мира), говорит он и: – Господь не опровергает сего. Весь потому мир и слава его открыты сатанинскому, в сем случае как бы всеобъемлющему, взору. Христос предшествующим чрезвычайным духовным подвигом и постом, и настоящим отречением от удовлетворения телесной потребности восходил, как мы уже сказали, к состоянию бесплотных; самое тело Его было удобным орудием для духовных влияний и сообщений.

Нужно было только Христа, как все же носящего плоть, поставить в положение, которым бы и тело направлялось и возвышалось, и дух возбудился и направился к выпрениемому своего рода созерцанию, обнимающему разом все царства мира и славу их. И вот, *возведе Его диавол* на гору высокую, и развил пред ним во мгновении всю область свою: *показа Ему вся царствия вселенная*.

Христос низложил врага и с этим льстивым его предложением – власти над миром, под условием покорности самому духу гордыни и лжи. Высочайший Подвижник правды посрамил диавола тем указанием из слова Божия, что покорность и поклонение подобает собственно единому Господу

Богу, и что след., область истинной правды, как служения в мыслях, чувствах, и делах единому Богу, решительно отделена от области высокомерных притязаний и стремлений быть в каком-либо отношении кумиром для мира, с подчинением князю мира – диаволу.

Оставалось теперь искустителю действовать на Христа разве прямо в области служения и поклонения Богу: Господь попускает искустителю и это. И вот он поемлет Христа в Иерусалим и ставит на криле церковном, с предложением броситься вниз и с обнадеживанием в сохранении от Ангелов. Смысл же сего искушения и победы над ним уже знаем. Господь показал, что в области духовно-божественного и священного должно управлять человеком благоговение веры, упования и преданности к Богу, не допускающее никакой тщеславной дерзости и самонадеянности, так же, как и малодушного недоверия и легкомысленной пытливости.

Так, чрез искушение Свое от диавола, Господь показал человеку, что, во 1-х, в отношении и к самым чувственным его потребностям, главное дело и сила для него в слове Божиим, которое и должно быть началом всей жизни человеческой; во 2-х, возвышаясь таким образом и в удовлетворении чувственных потребностей к духовному, человеку надобно возвыситься над горделивым духом и властолюбием диавола, поклоняясь и служа и умом и волею и сердцем единому Богу; но в 3-х, и утвердись в священной и Божественной духовности, надобно всеблагоговейно беречься, чтобы не допустить самонадеянного бесстрашия пред Богом так же, как и недоверчивой или легкомысленной пытливости, а быть пред Богом в расположении сына, соединяющего с свободным доступом к Отцу – осторожность и рассудительность сыновней преданности.

Искушение Господа нашего от диавола, – как по внутреннему смыслу, так и с фактической стороны этого события, – достаточно по нашей возможности изъяснили мы, следя сказание об оном в Евангелии Матфея и в Евангелии Луки. Что же скажем мы теперь о значении этого евангельского

события, собственно, для нас, особенно в отношении к нашему настоящему или современному духовному состоянию? – Господь наш, Который сам по себе бесконечно-высок над всяким искушением и одним дуновением силен упразднить искушителя, выдержал искушение от диавола собственно для нас, как Агнец Божий, вземлющий немощи и грехи мира всех времен, следовательно, и нашей современности. Он – наша правда и истина (1Кор.1:30, Ин.14:6); только Его Духом мы можем и уследить, и отразить сатанинские искушения, направленный на членов Христова тела – Церкви – в наше время. Искушение Его самого от диавола и победа Его над искушителем-диаволом есть первообраз и основание для нашей борьбы с сатанинскими искушениями и для победы над искусительною ложью в наше время.

Посмотрите, в самом деле, во-первых – на чувственное и материальное направление нашего времени, на положительные, вещественные интересы, почти всех занимающие и озабочивающие едва ли не сильнее других интересов. Что значит это страстное алкание земных благ, направляемое к заглушению духовных христианских потребностей? Не открыто ли, не очевидно ли здесь страшное искушение для духа христиан? И что особенно достойно внимания и размышления, – не одно легкомыслие или суетность, но и серьезные, многодельные умы нашего времени заняты и озабочены особенно материальным благоустройством – общественным и частным, как самыми человеческими потребностями и существенными благами. Видно, – как иудейство извратило блистательную видимость древней теократии до значения чисто-плотского: так большинство и нового Израиля – мира христианского успело уже ту благодать Господа нашего, что Он стал для нас плотию (или человеком не только с душою, но и с телом человеческим), забыть и обратить только почти в плотские человеческие интересы (Иуд.1:4). – Как же восторжествовать нам над таким сатанинским искушением нашего времени? – Вспомним, как Господь отразил для нас первое искусительное нападение на Него диавола. Он напомнил ему из слова Божия, что и тогда, как удовлетворялись

плотские потребности Израиля чувственной манною, внушалось народу Божию *иметь в виду и воспринимать верою именно силу и сладость слова Божия*, по которому ниспадала на землю манна. Так и мы материальное благоустройство общественное и частное будем и разуметь и устроить именно и единственно по тому основание и началу, что и самим Христом Богом человеческая телесность с ее потребностями не отринута, а напротив воспрята вместе с душою в собственную Его личность; в земных, искусственных или естественных, удобствах и в чувственных благах будем иметь в виду и усвоять собственно дары любви Отца небесного, *дающего нам Своим единокровным Сыном вся обильно в наслаждение*, освящаемое благодатью Св. Духа (1Тим.6:17). Так искусительная сила духа времени, в его златорности, сама собою исчезнет: в самых заботах о земном благоустройстве будет выражаться *прежде всего искание царствия Божия и правды его*.

Во-вторых, возьмите во внимание такое стремление современной мыслительности – дать во всем отчет, уяснить и подчинить человеку всякие силы природы, воспользоваться уроками всех прошедших времен. Кому неизвестно, что человеческая мысль возбуждена к этому стремлению именно христианством? Но когда такое стремление и дело современной мысли бывает не во Христе, или без всякого почти внимания к Нему, к Его истине и духу: то не видно ли вере и здесь искушения духа лжи успевшего извратить и в самом новом Израиле направление мысли большинства, и *показывающего вся царствия мира и славу их*, и льстящего обещанием *сия вся отдать* человеку? Это ужасное искушение: потому что уступить этому искушению значит духовно поклоняться князю мира сего. Самый верный и удобный способ к отражению и этого искушения указан Господом нашим. *Господу Богу твоему поклонишися*, сказал Он диаволу на подобное искушение, и *Тому единому послужиши*. Будем во всех областях знания следить и изучать собственно мысли Отца нашего небесного, Сыном Его (положительно или попустительно) во всем осуществляемые, и, по домостроительству Его вочеловечения, нам удободоступные благодатию самого Св. Духа; будем и во

врожденных идеях нашего духа прозирать лучи или мерцания *Света, просвещающего всякого человека, грядущего в мир*, Бога Слова; будем добросовестно ищущих истины, хотя еще и не созерцающих ее прямо во Христе, с братскою любовью признавать и своею верою поддерживать стремление собственно к Нему же самому, хотя только еще как к *неведомому Богу* (Деян.17:23). О если бы так было у нас! Скоро бы исчезло и это страшное искушение лжи, к спасению и совершенству всего великого здания знаний.

Наконец, в-третьих, обратите внимание и мысль вашу на выродившееся и действующее именно у нас православных-русских это, так выражающееся, начало: «авось, небось», по которому одни с самонадеянностью бросаются в разные, практические или умозрительные, предприятия с мечтою о верном движении вперед, а другие напротив находятся в каком-то неподвижном коснении, с уверенностью однако, что все само собою идет не худо или даже к лучшему. Но ведь в страшно-ответственном положении русского народа, которому Восток передал православие, подпав сам порабощению от магометан, а Запад передает все плоды своих страдальческих опытов и усилий, сам оставаясь вне чистой Христовой истины – вне православия, – в таком положении и ребяческая самонадеянность и беспечная лень значит то же, что, с одной стороны, бросаться с высоты иерусалимского храма, а с другой – рассчитывать на поддержку беспечных Ангелами. *Не искушай, Русский человек, Господа*. Пора тебе и узнать, и употреблять сокровище православия, как данное и нужное всему миру.

6. Учение апостола Павла об антихристе

(Изъяснение 2-й главы второго послания к Солуньянам).

2-я глава второго послания к Солуньянам, содержащая учение апостола Павла об антихристе, имеет особенную важность по отношению ко всему учению христианскому; ибо Христова истина, озаряя своим светом самые последние времена настоящего порядка вещей в мире и человечестве – эту ночь времен, тем светозарнее и сама является и тем ярче освещает для нас весь ход настоящего порядка вещей. *Оставьте расти обоя, купно до жатвы*, сказал Спаситель о духовной пшенице и плевелах в мире (Мф.13:30). А 2-я глава второго послания к Солуньянам представляет плевелы развившимися до последней крайности, годными и идущими уже только на сожжение в геенне. Нужно посмотреть на этот ужасный плод, дабы лучше распознавать и зародыши, и обольстительные цветки погибельного плода, с которыми неизбежна встреча для нас: ибо пшеница и плевелы растут вместе.

Для сынов нашей отечественной Церкви есть особенное побуждение глубже вникать в учение об антихристе; потому что у нас в России распространены расколом самые превратные, самые нелепые толки и понятия об антихристе, чрез которые и из самых православных – простые люди также впадают в разные нелепые недоумения об антихристе, а образованные нередко самую мысль об антихристе находят странною.

Итак, посмотрим, в каком свете поставлена мысль об антихристе в боговдохновенном учении св. апостола Павла.

Обратим сначала внимание на обстоятельства, в которых преподано от Апостола учение об антихристе, или вообще на то, кому и почему оно преподано.

По осторожности ли от неверующих жителей Фессалоники, которые, по свидетельству языческих писателей, любили предаваться развратной неге и ничего не хотели признавать выше постыдных приятностей сей жизни²⁷, или от того, что тотчас по основании фессалоникийской Церкви, еще в бытность

здесь апостола, отяготел на ней крест озлобления от идолопоклонников, по свидетельству о сем 1-го послания (1Фес.2:14), – христиане сей Церкви с особенным желанием веры и упования помышляли о будущей жизни, о втором пришествии Спасителя, об участии в Его славе и о страшном Его суде над неверными. Ибо из сего только можно изъяснить, что, еще находясь у фессалоникийских христиан, апостол с обстоятельностью говорил им о самых частностях последних времен (2Фес.11:5); и в первом послании своем к ним многократно говорит о втором пришествии Спасителя (1:10; 2:19; 3:13; 4:13–17; 5:1–4; 23); особенно успокаивает их касательно умерших, о которых солунские верующие, как видно, скорбели, что они не дожили до славного пришествия Христова (1Фес.4:15). Но в чем особенно преспевала их вера, на то особенно нападал и завистливый враг: апостольское учение о втором пришествии Христовом некоторые из Фессалоникийцев не доразумевали, другие *безчинноходящие* перетолковывали. И именно ту истину, что *день Христов придет, как тать в нощи*, а потому всегда надобно быть готовым к сему дню, некоторые стали изъяснять себе и другим так, что уже *настоит* сей день второго пришествия Христова. Следствием сего было то, что в Церкви, веру которой особенно занимало и возвышало будущее пришествие Спасителя, тем же самым умы были приведены в сильное и беспокойное движение. Отсюда происходили беспорядки и в жизни: «слышим, – говорит Апостол в сем самом послании (2Фес.3:11), – что некоторые у вас поступают беспорядочно, ничего не делают, а суетятся». К успокоению и благоустроению духа верующих Фессалоникиян и назначалось второе к ним послание, и особенно учение о последних временах, содержащееся во второй главе сего послания.

В сей главе апостол сначала представляет фессалоникийцам, что смущение их от того, *яко уже настоит день Христов*, неосновательно и напрасно (2Фес.2:1–3); далее, показывает, при каком необычном и жалком состоянии мира придет во второй раз Господь Иисус (2Фес.2:3–8); потом, объясняет сие необычайное и жалкое состояние мира в

последние времена (2Фес.2:9–12); наконец, делает приложение сего учения к христианам солунским, с наставлением им и молитвою о них (2Фес.2:13–17).

Молим же вы, братие, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании о Нем, не скоро подвизатися вам от ума, ни ужасатися, ниже духом, ниже словом, ни посланием, аки от нас посланным, яко уже настощ день Христов. Да никтоже вас прельстит, ни поединому же образу (2Фес.2:1–3). Сперва раскроем здесь частности не довольно ясные, а потом обратим внимание на общую мысль апостольских слов.

О пришествии Господа нашего Иисуса Христа. Из связи речи видно, что здесь разумеется то Христово пришествие, о котором за два стиха выше сказано: «*приидет прославиться во святых своих*» и проч., словом – второе пришествие Христово во славе. Нашем собрании о Нем т. е. «собрании к Нему». Во второе пришествие будет всемирное собрание пред Судиею мира, как Он сам сказал: *егда приидет Сын человеческий во славе Своей и вси святии Ангели с Ним; тогда сядет на престол славы Своея и соберутся пред Ним вси языцы* (Мф. 25:31,32). Что же касается до верующих, которые собственно здесь имеются в виду: *нашем собрании*, – об их собрании сказано в первом апостольском послании к Солунянам, что все истинно верующие, как восставшие из мертвых, так и оставшиеся до того времени в живых – все вместе *восхищены будут в сретение Господне на облацех на воздусе* и потом неразлучны с Ним будут.

Не ужасайтесь ниже духом, ниже словом, ни посланием, аки от нас. Духом; в послании к Коринфянам апостол называет духом необычайные дары и действия в верующих Духа Святого напр, *и духи пророков пророкам повинуются* (1Кор.14:3) и упоминает об одном из сих даров, *рассуждении духовом* (1Кор.2:12), а в послании к Тимофею говорит о *духах лестчих* (1Тим.4:1), так же как и Апостол Иоанн учит *не всякому духу веровать, но искушать духи, аще от Бога суть* (1Ин.4:1). В Церкви апостольской в преизобилии открывались чрезвычайные дары духовные. Соответственно сему славному и

могущественному действованию в верующих Духа истины, располагал свои козни и дух лжи, обыкновенно обольщающий людей призраком истины. От чего немало, видно, было тогда и *духов лестчих*, – людей, которые, водясь духом лжи, в самообольщении воображали себя сами и другим выдавали себя за вдохновенных свыше. Подобные люди, видно, смущали и Церковь солунскую, представляя, будто им, по вдохновению свыше, известно *яко уже настает день Христов* день второго Его пришествия. Посему Апостол просит (по духу любви он и учит умолая), – просит Фессалоникийцев не колебаться и не смущаться ни от какого подобного духа обольстителя. Что точно духа обольстителя означает в нашем месте название *дух*, это видно из самого апостольского предостережения; *да никтоже вас прельстит..*

Ни словом, ни посланием аки от нас: Обманщики свою ложь, видно, старались подкреплять как словесным, измышленным ими, преданием Апостола, так и подложным его посланием. Соответственно сему заблуждению и обману Апостол противопоставляет истинное учение о последних временах, преподаваемое также не только в послании, но и прежде сего в устном слове (2Фес.2:5–15).

Общая мысль стихов ясна. Могут только возникнуть два следующих недоумения: во-первых, как согласить с нашим местом то, что Спаситель, да и сам апостол Павел в прежнем послании к Солунянам, учит верующих быть всегда наготове ко второму пришествию Христову, всегда быть в таком расположении мыслей и чувств, что как бы уже настал день Христов? *Бдите убо, яко не весте ни дня ни часа, в оньже Сын человеческий приидет*, говорит Господь. *Сами известно весте*, говорит Апостол, *яко день Господень, якоже тать в нощи приидет*. Решение вопроса следующее: Апостол в первом послании к Солунянам и сам Господь в беседе о кончине мира и всемирном суде поставляет верующего в расположение веры и упование, чтобы всегда предзреть пред собою всемирного Судию, грядущего прославиться во всех веровавших, – чтобы потому с бодростью и во свете истины и благодати проходить свое поприще на земле, и чтобы, чем более было бы признаков

близкого пришествия Христова, тем более восклонять голову от того, что близко время решительного торжества истины и добра, совершенного избавления и блаженства верующих. Но совсем другое дело, при неизвестности дня и часа второго пришествия Господня, возвещать с уверенностью, что уже наступает день Христов, и потому колебаться умом и смущать умы других: это уже значит ходить не в свете Христовом, а во мгле, распространяемой духом лжи и уныния. Господь говорит: *Бдите*, будьте бодры, а не унылы, *яко не весте ни дня ни часа*; а здесь смущаются и колеблются, представляя день и час пришествия Христова определенно известным. Против сего-то настроения мыслей и чувств, совершенно противоречащего внушениям Христовой истины, Апостол и направляет свое убедительное, а для лжецов обличительное, увещание: *молим не скоро подвизатися вам от ума, ни ужасатися яко настоит день Христов. Да никтоже вас прельстит ни по единому же образу*. Итак, вопрос решен!

Но от самого решения сего вопроса естественно возникнуть другому недоумению: как совместить всегдашнюю готовность верующего к пришествию Судии мира с почти прямым успокоением апостольским, что еще не настает день Христов, что многие и великие события должны до того времени совершиться? – Очень просто. Апостол говорит, что наперед должно произойти *отступление*, и тем всякого верующего наставляет входить во внутреннее самоиспытание, тверд ли он в вере, все ли в нем покорено Христу, и ум и сердце и воля; не началось ли уж в нем некоторое *отступление* от Христа внутренне, хотя наружно и держится он Христа? При таком самоиспытании себя, своего народа, века, всякий верующий во всяком народе и веке скорее будет приходить в покаянный трепет пред Судиею грядущим и ближе, живее предзревать страшный суд, нежели успокаиваться и говорить в самообольщении о себе и своем времени: *мир и утверждение!* – Сам Дух Святой со времен апостольских всегда гласит верующим: *дети, последняя година есть... ныне антихристы мнози быша* (1Ин.2:18).

Таким образом успокоение апостольское: *молим не скоро подвизатися от ума* и проч, достаточно уяснено.

Далее показывается, в каком необычайном и жалком состоянии мира приидет Господь.

Яко аще не приидет отступление прежде, и откроется человек беззакония, сын погибели, противник и превозносяйся паче всякого глаголемого бога, или чтилища, якоже ему сести в церкви Божией аки богу, показующе себе, яко бог есть. Не помните ли, яко, еще живой у вас, сия глаголах вам, и ныне удерживающее весте, во еже явитися ему в свое ему время. Тайна бо уже деется беззакония, точию держай ныне дондеже от среды будет.

Яко аще не приидет: из связи мыслей видно, что должно при сем подразумевать такую мысль: «день Христов не приидет, пока не придет отступление» и т. д.

Отступление, αποστασία – Это означает отступление от веры и благодати Христовой, как в другом месте, полнее раскрывает сию мысль Апостол: *отступят от веры* (1Тим.4:1). Принимают сие слово и за синонимическое выражение: *человек беззакония, сын погибели*, т. е. как бы было сказано так: *приидет отступник*. – Но, во-первых, почему же не так и сказано прямо: *приидет отступник, человек беззакония, сын погибели* и проч? Почему представлена в отдельных и разных выражениях одна и та же мысль: *приидет отступление, и откроется человек беззакония*? Без достаточной причины от прямого значения слова отступать не следует в изъяснении; а здесь самый уже состав речи не благоприятствует не прямому изъяснению апостольских слов. Во-вторых, Апостол говорит ниже (2Фес.2:10,11), что оный *сын погибели* увлечет за собою всех неверовавших истине, – всех, которые *любве истины не прияша, во еже спастися им*, и что за сие-то неверие и нелюбовь их к спасительной истине Господь и предаст их духу обольщения. Итак, неверие их истине Христовой или, что то же, отступление от Христа явно предполагается еще предшествующим явлению и обольщениям сына беззакония, этого последнего в человечестве врага Божия. Таким образом связь речи апостольской представляет сильную причину к тому,

чтобы понимать отступление не об одном противнике, превозносящемся паче всего священного, но разуместь еще предшествующее явлению его *отступление* от веры нелюбящих истины и погибающих. – Наконец, в-третьих, подобные места у Апостола и в Евангелии совершенно определяют значение сих слов: *приидет отступление*. Сие же веждь, пишет Апостол к Тимофею, *яко в последние дни настанут времена люта, будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горды, хульницы, родителем противящиеся, не благодарни, не праведни, не любовни.... сластолюбцы паче неже Боголюбцы, имущие образ благочестия, силы же его отвергшиися*, (2Тим.3:1,2) и даже, как он дополняет в другом послании к тому же Тимофею, *прямо отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестным и учениям бесовским* (1Тим.4:1). Подобно и Спаситель говорит: *за преумножение беззаконий изсякнет любви многих... и пришед Сын человеческий еда веру обрящет на земли*. Соображая рассматриваемое место с сими местами (*еда и веру обрящет на земли*, и проч, указанные места), мысль нашего места так можем определить и изъяснить: прежде второго пришествия Христова христиане всех мест и народов наибольшею своею частью отступят от духа любви Христовой, от силы благочестия, и даже многие совсем отпадут от веры во Христа и Его благодати. *Приидет отступление первее*. – Из сказанного уже, впрочем, само собою видно, что останок избранных все же сохранится, и церковь будет цела и непоколебима на земле в истинных своих чадах.

И откроется чаловек беззакония, сын погибели, противник и превозносяйся и проч. По общему ходу речи ясно, что речь идет об каком-то одном человеке, и притом речь простая, определенная, как бы историческая, хотя она относится к будущему. Те изъяснители, которые разумеют в сем месте олицетворение направления и духа антихристианского одушевляющего многих, опровергаются уже прямо тем, что Апостол говорит о сем человеке, враге Христовом, как имеющем явиться; а дух антихристианский уже действовал и во времена апостольские, как напр. тот же Апостол в послании к

Филиппийцам говорит о некоторых людях, как о *врагах креста Христова* (Флп.3:18,19), а апостол Иоанн прямо сказал: *и ныне антихристы мнози быша* (1Ин.11:18). Притом в рассматриваемом же месте далее, Апостол ясно отличает противника, человека беззакония, от обольщаемых им и от действия в них обольщения (2Фес.2:9–11). У апостола в сем месте и речь вообще такая, что отвлеченные понятия как-то: *отступления, действо льсти*, апостол прямо и представляет такими понятиями, и отделяет от сих понятий личность обольстителя и обольщаемых (2Фес.2:8,12). И наконец, самое то место писания, на которое они хотели бы опереться, идет против них. Это место (1Ин.11:18) следующее: *Дети, последняя година есть: и якоже слышасте, яко антихрист грядет и ныне антихристы мнози быша*. Из сего же места ясно, что в составе истин, преподанных верующим, была и та истина, *яко антихрист грядет* и именно как лицо; ибо Апостол Иоанн конечно о лицах говорит: *и ныне антихристы мнози быша*.

Человек беззакония: т. е. как видно отчасти и из сего самого выражения и особенно из дальнейшего изображения сего человека, это не только беззаконный человек, но и такой, в котором беззаконие со всею силою и полнотою выразится. Это представитель беззакония или всякой неправды в отношении к Богу и людям, – истинно *человек беззакония!* – Не требует и повторения та ясная сама по себе и прямо выраженная Апостолом мысль, что это будет *человек*, а не диавол в образе человека, как некоторым казалось. Нет нужды останавливаться и на таком изъяснении, что этот человек будет воплощенный сатана. Для сего потребно было бы чудо, невозможное никому, кроме Владыки природы и мира, который своей твари, принадлежащей Творцу уже по самой ее природе, никак не отдаст сам своему врагу, на вечную пагубу. Это очевидно. Апостол прямо сказал, что это будет именно *человек беззакония*.

Сын погибели: выражение об антихристе, свойственное языку еврейскому. Происхождение и живое знаменование всех подобных выражений в ветхом завете изъясняется из того общего свойства ветхозаветного времени, что тогда человек

обыкновенно понимал живую духовную истину в образах естественного и чувственного. Духовное состояние такого человека, в котором действует грех, все живое в нем растлевая и убивая, и таким образом зачиная и возвращая этого человека к страшной вечной смерти или гибели, – такое духовное состояние следует применить к обыкновенному и видимому порядку природы и жизни; и – тогда само собою составит представление и слово ветхозаветного языка: *Сын гибели*. Из ветхозаветного образа речи подобному выражению естественно перейти и в новый завет: ибо оно живее и глубже выражает истину, нежели простое отвлеченное слово: человек делающий себя достойным вечной гибели. . . .

Противник (ὁ ἀντικείμενος), противящийся. Кому? Последующее показывает, что антихрист будет противиться *Богу и всему священному*. Впрочем, как Бог есть любовь и мир, и предающиеся Ему имеют своим характером дружелюбие и миролюбие: так врагу Христа Бога свойственно настроение вражды против себя и против других, внутреннее нестроение, мятеж против всего, и таким образом, он есть *противник* вообще всему.

Превозносясь паче всякого глаголемого Бога или чтилища. – *Чтилище*: σέβασμα вообще священный предмет, место, вещь, пред которыми благоговеют. Мысль всего места ясна: для сего врага Христова не будет ничего Божественного и священного; он сам себя будет поставлять выше всего, что когда-либо истинно или ложно признавали люди Божественным и священным. Далее то же яснее раскрывается.

Якоже ему сести в Церкви Божией аки богу показующу себе яко бог есть. Здесь нужно объяснить, что это за храм и как понимать сидение в нем противника Божия. Храм Божий (ὁ ναὸς τοῦ θεοῦ) есть, по самому такому имени, храм не глаголемого какого-либо бога, но истинного Бога. Таким храмом назывался храм иерусалимский, храмом же Божиим называет Апостол и верующих во Христа: *не veste ли, яко храм Божий* (ναὸς θεοῦ) *есте во Христе*: (1Кор.3:16). Посему изъясняют значение храма так, во-первых, что понимают под ним Иудейский или иерусалимский храм. Но храм иудейский

разрушен, так что и камня на камне не осталось; если бы антихрист воздвиг новый храм в Иерусалиме для себя, то это был бы храм антихристов, а не прежний иудейский храм истинного Бога. Изъясняют, во-вторых, храм и в духовном или нравственном смысле, т. е. так, что противник заставит или убедит мнимых христиан признавать себя богом, и поклоняться себе. Но если бы только такой смысл был сих слов: *яко сести ему в храме Божиим*, то уже излишнее и напрасное тождество было бы в краткой речи Апостола следующее прибавление: *показуя себя, яко бог есть*. Которое-нибудь одно из сих выражений достаточно было бы. Сверх того, сие изъяснение противоречит точно как бы *исторической* простоте речи Апостола. Наконец, собрание таких поклонников антихриста уже не могло бы быть духовным храмом Божиим, а было бы только *сонмище сатанино*. Когда же под храмом Божиим нельзя разуметь, в рассматриваемом месте, ни совокупности верующих в антихриста, которые в сем случае составляли бы церковь противников Божиих, ни иудейского храма: то основательно полагать, что разумеется у Апостола вообще храм христианский, как единственный теперь храм истинного Бога. Святыня храма может быть оскорблена; храм может быть осквернен мерзостью запустения; но, если он запечатлен благодатью освящения, все же он есть *храм Божий*.

Такое изъяснение понятия храма Божия согласно и с связью речи. Выражение: *показать себе бога*, соответствует словам: *превозноситься паче всякого глаголемого бога*, а выражение: *сести ва храме Божиим*, соответствует мысли: *превозноситься паче чтилища*. Если не находят в других местах нового завета названия храма, *ναός* отнесенного просто к христианскому храму: то это не препятствие в сем значении принимать слово *ναός* рассматриваемом месте, тем замечательнее будет это место. Дом христианской общественной молитвы и таинств, в отличие от простых домов, называется же, и также в одном месте нового завета, *церковью Божиею* в смысле собрания верных *ἡ ἐκκλησία τοῦ εοῦ* (1Кор.11:22), а собрание или совокупность верующих сам же Апостол Павел называет храмом Божиим (*ὁ ναός τοῦ εοῦ*)

(1Кор.3:16) Потому, если дому молитвенному усвоено имя *ἐκκλησία* – «собрание» верующих, то сим самым усвоилось ему имя *ὁ ναὸς τοῦ εὐῷ* – храма Божия и притом в более духовном и знаменательном значении, нежели в каком сие имя носил храм иудейский. То правда, что во время появления христианства название *ὁ ναὸς τοῦ εὐῷ*, в собственном смысле своем, прилагалось именно к Иерусалимскому храму, и притом в рассматриваемом месте Апостол имеет в виду как будто один определенный храм – *ὁ ναὸς τοῦ εὐῷ*. Но апостол же Павел открывает ту истину, когда и весь *Израиль* спасется, в совокупности и общей сосредоточенности, и относит это уже к последней эпохе христианства (Рим.11). Итак, не только ничто не препятствует, но еще есть и некоторое основание того мнения, что Апостол разумел христианский храм по преимуществу в св. граде, хотя и неисключительно один здешний храм. Св. Златоуст говорит в изъяснении сего места об антихристе: «будет садиться в храме Божиим не в одном иерусалимском, но и повсюду в церквах» (*καθεσθήσεται εἰς τὸν ναὸν τοῦ εὐῷ, οὐ τὸν ἐν ἱεροσολήμοις μόνον, ἀλλὰ καὶ εἰς τὰς πανταχοῦ ἐκκλησίας*).

Антихрист будет «садиться в храме Божиим, как бог», очевидно, требуя и принимая от других поклонение, подобающее Богу.

Итак, смысл 4-го стиха таков: противник последних лютых времен, в своей непомерной горделивости и нечестии, будет выдавать себя за высочайшее существо, за владыку всего мира – за бога, и будет открыто садиться в храме Божиим, как бог, с требованием и принятием от людей божеских чествований и поклонения.

Но если ясно такую мысль выражают слова апостольские, то самая эта мысль представляется с первого взгляда весьма и весьма неясною. Конечно, бывали опыты, что некоторые безумцы из властителей земли объявляли себя богами и требовали себе божеского поклонения: такая безумная горделивость особенно поразительна в некоторых римских языческих императорах. Но кто же и в то время, не признавал безумия Калигулы или Коммода даже из тех, которые

раболепно потворствовали сему безумию? – И если нечто подобное будет говорить о себе противник Христов в последние времена, то трудно понять, как он успеет найти в людях тех времен согласие на такую безумную и грубую ложь. Будет садиться в храм Божиим, как бог, и обольщенные им, следовательно, будут поклоняться ему, как богу... это может сделать, как с первого взгляда кажется, разве безумный невежда с безумными же невеждами. Между тем обольщение антихриста будет так велико, что подпадут сему обольщению *все не веровавшие истине, но благоволившие неправде*, а таких будет столь много, что едва и веру можно будет найти на земле, по слову Христову о состоянии мира, в каком застанет его второе пришествие Христово. И притом, обольщение будет состоять из *всякой лести неправды*, и будет так сильно, *яко прельстити, аще возможно, и избранныя*, которые тогда *найдутся* (по евангельскому слову). Как согласить с этим осязаемую грубость обольщения? Уже не говорю о том, как согласить такое дикое невежество, что человек будет сидеть в храм Божий, как бог, и люди будут поклоняться ему, как богу, – как согласить с тем, что Мир последних времен будет иметь пред собою опыты всех предыдущих времен, будет, следовательно, хвалиться утонченностью и благоустройством пред всеми предыдущими временами, как и Апостол в другом послании возвещает, что тогда рекут: *наступили мир и утверждение решительное!* (1Фес.5:3).

Итак, следует остановиться вниманию и размышлению на мысли Апостола, содержащейся в рассматриваемом месте, чтобы она не казалась и противоречащею другим местам писания, и сама по себе несбыточною. Мысль Апостола дает цену и букве апостольских писаний; последняя дорога ради спасительной мысли, в ней выраженной. Потому, по уяснении буквы, тем паче должно устранять темное и запутанное в самой мысли.

В сей же второй главе второго послания к Солунянам Апостол говорит об антихристе, что его пришествие будет *по действию сатанину, во всякой силе и знамениях и чудесах ложных*. Не сим ли и объясняется все дело? Напротив, история

свидетельствует о мире, что, с продолжением времени, он все хотел бы и мечтал бы объяснить из естественных причин, и – поэтому уже недовольно поражается и истинными чудесами, а над суеверием настоящим или ему кажущимся смеется более, нежели над чем-либо другим. Затруднение, посему, касательно нашего места не разрешается, а еще более завязывается. Впрочем, из сказанного заметим, что сатана, который и всегда, будучи князем мира, возбуждает, двигает и направляет людей преданных похотям и греху или, что то же, его человекоубийственной воле, – найдет в последнем враге Божиим в человечестве самый готовый и удобный орган к проявлению в нашем мире именно всякой своей смертоносной силы и всякой лести неправды...

Может также показаться, что противнику Христову удобно будет распоряжаться людьми и делать над ними, что угодно, даже самые нелепые и грубые вещи, как беспримерно могущественному и властительному человеку, как владыке всех отступников из числа которых исключается только остаток избранных в мире. То бесспорно, что сей горделивый противник будет иметь беспримерно обширную и неограниченную мирскую власть, когда, за исключением избранных, люди до того покорятся ему, что признают его богом. Но Апостол далее (2Фес.2:10,11) с особенною ясностью представляет, что не насилием, а свободно, по внутреннему убеждению, увлекутся антихристом погибающие: *любве истины не прияша во еже спастися им, и сего ради послет им Бог действо лести, во еже веровати им лжи, да суд приимут вси неверовавшии истине и благоволишии в неправде.* Следовательно, справедливее мирскую власть и могущество антихриста над миром объяснять из его обольщения, нежели обширность и успехи обольщения из обширной и неограниченной внешней власти и силы антихриста. Но заметим и отсюда то, что погибающие будут поклоняться в храме Божиим сему горделивцу именно по внутреннему убеждению – по вере лжи, по благоволению в неправде, – хотя сим не исключается насилие для тех, которые не будут благоволить неправде, т. е. для избранных.

Итак, все еще требует объяснения мысль Апостола, что духом последних времен, у самых отступников от веры, будет какой-то дух религиозный, признающий и внешнее Богочтение, но страшно и крайне-грубо низверженный, что однако он увлечет почти всех, и – для самых избранных будет крайняя опасность обольщения, как сие известно из другого места писания, относящегося к тому же предмету (Мк.13:22).

Еще приступая к изъяснению сего отделения, мы сказали, что Апостол здесь изображает плевелы зла в полном их развитии в человечестве; но свойство плода изъясняется не иначе, как из свойств зерна, из которого он наконец изник, и из образа его развития. Так, мысль апостольская раскроется во всей глубине своей и с другими местами писания сойдется самым внутренним образом: если, во-первых, возьмем во внимание естественное состояние мирского человека и, во-вторых, обратимся к истории человечества.

1) Естественное состояние человека таково, что он, созданный для успокоения в Боге, отпал от Бога и получил направление мятежное против Него, сохранив, однако потребность и стремление к своему назначению. Сим обуславливается весь естественный порядок вещей в мире и определяется все настоящее состояние рода человеческого. По такому свойству порядка вещей или естественного состояния человечества, должно быть и бывает так, что человек, желая достигнуть себе покоя, уже и в том случае, как бежит от любви Божией, ищущей успокоить его в Себе, – по необходимости вертится около бесконечного же, в чем бы он ни полагал это бесконечное, воздвигает для себя такие или другие идолы и призраки все того же бесконечного. Но призраки не могут удовлетворить и успокоить действительных бесконечных потребностей человека, и потому – необходима постоянная смена их. Стремление к бесконечному человека, не желающего успокоиться в Истинном-бесконечном, должно постоянно увлекать его от одних идолов бесконечного к другим, должно постоянно изменять свои направления; так что, отступая от истинной веры, человек нередко впадает в самое нелепое суеверие. Естественный конец сих заблуждающих путей

человеческих должен быть тот, что, после всех возможных и неудачных опытов найти такой призрак бесконечного, в котором можно бы успокоиться, человек останется все с тем же живым стремлением к Бесконечному, которое само по себе или в своем основании есть религиозное; и ему, если не изменится его враждебность истинному бесконечному – Богу, будет оставаться одна возможность всецело, и внутренним и внешним образом, низвергнуть это стремление в самом его основании – в религиозности: он открыто обоготворит себя самого. Апостол это и возвещает о человеке последних времен с положительностью слова Божия и, притом, в определенном виде будущей действительности, – что и свойственно вдохновенному от Св. Духа, ведающего все дела и события в будущем во всей их определенности. И если в другие, может быть, не последние времена, заблуждающий человек все опыты и результаты предыдущих времен умеет обращать в оправдание своего заблуждения, в доказательство действительности своих призраков: то и в последние времена человек беззакония сумеет же все, собранное предыдущими веками, повергнуть пред своим последним страшным идолом, каким будет уже он сам.

Это будет современно в те времена. И таким образом страшная увлекательность последнего крайне нелепого обольщения понятна.

2) Боговдохновенная апостольская мысль, – которая собственно не столько сама объясняется из существа настоящего порядка, сколько своим Богооткровенным светом для разумения веры освещает сущность сего порядка до последних глубин, – еще более может быть объяснена из истории рода человеческого».

Первое движение человека, стремящегося к Бесконечному – к Богоподобию, но воздвигающего мятеж против истинного Бесконечного, – противящегося Богу, было увлечение этою мечтою, которую возбудил в человеке сатана: *будите, яко бози*. Человек, и дышащий Духом Божиим и вокруг себя во всем слышащий Бога, наведен был горделивым человекоубийцею на ту мысль, что следует только ему сделать шаг, и он будет бог: и

человек еще в Эдеме сделал шаг к тому, чтобы показать себя, *яко бог есть...* Будем следить за дальнейшим движением человека по этому направлению. В том состоянии отпавшего от Бога человечества, в котором оно имело еще в своей природе довольные остатки первоначальной жизни, только оторванной от своего Источника и получившей превратное направление, – мятежный против Бога человек сначала не только, слыша самого Бога, горделиво возражал Ему самому в лицо: «разве я страж своему брату» (это – слова Каина), но даже усвоил себе самоуправство в мире более неограниченное, нежели каким пред его очами являлось управление Божие: «за Каина отмстится седмижды, говорил нечестивый Ламех, а за Ламеха семдесят седмицею». Далее, в том же еще состоянии человечества, когда все естественное и чувственное с особенною силою говорило ему о духовном и Божественном, враждующий против Бога человек обоготворил свои мечты, свои страсти – в язычестве. И наконец, дело кончилось тем, что человек, идущий все вперед по своему блуждающему пути, провозгласил открыто и лично о себе, что он есть *Dominus Deus*; явил себя за такого (за «Господа Бога»), правда, грубо-чувственным образом – по праву своей мирской, почти всемирной, власти²⁸: но сие именно и свойственно было тому состоянию человечества, в котором оно доживало последние останки первобытной в себе жизни и в чувственном видело образы духовного. С пришествием Христовым, с благовестием всему миру нового завета, наступило другое время, другое состояние человечества, в котором человек уже первоначально в дух свой должен принимать веру и потом уже выражать и запечатлевать оную наружным чувственным образом. Соответственно сему видоизменилось и движение человека, поколику он удержал это сатанинское направление: *будите, яко бози*. Сначала, при обилии даров и поразительности явлений Духа Св., уклонившийся от смиренного послушания веры человек измышлял божественные духовные откровения, по которым и внешним образом видоизменял религию. Так, еще во времена апостольские являлись *духи лестчие*, выдающие себя за посланников Божиих; вспомним, потом, гностицизм,

хвалящейся каким-то высшим знанием, – манихейство, самообольщенное какими-то внутренними Божественными озарениями, наконец – магометанство, в котором человек уже определенно и лично превознесся выше Христа, и в изобретателе которого христиане единогласно признали предтечу антихриста. Далее – когда истины веры Духом, открывшим оные ее одушевляющим Церковь, были чрез церковную иерархию определены точно и ясно для духовного разумения веры и для внешнего выражения сих истин, – отпадающий от благодатной жизни человек стал усваивать божественную самоуправную важность одному иерарху (именно папе), а за тем особенно разумению человеческому, сначала – в отношении к пониманию собственно откровения Божия (вспомним все преобразования христианства в Запад. Европе), потом – вообще в мыслительности, стал воздвигать храмы разуму человеческому, и так далее. Еще мало или много вперед, то есть, еще следует только вере открыться для мира, как единственному созерцанию истины и приятию добра, внутреннему началу для всей должной человеческой деятельности, и потерпеть от мира извращение и в этом своем значении (чрез тысячелетие или завтра совершится этот шаг идущего от Христа человека, – неведомо никому, кроме Бога): тогда человеку, отпадшему от веры в истину, благоволившему в неправде, свойственно измыслить ту веру лжи и обольщения, в которой сатанинская лесь: *будите, яко боги*, откроется во всей сатанинской силе и действии, – в которой он вообразит и объявит лично себя богом, посвятит себе все храмы Божии, и неверующее в истину уверуют в ложь – по внутреннему своему убеждению, и поклонятся противнику Божию, как богу. И верующему, от которого во все времена требуется самая неусыпная и бодрая бдительность к избежанию этой первоначальной лести самообожания, необходимо будет в те лютые времена выстоять против всех возможных напоров и обольщений лжи.

Мысль Апостола совершенно объяснилась; и другие места писания, по-видимому, несогласные ей, являются только дополняющими и поясняющими ее; и еще строже удерживается

и получает значение каждая, можно сказать, буква и черта изъясняемого нами 4-го стиха.

Не скажет ли кто: такое пророчество об антихристе не есть собственно пророчество, но вывод умозакляющего разума? Но мы делали умозакляения на основаниях не разума человеческого, а Божественного откровения. Итак, не Апостол представляет вывод умозакляющего разума, а разумение веры нашей может отчасти входить во внутренней свет, Богооткровенной чрез Апостола, тайны последних времен, может видеть внутреннюю ее сообразность с человеческой природой и историей, и – тем побуждается еще более и охотнее пленяться в послушание веры Христу, *в Немже вся сокровища премудрости сокровена*. Что же касается до св. Апостола, то при соображении всего его учения, пожалуй, можно приписать ему выводы и заключения ума, но *ума Христова*, владеющего тайною и природы человеческой, и истории человечества, т. е. тайною совета Божия о человечестве. Продолжим изъяснение последующих стихов.

Не помните ли, яко еще живым у вас сия глаголах вам? И ныне удерживающее весте, во еже явитися ему в свое ему время. Тайна бо уже деется беззакония, точию держай ныне дондеже от среды будет. Сии стихи толкователи находят более затруднительными из всей главы, и даже некоторые – особенно таинственными. Нужно прежде всего рассмотреть, точно ли в духе мистическом говорит здесь Апостол; ибо сим определяется для нас точка зрения на это место – или как на духовно-таинственное, или как на простое, обыкновенное в его апостольской речи, хотя и не все прямо здесь объяснено. Главное основание тех толкователей, которые видят в сем месте нечто намеренно-скрытое, состоит в том, что Апостол не определил, что такое это – *удерживающее противника Божия*, или кто такое сей – *держай*. Основание несостоятельное, если вникнуть в ход речи Апостола! Показав, каков будет антихрист, имеющий явиться вслед за отступлением большинства от веры, Апостол просто продолжает свою речь: «я вам уже лично говорил обо всем этом. Ужели не помните? Вам уже известно, что или кто препятствует ему открыться в наше время. Не будет

сего препятствия, и – он откроется». Спрашивается: что же таинственного в таком простом обычно-собеседовательном ходе речи апостольской? Из чего видно, что он хотел нечто скрыть от Солунян, или покрыть для веры завесою таинственности?! Но он лично, видно вскоре по обращении их, уже говорил им обо всем этом. Может быть, скажет кто-либо: почему же Апостол в послании снова не говорит определенно обо всем? На это отвечает сам Апостол: *не помните ли, яко еще живой у вас сие глаголах вам? и ныне удерживающее весте*. Не потому Апостол не называет прямо удерживающего, что хотел запечатлеть сие для веры тайною, но потому, что это было уже хорошо известно от него Солунянам. Во 2-й главе второго послания к Тимофею Апостол, давая наставление своему возлюбленному ученику, собственно, о злострадании, подлежащем доброму воину Христову, который не обязуется куплями житейскими (2Тим.2:3,4,5–8 и д.), высказал одну наставительную мысль, что *труждающемуся делателю прежде подобает от плода вкусити*. Мысль выражена, очевидно, не прямо к контексту (к наставлениям о злострадании) эта мысль, по-видимому, не столько вяжется, чтобы ясна была она сама собою из контекста; между тем Апостол ничего не прибавляет в объяснении своих слов, а говорит только Тимофею: *разумей, яже глаголю, да даст убо тебе Господь разум во всем*. Не искать ли и здесь таинственного смысла, тогда-как дело просто изъясняется тем, что Апостол предоставляет понять слова свои разумению своего ученика, а нам можно понять слова Апостола, или внимательнее вникая в контекст, или изъясняя их из других подобных мест у Апостола?! – Такой же прямой и простой ход речи и в рассматриваемом нами месте. Недосказанное Апостолом фессалоникийские христиане ведали из устных его наставлений, а мы можем изъяснить, отчасти вникая лучше в самое то место, и отчасти из соображения с теми местами писания, где ясно обозначается сила, сдерживающая антихристианское направление. То самое замечание, что у Апостола речь в нашем месте простая, и притом, истина, прямо им здесь не высказанная, проповедовалась целой новонасажденной Церкви без исключительного преимущества

для кого-нибудь, – уже должно нас удержать в простоте изъяснения и предостеречь от изысканности. Что Апостол не захотел повторить в письменах того, о чем ясно и всем говорил устно, из этого можно заключить то одно, что письменное изложение сего было бы почему-нибудь затруднительно или не безопасно, как именно такое заключение делает св. Златоуст (слова его приведены ниже).

Объясним наперед, что значит – *тайна беззакония* уже *деющаяся*. Ибо, не зная определенно, в чем состоит действие сей тайны, не удобно понять то, что не позволяет сей тайне открыться со всею силою. *Тайна беззакония* – это значит, говорят некоторые, просто тайное беззаконие. Такое слововыражение употребительно в писании, особенно в ветхом завете, по свойству священного языка. Но, не говоря о том, что в таком случае следует объяснить происхождение и значение такого свойства священного языка, а иначе ничего не объяснит это слово: по свойству священного языка, – остановимся только на том, что само по себе совершенно не ясно и неопределенно это выражение – *тайное беззаконие* *деется*. Что же это за беззаконие, и в каком отношении оно тайное? Из контекста можно видеть, что беззаконие сие есть противление Христу; но противление Христу в апостольские же времена и во все времена некоторые люди открыто выражали и выражают, каковы все хулители имени Христова, и потому – не понятно, что значит такое беззаконие *в действии* – *ἐνεργεῖται*.

Основательно поступают те истолкователи сего места, которые название – *тайна беззакония*, *μυστήριον τῆς ἀνομίας*, сопоставляют с выражением – *тайна благочестия*, *τὸ τῆς εὐσευείας μυστήριον*. Ибо выражения, очевидно, соответствуют одно другому по своему составу, и встречаются у одного и того же свящ. писателя апостола Павла. Из сего сопоставления рассматриваемому нами выражению выражения *тайна μυστήριον τῆς εὐσευείας благочестия*, и можно будет точнее определить значение первого; ибо, хотя нет ничего общего у Христа с велиаром, – царство велиара и состоит в отрицании царства Христова, но потому-то между тем и другим царством и есть соответствие: только в одном – свет и истина, а в другом –

тьма и ложь. В царстве света и истины Христовой Божественная тайна благочестия та, что, по домостроительству воплощения Бога Слова, сила Божия соединяется с немощию человеческою, действует и открывается в человечестве и мире и благодатно властвует над умами и сердцами. Своего рода сатанинская тайна беззакония будет та, что человекоубийца искони преданных ему людей, чрез свои темные влияния, более и более исполняет свою духовную горделивостью, своим сатанинским противлением Христу, и таким образом движет подвластный ему мир своею смертоносною державою и более и более покоряет оный себе, – ищет более и более удобные орудия для проявления всей своей лести, для низведения непокорных до сатанинства. Ясно, что в сем есть своего рода тайна, тайна лжи, нечестия, смерти, вдыхаемых в человечество миродержцем зла, этою первоначальною гордынею, отцом лжи, не устоявшим в истине от начала. Чрез это изъяснение получается определенный и ясный смысл апостольских слов: *тайна уже деется беззакония*. Сие изъяснение подтверждается и другими подобными местами у того же Апостола. Так об отступниках последних времен Апостол говорит, что они будут внимать учениям бесовским (1Тим.4:1). А начатки движимых духом лжи отступников сих лютых времен Апостол видел уже в свое время (2Тим.3:1–5). В другом же месте он и ясно называет лжеучителей своего времени, выдававших себя за апостолов, служителями сатаны (см. 2Кор.13–15). Таким образом, из слов того же Апостола видно, что тайна беззакония действовала уже в апостольские времена, и именно – в изъясненном выше смысле сих слов. (Совершенно подобные нами разбираемому месту места: 1Ин.2:18,19; 1Ин.4:2–4).

Итак, смысл слов – *тайна уже деется беззакония*, есть тот: дух лжи и нечестия – сатана, – в начинающемся христианском мире уже стал отторгать от Христа преданных себе людей, начал своими темными влияниями производить отступление от Спасителя, и вдыхать в человеческую душу горделивость и противление против Христа. – Вражда змия против Семени жены была и в ветхом завете и успела наконец увлечь весь почти мир; но тогда сам сатана еще не знал с точностью тайны

Христовой, как это ясно обнаружилось в известном искушении Христа сатаной. Теперь он действует против Христа, возбуждая и мир против Него, с совершенным сознанием дела; и следовательно – тайна беззакония, которая прежде только предначинательно и гадательно деялась, теперь, в христианстве, деется со всею определенностью и полнотою адской свирепости и лжи. «За сатанинскую злобу и ложью, – как бы так говорит Апостол, – дело не станет; только нет еще в человечестве удобного и беспрепятственного места и простора явлению антихриста».

Удерживающее весте. Нужно теперь объяснить и *сие удерживающее*.

Сначала сказано о сем у Апостола не совершенно определенно и общо – в среднем роде: «вы знаете, что препятствует антихристу открыться теперь». Далее он говорит о том же определеннее, называя препятствующее открыться антихристу – *держай, ó κατέχων*, и тем давая основание полагать, что это есть личность²⁹. Далее о сем держащем сказано, что он *от среды будет, ἔκ μέσου μένηται*, «перестанет, не будет», т. е. или вовсе перестанет существовать, или утратит сдерживающую беззаконие силу. Подобное выражение: *да измется от среды (ἔκ μέσου) вас содеявый сие*, значит такое внушение Апостола, чтобы в области Церкви вовсе не было открыто и упорно предающихся беззаконию. Напротив, выражение: *изыдите из среды их (ἔκ μέσου)*, значит не то, чтобы христианам вовсе не входить в сношение с людьми преданными миру, ибо тогда, по слову Апостола же, надобно было бы христианам выйти из самого сего мира, но – чтобы живя и в мире, быть мертвыми для мира, для его духа и скверн, быть бездейственными во всем мирском-растленном³⁰.

Кто же это – не допускающий явиться антихристу, с удалением или только решительным обессилением которого для противоборства тайне беззакония, придет антихрист?

Из сего самого апостольского места уже дознали мы о нем, что это есть нечто или некто, имеющий силу сдерживать тайну беззакония от ее ужасного раскрытия, некто такой, о котором, или о решительном падении и ослаблении которого могло быть

не благовременно или не безопасно для самой истины упоминать в письменах, назначенных для распространения в Церкви и мире. По сим чертам будем искать *удерживающего* – чрез соображение других апостольских мест.

Без сомнения, единому Вседержителю и Главе Церкви свойственно и возможно Своею силою низлагать все проявления семени змия до последнего антихристианства. Но Он своею силою, усвояемою Церкви внутренне по ее вере, пребывает с Церковью до скончания века, как Он сам сказал: *се аз с вами есмь во вся дни до скончания века*, и побежден быть не может, хотя бы все силы адские устремлялись против Его устройства. *Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ю*. Итак, внутреннюю Божественную же силу Церкви, обладаемую по вере, как-то, Божественную истину и благодать – и в их служителях, и в откровениях, и в дарах и пр. – разуместь *удерживающим*, который наконец потеряет свою силу, невозможно. Да и самый порядок, устроенный во внутренней области Божественной истины и благодати, таков, что, если последователи сей истины и участники благодати окажутся среди врагов истины и благодати, то должны, по слову Божию (2Кор.6:1), сами *изыти из среды (ἐκ μέσου) их, и не прикасаться их нечистоте* и злобе, – а если приметят во внутренней своей области оказавшегося кого-либо с этою злобою и нечистотою, то должны изъять его из своей среды, по сему слову: *измите злого от вас... да измется из среды (ἐκ μέσου) вас содеявый дело сие (1Кор.5)*. По такому порядку внутренней области Божественной истины и благодати, очевидно – тайна беззакония только отрицается и отвергается оною, но сама по себе не сдерживается от нее: на изъятых из среды своей Церковь уже не простирает своей духовной власти, оставив его собственной пагубе; равно и вышедшие из среды беззаконного общества оставляют это общество собственному его произволу и необузданности. Истина и благодать Господня свою внутреннюю или духовную власть и силу простирает на человека, доколь он признает ее и повинуется ей; но, как скоро человек знать не хочет власти и силы Христовой благодати и истины, то духовной области благодати и истины делать с ним

нечего. Итак, надобно искать собственно внешних орудий и слугителей силы и владычества вседержавного Главы Церкви; – *удерживающий* должен быть вооружен от Господа, собственно, не внутреннею или духовною силою и властью истины и благодати, но внешним мечем, грозным для беззакония, должен сдерживать убийственный и необузданный произвол незаконных, поражать и искоренять нечистоту и злобу в их внешнем раскрытии. Таким мечем вооружена от Господа именно гражданская власть, как очевидно из сих слов апостола Павла: *Всяка душа властем предержащим да повинуется; несть бо власть, аще не от Бога.... Божий бо слуга есть тебе во благое. Аще ли злое твориши, бойся: не бо всуе меч носит: Божий бо слуга есть, отмститель в гнев злое творящему* (Рим.13:1–4). Таким орудием к сохранению, для веры и Церкви по преимуществу, возделенной тишины от беспорядков и ужасов беззакония есть порядок гражданского права с его главою и посредствующими опорами, как очевидно из сих слов апостола Павла: *Молю прежде всех творити молитвы, моление, прошения, благодарения за вся человеки, т. е. не за одних только верующих или за внутреннюю область Церкви, но и за всех людей или вообще за общественную жизнь, за Царя, представителя и вождя сей жизни, и за вся, иже во власти суть, за ее опоры и связи: да тихое и безмолвное житие поживем* (Тим.2:1,2). Итак, вопрос об удерживающем решен: удерживающее или препятствующее раскрытию тайны беззакония (*τὸ κατέχον*) есть вообще твердый и законный порядок гражданский; *держай* (*ὁ κατέχων*) есть верховный представитель и глава всего гражданского порядка. «Не будет твердого и на законных основаниях утвержденного гражданского порядка, – не будет законного обладателя верховной власти в той внешней области, где водворена Церковь, – или достанется сия власть в руки самого беззакония: тогда тайна беззакония раскроется во всей силе и развитии, тогда явится последний самый злой незаконник».

Вот изъяснение главной мысли сего места. Говорить о таком обессилении и падении гражданства и верховной власти, не устно излагая это верующим, которые не могут

перетолковать слов Учителя в его присутствии, а в письменах, назначаемых для распространения, могущих попасть в руки личных врагов апостола Павла, каких у него было много даже и из братии или лучше лжебратии – христиан иудействующих, и даже в руки язычника или властителя, не могущего войти в истинное значение слов Апостола, – конечно, было неблагоприятно и не безопасно для самой Христовой истины. Ибо она с этой своей стороны могла быть не ведущими изъяснена, как мятежная мысль, и притом так изъяснялась бы не потому, что упорно не хотели бы знать эту сторону Христовой истины, как и вообще всю спасительную истину, но потому, что неверующему гражданскому властелину она естественно показалась бы неблагоприятною гражданскому порядку, стражем которого он поставлен. Так слово Божие самым умолчанием о какой-либо тайне или частной истине, впрочем из него же удобно или дознаваемой или оправдываемой, поучает и вразумляет: Христову истину должно не обвиняясь исповедовать пред миром, что ни угрожало бы за это; но могут быть и есть в ней стороны, умолчание о которых не закрывает спасительного света Христова, а между-тем раскрытие которых не пред искренними только последователями веры, но безразлично пред всеми, может быть обращено во вред и в предубеждение против самой спасительной истины. Апостол своим примером учит о таких сторонах истины говорить преданным Христовой истине, как он, живя у фессалоникийцев, *глаголал и об удерживающем*, именно говорил просто и ясно, так что нет нужды и повторять; но безразлично для всех – не излагать прямо, щадя неведение или легкомыслие, как Апостол в послании, назначаемом во всеобщее руководство, нашел нужным во время языческого владычества не говорить прямо об *державном*. Св. Златоуст, по отношению к времени своему и апостольскому под *удерживающем* понимает именно римскую империю. Он говорит: «удерживающее, т. е. не допускающее (*τὸ κωλύον*). Иные говорят, что это благодать Духа; а иные понимают римскую империю (*τὴν ῥωμαίων ἀρχὴν*), с которыми и я совершенно согласен (*οἷς ἔγωγε μάλιστα τίθεμαι*). Ибо, если бы он говорил о Духе, то говорил бы не обвиняясь, но ясно.... поскольку

же говорит о римской империи, то, как и следует, не все открыто выражает (*εἰκότως ἠνίξατο*) и говорит прикровенно: ибо не хотел подвергаться напрасной вражде и безрассудной опасности. Ибо, если бы он сказал, что наконец будет разрушена римская империя, то его тотчас бы казнили, как бунтовщика (*κατ' ὄργην ὡς λυμέωνα*), и верных всех, как его сообщников и мятежников». И далее: «когда римское владычество *будет из среды взято*, т. е. погибнет, тогда и придет он (антихрист). И действительно так. Ибо, пока будет страх этого владычества, не скоро он откроется; а когда будет оно разрушено, то к безначалию присоединится и то, что он попытается восхитить власть и человеческую, и Божескую». Ясно, что св. толковник не саму по себе римскую империю имеет в виду, а твердость и законность гражданского порядка и власти, что и у нас показано. Пусть же устыдятся истины те раскольники, которые антихристовым признают то, что, собственно, препятствует полному раскрытию тайны антихристовой по учению слова Божия, – какую силу св. Златоуст признавал и в языческом гражданском правительстве. В наше время, когда, случается, открыто выражают сатанинское противление или бесчеловечие, достойное только последнего противника, в такое время, когда только твердою рукою гражданской власти сдерживаются скопища беззакония, восстающие уже против Христа, особенно понятно и оправдывается апостольское слово: *тайна бо беззакония деется, точию держай ныне дбндеже из среды будет*.

По изъяснении главной мысли, все место, и в частности, и в общем составе, удобно изъясняется. «Не помните ли, – как бы так говорит Апостол, – что я, будучи у вас, говорил обстоятельно о печальных временах отступления и явления антихристового, долженствующих предварить второе пришествие Христово. И ныне (т. е. прямо ли: «и теперь», или по употреблению сей частицы на священном языке, «и таким образом) вы знаете и то, что удерживает сего врага Божия, *во еже явитися ему в свое ему время*, , *ἐν τῷ ἑαυτοῦ καιρῷ* т. е. время, определенное не другим чем или кем, а самим антихристом, а до личного его явления, очевидно, духом

антихристовым, ἐν τῷ ἑαυτοῦ καιρῷ. «Вы знаете, что не допускает раскрыться духу антихристову в определенной личности человека беззакония, – раскрыться, как или когда бы хотелось того самой лжи и злобе антихристианской. Ибо, по совершении и открытии тайны благочестия, тайны Христа Бога, по человеколюбию воплотившегося и истощившегося в плоти до крестной смерти и потом воскресшего, превознесенного (и во плоти) в славу Божества своего, окончательно образовалась, определилась и таким образом уже действует тайна беззакония – тайна сатаны, воздвигающего в человечестве вражду против Христа, противление всему и превозношение паче всего священного, имеющего водворить такую свою мерзость в качестве – самого божества на самом месте святе храма истинного Бога, и для того устрояющего в самом христианском мире отступление от Христа. Только раскрытия сей тайны во всей силе в действительном явлении такого человека беззакония, который бы столь ужасно наругался над истинною верою, обольстив отступников от нее веровать в себя самого, – не допускает тот, кто вооружен от Бога мечем противу беззакония, и поставлен стражем общественной тишины и порядка. Не будет этого представителя и средоточия гражданской власти, сущей от Бога и служащей Его же царству, только внешним образом : тогда откроется и новый представитель и осуществитель тайны беззакония – во всем извращенном величии лжи и зла, до которого может только созреть в человечестве беззаконие. Тогда-то для ниспровержения зла во всем его развитии в человечестве, а не прежде того, – как бы так продолжает Апостол, – и последует второе пришествие Спасителя. *Его же Господь Иисус убьет Духом уст Своих и упразднит явлением пришествия Своего*». *Убьет* (ἀναλώσει) – поразит, погубит. *Убьет Духом уст Своих*: это предсказал о Божественной отрасли и есеевой еще пророк Исаия, провидя потребление всего царства нечестия, некогда имеющего объять почти всю землю: *поразит землю Словом уст Своих и Духом устен убьет нечестивого* (Ис.11:4). Поражение на смерть Духом уст можно понимать и не в собственном смысле: «Господь в явлении пришествия своего

Сам собою один рассеет и упразднит взимающееся до самых небес и до престола Божия владычество нечестия так же, как напр. паутина уничтожается дыханием ветра, или ничтожные насекомые рассеваются дыханием уст». Есть основание понимать Дух уст Господних и в собственном смысле о Св. Духе, так как по воскресении своем Спаситель предначинательно сообщил ученикам Св. Духа именно дуновением уст Своих: *Приимите Дух Свят*, сказал Он, *и сие рек, дуну*. В сем смысле, Дух уст Христовых есть самый Божественный Дух благодати, безмерно полнотою которой исполнен Христос в самом Своем человечестве (Ин.1:14; 3:34), и которая во всей полноте своей раскроется в пришествие Христово в славу, как сказано: *да явит в вещех грядущих презельное богатство благодати Своея*, в чем и состоит решительное торжество Христовой истины над ложью и нечестием. Впрочем, оба изъяснения удобно совмещаются. Если понимать поражение Духом уст Христовых и не в собственном смысле, т. е. как мгновенное, не требующее от Господа усилие, погубление врага Божия с его царством, то вникая в основания сего, дойдем до мысли, что это произойдет от Божественной славы, в которой приидет Христос и которая есть не что иное, как раскрытие презельного богатства любви Божией, почивающей во Христе, как Единородном, и открытой для нас в Нем, как Богочеловеке, той любви Божией, которая содержит все сокровища и силы Св. Духа. Если будем понимать рассматриваемые слова и прямо о поражении врага Духом любви Божией, которая, в своей ревности против ожесточенных и упорных врагов на Ее долготерпение и бесконечные, так сказать, усилия вразумить вражду, и откроет для них ад (*крепка бо яко смерть любовь и яко ад ревность*, так сказано было о самой Христовой любви, изливающейся в сердца Духом Святым), то само собою должна подразумеваться мысль, что низложение сего последнего Вавилона от Духа Христова есть не более, как рассеяние паутины и насекомых. «Как огонь, говорит св. Златоуст, просто отнимает силу у насекомых и губит их, как бы ни далеко они простирались, так и Христос одним Своим повелением и присутствием (или пришествием) погубит

антихриста. Довольно Ему прийти, и – это все погибло; одним явлением своим Он прекратит обольщение».

И упразднит (καταρῦσει отсюда καταρῦσις окончательное истребление или гибель) явлением пришествия Своего: пришествие (παρουσία) то же слово, которое употребляется в первом стихе о втором Христовом пришествии (ὕπὲρ παρουσίας). Последний же враг, говорит Апостол в другом месте, испразднится (καταρῦται) смерть. И испразднится, как то показано в Апокалипсисе, таким образом, что смерть и ад ввержены будут в озеро огненное или во геенну, и се есть вторая смерть (Откр.20:14). По соображению с сим местом, можно понять, что потребление антихриста, в котором смертоносное зло раскроется со всею силою и зрелостью, есть вообще отъятие всякой силы и значения у державы смерти, – отъятие у смерти самой державы, дабы злу, со всеми его орудиями и служителями, с первыми его виновниками и последними проявителями, быть в геенне жертвою вечной смерти. Гибель последнего врага с раскрытием геенны соединяет и пророк Даниил (7 гл.). Таким образом, как верные, оставшиеся до пришествия Христова в живых, вместе с воскресшими приобщатся Его славы, восхищенные в сретение Его (1Фес.4:17) так антихрист с своими служителями, во второе Христово пришествие, вступит во дверь второй или вечной смерти. Само собою разумеется, что вечная участь антихриста, как и всех, должна решиться и определиться на страшном Христовом суде, для произведения которого и последует второе Его пришествие.

Погибельное состояние мира, в последние времена, и именно то, почему такой ужасный успех в мире будет иметь антихрист с своим обольщением, апостол так изъясняет: *егоже есть пришествие по действию сатанину, во всякой силе, и знамениях и чудесех ложных, и во всякой лъсти неправды в погибающих, за не любве истины не прияша, во еже спастися им и сего ради послет им Бог действо лъсти во еже веровати им лжи. Да суд приимут вси не веровавшии истине, но благоволишии в неправде (2Фес.2:9–12). По действию сатанину: вообще в сынех противления, как говорит Апостол в*

другом месте, действует сатана, движа и располагая ими по своим похотям (Еф.2:21). В противнике, превозносящемся до гордости, достойной одного сатаны, для сатаны уготован и сосуд, поместительный для всех сатанинских похотей и лжи. *Во всякой силе, знамениях и чудесех ложных:* слова эти синонимические, хотя и есть различие между понятиями. Вообще, чудо истинное есть такое явление, которое произведено не по законам, положенным от Творца при создании вселенной и хранимым Его промыслом, но по непосредственному действию Его самого, как располагающего всевластно и самыми законами природы и мира. *Знамение* – или боле поразительное и пред всеми открытое чудо: *хощем знамения о Тебя видети*, говорили иудеи, тогда как обыкновенные чудеса творил Иисус в бесчисленном множестве. *Сила* есть действующее начало чудес и знамений, в них проявляющихся: «сила Божия великая», говорили обольщаемые Симоном волхвом – о сем самом обманщике. *Чудо ложное* будет, когда явление, производимое по законам природы или призрачное, антихрист будет выдавать, как совершаемое им по власти над самыми законами и порядком природы. Наиболее поразительные из таких явлений это ложные *знамения* антихриста. И начало их, проявляющееся лично в антихристе каким бы ни было образом, начало льстивой и призрачной всевластности – вот *сила* антихриста. *Во всякой силе, знамениях, чудесех ложных, и во всяком обольщении неправды.* Словом: все, сколько только есть в сатанинских глубинах лжи обольстительных призраков, злого знания и влияния на мир и природу, – все это будет орудием или силами антихриста. Чтобы сколько-нибудь приблизить к уразумению эту силу зла, имеющую открыться в антихристе, вспомним, что собственно похотями своими движет мир и действует в сынах противления миродержец тьмы, что, по этому самому Христу он явил свою область всемирного владычества греха «во мгновении ока», и готов был или обещал зараз уступить эту власть двигать послушными ему душами по своим прихотям, хотя и не всегда заметно. Если *во всякой лести неправды и во всяких чудесах ложных* откроется антихрист, то он будет обладать и этою

державою сатанинскою, которая, без стеснения пространством, владеет внутренними пружинами преданных ему сердец. Удивительно ли, что будут поклоняться ему как богу, и храмы христианские будут посвящать этому врагу Христову? Избранным нужно отрешаться от последней примеси в себе зла, какое есть в человеческом естестве, чтобы отразить обольщение: удивительно ли, что такой пшеницы найдется не много, и что за то они, мимо дверей смерти, войдут в вечную жизнь чрез мгновенное изменение?

Из предложенного изъяснения видно уже, что эта власть зла раскроется, собственно, над преданными злу и потому оставленными благодатью. В наказание за это они и дойдут до того, что будут веровать в антихриста, как и говорит далее Апостол (2Фес.2:11.): *И сего ради послет им Бог действие льсти во еже веровати им лжи; послет действие льсти*: самое движение зла не выходит из-под державы Божией: люди возлюбят ложь, Господь Бог оставит их без своей защиты и просвещения, и – тогда для лести откроется полный простор. И таким образом, Бог *послет действие льсти*, наказуя непокорных, от вечности провидя это и определив их, как упорно преданных злу, на такую гибель.

Заключение апостольского учения об антихристе понятно само собою из общих начал Христовой истины (2Фес.2:13–17). *Вы же, братие, не стужайте доброе творяще. Аще же кто не послушает словесе нашего, посланием сего назнаменуйте и не примешайтесь ему, да посрамится: и не аки врага имейте его, но наказуйте якоже брата. Сам же Господь мира да даст вам мир всегда во всяком образе. Господь со всеми вами* (2Фес.3:13–16).

7. О принципах или началах в делах житейских или гражданских

Несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Еф.6:12). Эти слова апостола Павла напоминают нам, что было время, или даже был длинный ряд времен, когда человек, не разумея вполне самого существа Божией истины, а воспринимая ее более или менее в гаданиях и образах чувственных предметов, не вполне понимал и то, что для него было поистине опасно и враждебно. Тогдашний, именно ветхозаветный, человек в чувственных своих врагах и в чувственных видах зла большею частью видел то, против чего ему надлежало вести брань для своего истинного блага и счастья. Так было во времена ветхозаветные. Но у нового Божия Израиля – христиан, знающих и имеющих во Христе самое существо истины и благодати Божией, существенное дело всякого противоборства уже не против чувственных личностей, но против самых действующих начал зла и лжи, против этих живых миродержителей тьмы, духов злобы. *Несть наша брань к плоти и крови, но к началом...* и проч.

Такая истина слышится иногда в наше время по отношению не только к делам духовным, но и к простым житейским, как будто в прямое оправдание того, что именно благочестию принадлежит обетование настоящей и будущей жизни (1Тим.4:8). Случается, что, хотя на словах, рассуждают о судебном разборе дел самых житейских таким образом: «Пора бросить бедную мысль, что можно сделать серьезные улучшения, выгоняя Ивана и сажая Петра! Пора оставить в покое людей и заняться принципами» (началами)! Уследить, в чем именно кроется разрушительная сила зла, и поставить живое и действенное начало истины и добра – это всего нужнее для благоустройства дел малых и великих, нравственно-духовных и житейских. Но это требует от нас дружного содействия друг другу в деле истины и добра; потому что темные начала лжи и зла всевозможно усиливаются путать нас

и вместе укрываться от нас. В раскрытии лживости одних и спасительной верности других начал едва-ли не более, нежели в чем-либо другом, требуется исполнение апостольского внушения: *друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов* (Гал.6:2).

Поэтому, единственно из желания разделить с братьями общую тяготу, дозволяем себе коснуться того, что не только почти не видно у нас прямого и сознательного стремления привести и житейские дела к началам христианским, но даже кое-где, по временам, высказывается стремление устраивать житейские и гражданские дела в совершенной отдельности от христианских начал. «Интерес христианства (так писали у нас по вопросу допущения Евреев в английский парламент) будет возвышаться вследствие большего и большего разделения между тем, что принадлежит кесарю, и тем, что следует Богу. Это завет Христов, это истинно-христианское начало». Здесь, несмотря на букву, благоприятную христианству, в силе дела проглядывают уже не совсем верные, не совсем христианские начала.

Но прежде всего просим читателей не подумать, что мы хотим ратовать собственно против допущения Евреев в английский парламент. – Нет; наша брань не против чувственных личностей, кто бы они ни были – Евреи или Англичане; нам следует лучше тем озаботиться, чтобы в судилище самой мысли нашей не засели жидовские или языческие христовраждебные начала. *Что ми внешних судити? Внешних Бог судит.* Нам нужно изгнать ложь и зло от нас самих (1Кор.5:12–13). Тогда мы скорее и решительнее вступимся за человека, за которого Христос умер, каков бы ни был этот человек; и притом, будем заботиться не просто о внешних, а о существенных, истинно-человеческих его правах. – Будем рассуждать о самом деле.

То правда, что истина и благодать Божия, принадлежащие Церкви Божией, не смешиваются ни с чем кесаревым или гражданским; истина Божия, область благодати Христовой, сама по себе ничего существенного не потеряла бы, если б гражданство и не захотело принимать ее начала. Но не трудно

любящему правду усмотреть, есть ли правда в таком рассуждении, будто тем более «интерес христианства» будет возвышаться, чем более будет разделения между тем, что принадлежит кесарю, и тем, что следует Богу. – Существенный «интерес христианства» состоит в том, чтобы все и все в человечестве приведено было под благодатное осенение и в общение любви Отца небесного, простертой к человекам в Его едиnorodном Сыне, Господе, Иисусе Христе. Но где или в чем не приемлют Сына, как единое существенное начало всего истинно-доброе, полезное и прекрасное, там нет места и для любви Отца: потому что вся полнота и самое существо Отчей любви – в Сыне, в Котором Едином она простирается на создания. Итак, отделите принадлежащее кесарю от следующего Богу, устраивайте и обсуждайте все гражданское в совершенной раздельности от духовного и церковного, имеющего всю свою силу во Христе едиnorodном Сыне Божием: тогда в чем же, в области государственной, почивает любовь Божия?!. *Всяк, отменяя Сина* в каком бы ни было отношении, *ни Отца имеет* в этом отношении (1Ин.2:24). В какой бы ни было области не хотеть приять Сына в верховное начало – значит отчуждать эту область и от любви Отца, которая вся почивает в Сыне. Этой истины нельзя ослабить ни на волос: так-как она имеет свое основание в том вечном отношении Отца к Сыну, по которому вся полнота Отчего благоволения существенно почивает и сияет в едиnorodном Сыне. На этом самом основана и христианская истина о вечном проклятии и отвержении не приемлющих Сына – прямо ли в Его истине и благодати, или в меньшей Его же братии (см. Мф. 25:41–46). Какой же «интерес» для христианства оставлять гражданство в отчуждении от любви Отца небесного, готовящем и для здешней жизни раннее или позднее всегубительство, сколько бы ни кричали о мире и утверждении, и, кроме того, не оставляющем служащим государству никакой надежды на доброе воздаяние жизни вечной за это служение? Всякий христианин на себе самом может дознать и почувствовать, есть ли какой «интерес» для него, христианина, пребывать в

гражданском быту – вне благодатного осенения любви Отца небесного.

Но ведь сам Спаситель сказал: *воздадите кесарева кесареви и Божия Богови* (Мф.22:21). Это изречение Христово приметно и послужило основанием утверждать, что «завет Христов» требует решительного разделения между тем, что принадлежит кесарю, и тем, что следует Богу. Буква слова Христова, по-видимому, благоприятствует такому рассуждению. Но надобно вникнуть в силу дела; ибо буква Писания без силы есть начало жидовское, по которому был осужден и распят Христос.

Евреи недоумевали, законное ли дело чтобы народ *Божий* платил дань *языческому* правительству; не отрекаются ли они от своего истинного Царя Иеговы чрез приношение податей римскому императору? Враги Господа и воспользовались этими народными недоумениями, чтобы поставить Его в необходимость – или признать законность платимой кесарю подати, и тем в глазах народа оскорбить владычество Иеговы над Израилем, или, в противном случае, оказаться противником кесаря, запрещающим платить ему подать. Господь столько же просто, как и премудро, решил, как можно и должно всецело служить Богу, отправляя и гражданские повинности, – другими словами: *как оставаться верным рабом Божиим, истинным чадом Церкви Божией – и на самом поприще гражданском*, даже в том случае, если бы гражданское правительство было и неверное или неверное? Вот какой вопрос решался!

Посмотрим, как Господь решил все затруднение, пристрастных к видимости и к внешности, ветхозаконников. Он чрез видимые предметы возводит к разумению духовной истины: *Чий образ сей и надписание?* спросил Он своих совопросников, смотря и указывая на монету, которою платили подать. Господь обращает внимание своих слушателей на *образ и надписание*, начертанные на монете, чтоб именно в этом и указать простой ключ к разрешению всего дела. Как скоро Он получил ответ от своих совопросников, что образ и надписание на монете *кесарева*, то с их же словом и постановил этот Свой закон: *воздадите кесарева кесареви и Божия Богови. Кесарева*

– так названо то, что запечатлено образом и надписанием кесаря; *Божие* – под сим, по соответствию с предыдущим должно разуместь также то, что запечатлено образом и надписанием Божиим. А на первой же странице Божия закона сказано, что *по образу Божию сотвори Бог* именно самого человека (Быт. 1:27). Итак, Господь как бы так говорил – «чтобы не путаться в том, как, платя подать кесарю, соблюсти верность всевышнему Царю Израилеву, смотрите сами, *чей на чем образ и надписание*. Монету, запечатленную образом кесаря, нечего затрудняться платить кесарю, как законную подать кесареву; только при этом и запечатленную образом и начертанием Божиим монету, которую составляет сам человек и по уму и по сердцу и воле и пр., не забывайте воздавать *Богови*, как следующую Ему единому подать». Из такого смысла слов Христовых сам собою следует тот вывод, который Господь оставил на совесть самих слушателей: «Если все, носящее печать земного гражданства, вы исполняете, не теряя из вида и не нарушая ничем печати Божия гражданства, запечатлевающей именно вас самих, вашу мысль, волю и сердце, то вы, и платя дань кесарю, составляете истинный Божий народ, преданный и верный своему Богу даже самым исполнением гражданских повинностей». Слушавшие Господа, видно, поняли или почувствовали это, и удивились, как просто и удовлетворительно разрешено запутывавшее их затруднение.

Но если такой смысл Христова изречения о воздаянии кесаревых кесареви и Божиим Богам был более или менее понятен даже и ветхому Израилю, слушавшему Господа: то нам, новому Израилю, надо еще лучше ветхого разуместь слова Господа. Мы знаем, что сам Господь и есть существенный образ Божий, существенно проявляющий своего Отца, как единосущный Его Сын; потому нам точнее можно определить, в чем существо образа и надписания Божия³¹, начертанного в нас, как в живой духовной монете, а от того смысл слов Христовых является в большем свете. Если существенный образ Божий есть Один, и именно Сам Единородный (Евр.1:3), то *быть созданным человеку по образу Божию* значит быть поставленным, по самой своей природе, как она вышла из рук

Создателя, в живой сообразности именно с едиnorodным Сыном Божиим, так что для первозданного светом, жизнью, «всем был Бог Слово» (по выражению св. Макария Великого³²). Вот именно что *Божие* в вас! Это и следует воздавать Богови, воздавая кесарево кесареви; именно, следует нам всею мыслью, чувством, желаниями, всеми своими действиями сообразоваться, как с своим первообразом или верховным началом для нас, – с Сыном Божиим Господом нашим. Правда, грехопадением мы потеряли верность своему первообразу; но едиnorodный Сын Божий, для восстановления нас, падших, в живую и всецелую сообразность с Собою, благоволил, будучи вечно Богом, соделаться и полным человеком, и с душою и с телом, со всеми силами и с самыми действиями человеческими. Во всем этом мы и должны сообразоваться, как с своим первообразом и началом, с Господом нашим Иисусом Христом, чтобы воздать Божия Богови. Что касается в особенности до области гражданства, Господь наш для нас благоволил родиться, жить и умереть под условиями гражданства; еще в колыбели как бы нарочно для того (и действительно с этим прямым намерением), чтобы мы и в гражданской части не разлучались с Ним, как с своим первообразом и началом, и для этой части, еще в колыбели Он был записан в подданстве кесарю; для нас и оставался в подданстве кесарю верным и послушливым в сем самому Отцу Своему до самой смерти, ибо и умер бесприкословно по приговору римского прокуратора. Явление во Христе такой благодати, бывшей по отношению к гражданству, составляет также *Божия*, что мы также должны воздавать *Богови*, т. е. от колыбели до гроба должны мы, и в отношении к гражданству, иметь самого же Христа своим первообразом и началом. Как же после этого говорить, что «интерес христианства», самый завет Христов, требует совершенного разделения между духовным и гражданским? Напротив, исполняя следующее кесарю в отдельности от того, что подобает Богу, мы очевидно презрим и отринем ту благодать Божию к нам, что ради нас сам *Бог слово во плоти* был от колыбели до гроба самым верным подданным кесаря. Посему мы не стали бы воздавать Божия Богови и, если бы вздумали

воздавать кесарево кесарю в отдельности от подобающего Богу. Воздавая кесарево кесарю в отдельности от того, что подобает Богу, мы, христиане, не возвышались бы над язычниками и неверами, которые могут воздавать кесарево кесарю в отдельности от Божьего не хуже христиан. Так, по силе слов Христовых: *воздадите кесарева кесареви и Божия Богови!*

Еще в ветхом завете истинная мудрость говорила о Господе: *Тем царие царствуют*, ныне же, после того, как истощился до подданства кесарю и до самой присужденной от кесарева представителя позорной смерти Тот самый, Кем царие царствуют, все гражданство, от главы до самого последнего подданного, составляет уже *царство Господа нашего и Христа Его во веки веков* (Откр.11:15), если только сами не захотим восхитить у Его благодати эту Его собственность, которая так дорого Ему стоила, и повергнуть гражданство в примрачную область испорченного грехом нашего естества.

Господь сказал: *аще любите любящия вы, кая вам благодать есть?* (Лк.6:33). *Не и мытари ли тожде творят? И аще целуете други ваша токмо, что лишше творите? и ни язычницы ли тожде творят?* (Мф.5:46,57). Так точно, если в области гражданства поставим себя в совершенном разделении от области Божьего, если потому гражданский быт пошел бы таким порядком, который не имеет своим верховным началом Спасителя мира, то какая же *благодать* осталась бы у нас по отношению к гражданству? *Не и язычницы ли такожде творят?* Не обидно ли будет это для христианского государства? «Если бы не Твой был я, Христе», говорит св. Григорий Богослов «мне это было бы обидою»³³. Так по праву сказало бы и гражданство, если бы не дано было ему признавать своим началом Христа. И как важна и страшна эта обида (которую мы же сами сделали бы себе) была бы для нас особенно ныне. Вот, православный Царь, *помолясь Богу*, поднял великий вопрос об улучшении крестьянского быта. Если бы, в противность такому благочестивому начатию Царем великого дела, стали мы смотреть на это дело по началу «разделения между тем, что принадлежит кесарю, и тем, что следует Богу»: то все это дело, принадлежа к области кесаря и,

следовательно, по сказанному началу, выходя из круга следующих Богу воздаяний и действий, получило бы значение только заботы о земном общественном благоустройстве, заботы общей всякому, не только христианскому, но и магометанскому или языческому народу. Не обидно ли, не низко ли, даже не бедственно ли было бы это для православного народа? Если же, напротив, мы не захотим презреть и забытой той благодати, что сам Сын Божий благоволил родиться и быть записанным в подданстве кесарю, жить и умереть под условиями этого подданства, и это для каждого человека и народа на все времена, только бы сам человек или народ держал такую благодать своею верою: то какие отсюда прекрасные последствия! Тот же самый вопрос об улучшении быта крестьян получает уже значение следующего благодатного вопроса: как бы не преобидеть, а успокоить самого Христа в благоустройстве меньших Его братьев³⁴, как бы поставить их в положение наиболее соответствующее и благоприятствующее такому призванию их во Христе, как бы и самому господственному классу воспрять или благонадежнее удержать Господа Человеколюбца в своих отношениях к подвластным. При таком значении сего вопроса, те же самые заботы, движения и распоряжения по этому вопросу, которые без того не возвышались бы над общим уровнем мира, во зле лежащего, осеняются уже *Духом не от мира сего* и получают такую жизненную силу, которая, без воспящения и задержки раскрываясь в деятелях по сему вопросу, может обновить всю жизнь народную, помирить в ней новые элементы (без всякого неестественного возвращения назад) с древними и вековыми нашими стихиями, и подвинуть к истинному просвещению не один верхний слой, но и весь состав православного народа. Таким образом дело гражданства, рассматриваемое с истинной точки зрения, становится делом нашей жизни по вере, требующим от самой Церкви и вполне стоящим самых пламенных Ее молитв и вздыханий к единственному Ее Главе – Господу Иисусу Христу, в котором назначено *возглавити всяческая яже на небесех и яже на земли* (Евр.1:10), требующим и стоящим заботливого и

глубокого (пусть и безмолвного), духовного внимания служителей Христовой истины и благодати.

«Все государственное (так говорят в оправдание начала разделения между следующим Богу и принадлежащим кесарю), все государственное должно отойти к государству и освободить совесть во всей чистоте отношений ее к Богу». В этих словах есть часть великой правды, которая взята только односторонне и потому привела к ложному заключению. Правда заключается здесь по отношению к некоторым злоупотреблениям в христианстве. В христианском мире есть многовековое зло, папизм (говорим не о людях, а о лживом направлении латинства): это такое лжехристианское начало, по которому во имя Божие связывается совесть людей и народов подчинением, вместо самого Бога, человеку. Связывается совесть еще и другим неправильным направлением какого-то прозелитизма; это такое ложное начало, по которому древний иудей обращал язычников с подавлением своим иудейством всякой их национальности, по которому готовы гнуть и ломать каждого под одну заученную духовную мерку, не обращая или слишком мало обращая внимания на особую меру и положение каждого, как его поставил Господь в известном народе, звании, с известным настроением духовным. Очевидно, что то и другое направление, запутывая и даже извращая отношение совести к Богу, своею притязательностью делали бы насилие и стеснение и для отправлений гражданства. В отношении к тому и другому злоупотреблению, и можно по всей правде сказать, что «все государственное должно отойти к государству и освободить совесть в ее отношении к Богу». Но это самое совсем не имеет места по отношению к православию, или к чистой Христовой истине, которые сами по себе никогда не принимали никаких лживых направлений. Христова истина или православие, не только не препятствует, но и требует, чтобы каждый был на своем месте, в своем звании, с своим особенным духовным настроением и даром, только чтобы верховным и всегда действующим началом у каждого был Христос, и это опять по собственной, свободной преданности веры каждого. И, внушая это человеку, служитель Христовой истины всемерно

остерегается усвоить себе самому власть над его совестью и мыслью веры; это значило бы уничтожать в вере существенную ее стихию – свободную преданность самому Господу. Даже в том случае, если бы вы сами, по собственному вашему желанию, или по особенному вашему званию (напр, иноческому), предавались духовному распоряжению православного служителя Христовой благодати и истины, и в таком случае вашего беспрекословного и полного послушания служитель Божий поставляет задачей своею держать вашу совесть, вашу мысль и чувство веры всегда обращенными и свободно-преданными прямо к самому Господу; он только будет служить такому жертвоприношению вашей веры, упования и любви прямо пред самым Богом; он только с самоотвержением и иногда, может быть, даже с опасностью для себя, будет нести вашу тяготу, держать вас в Господе, и притом так и столько, сколько и как дано это и ему от Господа. Нужны ли кому доказательства, что это действительно так в отношении Христовой истины к гражданству? Доказательство этого можем видеть в самом Христе.

Один человек пришел к Нему с такой просьбой: *Учителю, рцы брату моему разделить со мною достояние* (Лк.12:13 и след.). Вопрос, очевидно, житейский, один из тех, которыми занимается гражданство. Что же Господь? пользуется ли настоящим случаем (как это от имени Его делают в Риме величающие себя Его наместниками), чтоб властительно вмешиваться в дела гражданства, или, чтобы (подобно Иудеям) найти новых прозелитов своего учения? Нет; Господь знает, что Отец Его Им же Самим устроил особое место для распоряжения житейскими делами, и особых людей поставил на это место (*ибо несть власть, аще не от Бога*), и потому, Христос, ради нас же, повинаясь такому Отчему устройению, отвечал просителю: *Человече! кто Мя постави судию или делителя над вами?* Видите, что в Христовой истине нет ни тени папизма, захватывающего и подавляющего во имя Божие, права, Богом же данные, – ни духовно-иудейского прозелитизма, усиливающегося все звания и всех людей скрутить нравственно в одну какую-либо частную мерку, как иудеи, обращая

язычников, скручивали их в мерку своего иудаизма. Напротив, по истине Господней, всякий будь на своем месте; для всякого нужного дела есть свои Богопоставленные дельцы. Значит, нечего обороняться от Христовой истины тем, что все государственное должно отходить к государству; сама Христова истина, сам Христос – истина, Которому неотъемлемо принадлежит всякая власть, сам собою утверждает, что государственное и должно принадлежать государству: *человече! кто Мя постави судию или делителя над вами?* Впрочем, торопливый умствователь по букве, а не по силе слов Христовых, пожалуй, заключит, что сам Господь, видно совсем разделяет подобающее Богу от гражданского и житейского порядка, когда так говорил. Напротив! Когда Тот, Кем и цари царствуют, в послушании за нас, человеков, Отцу Своему истощил Себя в гражданстве до такого самоумаления за человеческие грехи: *кто Мя постави судию или делителя над вами:* то Он чрез это уже взял под Свою искупительную благодать и земное гражданство, грешное тогда сугубыми грехами – жидовства, держащегося одной мертвой буквы закона, и язычества, обожающего свои самоизмышленные божества (или высшие начала) вместо Единого, истинного. И потому Господь, отсылая к гражданскому порядку за решением дела о разделе имения, тотчас же дает свой закон или начало, которое бы направляло людей к верному и спасительному устройению этого житейского дела: *рече же к ним: блюдите и храните от лихоимства, яко не от избытка кому живот его есть от имение его*, т. е. «жизнь человека, при всем избытке его, не зависит от имения его». Заметим, что в последних словах Христовых выражается истина именно опытности и предусмотрительности – этих начал житейского благоразумия. Из этого видно, что Христос Господь в кругу своей благодатной истины дает место и, требуемой в делах житейских и для гражданского благоустройства, – опытности и предусмотрительности; только бы сами мы не похищали их, к их же извращению и к нашему несчастью, у Его благодати и истины. Таким образом, Господь в то самое время, когда и все житейское и гражданское предоставляет государству, в то же

самое время дает свою истину в начало для области дел житейских и гражданских; потому что без этого гражданству нет спасения, разумея под сим благо не только вечное, но и потребное для здешней жизни.

А что все государственное, признавая высшим началом для себя Христову истину, не стеснит ничьей совести в ее отношении к Богу, порукою в этом опять сам Христос. Гражданство, подчиняя себя самому Христу Сыну Божию и в Нем осеняясь любовью Отца небесного, сколько чрез это всю свою область будет подчинять влечению сей любви Божией, столько же должно проникаться духом сей любви, все терпящей и милующей, особенно блюдущей нравственную свободу своих возлюбленных. Оправдание этого мы, Русские, можем видеть в нашем отечестве. Но, поставив себя в отдельности от следующего Богу, гражданство неизбежно стеснит нашу совесть; ибо в области его, как скоро не стали бы признавать Христа верховным для нее началом, были бы постоянные искушения и поводы для христиан – стыдиться Сына человеческого, как чуждого в этой области. И это уже известно из многочисленных опытов мира христианского.

В заключение повторим сказанное в начале, что сколько важны поднимающиеся у нас вопросы о принципах или началах, столько же необходимо сообща и дружно нести тяготу выяснения их с разных сторон; с этою именно мыслью, а отнюдь не с мыслью прекословить, писано, что написано. Если уж пора оставить личности в покое, а взяться за самые начала, то начинать надобно сверху – с самого первого Начала для всего.

8. Евангелие, читаемое на благодарственных царских молебнах

Не десять ли очистишася, да девять где? како не обретошася возвращшеся дати славу Богу, токмо иноплеменник сей (Лк.17:17,18)?

В высокаторжественные дни рождения Августейших Членов царствующего в нашем отечестве Дома, св. Церковь обыкновенно предлагает благоговейному вниманию нашему евангельское чтение о десяти прокаженных, которые все получили от Господа чудесное исцеление, но из которых только один, и то Самарянин, оказался благодарным пред Господом за свое исцеление. Почему в такие дни предлагается именно это евангельское чтение? В такие дни мы собираемся в храме Божиим благодарить Господа за дарование нашему отечеству той или другой благословленной отрасли или самого главы Царственного семейства; – и св. Церковь словом Божиим подтверждает, что такое благодарение наше благоприятно Господу, так как, напротив, Он сам упрекал за неблагодарность. *Не десять ли очистишася, да девять где? како не обретошася возвращшеся дати славу Богу, токмо иноплеменник сей?* Притом, и все сполна это евангельское сказание об исцелении десяти прокаженных может иметь весьма назидательное приложение к нам, и именно назидательное в церковно-гражданском отношении. Следует только поглубже вникнуть в это сказание.

Израиль, в области которого происходило евангельское событие – исцеление десяти прокаженных, был такой народ и получил от самого Бога такое устройство, что у него видимое и земное – порядки и видоизменения жизни общественной, семейной, даже физической были образом и залогом или будущих благ духовных, т. е. благодати Христовой, или отчуждение от ее благ, – судя по тому, что было благоприятно и радостно или скорбно и зловредно. Таким образом у этого народа физическая злокачественная болезнь – проказа означала, по самому Божию закону, такое глубокое

осквернение, подвергшиеся которому отлучались от общества Израилева, как от общества, освященного присутствием самого Бога, люди нетерпимо-нечистые (Чис.5:1–3). Такое, не просто телесное, но церковно-духовное значение проказы Израильяне тем живее должны были чувствовать и сознавать, что сам Господь Бог повелел собственно священникам свидетельствовать зараженных проказою и, объявив их нечистыми, отделять от общества народа Божия; священники же должны были, и по выздоровлении прокаженных, свидетельствовать их и потом всенародно объявить чистыми. Итак, прокаженный для ветхого Израиля, привязанного к видимости земной, значил то же, что для духовных понятий нового Израиля – христиан значит человек, отъявленно-чуждый чистоты и правды. поскольку же чистота и правда наша в самом Христе (1Кор.1:30): то духовно-прокаженными в христианстве оказываются вообще такие люди, которые, на каком бы ни было поприще, не по Христу мыслят, не по Христу располагают свою деятельность, не во Христе ищут истины и правды, и даже обязанными к сему почти совсем не признают себя. А когда таково церковно-духовное значение проказы, если перевести это значение с ветхозаветного языка на новозаветный: то очевидно, что евангельское сказание о десяти прокаженных может иметь самое близкое приложение к нам во всех своих частях, – начиная с того, как десять прокаженных мужей, при встрече с Господом, стали издали с громогласною мольбою: *Иисусе наставниче, помилуй ны!*

Так, эта духовная проказа – не во Христе полагать начало своей мысли и жизни, своей общественной служебной или частной деятельности – составляет для христианина, уже в крещении облекшегося во Христа, такую страшную болезнь, такое несчастье и расстройство, что всячески надобно умолять Господа о помиловании нас от такой великой беды, от этой ужасной духовной проказы. Ибо что не по Христу, в том нет места (и в этом корень всей беды) и для любви Отца небесного, почивающей вполне в Единородном – в Иисусе Христе; след., там место – отвержению и проклятию, хотя бы долготерпение Божие и медлило раскрыть вовне все ужасы этого отвержения и

проклятия. Что не по Христу, в том нет места и Духу Христову, Духу истины, утешения, святости, Сокровищу всего истинно-доброе, жизненного и высокого, чистого и прекрасного; следовательно, там открывается место для всего злого, лживого, нечистого, хотя бы это и прикрывалось для обольщенных глаз обольстительною личиною мнимых высоких истин, мнимых нужных или приятных благ. Не по Христу проходить нам какое бы ни было земное поприще – начиная с самого низшего, чернорабочего или земледельческого, до высших – властительных, начиная с такого, где требуется почти одна физическая сила, до такого, где работает мысль, чувство, слово, – не по Христу устроить и располагать свое, общественное или частное дело – значит для христиан, уподобляемых в слове Божиим небесным *светилам в мире* (Флп.2:15), низвергать свое гражданское жительство несравненно ниже того, нежели как гражданство поставлено было и у плотского Израиля, под ветхим заветом. Ибо в ветхом завете гражданство Божьего народа, начиная от одержания и возделывания земли по коленам или племенам, осенено было высшим духовным значением, – служило сению духовных Христовых благ. Горько, но надобно сказать правду, которая уже сама собою следует из сказанного: не по Христу нам – христианам вести хотя бы и земные наши распорядки и дела, не во Христе основывать нашу мысль хотя бы и о земных вещах – значит то же для нас христиан, что было бы для ветхозаветного Израиля – дать у себя свободное, открытое место проказе и прокаженным, вместо заботливого предостережения от этой проказы, как зловредного нетерпимого осквернения, – вместо удаления прокаженных от богоизбранного и Святого общества, как людей нечистых. Все язвы и струпы общественные, обнажение которых составляет ныне у нас обычный и любимый предмет слова и письменности, в сущности своей суть язвы и струпы той духовной проказы, в которой самые христиане – или прямо не хотят иметь Господа своим высшим и единственным началом мысли и жизни, или держатся Его только фарисейски, почти по одной форме – без силы дела. Итак, всякий из нас, кому по истине дорого общественное благо, за благословенные

залог которого мы не редко собираемся благодарить Господа, – всякий такой пусть заботливо и искренно подумает: точно ли, охотно ли и во всем ли во Христе зиждем и утверждаем мы наше благо на том или другом поприще жизни своей, ко Христу ли направляется и Христом ли управляется у нас движение общественной мысли или господствующий образ мыслей, по Христу ли определяются нами задача и правила практической жизни... (Ведь без нашей доброй воли утвердить нас во Христе никто не может, – ни св. Церковь, ни благочестивое правительство, ни сам Господь всемогущий...) И если в этом самоиспытательном размышлении совесть станет зазирать более или менее и земледельца, и куплю деющего, и украшенного отличием рода, звания, заслуг, и даже служителя веры: то, без сомнения, лучшее, что мы можем сделать пред Богом для утверждения общественного блага, для привлечения милости и благословения Божия на живые и бесценные залог сего блага – на членов Августейшего Дома, – должно состоять в следующем: нужно нам глубоко сознать, как решительно отчуждено от любви Отчей все чуждое Духу Христову, как действительно, в корне оскверняется и растлевается все, делаемое не по Христу, и с живым сознанием этого стать в духе своем поближе к десяти прокаженным мужам, и умолять человеколюбца Господа – их мольбою: *«Иисусе наставниче, помилуй ны!»* Прежде, нежели допущенное нами растление духовной проказы созреет до того, что и скрывать этого нельзя будет никому ни от себя, ни от других, – уврачуй нас, направив все наше к Твоей светоносной истине и прикрепив все отрасли нашей общественной и частной жизни к Твоей животворящей благодати. Особенно ныне, когда у нас, в общественной жизни, пересматриваются вековые земные порядки во благо смиренных земли, нужны нам духовное здоровье, чистота мысли и воли; так же как, напротив, особенно ныне опасна и вредна для нас духовная проказа. *Иисусе наставниче, помилуй ны!*

Если мы станем входить именно в такое расположение и в такой образ рассуждения о своем состоянии: то, в продолжение того же евангельского сказания о десяти прокаженных, найдем и

открытый уже Господом для нас выход из состояния хотя бы самой застарелой духовной проказы, на каком бы то ни было мирском или духовном поприще.

Увидев прокаженных, умоляющих о помиловании, милосердый Господь тотчас же дает им такое повеление, которое прежде, нежели они успеют его исполнить, должно привести их к нечаянной радости чудесного исцеления от проказы. *Шедше покажитесь священникам*, сказал им Господь. Объясним это повеление Христово. Мы уже выше имели случай заметить, что в законе Божием, данном чрез Моисея, есть буквальное предписание, чтобы прокаженные подвергались осмотру и освидетельствованию от священников. Посему, как пришедший не разорить, а исполнить закон и пророки (Мф.5:17). Господь и повелел десяти прокаженным явиться для осмотра к священникам. Но при сем не подлежит сомнению, что Господь, отсылая их к священникам, имел в виду не просто одну мертвую букву Божия закона, за которую в то время так слепо ревновали книжники и фарисеи. Ибо сам же Господь прямо говорил, что с таким разумением и исполнением правды, какое было у книжников и фарисеев, никому нельзя войти в царствие небесное (Мф.5:20). Итак, Господь посылал прокаженных к священникам не просто по одной букве закона, а по самой благодатной силе и духу этого закона. По какому же духу и силе? Сам Господь чрез апостола Павла раскрыл (см. посл. к Евр.), что священство ветхозаветное было образом и тенью новозаветного непрестающего священства, – именно вечного священства самого Христа Сына Божия, по которому Он Един приводит нас в милость и любовь Своего Отца и нам низводит от Него всякие благословения и дары духовные. И как сила и значение образа или тени зависит от того предмета, который отображается или оттеняется: то понятно, что действующею силою и ветхозаветного священства было прообразованное им священство Христово, вводящее верующих в любовь Отца небесного. В этом смысле и значении, без сомнения, и разумел Господь священников, отсылая к ним десять прокаженных. Он как бы так говорил этим отверженцам общества Израилева: «пойдите, покажитесь священникам,

именно – откройте свою ужасную болезнь пред самою любовью Моего Отца, которая ради Меня простирается на вас в служении священническом, – пойдите к Моему Отцу, приемлющему во Мне и вас, жалких отверженцев, приемлющему даже чрез таких служителей сыновнего домостроительства, которые большею частью не хотят знать и Меня Самого, в Ком Едином существенная сила их священства» (ибо священники иудейские, действительно большею частью не приняли Христа верою). В такой силе и духе Господь повелел прокаженным исполнить законное предписание – показаться священникам! Не сказал Он им этого прямо: потому что они совсем не могли бы того вместить, так как и избранные ученики Господни многого из истины Христовой не могли еще тогда носить или понять, как следует (Ин.16:12). Но тем не менее эта благодатная сила действительно выразилась в словах Христовых: *шедше покажитесь священником*; и потому она тотчас же начала благодатно действовать на прокаженных, так что они, повинуясь повелению Христову идти к священникам, следовали уже влечению животворной во Христе любви Божьей, которая и не замедлила раскрыть над ними свою животворность в чудесном их исцелении. *И бысть, говорит Евангелие, идущим им очистишася.*

Не указан ли в этом самом верный путь и для нас христиан к уврачеванию той духовной проказы, в которой мысль и вся жизнь человеческая поставляется, устрояется и развивается в отдельности и независимости от Христа Спасителя или только почти в одной наружной чисто-формальной подчиненности Ему и потому глубоко, хотя и не так заметно, заражается и оскверняется духом нестроения, нечистоты, безобразия и растления? Относительно язв и струпов жизни общественной и частной в наше время усилилось мнение, что следует только беспощадно обнажать их в книгах, или гласностью, и – они будут очищаться. Не совсем такое врачевание Спаситель указывает страждущим язвами и струпами. *Шедше, говорит Он им, покажитесь священником.* Силу сих слов Христовых мы уже знаем. Язвы и струпы, которыми мы так страдаем, обнажайте в духе своем – в мыслях и чувствах своих (выражая или не

выражая того открыто для других), обнажайте пред самую любовью Отца небесного, которая только одна, во Христе Агнце Божьем, взявшем грехи мира, недуги наши приявшем и болезни понесшем (Мф.8:17), животворит духовно-омертвелое; а область любви Божьей, действующей животворящим Св. Духом, всегда с своим светом и жизнью всем открыта в Церкви Христовой. Или, на пути в эту область, задерживают вас духовные или наружные действительные, или мнимые недостатки, замечаемые в нас – служителях Церкви Божьей? Но все мы видели, что силою даже и ветхозаветного священства было прообразуемое им вечное священство самого Христа, который один, чрез свое искупительное священнодействие, приводит нас к Своему небесному Отцу: тем яснее и несомненнее для нашей веры то, что в новом завете, в котором благодать открыта уже не в образах, а в самой истине, сила церковной иерархии заключается в Едином вечном Иерее и Архиерее – в самом Господе. Мы не латины, которым понадобились наместники Христа Бога, а православные, у которых Глава Церкви, всегда сам действующий в ней своею благодатью, есть Господь Иисус, пребывающий в Своей Церкви до скончания века и неотступно держащий ее, как благодатное Свое тело, в любви Своего Отца, в Нем почивающей. Итак, идите, с своими стругами и язвами, собственно, не к нам, которые – только служебные орудия в руках Главы Церкви – Господа, но к Нему самому, который Сам действует Св. Духом чрез эти орудия. К Нему самому, Господу нашему, взирайте в ваших отношениях к нам, служителям Его благодати; Ему Самому верую, во Св. Духе, внимайте в Церкви и церковном священстве. Подорожите этим бесценным преимуществом православия – взирать мыслью и сердцем к Самому небесному Главе Церкви, в ваших отношениях к нам; это именно и делает жителство православных небесным (Флп.3:20). Ей, если ваша вера устремлена к Нему самому, избравшему нас в свои орудия, если вы благодати Его не преобидите и не презрите в нас ради нашего недостойнства: то Он, и в недостойных орудиях, не обманет вашей веры, Сам действующий чрез служебные орудия. Угодно ли вам удостоверение в этом? Из

евангельского сказания о исцелении десяти прокаженных всякому видно, что, пока Господь окончательно не отменил и ветхозаветного священства, совсем почти выветрившегося в то время у Иудеев, Он послал прокаженных даже к ветхозаветным священникам, как служителям любви Отчей, как Своим орудиям, не бездейственным ко благу и спасению людей Божиих; и когда прокаженные послушались Господа, Он не замедлил исцелить их Сам...

Но, соучастники служения благодати и Церкви Божией! Из предосторожности, которой не считали излишнею для себя даже св. Апостолы, чтобы, служа спасению и очищению других, и самим нам не быть неключимыми (1Кор.9:27), из того же евангельского сказания мы и для себя самих усмотрим, какого направления, по преимуществу, нам должно держаться для благоуспешности нашего служения. Мы должны возбуждать и изощрять в себе самое заботливое внимание к недугам и язвам человеческой жизни, к нуждам и затруднениям наших собратий на всех путях жизни. Не легко для духа такое внимание к темной стороне человека, – даже и в то время, как слышим от самого человека исповедь его язв и падений: не труднее ли иметь постоянно такое направление? Так. Однако подумаем, что и от ветхозаветных священников требовалось изучение даже такой отвратительной болезни, какова проказа; требовалось, чтобы они делали обстоятельный осмотр одержимых этою жестокою болезнью. В новом же завете, Господь сам сошел на землю – эту область недугов больного человечества и понес на Себе эти недуги. Если сила нашего священства в самом Господе, вечном Иерее и Архиерее: то наше служение и должно быть в духе той Его любви, чтобы и знать и нести во Христе тяготы и недуги людей. Для любви это, может быть, и не тяжело. Иначе же суд Божий грозит нам. Сослужители церкви Божией! О, если бы нам расположить и настроить себя так, как мы будем судимы от Господа! По откровению Божественному, Ангелов или пастырей Церкви Господь судит так, что им вменяет как добродетели, так и грехи самых их церквей (Откр.2,3). Если таков суд над пастырями, то, очевидно, нам, призванным к той или другой степени

пастырского служения, и надобно так брать к сердцу недуги и падения прочих братий наших, как бы они были собственные наши недуги и падения. В таком случае и исцеление сих недугов было бы, может быть, не далеко: ибо войти в такое расположение, чтобы чужие, даже тяжкие, недуги были для нашего сердца как собственные наши, – можно не иначе, как по благодатному общению в любви всеисцеляющего Агнца Божия, вземлющего грехи мира. Кроме сего, при внимании к словам Христовым, сказанным к недугующим, – *шедше покажитесь священником*, – полезно и нужно нам взять еще предосторожность против приращения к нам самовозносливого духа, свойственного западному священству, которое более всего заботится о непоколебимости и возвышении своих преимуществ пред мирянами. Мы, православное священство, из слова Божия знаем, что церковное *пастырство и учительство* необходимы и *даны* от самого Бога, собственно, на то, чтобы служить к совершению святых (т. е. всех православных христиан) *в дело служения* (Еф.4:11,12). В какое именно дело служения? В то, чтобы и всем православным христианам быть «царственным священством» (1Пет.2:9), именно соделаться во Христе *царями и иереями Богу и Отцу* (Откр.1:6). Вот чему мы назначены послужить благодатью своего священства! Итак, когда слышим слова Христовы к прокаженным: *шедше покажитесь священником*, и когда хотим этим же путем достигнуть уврачевания и духовной нашей проказы: то своим служением, учением, совершением таинств, своею неотступною мольбою к Агнцу Божию будем стараться достигнуть того, чтобы все православные были, как им и следует быть, царственным священством, т. е. чтобы в них всегда приводилась в живое движение благодать Царя истины и вечного Иерея – Христа, в Которого они все облеклись в самом крещении. Будем подвизаться своею верою и пользоваться благодатью своего священства – к тому, чтобы и в простых православных жил благодать Своею Христос, вводя в любовь Отца весь круг их занятий и даруя им от сокровищ Отчей любви все по их нуждам. Вот одно из простых средств для нас к возбуждению духа Христова в собратиях наших: в каких бы ни

было наших сношениях с ними, особенно по делам и нуждам прямо-духовным, будем верою, в тайне своего духа, неуклонно внимать и взирать к Господу, как присущему благодатно в том или другом Своем члене – в нашем собрате. И безмолвный даже голос веры Господь тонко слышит. Дух Его из душевной глубины нашего собрата отзовется на благоговейное устремление духа нашего к Нему, и – собрат наш, тайно и для себя самого, будет оживляться во Христе. Будем стараться об этом оживлении во Христе всех наших братий, потому что именно в этом заключается успех нашего служения и достойное прохождение сего служения. С другой стороны, именно в этом самом и состоит решительное исцеление духовной проказы, которую так глубоко заражена наша жизнь.

Продолжим теперь следить дальнейший ход евангельского сказания о десяти прокаженных, которые, – послушав повеления Господня идти показаться священникам, еще на пути получили исцеление от своей болезни. – Какие оказались последствия этого чуда? *Един от них, виде, яко исцеле, возвратися, со гласом велиим славя Бога: и паде ниц при ногу Господа, хвалу Ему воздая: и той бе Самарянин.* Чем живее и понятнее благодарная пред Господом радость этого Самарянина о том, что вдруг освободился от болезни отвратительной, мучительной и притом делающей больного отверженцем от общества: тем непонятнее и неожиданнее та черствость сердечная, по которой прочие девять, удостоясь такой же великой милости Божией, не хотели изъявить Спасителю никакой благодарности за чудесное его благодеяние. Чем объяснить это последнее? Не объяснив такого, необычайного по обстоятельствам, бесчувствия не одного, не двух, а почти целой толпы исцеленных, мы едва ли вполне поймем и достойное значение благодарного поступка иноплеменника. Сам Господь, при виде изъявляющего самую живую благодарность Самарянина, тотчас обратил внимание на девятерых неблагодарных, с вопросом об их дурном расположении и поступке. *Не десять ли очистишася, да девять где? Како не обртетошася возвращшеся дати славу Богу, токмо иноплеменник сей?* Итак, какой источник этой их

душевной жесткости и бесчувственной непризнательности? Решение этого вопроса, как основанного на словах Самого нашего Господа, и само по себе может дать нам важное и нужное для нас назидание.

Усиленное, двукратное в Евангелии замечание о благодарном, что он был Самарянин, иноплеменник, – замечание, высказываемое при противопоставлении его прочим неблагодарным, открывает, что эти последние были не из иноплеменных или Самарян – раскольников ветхозаветной церкви, а природные, православные Иудеи. У Иудеев же, современных земной жизни Спасителя, усилилось особенно направление ревновать по букве веры и Божия закона, не заботясь или слишком мало заботясь о живой духовной их силе. Это несчастное направление, проникшее именно набожность иудейскую, до того иссушило и извратило духовное чувство и мысль веры в избранном народе, что наибольшая его часть не узнала и не приняла самого Господа и даже наконец заставила языческое правительство распять Его. Сему черствому и очерствляющему душу направлению, видно, и преданы были девять прокаженных. Пока еще болезнь держала их в своих оковах, то ощущением ее духовная жестоковейность их столько умягчалась, что слова Христовы: *шедше покажитесь священником*, могли еще действовать на них своею благодатною силою, и – они, повинувшись Господу, последовали духовному влечению отеческой Божией любви; почему *и бысть*, что, *идушим им*, все они очистились от проказы вместе с Самарянином. Но как скоро эти девятеро Иудеев освободились от ощущения жестокой болезни, то ничем не сдерживаемое направление следовать главным образом мертвой букве Божия закона – не замедлило взять над ними свою очерствляющую силу. И эти исцеленные бедняки, вместо движения благодарности к самому Господу за полученную ими от Него чрезвычайную милость Божию, предались, по всей вероятности, рабской мелочной заботе поскорее исполнить уже одну мертвую букву закона, которая предписывала очистившимся от проказы являться к священникам для освидетельствования.

Из этого примера жалкой и постыдной черствости сердечной, который Евангелие представляет нам в исцеленных Иудеях, нам надобно хорошенько вразумиться, как опасно и губельно направление – довольствоваться более или менее точным разумением и исполнением одной буквы догматов и церковных правил, одной мертвой формы церковной христианской жизни. Мы, православные Русские, имеем уже домашний горький опыт, что подобное направление породило у нас самый упорный, грубый и жестоковыйный раскол. Но это несчастное направление может приражаться и к православным; и если в этом случае не будет решительно отражаемо, то иссушение живого духа веры – прямое и неминуемое последствие подобного направления. Иота едина или черта православия не пройдет, – так как православие есть не что иное, как чистая от лживых примесов истина Божия; но иота и черта православия не пройдет – в своей силе и истине, как живое выражение духа благодати. Общая сила и дух православия, выражающиеся во всех частных его принадлежностях, постановлениях, служителях и служении, есть любовь Отца небесного, в единосущном Его Сыне сияющая благодатью Св. Духа для человеков, и приемлющим из них, т. е. истинно и право верующим, дарующая свои сокровища истины, святости и утешения; и притом такая любовь, что сам Единородный, вочеловечась ради нас, стал в своем Богочеловечестве Агнцем Божиим, взявлющим грехи мира, грехи и мысли, и воли, и чувств, и внешних Дел, привычек, обычаев и настроений наших, – взявлющим и понесшим эти страшные тяготы наши до крестной смерти, как будто Он Сам, и один Он, был в них виновен пред Отцом... Вот что в том или другом отношении, с такой или другой своей стороны, выражается и благодатно действует во всей области православия, – во всей Церкви православной, как *исполнению Исполняющего всяческая во всех* (Еф.1:23). Будем же внимать духом своим такой любви к нам Отца, такой благодати Сына, такому, открытому для нашего общения, действию Св. Духа, – будем внимать во всем, что относится к области православия, – будем внимать сколько возможно неуклоннее и вместе проще, с

дерзновением и открытым сердцем приступая своею верою к престолу неизреченно-многодаровитой благодати. Если же не так, если будем более и более склоняться к тому, чтобы соблюдать только форму долга православных, быть верными почти только одной букве православия: то, и удостоясь каких бы ни было даров и благодеяний свыше, и по букве или форме долга, даже собравшись в храм Божий для благодарения, сердцем своим будем не с благодарным Самарянином, падшим ниц к ногам Господа с благодарною хвалою от всего сердца... Напротив!, скорее будем сердцем с жесткими душою девятью исцеленными иудеями, которые, не захотев возблагодарить Самого Господа, тем не менее, вероятно, исполнили законную букву – пошли к иудейским священникам для освидетельствования своего очищения от проказы.

Обратимся к рассмотрению благодарного поступка Самарянина, который может быть уже более понятен чрез самую противоположность его неблагодарным.

Прежде всего примечательно в благодарном из исцеленных прокаженных, что он был Самарянин. Самарянство – это был, как уже замечено было нами, раскол в ветхозаветной Церкви. Итак, открывается (но горько это открытие), что даже раскольник тогдашнего времени мог скорее отзываться живым движением веры на чудесное благодатное действие Спасителя, нежели – люди Божии – Иудеи, ревнующие главным образом по мертвой букве Божия закона, но невнимательные к его духу и силе. Самаряне были такие раскольники, которые как сами произошли из смешения иудеев и язычников, так и держались смешения веры в Божий закон с языческим самоволием. Если самарянскому расколу, с таким его происхождением и значением, есть что соответствующее в наше время, то это – именно та умственная и нравственная область (относящаяся отчасти к нравам и обычаям, отчасти особенно к образованию и мирской письменности), где видны с одной стороны, понятия и начала долга, благородства, стремления к истине, к человеколюбию, почерпнутые именно из христианства, а с другой почти ни одно из таких понятий и начал не доводятся прямо до Самого Христа, и след., не возвышается над

утонченным язычеством. Нет нужды объяснять, как плачевно и бедственно такое явление самарянства в христианстве. Но все же – нельзя согласиться с тем ревнованием некоторых по вере, при котором не довольно помнить, что Христос пришел к нам в мир потребить собственно грех, а грешников спасать, испорченное восстанавливать, что для этого именно Он пострадал и умер... Не помнят или не вникают в силу этого, – и открыто, решительно произносят приговор беспощадного осуждения и отвержения – как на самые предметы, которые подвергаются самарянскому смешению истинно высоких понятий с каким-то духовным язычеством и тем, конечно, портятся, – так и на людей, увлеченных и опутанных таким смешением воззрений! Вооружайтесь ревнители веры против самого зла, лжи и греха, – против того, что именно и подлежит отвержению и проклятию, но остерегитесь побивать камнями людей, хотя бы схваченных в самом действии заблуждения. Остерегитесь от решительного присуждения к отвержению – и самых тех предметов, которые подверглись (во взглядах на них, или в их употреблении) самарянскому смешению возвышенных понятий с духом язычества. Напротив!, подействуйте на эти предметы и на этих людей, духом истинно Христовым, духом той любви и самопожертвования Христова, по которым чужие тяготы и беды духовные поднимаются и выносятся, как собственные. Может быть, в этом случае те же самые люди и предметы, которые подпали духовно-самарянскому расколу, еще полнее и глубже проникнутся всеочищающим и всеблагоустрояющим Христовым духом, нежели люди и предметы, кажущееся несравненно более близкими ко Христу. Вот Самарянин прокаженный не был отринут человеколюбцем Господом, как чуждый Божия народа, напротив, вместе с прокаженными иудеями послан к священникам, как один из наследников любви Отца небесного, во Христе действовавшей и чрез ветхозаветное священство. И он последовал этому столь милосердому указанию Господней благодати; и таким образом этот самарянин внутренне уже обращался от раскола и входил в живое общение влекущей его любви Божьей. И как скоро, найдя в Самарянине такую живую и деятельную приемлемость

к своим дарам, благодать Христова исцелила его вместе с прочими: то он, не предзанятый ложным и очерствляющим душу направлением ревнования иудейского по мертвой букве Божия закона, от всего сердца и предался ощущению и сознанию помиловавшей его любви Божией. И, объятый этим движением духовным, уже только один из десяти исцеленных устремился к Господу и бросился к ногам Его с благодарением от всей души. Видите, как Господь силен всецело очищать всех и все, кто и что ни были бы оскверняемы нечистыми примесями грубого или духовного раскола и самого язычества! Пример благодарного Самарянина заставляет повторить сказанное выше: негодный в глазах наших человек, пустой и недостойный для взгляда, вооруженного беспощадною строгостью, предмет, – как скоро сам Господь возьмется за них, – могут в Его руках измениться в благопотребные для Него и честные сосуды; тогда-как другие, казалось бы, более близкие и подручные к духовному делу и употреблению люди и предметы окажутся, может быть, как девять огрубелых Иудеев, неблагодарных пред Господом.

Востав иди, – так наконец рек Господь благомысленному Самарянину – после упрека прочим девяти за нечувствительность их к чудесному благодеянию – *востав иди, вера твоя спасе тебя*. «Вера твоя спасла тебя»... Милосердый Господи! Вера только принимает спасение, а спасающая, действующая и совершительная во спасение сила есть Твоя животворящая, Божественная благодать. Нищему дается сокровище, и причиною его обогащения представляется не сокровище, не Сам щедродатель сего сокровища, а только то, что этот нищий не отверг безумно, а благомысленно принял сокровище. Подивимся, как чрезвычайно-велико милосердие и человеколюбие Господа! Что уж и говорить Ему о Своей спасающей благодати, когда Он отдал нам всего Себя чрез самое Свое воплощение и особенно чрез крестную смерть за нас, – когда полнота Божества, живущая в Нем уже *телесне* по Его вочеловечению (Кол.2:9), открыта, собственно, для нас, чтобы мы исполнились всякою полнотою Божиею (Еф.3:19)? Что говорить Ему о Своей благодати, когда Он, едиnorodный и единосущный Отцу Сын, принял все человеческое естество в

единство Своего Лица именно затем, чтобы у нас все наше человеческое было с Ним, – когда Он принял Себе мысль человеческую, чтобы мы мыслили с Ним и чтобы Божественная Его мысль была удобосообщима нам, – взял слово человеческое, чтобы наше слово было в общении с Ним, Богом Словом, – принял тело человеческое, чтобы и телесные наши члены и действия были не одна плоть и кровь, но осенялись духом общения со Христом? Можно ли изречь спасительную его благодать, когда Он вошел для нас в земной Своей жизни под условия жизни народной, не выходя из земли обетованной всю свою жизнь, – под условия жизни домашней, в уединении которой Он провел около тридцати лет, – под условия жизни гражданской, под которыми и родился на земле и жил и умер, – и все это для того, чтобы наша и народная, и домашняя, и государственная жизнь была с Ним – единственным нашим Спасителем на всех наших путях? Можно ли изречь Его благодать, когда и ответственность за все наши неисчислимые неправоты и долги пред Богом, и тяготу наших нужд, болезней и недугов, взял и понес Он на Себе, как бы это было собственной Его тяготою? Итак, что и говорить о самой спасающей благодати Христовой? О том должна быть главная забота, в том – крайняя нужда, чтобы мы сами не отринули такой благодати, чтобы мы приняли ее не вотще, чтобы сколько можно боле черпали мы своею верою от полноты Христовой всеисцеляющей благодати и могущей все разъяснить и разрешить Христовой истины. И если мы точно принимаем и благонадежно усваиваем тот или другой благодатный дар спасения: то это для всемилостивого Спаса нашего так драгоценно и вожделенно, что Он уже не поставляет на вид славы спасения, принадлежащей собственно и неотъемлемо Его благодати, а только благоволительно утешается приемлющею от Него спасение верою. *Вера твоя спасе тя!* Поймем отсюда, что и благодарности требует Господь – собственно, как такого со стороны человека соответствия благодати Господней, чрез которое упрочивается за человеком дар благодати. Поймем, что и неблагодарность девяти исцеленных иудеев огорчила Господа, собственно, потому что, хотя в них возбудилась Господом приемлемость к дару

исцеления, но, и получив дар, они остались чуждыми благодатному духу сего дара, остались в своем жестоковейном иудействе. Поставим же правилом для себя – усвоить себе живой, благодарный дух веры Самарянина и остерегаться от мертвого, бесплодного формализма Иудеев в деле веры.

9. Явление Христа миру. (Картина Иванова)

Иисус Христос вчера и днесь, и во веки Тойже.

Мне нужно сказать прежде всего о том, какой взгляд вообще на создания искусства желаю передать вам. Вы уже хорошо знаете, что все, что ни есть и может быть в Мире, до последнего волоса на нашей голове, до воробья на улице, все находится под рукою Отца небесного, осуществляя Его мысли или попущения, проявляя Его силу и волю; а Отец небесный есть всезидательная и вседержительная, вечная и ипостасная (лично существующая) всемудрая Любовь, открывающаяся в своем единосущном Сыне – Слове ипостасном и дышащая единосущным и ипостасным Св. Духом животворящим. Задача мудрости, науки – созерцать и узнавать, что и как любовь Отчая, сияющая в Единородном со всеми силами Св. Духа, открывает и совершает – и во внутренней области Божественного и духовного, и в законах нашей мысли, и во внешней природе – во всех ее частях, в истории, и проч, и проч. Задача искусства – в том, чтобы художники, в чем бы то ни было, действительным или возможным своим, так называемым, творческим дарованием сколько-нибудь ощутили силу и державу любви Отца, на все в Сыне простирающейся и всему приемлющему во Св. Духе удобосообщимой, и чтобы отобразили это в своем создании, хотя бы совсем бессознательно, хотя бы так, как солнце отражается в капельке воды. Такая задача относится к художникам даже неверующим и язычникам, только бы они имели истинный талант художников: потому что в самой природе человека творческие силы и идеи, в своем существе, составляют не иное что, как отсвет того же Бога Слова, в Котором существенно и вечно открыта вся любовь Отчая, так как Он есть един истинный свет, *просвещающий всякого человека грядущего в мир*. Все истинно светлое, что еще сколько-нибудь теплится в духовной природе человека, принадлежит именно этому, а не иному источнику света.

Вот прямой взгляд на искусство, если только мы будем судить о нем, как христиане, а не как неверные или язычники! Это, впрочем, еще слишком общо и по-видимому слишком недоступно высоко; потому вы можете сказать: «такая задача искусства, если поставить ее на вид прямо и в полном ее свете, скорее может испугать грешных людей, к ряду которых принадлежат (иногда еще, может быть, более многих других людей) и художники». Может быть, и в самом деле так! Но рассмотрим в дело попристальнее, и – оно окажется доступным и привлекательным особенно для грешных.

Да, недостойная и даже прямо греховная пугливость пред Божественным происходит только от того, что мы слишком уж забыли, что сам Бог Слово, существенное Сияние Отчей любви, не ради Себя, а именно ради нас грешных принял нашу человеческую природу и с умом человеческим, и с сердцем и волею и воображением, и с самым телом человеческим, и – этим Своим человечеством, опять только ради доступности к нам, вошел в наш земной порядок вещей, под условия жизни и семейной и национальной и церковной, чтобы все у нас было с Ним и по Нему. Мало этого. Он самую вину грехов нашей мысли, воли, всей нашей и внутренней и внешней деятельности понес на Себя, так что дал истощиться на самом Себя всей ярости греховной лжи и злобы, а вместе и всему гневу Божию на ложь и злобу греха; и таким образом, будучи светом и жизнью, Он входил за нас во мрак страданий и самой смерти, будучи самою правдою и имея почивающее в себе все благоволение Отца, стал за нас, по Апостолу (2Кор.5:21. Гал.3:13), как самый грех и проклятие. Вот как не в отвлеченном мышлении, а в самой действительности, сам Сын (Исх.3:14) и живое Основание бытия и мысли, истощился за грехи мира поистине до *ничего*, даже глубже или ниже *ничего*; потому что враждебный Богу грех, вину которого Он вполне и с преизбытком понес на себе, ниже ничтожества, как не противящегося Божеству. И такое свое значение Агнца Божия, вземлющего грехи всего мира, Господь удерживает за собою на всю вечность, раскрывая чрез это для нас грешных всю полноту любви Отчей: только сами мы не отказывались бы принять

участие в ее свете и жизни, умом ли нашим, или сердцем и воображением, или деятельностью воли и употреблением самых членов тела нашего. Бог Слово – Агнец Божий, в предопределении Отца закланный уже от сложения мира, и есть основание всех судеб и всего состава мира, такое Основание, что, в силу его, истина и добро победоносны и в самом угнетении и распятии, а ложь и зло посрамляются и низлагаются в самом своем превозможении и торжестве, что в Нем из самой смерти возникает жизнь, и жизнь путем Его креста идет к преспеянию и высшему свету. Что же мудреного для мудреца и страшного для художника приникать, каждому в своем деле и по-своему, в это зиждительное и вседержительное Основание всяческих? Взятое в Нем, самое мелкое и по-видимому пустое уже перестает быть таким, ядовитое и смертоносное не вредит, ложь и недоумения не запутают; только бы всякому самому в своем деле не сдвинуться с своего и всеобщего основания, каков бы ни был мрак и мгла той или другой среды. Положим, моя мысль или, так называемая, творческая фантазия (говорю, в лице ученого или художника) была и блудницею, и все книжники и фарисеи обличали бы и готовы были бы побить эту блудницу камнями. Но если я уже пришел, или со стыдением лица и вместе с упованием только еще иду к Тому, Кто человеческую и мысль и фантазию, как и всю природу человеческую, взял ради меня в неразрывный союз с своим всеблагостным, вседержавным Божеством: то Он Сам заступится за мою мысль и фантазию, не даст связывать и забить камнями грешницу, а напротив, и связанную развяжет, и обличенную не осудит и другим не даст осудить – *Вземляй грехи мира*. Слышу, что Он говорит: *ни Аз тебе осуждаю. Иди, и отселя к тому не согрешай... Аз есть свет миру. Ходяй по Мне, не имать ходити во тме, но имать свет жизни* (Ин.8:11,12).

Установив таким образом свой взгляд, будем же смотреть теперь на самую картину Иванова, к которой мы уже прямо и подошли. Ибо на ней и изображено именно Явление пред людьми Агнца Божия, *вземлющего грехи мира*. Обратите внимание сначала на общий характер, а потом и на частности

этой великой картины; но прежде того и другого надобно нам выследить главную мысль этого создания.

Вас с первого же взгляда на картину останавливает то, что на первом ее плане видна толпа народная с Иоанном Крестителем, и особенно сам Креститель, а не Господь, который представляется еще в некотором отдалении тихо идущим к народу, спускаясь с возвышенной местности. Вы недоумеваете, что же именно составляет главный предмет картины, не проповедь ли Иоанна Крестителя? Но всматриваясь, видите, что господствующее внимание толпы, по указанию Предтечи Господня, уже обращено к самому подходящему Господу. И что еще несравненно важнее, вы духовным своим чувством или просто только чутьем эстетическим примечаете и то, что любовь Отчая, в Сыне – Агнце Божиим почивающая и открывающаяся (которая и в том случае, если бы Его самого и вовсе не видно было, – осуществляла бы и выражала свои мысли в каждом предмете; создании, уже начала свои благодатные действия в изображенных здесь людях, с силою привлекая одних, успокоительно действуя на других, простирая живительное влияние на самых еще не успевших взглянуть на Господа, и направляясь именно к тем, на лице которых видно и тем ярче выступает на вид, при свете явления Господня, самое черствое упорство³⁵. Итак, вы убеждаетесь, что здесь изображается собственно *явление Господа людям*, а не проповедь Иоанна Крестителя, хотя последний и всех виднее на картине. Но при этом еще не умеете объяснить себе той мысли художника, почему он изобразил Господа далеко не на первом плане картины. Желая разъяснить себе это, вы мысленно представляете себе лицо Господа на самом видном месте картины, и догадываетесь, что тогда Божественный Его лик, изображенный в соответственном прочим фигурам совершенстве, увлекал бы и поглощал бы все ваше внимание помимо прочих лиц. Но в таком случае для вас уже не раскрывалась бы в картине та *идея явления Господа миру*, что Он стал и явился человеком, под нашим порядком вещей, *не для Себя самого, а нас ради человеков*. Покойный Иванов гениальным инстинктом художника, в котором, вероятно, и сам

не давал себе полного отчета, угадал, что изображать таким образом явление Господа миру то же значило бы для искусства, что для науки – изучать лицо Господа, соединяющее в Себе с Божеством и человечество, с Божеским действием и волею сохранившее и человеческую деятельность и волю, изучать без всякого живого внимания к тому, что все это ради нас людей, ради того, чтобы не пропала, а спаслась наша свободная деятельность мысленная, сердечная, телесная, как введенная в Отческую Божию любовь и благоволение в самом лице Господа нашего... только бы нам усвоить и удержать такую благодать. Посему художник, видно, решил и справедливо решил, что идея явления Господа Агнца Божия людям не для Себя, а единственно для них, для их помилования и спасения, вернее и полнее выдержана будет, если благодать сего явления следить и выражать главным образом, в самых людях, если сумеет представить Господа невидимо присущим уже каждому в народной толпе, хотя бы он видимым-то являлся еще в некоторой дали и потому в уменьшенном виде. Я чрезвычайно рад и за искусство и за самый предмет, выбранный художником, что так, а не иначе он задумал и выполнил свое дело.

Смотрите же, как он успел выполнить свою задачу. Но заметьте: то, о чем я буду или должен говорить с отчетливою и возможно точною мыслью, то делалось у художника главным образом по вдохновению и, так сказать, инстинкту творческому, т. е. по особенно живой, природной, (образованием только развитой) восприимчивости к ощущению и воспроизведению явлений и дел Творческой любви, хотя бы и без ясного о том сознания³⁶.

Общее всей картины, что и поражает и услаждает ваши взоры, это – свобода и непринужденность лиц, их выражения и положения; не видно ни в ком и ни в чем ни внешнего, ни духовного стеснения; всякий является вам просто, таким, каким он есть, каким его Господь застал и нашел благодатию Своего явления. Тут бросается вам в глаза, может быть, прежде всех раб с зеленым лицом: чему он рад? Видно, почувствовал грядущего Освободителя, которого, разумеется, не только не понимает, но еще и не видит, смотря во все глаза в

противоположную от Него сторону, и однако знать не хочет, что собственную его фигуру иные сочтут за пятно картины. Там обнаженный юноша едва не в самых водах Иордана; он по гласу и указанию Крестителя: *се Агнец Божий* *вземляй грехи мира*, взглянул на Спасителя, являющегося просто во плоти человеческой, и в открытом лице и глазах юного еврея уже сияет живая радость и любовь. Как будто духом своим он ощутил уже на себе осенение благодати, прикрывающей наготу и срамоту человеческую плотью Богочеловека, (чего только тетю были Богосоделанные для падших Адама и Евы кожаные ризы); и – он уже не стыдится, не чувствует своей наготы. На другом конце картины видны два воина, которые приближаются к толпе на прекрасных конях и смотрят на подходящего Господа с таким вниманием, что один из них вовсе не думает сдержать свою бойкую лошадь, испугавшую женщин. И, действительно, одна из этих женщин, с убранный, но непокрытой головою (как бы для вразумления, что она бесчестит (1Кор.11:5) этим свою голову, так, кажется, перепугалась, что с живым движением обернулась к всаднику, сильно опираясь (сама того не замечая) на плечо самого сановитого и почтенного старца книжника, тем однако ни мало не развлекаемого в своем глубоком внимании к словам Крестителя; а другая с младенцем – виднеется за поднятою вверх рукою первой женщины, как бы спеша укрыться с своим ребенком от угрожающего напора лошади. Все это в лицах то же, что выразить словами: благодать явления в мир Христа Сына Божия такова, что все, случающееся с человеком, всякое даже из животных, назначенных на служение человеку, конь или воробей, чрез явление в плоти Сына Божия, незримо становится в благоволительном внимании всезидательной Любви, а у самого человека не только дитя, но и волосы на голове уже на особенном счету Отчей любви. Вот там вдали, с левой стороны картины между деревьями, едва виднеются мужчины и женщины, и еще в стороне старцы Иудейские; в них всех заметно глубокое и живое сокрушение духа, – иные в покаянной скорби поникли к земле взорами и головой, другие простирают руки к небу, кто с умилением смотрит на небо, а кто как будто и очей не смеет поднять к небу. Казалось бы, что всем

им место – не в отдаленности, а около самого проповедника покаяния Иоанна. Но вблизи к Крестителю скорее других бросаются вам в глаза люди раздетые или одевающиеся, нагота которых так неприятно поражает некоторых зрителей. Казалось бы, что лучше бы дать им место где-нибудь вдали, в тени. Казалось бы... Но была ли бы выдержана тогда правда? Дух сокрушения, скорбь о грехах естественно уединяют человека, влекут его далее от многолюдной толпы; и вот те, в ком проповедь Иоанна возбудила живое чувство собственной греховности и страх суда Божия, вдаль уклонились от главной толпы. Столько же просто и естественно – вблизи Крестителя, на самом берегу Иордана, быть именно людям, раздетым для крещения. Так и изображено на картине Иванова. И в таком изображении явления Христова миру вы можете точно читать, что Господь пришел в мир не разорить, а исполнить закон правды и порядка во всех отношениях. Все здесь просто и естественно, как сама правда, – как эта прекрасная южная природа с своими горами и виднеющимся вдали Иерусалимом. Такова и должна быть общая печать всего зрелища явления среди людей Того, Кто льна курящегося не угасит, трости надломленной не сокрушит, Кто в собственном человечестве представляет человека в любовь и благоволение Своего Отца, снимая с них все, оскорбительное для Отца, на Себя самого. Таким Его и видите здесь кроткого, смиренного, исполненного мирного величия... Общий характер картины можно определить так, что художник писал ее, как будто слыша, сосредоточенный на лице Господа и благодатно разносящийся над всеми этот глас Божий: *сей Отрок Мой, егоже изволих: возлюбленный Мой, наньже благоволи душа Моя: положу Дух Мой на Нем, и правду языкам возвест: не преречет, ни возопиет...* «пока правда Его не одержит победы». *И на имя Его языцы уповати имут* (Мф.18:18–21).

Будем теперь ближе и подробнее рассматривать самые частности картины. Озаренное благодатью явления Христова, каждое лицо в отдельности выступает на вид с резкою своеобразием.

Наружный центр картины занимает св. Иоанн Креститель, заключивший собою ряд ветхозаветных пророков, сжигаемых ревностью против умножающихся в мире грехов, но бессильных и грехи загладить и грешников исправить, – Иоанн, по преимуществу горевший пламенным Илииним духом, но в самых вождях современного общества нашедший порождения ехидны. Судя по тому, что видно здесь несколько человек, выходящих из воды или начинающих одеваться, можете приметить, что Иоанн только что совершил над ними *крещение покаяния*, предуготовительное к достойному принятию Христа, как увидел Его самого – Агнца Божия, идущего к толпе. Любовь Божия, являющаяся в лице Агнца Божия прямо для грешников, объяла Крестителя, с одной стороны – таким торжественным движением духа, в котором как будто совокупилось торжество всех ветхозаветных пророков о явлении Того, Кто так верно и просто потребляет грехи мирские, снимая их на Себя и на Себя вынося всю их виновность, а с другой – исполнила Предтечу трепетом, как бы не отринули и Самого Спасителя блюстители завета Божия в народ – священники и книжники и вместе пламенным желанием внушить всем, чтобы скорее Его узнали и приняли. Самое энергическое выражение этих движений вы и можете видеть в Иоанне, который указывает рукою на идущего Агнца Божия и устремляет пламенеющие взоры и речь свою в сторону законников и книжников, бледнея сам от встречи с сердечною их черствостью.

За Крестителем Господним, с левой от него стороны³⁷, видите прекрасного юношу с светло-золотистыми волосами. По восторженному выражению его лица и невольному от одушевления движению его руки, можно приметить, что в его открытую и глубокую душу сразу проникло (хотя, конечно, не было и им создано) сияние любви Отчей, в Сыне Агнце Божиим распростираемое Св. Духом на все, и на самых грешников. В этом юноше все узнают св. Иоанна Богослова, который с первого взгляда на Господа принял в свою душу и первые благодатные семена своих Богословских созерцаний Бога Слова во плоти.

Далее, по тому же направлению к левой стороне, виден человек стоящий на переходе от зрелого мужества к старости, уже сидящий, но крепкий и с резкими чертами. Он внимает словам Иоанновым о явившемся Агнце Божиим с такою напряженностью, что как будто не доверяет исправности и верности своего слуха, и еще с такою отличительною особенностью, что приметно сосредоточивается на самом смысле слышанного, без уразумения не поспешая к чувственному видению того, на Кого указывал Иоанн Креститель³⁸. Это тоже кто-либо из *будущих* св. апостолов, предначинательно уже устрояемый благодатью явления Господня в сосуд Христов, не скороподвижный, но твердый и глубокий; вероятно, это Фома, которому столько же свойственно не торопиться видением Господа без уясненного понятия о том, кто именно Он, сколько в последствии медлит верою в Его воскресение без видения самого Воскресшего.

Рядом с ним стоит еще таких же зрелых лет муж, с выражением, почти грубоватой на вид, твердости, а вместе и добродушия, и простосердечного сочувствия к людям. С участием и с каким-то утешением любви он смотрит на толпу, в которой иной одевается после крещения, другие еще в наготе, молодой поддерживает старика, те смотрят прямо на Господа, эти еще на Иоанна и проч. Он также не обратил еще своих чувственных взоров на Господа, но в его добродушном сочувствии и участии к своим ближним уже видно тайное благодатное влияние на него явления единого Человеколюбца. И в нем не трудно узнать будущего Христова апостола, не отличающегося стремительными порывами любви к Господу, но расположенного разделять любовь самого Господа к людям. Это, может быть, св. Андрей Первозванный, но не выдающийся из ряда других апостолов, кроме случаев заботливого участия его относительно напитания пяти тысяч пятью хлебами и еще представления Господу Эллинов, желавших Его видеть (Ин.6:8,9 Ин.:12:22), также относительно плачевной судьбы, ожидающей иудеев и Иерусалим (Мк.13:34). Андрей в Евангелии именно указан, как один от учеников Крестителя,

пошедших за Иисусом после того, как слышал о Нем – Агнце Божиим от Крестителя Иоанна (Ин.1:40).

Около этого видите, в светло-зеленой одежде, кроткого и с мягкими чертами человека, находящегося на переходе от юности к зрелому мужеству. На его кротком и умиленном лице с поникшими взорами как будто читаешь, такие мысли и чувства, глубоко проникающие его душу: «какая эта беда, какая горькая доля постигла нас – людей, что мы и души своей не жалеем, не заботясь о красоте и истине наших помыслов, о святости и чистоте наших чувств и желаний; и всю действительность нашей жизни в мире, забывая Творца и вседержителя, обращаем для себя в какую-то суету! Боже мой! будет ли когда конец такому погибельному нашему несчастью? будет ли покой нам?» Он, чистый сам в душе, как ясно всякому с первого взгляда на него, не отделяет себя в своем сердце от беззаконников³⁹. Так занят Он сокрушенными своими думами (возбужденными, конечно, Иоанновою проповедью), что и не слышал последних слов Крестителя с указанием на идущего Спасителя миру: *се Агнец Божий возьмляй все грехи мира!* Как он вострепнется, как устремится и привяжется к Господу, когда, Бог-даст, или Его самого услышит, или расслушает и поймет благовестие о Нем Предтечи! Ибо он своими думами уже жалобно молится к идущему Агнцу Божию и зовет благодать Его помочь бедному, гибнущему человеку, хотя обращен лицом совсем в другую от Господа сторону. Это – непременно также *будущий* апостол, с которым, в его сердце, являющийся миру Господь уже предначал беседу своей благодати. Не Филипп ли это, воздыхающий об одном об успокоении в любви Отчей: *Господи! покажи нам Отца и довлеет нам* (Ин.14:8), Филипп, который с такою радостью и убеждением, только еще призванный Господом, говорил Нафанаилу: «мы нашли того, о Котором писали Моисей и пророки, а на возражение Нафанаила сказал просто: «поди посмотри!»... Видно, для тосковавшей о спасении человеческом и нашедшей Спасителя человеков души Филиппа спорить против его веры было уже то же, что днем спорить против дневного солнечного света: «поди и посмотри!» Для того, чтобы понять состояние такого Апостола прежде, нежели

они сознательно уверовали, надобно посмотреть, на левой стороне картины Иванова, размышляющего с глубоким умилением и грустью человека, в зеленой одежде, стоящего с поникшими взорами около самых вод Иордана.

Около самого, как кажется мне, Филиппа, и находится тот обнаженный юноша, о котором я уже упоминал. Он взят на картину, собственно, в том мгновении, когда он нагой, выходя из Иордана, застигнут был словами: *се Агнец Божии, взявляй грехи мира*, и в том самом положении остановился, устремив к Господу свой взор с радостной и живейшею любовью, не чувствуя уже своей наготы. Весь смысл изображения его состоит в том, с какою юношескою живостью (но конечно, без всякого отчетливого сознания) ощутил он на себе благодатное, прикрывающее плотскую его наготу, осенение всемилющей любви Отца небесного, явившейся миру в воплощенном Сыне Божиим. Конечно, кто-нибудь может соблазняться обнажением этого молодого еврея, простертым до некоторого (впрочем самого ничтожного) излишества; но любящие твердую пищу истины, может быть, подивятся духовному инстинкту покойного Иванова, верно угадавшего, как нужна подобная фигура на картине, раскрывающей смысл явления миру Агнца Божия Богочеловека. Забыли мы с своею фарисейскою правдою, что постыден собственно грех, или то, что делаем не по Господу, а напротив все, что – по Господу, или на что простирается и чему сообщается благодать явления Его во плоти – все такое, относится ли оно к нашей душе или к самому телу, получает уже печать и начаток Духа, которому стыдиться нечего. Забыли мы, что Господь для того и взял на Себя наше полное естество, т. е. не только душу, но тело человеческое, чтобы не погубить, а спасти человека и по отношению к самому его телу. А по такому забвению нашему, сколько человеческого, что еще так легко было бы возводить на степень духовного и спасаемого, трактуется за безнадежно погибающее и осужденное! Без сомнения, больно это сердцу нашего Господа, пришедшего взыскать и спасти именно погибшего. Искусство, в лице Иванова, угадало это духовным чутьем, и, для полного

раскрытия истины явления Миру Агнца Божия, отчасти не пощадило стыдливости⁴⁰

Вблизи к этому юноше еврею виден еще в самых водах Иордана (который и виднеются только в этом левом углу картины) старец согбенный, уже почти без волос на голове, поднимающийся из Иордана с опорой шеста. С старчески-умным и от старости же и вместе, может быть, от холодной воды болезненным, страдальческим выражением лица, он смотрит не на Господа и не на Крестителя, а на находящуюся пред последним толпу народную. Зачем же он на великом зрелище явления Миру Спасителя? Затем же по отношению к ветхости и немощи старческой, зачем и юноша по отношению к юношеской своей свежести, красоте и даже наготе телесной. Агнец Божий так же точно самые телесные *недуги наши прият и болезни понесе* (Мф. 8:17⁴¹), как приял нашу человеческую плоть для прикрытия самим Собою нашей греховной наготы, для благодатного сообразования с самим Собою и всего того в нас, что относится не к одной только нашей душе, но и к телу. Поэтому, несущий бремя многонедужной старости, плешивый еврей (по тайному действию благодати явления Господня миру), и не замечая Господа, безотчетно чувствует, что старческие его немощи никак не отчуждают и его от прочей, усыновляемой во Христе небесному Отцу, семьи человеческой, что бремя недугов и болезней старческих, сообщая с бременами всех, духовно возьмет на Себя Агнец Божий, и что, потому, самая болезненность его духовно уже сближает и сродняет его ко спасению со всеми другими⁴². На них проникнутый думой взор его и останавливается...

Перейдем на другую, именно на правую сторону от Крестителя.

Вот у самых почти ног его сидящий старец смотрит, по Крестителеву указанию, на Господа с выражением такой зрелой и возвышенной мысли, что, кажется, в являющемся Агнце Божиим, взявшем грехи мира, он уже прозирает незыблемое основание всякого истинного блага и стройного порядка для всего мира, лежащего во зле и нестроениях всякого рода. Благословенна старость, так прекрасно из ветхозаветного мира

сретающая Того, Кто идет открыть и совершить новый мир! Около такого старца видим отрока, также внимательно глядящего на Спасителя, и притом с выражением начинающей уже раскрываться такой пронизательной и спокойной мысли, которая обещает усмотреть в Господе тихий свет истины, уясняющей для человека и горнее и долнее; невольно только боишься, чтобы как не увял этот слабый и нежный, едва распускающийся, цветок тихой мысли. Тут же представляется вам, также смотрящий на Господа, мужчина, с открытою физиономией и светлым взглядом, должно быть (судя по покрову его головы) воине; в нем заранее виден надежный, преданный без тени фанатизма, рассудительный но вере и бодрый духом, – последователь являющегося Христа, который будет служить Ему только потому, что прекрасно Ему служить; может быть, он впоследствии говорил Спасителю: *рцы слово, и исцелее отрок мой*. И около этих же утешающих ваши взоры лиц, между этим бодрым человеком и упомянутым выше благомысленным старцем, видите вы сидящего в скорби человека; он смотрит в противоположную от грядущего Спасителя сторону, смотрит с таким тоскливым выражением, с таким томительным унынием, которое, занимая все его сердце, не дало ему, кажется, и расслушать Иоанновой речи о явившейся *Утехе Израилевой* (Лк.1:25). Душа, в подобном настроении, пожалуй, и примет слово спасения, но останется не подвинутою в своей внутренности, которую грызет какой-то червь безнадежной скорби. Потому этот человек и смотрит в сторону от окружающих его людей, смотрит прямо вам, стороннему зрителю, в глаза, как бы с ожиданием и молением, чтобы и всеисцеляющее врачество пришедшего небесного Врача потрудились вы размягчить, разжевать и подать самому его сердцу: так-как он сам, без стороннего пособия, не может и принять этого врачества. Все эти лица как бы приседают у самых ног Иоанна Крестителя. И вы по этим лицам видите, что благодать явления Агнца Божия, взявшего грехи мира, сейчас же возбудила и самую открытую разнообразную приемлемость к Его истине и благодати, и вместе самую

воюющую потребность в разъяснении и приложении их к болящему сердцу человеческому.

Правее от этих фигур, которые сейчас нами рассмотрены, изображены такие лица. Вышедший из воды, но не успевший еще одеться, широко сложенный и уже престарелый, должно быть – богач и господин, вероятно из прозелитов, сидит с обращенным к грядущему Господу лицом, спиною к зрителям. Не видя лица величавого по сложению старца, трудно распознать, чем именно осенила его благодать явления Христова. Не знаю, почему некоторым не совсем нравится эта личность; с своей стороны я думаю, что, может быть, этот старец сообразно своему возрасту, предощущает проявляющегося в Сыне самого *Ветхого деньми* – небесного Отца. (Ибо при открытости души, не только сознательно, но и бессознательно с ее стороны, может над нею исполниться слово Христово: *видевый Мене, виде Отца*. По крайней мере, как будто ощутив в самом старце отсвет и отображение *Ветхого днями*, проявляемого Христом, еврей средних лет, и кажется, из книжников, с самым живым движением обратился к этому старцу всем корпусом с распростертыми руками, устремляя при этом взгляд к идущему Господу. С правого боку от этих двоих, виден с веревкой на шее и зеленеющим лицом раб улыбающийся, о котором мы уже упоминали. И его, в свою очередь, коснулось благодатное движение; точно он почувствовал простоту своего духа, что являющийся, хотя им еще не примечаемый, Творец и Владыка тварей принял именно рабский образ своего создания человека; и невольник, сам не понимая – отчего, улыбается столько ущедряющей самое рабство благодати...

Дивное создание – эта картина Иванова, хотя (повторим) само собою разумеется, что художник творил по вдохновению, в котором сам себе не давал полного отчета. Но нужно было ему возвышаться до совершенно чистого и Святого вдохновения, чтобы выдерживать в своем создании такую высокую истину, какова благодать явления Господа миру.

Около рассмотренной нами группы видите еще иного, дряхлеющего уже старика, влекущегося к Иордану почти на

коленах и поддерживаемого одним крепким евреем. Этот последний с напряженным вниманием смотрит на указуемого Иоанном Господа, обратясь лицом в сторону от своего старика, – но не переставая поддерживать его дряхлость. Можно подумать, что в награду за поддержку старческих немощей, – ему дано отчасти войти сердцем своим в дух несущего на себе всеобщие немощи Агнца Божия. И в потухающих глазах дряхлого старичка, хотя и обращенного лицом в другую от Господа сторону, виднеются слезы; – он, должно быть, за веру поддерживающего дряхлость его, также услышал сердцем, что старческие его недуги возьмются и поддерживаются Кем-то еще, кроме находящегося при нем человека. Тут же поражаетесь вы видом самой свежей и нежной юности, открытой пред вами столько, сколько можно без оскорбления скромности. Это молодой, едва, впрочем, выходящий из отрочества, человек с золотистыми волосами, стоящий спиной к зрителям. Он по выходе из Иордана, готов был сейчас же одеться, но торжественное указание Иоанново на Спасителя остановило юношу и обратило всего его во внимание, устремленное к Господу. После Иоанна Богослова, кажется, никто с таким одушевлением не устремляется к идущему Агнцу Божию. Видно, обнаженная юность бессознательно, но живо чувствует, что Божественный Человеколюбец не осудит и не отринет ее за развивающиеся стройные формы тела, – что Он, возвышая человека к благодатной духовности, не дозволит смотреть, как на злое начало, и на телесность или на чувственную сторону человека.... Да, юность чувствует, что Господь, являсь во плоти, чрез это простирает уже благодатно-духовное осенение и на телесный состав человека; но тем не менее она, как будто в страхе от людской строгости, стремится к самому Господу под защиту.

Далее видим одевающегося в красноватую одежду, зрелых лет здорового мужчину, и около него нагого, с алым препоясанием, мальчика. Оба с светлым, сияющим радостью, лицом смотрят на Крестителя, тогда как он указывает на Христа. Души их словно радуются, что друг женихов (как себя назвал Креститель) приводит их к Божественному Жениху, который

отроку и мужу одинаково дает облекаться в Себя самого, в Свою небесную правду, любовь и чистоту.

Выше их на гористой, поднимающейся с самого иорданского берега, местности, на которой расположено все это великое зрелище – первой открытой встречи Господа с человечеством, или вступление Его в общественное служение, видим несколько книжников или фарисеев, духовных вождей Божия народа. – Боже мой! У одного с самыми крупными и резкими чертами, обнаруживающими силу и вместе грубость внутренних его движений, – уже выступает краскою на лице такое чувство, что он, кажется, ставит себе в жестокую обиду – могущественное слово Крестителя и указание им, учителям не ведущих, на Кого-то, дотоле неизвестного между народными наставниками. Это, очевидно, такая духовная натура, которая, под личиною выветрившихся уже тогда религиозных форм иудейства, развила широкий внутренний мир самолюбия и самомнения, происков и корысти; – может быть, он бедный уже и сам того не замечает за собою, обманываясь соблюдением одних, для мертвого его сердца уже пустых, форм и обрядностей веры. Рядом с этим типом фарисейским стоит другой книжник, с кроткою и мирною физиономиею, но с таким выражением нравственного самодовольствия, что едва ли, кажется, возможно подвинуть его к какому-нибудь живому, крепкому подвигу во славу Бога Израилева и во истинное благо ближних. Это – такой тип иудейского книжничества, который, выполняя относящийся к его служению известный круг законных предписаний, полагает в этом всю свою правду пред Богом и людьми, и уж ничего более ему не нужно. Услышав о сильном гласе, вопиющем где-либо в пустыне, он придет послушать его, но, собственно, за тем, чтобы услышать подтверждение и одобрение того образа Богоугождения, какого он сам держится. Услышав совсем другое, он как будто и понять того не может, и отвернется (впрочем, тихо, без гнева или чувства обиды) в сторону от говорящего, как это вы и можете видеть в нашем почтенном книжнике. – Около стоит еще подобный тип законника иудейского, почивающего на законе и, действительно, едва ли не буквально дремлющего на картине Иванова. Это

такой представитель и руководитель отжившего иудейства, который далее мертвой законной буквы, вполне его успокаивающей, ничего уже не видит и знать не хочет; вся истина Божия для него не более, как одна неподвижная, вечная буква; если вы будете вводить его в силу этой буквы, то им будет овладевать духовный сон, который выразится, пожалуй, и в видимой дремоте, – как изволите видеть в этом поникшем законнике. Сзади этих трех типов фарисейских виден еще один книжник или законник. Он, кажется, углубился мыслью во что-то, – может быть – в речь Иоаннову об Агнце Божиим; но на лице и челе его не отсвечивается разумение, а только выступает краска напрасного усилия подвести высокий предмет под узкий взгляд. Это такой тип иудейского книжничества, которому низкие и плотские понятия изветшалого иудейства не давали возвыситься до живых и высоких понятий, при всем желании выразуметь и усвоить последние: превратные начала путали мысль относительно самых простых для веры вещей.

Начав говорить об изображенных Ивановым иудейских наставниках, для большего удобства в изучении этих типов, последуем порядку однородности предметов; и потому теперь же взглянем и на остальных у Иванова духовных вождей иудейства. И уже после сделаем общее заключение о том, что такое все они – на картине явления миру Спасителя, который представляет всех в Своем лице в любовь своего Отца, со взятием ответственности за их вины на Себя самого, и идет свидетельствовать эту самую правду Божию пред всеми до смерти крестной...

Вот еще далее от иорданского берега, в самом почти верху картины, стоит с накрытой головой, как будто в каком кукуле, уже стареющий подвижник иудейской праведности. По одну руку его – один пеший воин с конем, и еще два воина всадника; все они очень внимательно смотрят на идущего Господа. По другую руку – какой-то человек, с выразительным лицом, с орлиным носом, стоящий всех ближе к подходящему Агнцу Божию, – едва ли не Римлянин, обвернувшийся во что-то в роде епанчи; этот человек смотрит на Господа с глубоким, кажется, предчувствием, что Он и язычников соделает Божиим народом

– царственным священством. Среди таких-то, многое обещающих, предначатков Церкви из языков стоит старый благочестивый фарисей, истомленный борьбою с природною греховностию, в напрасных усилиях достигнуть правды исполнением закона без благодати Божией. Он поник взорами и духом, как будто говоря в себе от лица подзаконного человека: *окаянен аз человек, кто мя избавит от тела смерти сея?* В таком настроении он как будто чужд всему окружающему; строгая Предтечева проповедь о покаянии не могла утишить его духа, ревнующего о праведности, но ее не достигающего, и это чувствующего; – а Господа Иисуса он еще не видит...

Виден еще маститый старейшина иудейский на правой стороне картины, тот самый, на плечо которая с усилием оперлась женщина, испугавшаяся лошади одного из всадников. Это степенный, сановитый и кроткий по виду книжник, нисколько, кажется, не развлекаемый в рассудительном и благоговейном внимании к Крестителю сильным и, конечно, шумным движением вдруг опершейся на него женщины. Не трудно узнать в нем и такого иудейского учителя, в духе которого извращенное иудейство не успело убить сочувствия самой силе Божественной истины; этот тип напоминает Никодима, ночью приходившего учиться у Господа, или благоразумного Гамалиила, известного впрочем уже в истории апостольских деяний своим мудрым опасением, чтобы, идя против новозаветного учения и его проповедников, не вступить во враждебную борьбу с самим Богом. Но никак не чуется в нем твердости и решительности открыто постоять за истину, хотя бы даже до смерти; вместе с благоговейною внимательностью заметно в нем какое-то выжидание, уклончивость. Слушая Иоанна, он не спешит отвести от него взоров и обратить их к Господу, на которого с таким вдохновенным одушевлением указывает Иоанн; он ждет от Крестителя пояснения идеи о провозглашаемом ими Агнце Божиим, вземлющем грехи мира, – уклоняясь от самого Агнца Божия. Такой старейшина может поудержать вражду против истины Божией, но самой истине Божией, для своего раскрытия и утверждения, ждать от него нечего: он с своею рассудительностью будет выжидать

торжественного ее оправдания и уклоняться дотоль, пока ее решительно отвергнут и растерзают. Из-за этого представителя наилучшего остатка иудейского учительства виднеется на самом конце картины одною только частью своего лица с левым глазом также какой-нибудь раввин. В выставляющемся на вид только одним его глазом можно приметить рассуждающую наблюдательность, со вниманием, впрочем, также одному Иоанну; как будто он, имея очи видети, не видит, Кого так горячо показывает Иоанн всем. Это тип любознательности раввинской, ищущей истины, какая ей нравится, а не какова она есть и является сама по себе, и потому большею частью останавливающейся и коснеющей только в преддверии истины.

Какое же значение имеют все эти представители и вожди изветшалою иудейства на картине, раскрывающей смысл явления миру Агнца Божия, вземлющего грехи мира? Зачем в этом создании дано им место творческою мыслью? Не хотел ли художник показать из первого же открытого явления Господня, что Израиль Божий не примет Его под водительством этих своих передовых людей, от которых духовно зависел волею или неволею? Да, в Предтече Господнем, который с своим указанием на Господа обращается, главным образом, к этим книжникам и фарисеям, приметно трепетное предчувствие, что эта погибельная беда, – отвержение Господа книжниками и фарисеями, – случится с Божиим народом. Но при всем том, мысль об Агнце Божиим, пришедшим именно к грешникам и вземлющем именно грехи Боговраждебного мира, в истинно-творческом создании должна быть выдержана и в отношении к самым вождям выветрившегося Иудейства. Вземлющего грехи мира должно изобразить вземлющем и грехи Иудейского книжничества и фарисейства; тем более, что вина этого лежит не на одних современниках, – напротив, эти несчастные направления развивались, или точнее, сохли и ветшали веками, пока наконец созрели, так сказать, в своей сухости, и выразились в настоящих своих представителях. Если благодать явления Агнца Божия ни в одном из них не находит благонадежного соответствия себе; то не покажет ли она чем-нибудь, по крайней мере, отдаленной возможности к духовному

оживлению людей подобного направления, или по крайней мере к предостережению от него народной массы? В картине Иванова можно примечать, что творческая его мысль чудным чутьем слышала и, по возможности, разрешала такой вопрос. Это у него выразилось в том, что именно около или вблизи книжников и фарисеев находятся на картине женщины в разных, по-видимому, чисто случайных положениях. Надобно только, уже с духовно-отчетливою мыслью вникнуть в это.

Причина простая и всем с первого раза понятная, почему женщины видны вблизи лиц духовных. Это так естественно, чтобы слабость женщины на всех путях искала себе опоры в служителях веры. Вне благодати Христовой это бывает не более, как по религиозной сентиментальности женского мягкосердечия; вне Господней благодати женщина не более, как Ева, которая не только первая подпала обольщению змия, но и увлекла к падению и мужа, праотца нашего. Во Христе, родившемся от пресвятой Девы Богородицы, с преизбытком уплатившей долг нашей праматери, – женщина имеет совсем другое значение для веры; идя, по слову Божию (Пс.44:15), к Царю благодати *в след Царицы небесной* (т. е. сообразуясь с Ее расположениями и духом), она незаметно может иметь благотворное и спасительное влияние на общество. И в самом деле, если только благодать явления Агнца Божия действительно коснулась случившихся в эту минуту женщин, хотя бы решительно без всякого отчета и сознания с их стороны: то это значение, что сама всеизжидательная любовь Отчая, почивающая и Сияющая в единородном Его Сыне, осенила наитием Св. Духа их души, разумеется, по мере их приемлемости, всевая в их сердца живительное семя – хотя бы только *предваряющей* благодати Христовой. А в таком (хотя бы только *предначинательно-благодатном*) состоянии, этот немощной сосуд – женщина или девица обещает в свое время принести такой плод Духа, что чрез нее, как чрез духовную свою икону⁴³, сама Матерь Господа нашего возможет даже в самые иссохшие от книжничества и фарисейства души благодатно вносить своего Богомладенца, и из религиозности, хотя бы

изветшавшей до христорборного жидовства, извести новый дух живой Христовой правды.

Женщины у Иванова, действительно, возвышаются над бесплодною религиозною сентиментальностью. Правда, Гоголь, помнится, заметил в их выражении, когда картина только еще писалась, нечто страстное; видно, художник, имея пред собою образцы латинской эффеkтной набожности, сначала сбивался было на религиозную сентиментальность. Но теперь в законченном создании не видно уже и следа чего-либо подобного. Простое, непринужденное, дышащее тихим спокойствием и чистотою выражение видно во всех типах женских, лица которых открыты зрителю. Таким образом покойному живописцу Господь дал ощутить и творчески воспроизвести, как благодать явившегося Агнца Божия предназначала устроить потребные себе сосуды в израильтянках. Не даром же и бранным остаткам бессмертного художника дан покой в обители обрученных Христу невест⁴⁴.

Вот около самых безнадежных типов фарисейства (именно первых трех в нашем описании) видите женщину лет 30-ти с таким добросердечным, материнским выражением, с такою готовностью к елейному участию, что как будто она, по тайному внушению Господа, понимает потребность в этом тихом и незаметно умягчающем влиянии именно для ожестелого или высохшего сердца этих фарисеев, хотя смотрит не на них и не на Господа. Другая женщина, несколько моложе первой, видна в близости к истомленному бесплодною борьбою подвижнику рабской подзаконной правды. Она, с светлым и кротким взором и лицом, смотрит не на людей, а просто в даль горизонта, как будто уже ощущая, при явлении Сына Божия в человечестве, веяние Отчей любви в самой природе, чающей достигнуть свободы от своего рабства тлению, с освобождением Христом чад Божиих. Не видно самого лица той еврейки, которая, в испуге (так мне показалось) от неожиданной близости воинственных римских всадников на могучих конях, быстро обернулась в их сторону, опираясь одною рукою на плечо сановитого книжника и приподняв другую руку, из-под которой виднеется еще женщина с ребенком. Если впрочем и эту

случайность в положении и движении этих двух женщин смотреть – не теряя из виду Отчей любви, в явившемся миру Сыне и Агнце Божиим проливающейся на все и всех, как и сколько кто приемлет: то сам собою открывается, выраженный творческим инстинктом художника, следующий прекрасный смысл всей этой группы: при безнадежности к духовному обновлению самого фарисейства, уклончивость наилучшего в этом сонмище остатка послужит, по крайней мере, опорой для женщины, когда любовь Отчая каким-нибудь случаем – хотя бы какую пугающе нечаянностью, обратит ее глаза и сочувствие на близость и начинающуюся уже внимательность ко Христу самых язычников. Ибо для поддержки и возрастания зарождающейся в самом язычестве мысли и чувства веры также нужно охранение живым и даже нежным сочувствием, как для виднеющегося здесь же младенца с матерью нужна материнская ее поддержка. – Наконец, есть и еще, на картине Иванова, израильтянка, одна из всех у него женщин смотрящая прямо на Господа, в которой одной и выражается вся тайна и условие духовной благотворности женского влияния. Она и по внешнему своему положению – одна из ближайших к подходящему Господу, на которого, сжав губы, и смотрит она с самым сосредоточенным вниманием; как будто, при виде самого Божественного главы Церкви, глубокая душа этой жены ощутила в себе отпечатлеваемый благодатно образ Его Церкви, и как будто душа ее (впрочем испытывая еще истину) прислушивается уже к Божественному гласу небесного своего Жениха, изрекающего тайны, слышимые им непосредственно у Своего Отца. Под таким, собственно, условием женщина могла бы вносить живительный и светоносный дух Христов в самые зачерствелые души и матерински его поддерживать и возвращать в самых новых для него областях.

Вблизи к этой, внушающей невольное уважение к себе, женщине, видно в голубом платье в какое-то светлое, кроткое и умное лицо, о котором даже печатно выражалось недоумение, мужчина ли это или женщина: так в этом отношении неопределенны выражение и самая одежда этой личности, которая между-тем занимает место также видное на картине (на

верху и в середине картины, близко к идущему Спасителю). Вся открытая зрителю с высоты своего положения на картине, эта кроткая, чистосердечная личность с каким-то светлым и тихим самоуглублением смотрит в сторону же зрителя. Мне думается, что художник представил в этом живом лице собственную мысль, одушевлявшую его в творческой работе: подобно, как иной художник на подобной великой картине оставляет свой портрет. В таком множестве и разнообразии фигур и предметов огромной картины, надобно было ему выдержать не отвлеченное, а живое единство и вместе полноту так, чтобы все совокуплялось в один духовный стройный организм. Мысль художника, обнимавшая этот идеальный организм целого создания, чрез это становилась и сама как живая личность; вырабатывая каждый предмет картины до последнего камешка, с постоянным тайным вниманием к благодати явления в мир Агнца Божия, эта идеальная личность получила законное место между лицами, находящимися при этом явлении Спасителя; работая *самодельно* в своем творческом самоуглублении и в то же время непрерывно держа себя *под управлением* господствующей идеи о Вземлющем грехи мира, мысль художника, как живая личность, естественно получила смешенное выражение женственной восприимчивости и мужеской серьезной самодельности. Или проще сказать: эта личность, при явлении Господа Миру, слышит и чувствует что-то прекрасное и чудное, совершающееся в ней и вне ее, не давая, впрочем, сама себе в том ясного отчета, подобно как вдохновение художника...

Теперь мы поднимем глаза и к лицу самого Спасителя Агнца Божия, вземлющего грехи Мира. Когда во всех и в каждом из находящихся здесь лиц уже хотя отчасти, уследили мы тайное благодатное сопричастие Его, как вводящего их в любовь Отчую по отношению их к душе, телу, самой одежде и случайностям в их положении и движениях, со взятием их грехов и недугов на Себя самого, с прикрытием духовной и телесной людской наготы благодатию Своего воплощения: то Господь и из своей отдаленности, в которой Он изображен, близок уже к нашим очам в своем значении Агнца Божия,

вземлющего грехи мира. Он изображен, во-первых, во всей простоте и доступности нашего человеческого естества, которую Он и воспринял именно ради нас, и в котором потому Он и представляет нас, как собственные члены Своего тела, всей любви Отчей, в Нем едином существенно почивающей; Он изображен идущим к грешному миру, во-вторых, в самом кротком и смиренном виде, как послушливый Отцу до определенной и заранее уже известной Ему самому крестной смерти. Далее, Он, Агнец Божий, и идет не к Иоанну (с таким воодушевлением указующему Его) и не к своим будущим ученикам (из которых будущий Богослов устремлен уже к Нему всею своею душою), но направляется прямо к тем сухим и черствым фарисеям, у которых сердце уже созрело для Его отвержения и заклятия; только еще прежде них Он должен встретиться с тою женою, которая, точно представляя в себе невесту Его – Церковь, с такою глубокою верою смотрит на Него. Он идет со спокойствием и тихою твердостью, как решительно готовый словом и делом, жизнью и смертью свидетельствовать забытую и извращенную фарисейством Божию правду, с молитвою к Отцу о прощении самых фарисеев и совращаемого ими народа. Сосредоточенная и в то же время ясная и благостная дума выражается в Его лице и взорах, как будто Он, взяв грехи мира всех времен, в современных и непосредственно видных Ему людях прозирает и то, как бедный грешный человек дошел до настоящего своего состояния и до чего еще дойдет в своем земном бытии до кончины Мира, и, прозирая это, готовит уже в Своем уме и сердце все благопотребное для спасения грешного гибнущего человека на все времена; и – таким образом эта даль, в которой Он представлен, получает для вас новое значение, как даль мест и времен, в которых должна раскрываться благодать Агнца Божия. Еще могу прибавить к вашему утешению, что общий вид Христов взят с православных церковных икон Спасителя: открытая голова с длинными орехового цвета волосами, с бородой такого же цвета, в хитоне красноватом и верхней одежде небесно-голубого цвета. В этом устранинии, в лице Спасителя, резкого еврейского типа – как прекрасно

выражается, что Господь Иисус, принадлежа Востоку и Югу по своему происхождению плотью от Авраама и Давида, – по человечеству своему есть свой и Западу и нашему Северу! И в самой одежде Его как будто высказывается и небесное его значение и пламенеющая в Его сердце любовь к нам грешным! Руки Его, поддерживая верхнюю одежду, мирно покоятся одна на другой; ноги Его (обутые по Евангелию (Мф.3:11) в сапоги) представлены в движении тихого пешеходства. Так мирно и тихо идет Агнец Божий к миру заклаться за него и от него же! – И общему почти вниманию, обращенному на Него, внемлющего Своему небесному Отцу, как будто сочувствует чудно-прекрасная, существующая дарами всетворческой Его любви, природа с ощутительною на самой картине тишиною воздуха, в которой чувствуется тихое голубиное веяние почивающего во Христе Св. Духа, с виднеющимся (хотя в одном уголку) водами Иордана, с этою плодоносною южною растительностью, с этими поднимающимися от самого иорданского берега и идущими вдаль горами и холмами. На мою душу, прежде всего, эта природа повеяла живую благоухающую весть, что здесь увижу истинное явление Спасителя мира. А там на последних пределах видной дали, открывается вид Святого града Иерусалима – этого средоточия ветхозаветной Церкви и образа будущего нового Иерусалима вечной славы. И вы понимаете, как этот вид кстати на картине *Явление Христа миру*: ибо явление Христово миру, провозглашаемое Предтечею и безмолвно-действенное со стороны самого Христа, есть зерно великих и чрезвычайных событий, которыми разрешатся судьбы ветхозаветной Церкви и откроется Церковь нового завета – эта область благодати, имеющей раскрыться и в вечную славу.

Вот вам, добрые друзья мои, картина Иванова, которую я ходил смотреть несколько раз и смотрел подолгу прямо с той точки зрения, как написал вам! Это великая и глубоко-верная библейская картина. Если задача св. икон, по святоотеческим мыслям, состоит в том, чтобы не только представлять святые лица для благоговейного чествования, но и поучать духовным истинам, подобно книгам: то картина Иванова не выходит, по моему мнению, и из пределов православного церковного

иконописания. Все, говоренное нами доселе, служит тому доказательством. Великая минута явления миру Агнца Божия, вземлющего его грехи, здесь представлена просто в живой действительности. Надобно заметить, что это Его явление, с засвидетельствованием о Нем Иоанна Крестителя, последовало уже после крещения Христова на Иордане (см. еван. Ин.1:31–36); после чего непосредственно Он еще уединялся в пустыне на сорокодневный пост и борьбу с искушителем. Следовательно, Агнец Божий, с указанием на Него Крестителя, явился миру в той *силе духовной*, в какой Он возвратился уже победителем диавола с горы искушения (Лк.4:14). И как верен этому художник в своей картине! Могущественная сила благодати Агнчей отпечатлевается у него решительно на всех и на всем.

Впрочем, и то правда, что сам покойный, разве теперь в другой жизни, видит и в блаженном Христовом утешении то, что он только предчувствовал в своем творческом вдохновении. Вечная ему память! Он сделал, как следует, свое великое дело (хотя, по замечанию иных, и изобразил Крестителя Иоанна не в одежде из верблюжьего волоса, как говорит Евангелие, а в верблюжьей коже). Благодарение и слава Господу, так ущедряющему за искренний труд и должное употребление данных им талантов! Мне думается, что многолетнее дело Иванова, сопряженное со многими и внешними и духовными борениями, принято от Господа как молитвенный подвиг за Россию, которая на пути науки и искусства едва только начинает служить спасению прочего мира: тогда-как этот последний в праве не только ждать, во и требовать такой великой услуги от России, как от должника пред Востоком и Западом. Только вот в чем наша великая беда: подвижникам просвещения, но не по букве только православного, а устремляющегося к удовлетворению истинно-православных вопиющих потребностей духа нашего, не по силам выносить бремя того нравственного одиночества, в котором они по большей части остаются у нас, – получая от одних сочувствие, но не к тому, что требовало бы сочувствия, и будучи пренебрегаемы или даже осуждаемы другими, и именно теми, от которых крайне требовалась бы поддержка сочувствия и одобрения. В таком

одиночестве, – холере, или другой какой-либо болезни, или просто несчастной судьбе не трудно сразить человека. – Это мы говорим в объяснение того, замеченного в одном из наших журналов, факта, что в последние десятилетия многие из наилучших деятелей наших в области мысли, слова и искусства неожиданно среди самого расцвета сражены были косою роковой непоправимой бедой...

Это Твой гнев, Господи, праведно на нас движимый. Прости и помилуй нас ради Твоего Сына и Агнца, вземлющего наши грехи!

10. Слово, сказанное в один из дней великого поста, при погребении студента

Бог несть Бог мертвых, но живых; вси бо Тому живи суть (Лк.20:38).

Слова самого Господа.

Итак, и новопреставленный раб Божий М., которого, в мертвенных его останках, *вознесли* мы сюда *поставити* его *пред Господем*, жив есть у Бога нашего. Жива душа его не только просто по бессмертию своего духовного существа, но и особенно по общению своему с самим Богом жизни: ибо православная вера дает нам истинное, живое *общение со Отцем и с Сыном Его Иисусом Христом*(1Ин.1:3. слич. 8:24), по внутреннему в нас действию Св. Духа. Самое, бездыханное теперь, тело его, которое многократно в жизни, и наконец уже пред самую смертью, вместе с душою удостоилось быть причастным животворящего тела и крови Господней, – имеет в себе Божественное семя жизни вечной, которое некогда и раскроется в этом самом теле, в новом союзе его с душою, – в блаженство и славу. Только бы упокоил его Господь в своей любви, простив ему все согрешения вольные и невольные, в ведении и неведении содеянные.

Слушатели христиане! Мы все молимся об успокоении новопреставленного. И все мы должны молиться тем усерднее, что упокоение усопшего не только решает блаженную участь его самого, но имеет связь и с собственной участью нашею, с участью особенно здешнего святилища наук. Как это? – скажем о сем немного в побуждение к прилежнейшей молитве об упокоении отшедшего от нас и вместе в благоустроение самой этой нашей молитвы.

Духовное упокоение возможно только одно – в любви Отца небесного, как она открыта и простерта к нам в единосущном Сыне Его, Господе нашем Иисусе Христе, и как она изливается и сообщается приемлющим во Св. Духе. Когда все в душе человека бывает предано Сыну Божию, в Котором вся любовь Отца: то душа, даже и в сей жизни, получает обильные начатки

блаженного своего упокоения в любви Божией, изливающейся в нее Св. Духом. Благо, если душа усопшего, в сем месте образования юных умов и сердец, действительно так была в своих силах возбуждаема, так развивалась, так настраивалась, чтобы все познавать и воспринимать духом не иначе, как в том вечном Основании для всего сущего и даже только возможного (ибо даже и зло, без попущения Свыше, невозможно) и следовательно для всего познаваемого, в том зиждительном Основании, каков есть един – Бог Слово, весь ум и существо Отца в Себе от вечности раскрывающей, а по Своему воплощению соединившей ради нас грешных с Своим Божественным умом и человеческий ум и вообще всю душу человеческую и с телом, – так что нам, и плотным и грешным, все-же недалеко утверждать в Нем свой ум и все свои силы! Благо, если так и было в душе усопшего! Тогда в уме и сердце его, как уже сообразованных и общных уму и сердцу Сына Божия, само-собою успокоится и благоволение Отчее, в Сыне почивающее; а в этом и заключается тайна блаженного покоя Души человеческой. Тогда и сему святилищу наук благодать и благословение свыше за верное исполнение своего назначения! Но если в этой юной душе было возбуждено самым образованием не мало такого, что и не думали доводить до единого, истинного основания всему Иисуса Христа, Бога Слова, что, посему, не оставляло в себе места и для любви Отчей, – в чем, по неведению, могла и не принести раскаяния душа сего юноши: то не утаим от себя, что душа его, с таких сторон своих, задержана и запутана, и только еще *чаёт Христову утешения* и упокоения (это по таким основаниям, на каких самый мир стоит, какие устоят, если бы и весь мир прешел). А кто и что сему причиною? Станем ли здесь льстить себе, когда ныне же в церковном чтении из слова Божия как нарочно слышали мы о том, что Бог за забвение Его не пощадил даже целых градов, а предал их суду огненному, и сам отец верующих – Авраам, паче упования верований в обетование спасения, не имел наконец дерзновение ходатайствовать о их спасении?⁴⁵ ... Верно ли так мы учим и учимся, чтобы для умов и сердец наших основанием всего

сущего и возможного всегда предносился, по нашей вере, сам Господь Иисус Христос – Бог Слово во плоти? Если не всегда или не во всем или не у всех нас, учащихся и учащихся, бывает так: то на суде Божиим, вместе с душою образованного здесь усопшего юноши, стоит повинным и самое святилище здешнего образования с учащими и учащимися. Если небесный Судия неминуемо взыщет или уже взыскивает с души усопшего за всякие, даже малейшие, такие научные отпечатления на его уме и воле и сердце, который остались несообразованными и чуждыми Господу Иисусу: то это суд – и над нами самими. Сей суд падает укором и угрожающим прещением на все место образования, на его способы и служителей. И не будем нисколько ослаблять этой горькой истины: – такая потачка и льщение самим себе упрочили бы только праведно движимый на нас гнев Божии.

Напротив, для того и надобно смотреть прямо в лицо грозящей истины, чтобы тем лучше приметить и тем полнее присвоить милующую, бесконечно милующую нас грешных Христову благодать, прекрасно и чудно светящуюся в сем самом, хотя печальном, случае отшествия от нас раба Божия М.... Да! Воззреть к суду Божию, неминуемо грозящему такой науке и образованию, которые *не сообразуются образу* ума и сердца Богочеловека – Господа Иисуса Христа (Рим.8:23), и которые, посему, не дают места для успокоения в себе любви Отчей и чужды животворного веяния и наития Св. Духа, и следовательно остаются в жертву отвержения и проклятия, – воззреть к сему грозному и столько же непреложному суду Божию Господь дал нам, взяв в повод к этому – смерть одного из самых лучших здешних юношей по дарованиям, по кротости и чистосердечию, окруженного такою любовью присных, брата, и не только ими, но и всеми известными достойно любимого, взятого от нас среди общих добрых о нем надежд. Для веры не видны ли в таком усопшем черты жертвы, в Господе Иисусе благоуханной и умиловительной пред Отцом. Подумайте: – такой прекрасный юноша похищается смертью во цвете лет, к самому концу своего высшего образования, похищается смертью тогда, как родители его и особенно мать уже готовили

издали обьятия для своего возлюбленного, разлученного от них наукою на время его образования. Не жертва ли это пред Господом?... И следовательно, – не залог ли благодати для нас?

Воспользуемся, христиане, такою благодатью. Будем молиться об упокоении души его, связанной по своему развитию и жизни с наукою, – молиться так, чтобы в то же время умолять и о благонаправлении самой науки к едиnorodному Сыну Божию, в Котором вся любовь Отца, содержащая вечный покой для умов и сердец наших. Прощая грехи ведения и неведения новопреставленному, грехи, внутренне соединенные с образованием и науками, Господь вместе с этим и да направит наше образование, наши книги и науки к Себе самому, к вечному покою и временному счастью учащихся и учащихся. Аминь.

11. О современности в отношении к православию. Статья третья

Следует нам раскрыть, как православное христианство пережило то время, когда появилась и воспреобладала над христианским западом ложь папства.

Это было такое многознаменательное время, когда, с одной стороны, при внешнем могуществе отпадшего от православия папства, грозило православному востоку преобладание магометанства, неудержимо распространявшееся, а с другой – православная Церковь должна была возродить в благодатную жизнь новые народы, особенно наш славяно-русский народ. Востоку предлежало одно из двух: или, с изменою православию (к чему, по-видимому, располагал нравственный упадок общественного духа в Византийской империи), принять сильную помощь папского запада к отражению неверного ислама, или, с самоотвержением неизменной верности православию, отринуть папство и подпасть преобладанию магометан, но за то предать нововозрожденным христианам и утвердить в них чистое от примесей лживого папства православие. Бог дал совершиться сему последнему, очевидно – милуя и восток и наш славяно-русский народ: ибо первый удержал православие и передал его чистым второму.

Что же теперь относительно папства делать нам православным Русским в наше время? Очевидно, – соблюдать православие в той чистоте, как оно нам предано от православного востока, и так же решительно отвергать ложь папства, как отвергали эту ложь православные Греки и наши славяно-русские предки. Как же это делать нам? Главное – не принимать ложного догмата об исхождении Св. Духа «и от Сына», а по слову Божию исповедать о Св. Духе, как сказано в символе веры: *Иже от Отца исходящего*; также не признавать римского папы главою Христовой Церкви, а знать, как читается в символе же веры по слову Божию, *единого Господа нашего Иисуса Христа*. Это, без всякого сомнения, так. Но боюсь успокоиться только на этом, помня слова церковного учителя

(приведенные нами прежде): «поколику ты имеешь правую веру в слове Божьем и в символе веры: потолику она принадлежит Богу, Его пророкам, апостолам, отцам Церкви, а еще не тебе». Для православных Греков, когда им грозило иго магометанское, а римский папа льстил подвигнуть в их защиту весь запад, было вполне достаточно с твердостью противопоставить обольщению папства исповедание единого Христова главенства над Церковью и исхождения Св. Духа только от Отца; особенно – когда при этом приходилось православным расходиться по временам и с стремленьями своего правительства и отчасти самой иерархии (как это было напр. относительно собора флорентийского). В таких обстоятельствах удержат правое исповедание веры, очевидно, значит ради истины Христовой *не возлюбить души своей даже до смерти*. Для православного в древней Руси, который своею простою и живою верою, как любимое Богом дитя, держался неотступно престола Его благодати, также достаточно было на случавшиеся обольщения папства отвечать простым исповеданием правой веры. Это было, в тогдашнем состоянии православного русского, то же, что для послушливого отцу и матери дитяти, в ответ каким-нибудь совратителям, указать с любовью на своего отца и мать. Теперь времена и обстоятельства уже другие. У нас, при современной нашей открытости для иноземных, особенно западных, влияний духа и мысли, при оскудении во многих живой веры и любви, – всего скорее может случиться, что, и удержавши букву православия относительно того или другого догмата, потерпишь относительно того же догмата приращение силы и духа неправославия. Итак, и относительно папства, в наше время надобно главным образом смотреть на самую силу лжи папства, наделавшей столько зла и потерь христианству, и также на самую силу отвергающего папство православия.

Что такое было проявление папства во внутреннем порядке жизни и судеб Христовой Церкви? К объяснению этого дойти нам уже не трудно, когда знаем значение предшествующей появлению папства борьбы православия с ересями. Чрез точное раскрытие и определение догматов правой веры, совершившееся в период вселенских соборов, было открыто

христианину и вместе обеспечено и утверждено полное духовное удобство держаться, во всех человеческих своих действиях и вместе в самой наглядной действительности, самого Христа Бога и в Нем, с сыновнею свободой и сознательностью, состоять под благоволением и любовью небесного Отца, открывающуюся в животворной силе Св. Духа. (Это с обстоятельностью раскрыто нами во *второй* статье «О современности в отношении к православию»), Христианину предлежало только хранить и возделывать этот новоблагодатный рай небесного и на земле жительства. Но ложь ухитрилась сделать страшный, заранее подготовленный, подкоп и к этому духовному раю для изгнания из него многих, многих. Именно: на христианском западе не захотели единственного над всем земным и небесным главенства Христова, действующего в Церкви силою Св. Духа и содержащего верующих в живом общении любви Отца небесного, но облекли в значение полновластного наместника Христова и главы Церкви папу или просто архиерея римского. И таким образом, западное христианство, измыслив себе земного верховного отца и главу в деле веры, из небесного жительства неизбежно более и более превращалось только в земное и мирское гражданство. Отсюда церковные вероопределения и установления западного католичества становились оковывающей умы и сердца формою подчинения римскому первосвященнику вместо того, чтобы быть благодатными выражениями самой Божией во Христе любви к человеку. Равным образом церковная западная иерархия, – вместо служения тому, чтобы сам же Христос своею истиною и благодатью просвещал души и царствовал в умах и сердцах самых мирян, – устремила к собственному преобладанию над мирянами, к подчинению царей и царств папе.

Как же могло совершиться такое плачевное извращение живого и светоносного духа и силы – всего, так недавно еще соборными определениями и правилами отцов утвержденного, порядка церковного? Ведь церковный порядок установлен и одушевлен самым Духом благодати, Духом Святым; ведь *отчество* Богомудрых отцов именуется из *Отца Господа*

нашего Иисуса Христа (Еф.3:14–15), и следовательно, имеет своим основанием и первообразом всевышнее Отчество небесного Отца. Как же все это оказалось бессильным и недейственным против лжи папства на западе? Человекоубийственная ложь успела устранить эти препятствия к обольщению западных христиан, извратив в их верованиях догмат о Св. Духе и отношении Его к Богу Отцу. Именно: латины стали учить и веровать, что Дух Святой исходит не от одного Отца, но и от Сына. А это ложное верование уже не давало в латинах места такому раскрытию и действию благодати Св. Духа, которое вполне соответствовало бы личным Его отношениям к Отцу и Сыну. (Ибо догмат Божественной истины – не просто буква, а сама жизнь и действующая сила Духа; раскрытие этой силы в христианах зависит от их веры, воспринимающей или отречающей силу истины). Отсюда произошло, что духовный святоотеческий авторитет, имеющий свою силу в Церкви именно по Отцу небесному, стали понимать и соблюдать уже не в том значении, чтобы быть во Христе сыновне-верными святоотеческому духу, чтобы дух святых отцов благоволительно, так сказать, почивал и раскрывался в их преемниках и чадах по вере. Нет; латины вопреки истине стали веровать, что Дух, в силе которого подвизались за веру св. Отцы, имеет своим корнем или источником в самом Божестве не одно Отчество, но исходит будто уже от Отца и Сына. Следовательно, на основании и по первообразу самого Божества (как стали представлять Его на западе), латинству стало уже свойственно и естественно содержать и развивать церковный порядок уже не просто по святоотеческому духу, а и по собственному (возникшему в выродившихся в латинстве сынах древле-вселенских отцов), по собственным соображениям и измышлениям... Так истинный церковный дух, принадлежащий именно благодати Св. Духа, в римском католичестве оказался связанным и бездейственным чрез ложное верование о Духе Святом. Так открылось готовое и вполне удобное место в западной Церкви духу человеческого превозношения и суетных нововведений. Вот каковы, в своей силе и действии, верования, отделившие западную Церковь от

православной вселенской, которой верным остался христианский восток!

Посему понятно, что именно, в силу дела, отстаивали и отстаивали для нас православные востока, в борьбе против верований и притязаний папства.

Они стали, во-первых, за то, что Христос есть сам Глава Церкви не бездейственный, или не бессильный действовать Сам своим главенством, напротив, сам вся действующий в своей Церкви: Сам, и един в силе Св. Духа приводит верующих к своему Отцу, и сам же раздает им дарования благодати своей, по роду и степени определенного каждому от Него же служения, также как сам и един располагает всю судьбою Церкви и в ней всех и каждого и, что всего важнее, открывает сам в Себе, для общения своим верным, всю полноту своей благодати, истины, святости и любви, *да исполняются они, по мере деятельной своей веры, во всяко исполнение Божие (Еф.3:19)* и таким образом составляют Христову Церковь, как действительно-живущее Им одним *тело Его*, как благодатную *полноту* Его самого, *исполняющего всяческая во всех (Еф.1:22,23)*. Быть наместником Христова главенства, имеющего именно такую силу и значение, для православного востока всегда значило быть мятежным совместником Христу, отвлекающим в свою пользу от самого Христа взоры и направление веры в христианах, и потому останавливающим в Христовом теле Церкви ток или движения собственно Христовой жизни и Духа. Верующие умы и сердца православного востока хотели принадлежать и предаваться одному и самому высочайшему – Главе всего – Христу Богу, смирившемуся до восприятия в единство Своего «Я» полного человеческого естества и в Нем истощившемуся за грешного и заблуждающего человека до неисследимого оставления Отцом, чтобы весь человек, без всякого препятствия со стороны своего тварного и греховного недостойнства, принадлежал прямо Ему самому и в Нем по сыновнему пользовался любовью Отца небесного, открытою в силе Св. Духа. Православный восток справедливо рассудил и захотел лучше подпасть порабощению от неверных, с удержанием за собою такой незаменимой ничем благодати

Божией, нежели благодатную зависимость прямо от Христа и небесного Его Отца променять на зависимость от папы, хотя и двигавшего тогда всеми силами христианского запада. Особенно православная иерархия, против обольщения преобладания над миром, богомудро рассудила и успела удержаться на благодатной высоте своего назначения – служить в Христовом смирении тому, чтобы и самые миряне, чрез благодатное вселение в них Христа, становились царственным священством, служащим и в гражданских своих делах и отношениях самому Отцу небесному с сыновне-свободной преданностью Ему своей мысли и сердца. Может быть, Господь даст нам такое время, когда и христиане запада с благодарностью признают, какое великое благо для всего человечества отстоял восток против папского главенства, возмечтавшего возложить оковы духовного рабства на христиан.

Во-вторых, в учении о Св. Духе православные восточные, отвергнув западное измышление об исхождении Его и от Сына, отстояли чрез это самую силу, основание и должное направление всего в нас истинно-духовного или, точнее сказать, самой нашей духовности. Выше мы отчасти уже пояснили это, показав, как латины чрез примысленный ими догмат связали у себя истинно церковный благодатный дух. Но, чтобы обнять всю обширность приложения догмата православия об исхождении Св. Духа только от Отца, надобно сказать, что мы, православные христиане, и на всех путях нашей жизни и деятельности, должны *не по плоти ходить, но по Духу* (Рим. 8:1), исходящему от Отца и почивающему в Сыне. Как же это? Известно всякому из нас, с одной стороны, следующее слово Христово: *и отца не зовите себе на земли, един бо есть Отец ваш Иже на небесех* (Мф.23:9), а с другой – подтверждение Христом заповеди о почтении отца и матери (Мф.19:19), с обличением не исполняющих этой заповеди в разорении слова Божия (Мк.7:10–13). То и другое слово согласить и исполнить нам можно и должно, очевидно, не иначе, как если и в земном отечестве будем усматривать ответ и отображение Отца небесного (на том, конечно, основании, что Сыном человеческим соделался ради человеков сам едиnorodный Сын

Божий), и если потому станем соображаться, во всяких своих сыновних отношениях, с отношением к Отцу небесному Сына Его. А отношение Сына Божия к своему Отцу таково, что Сын не совместничает с Отцом в изведении Св. Духа, но Дух исходит от единого Отца, а в Сыне только почивает. Следовательно, если в отношении к земному отчеству во всех его видах (начиная от родителей до начальства, благодетелей, учителей, высших, старших, особенно Царя), мы по слову Христову, не остановимся на земном и плотском, а будем восходить верою к единому нашему небесному Отцу, благоволившему *из Него самого именоватися всякому отчеству на небесех и на земли* (Еф.3:15): то также не станем совместничать в своем духе и направлении с тем или другим видом отчества; напротив, дадим и мы в себе, по Христу успокоиться Духу самого Отца нашего небесного, отобразившегося в земных отцах. Чтобы такая великая Божия благодать осеняла нас в среде не только прямо-церковной, но и семейной, гражданской и вообще в связях общежития, – к этому твердое основание положено в догмате православия об исхождении Св. Духа только от Отца.

Таким образом, против притязаний и новоизмышлений римских православный восток отстоял и передал в целостности нам Русским саму живую силу и дух того благодатного во Христе жителства, условия которого догматически определены и раскрыты были в период вселенских соборов, и которое так радикально подкапывается латинством.

И как оба эти великие догматы православия – об исхождении Св. Духа только от Отца и о единственном главенстве над Церковью самого Христа, нужны и спасительны в своей живой силе именно нашему времени! Между отличительными особенностями нашего времени есть две особенно важные и опасные особенности, близкие одна к другой и взаимно одна другую поддерживающие. Одна такая особенность состоит в том, что новое поколение в своих стремлениях и видах сильно расходится с старым, которое в свою очередь не доверяет ничему лучшему в первом, раздражая и еще более отталкивая его от себя такою недоверчивостью. Прямой и верный выход из такого

затруднения нашего времени открывается догматом об исхождении Св. Духа только от Отца, если быть верным не одной букве, но самой силе и духу этого догмата. Вспомни, юное поколение, – вместе с своею обязанностью, в отношении к старейшим, как к отцам, – слово Христово: *отца не зовите себе на земли, един бо есть Отец ваш, Иже на небесех*, усмотри светящееся тебе в разных видах земного отчества невидимое лицо самого Отца светов; и не преогорчи Божественного Духа Его, настаивая слишком на свою духовную самостоятельность или независимость от того или другого вида отчества: напротив, как чадо Божие, сообразующееся Христу – Сыну Божию в своих отношениях к земным отцам – старцам, постарайся дать в себе покой Духу Божию, исходящему от единого Отца, а в Сыне только почивающему. Так ты, человек нового поколения, с одной стороны, будешь верно достигать того, чтобы в иных людях старого поколения не допускать против общего блага действовать или преобладать нехорошему, эгоистическому или упорно и мертво-рутинному, духу: ибо, при твоём неуклонном направлении и воззрении к единому небесному Отцу, благоволившему во Христе дать Свое отображение во всяком виде земного отчества, будет всегда поборать за тебя сам животворящий Св. Дух, от Отца исходящий и в Сыне почивающий. С другой же стороны, ты сохранишь и выдержишь и в самых стремлениях своих к истинно-лучшему новому, должны духовно-сыновние отношения к поколению твоих отцов и старцев, поддержишь истинное их достоинство и значение и наследуешь их благословение, с которым почитает на тебе и на твоих делах благословение самого Отца небесного. И ты, стоящее за честь и права своих сединов, поколение, не опусти и ты из виду того же слова Христова: *отца не зовите себе на земли, един бо есть Отец ваш Иже на небесех*, остерегись посягнуть на права и власть, принадлежащие в отношении к умам и сердцам самому небесному Отцу, – усматривай и в юнейшем тебя поколении чад собственно Божиих. Чрез это ты, с одной стороны, будешь незримо охранять и направлять юность их (физическую и духовную) к лучшему, и мирно исправлять их преткновения и

ошибочные увлечения, а с другой – будешь более и более раскрывать в себе относительно юного поколения расположение и настроение истинно-отеческие, сообразные и сообщные благоволению и любви самого Отца небесного – по силе и действию Св. Духа, от Него исходящего. И память и имя такого человека из старого поколения будет всегда в благословениях у новых поколений.

Другая так же важная и крайне опасная особенность нашего времени состоит в том, что одни тяготятся почти всякими внешними авторитетами, как стеснительным и почти только подавляющим бременем, а другие ищут и ждут добра и порядка только от одного властительного влияния внешне-сильных авторитетов. Догмат православной Церкви о главенстве церковном, принадлежащем прямо самому Христу и только Ему одному, открывает в своем духе и силе удобный и простой выход и из этого духовного затруднения современности. Единственный глава Церкви – Христос – таков в своем главенстве, что положено *возглавить* в Нем *яже на небесех и яже на земли* (Еф.1:10), *умиротворив кровию креста Его, чрез Него, аще земная, аще ли небесная* (Кол.1:20). Итак, если ты, по каким-либо тяжким опытам, историческим или личным, видишь в каком-либо неосмысленном или чисто-внешнем авторитете угрозу рабством для самых умов и сердец, посягательство на нравственное достоинство человека: то знай, что единственный глава твоего ума и сердца, светящийся и в самых врожденных потребностях твоего сердца и идеях ума, есть сам Христос Господь, который, не только по своему творчеству и промыслению, но и по домостроительству искупления, вседержавно властвует над всем и всеми, без препятствия и стеснения со стороны человеческого своеволия и вообще зла, как подъятого Им на Себя и с преизбытком вынесенного Им чрез страдания и смерть; потому, от Него и в Нем – истинное значение и сила авторитетов, составляющих не более, как Его орудия и сосуды в великом доме Его, которые и употребляет Он *ови убо в честь, ови же не в честь*, судя по нравственному их достоинству (2Тим.2:20–21). Что же мешает тебе, в твоих отношениях к каким бы ни было авторитетам,

иметь дело в своем уме и сердце прямо с всевластвующей святейшей Любовью и Премудростью – Христом? Чрез это ты будешь вместе и сам удерживать в своем подчинении законным авторитетам дарованную от Христа благодатную свободу, которая так дорого стоила твоему Искупителю, и внедрять или поддерживать самые авторитеты в истинном и живом их значении и силе, так-чтобы они были сосудами Христовыми *в честь*, не к стеснению, а к оживлению и усовершенствованию умов и сердец. Есть примеры, что таким образом люди, в своих умах и сердцах служившие взявшему грехи всех Христу, умели поставить и недостойных авторитетов в должное и достойное настроение. С другой стороны, и ты, который в ослаблении нравственного влияния и значимости внешних авторитетов видишь опасность всяких беспорядков, позаботься наиболее всего о возведении авторитета – в другом ли, в себе ли самом – до самого Христа, главенство которого простирается на все и потому есть единственное истинное начало и сила всякого авторитета; – позаботься об оживлении авторитетов единственно-живительным духом Христовым, который так обозначается в Его же слове: *Сын человеческий не прииде, да послужат Ему, а послужити, и дати душу Свою избавление за многих* (Мф.20:28). Тогда только авторитет и не будет бременем для других, и возможен не только поддерживать и утверждать порядок, но благоустроить и беспорядочное, расстроенное. Иначе же, когда, т. е. стоя за самые законные авторитеты, мы не станем возводить их в самой силе дела, а по одной форме или букве, к единственному и Действенному главенству над всем самого Христа: то и к нам, для нашего расстройств, приразится дух папства, не удовольствовавшегося главенством Христовым, но облекшего папу в авторитет церковного главенства. Ибо существо заблуждения римско-католического и состоит в отвлечении веры от самого Христа, как единственного и вседействующего главы Церкви, в пользу мнимого наместника Христова: и именно – папа есть авторитет, освящаемый по букве или форме именем Христа⁴⁶, но в силе духа не дающий вере направляться во всем прямо к самому Христу.

Из сказанного уже само собою видно, как и в какой силе должны мы дорожить догматами православия о единственном в Церкви главенстве Христовом и об исхождении Св. Духа только от Отца. Это – такие догматы, без хранения которых в надлежащей их силе неминуемо померкло бы и потеряло бы свою в нас силу все православие с утвержденными на вселенских соборах догматами. Мы видели выше, как истинно такая страшная беда и случилась с римским католичеством. Но поэтому нам и следует дорожить самым живым существом, и силою, а не одною только буквою догматов, отвергаемых папством. О, если бы нам истинно держаться самой силы этих догматов православия. Тогда, с одной стороны, пред нами открылось бы во всей ясности, что нынешние предположения некоторых папистов о соединении Русской Церкви с Римскою уже сами себя обличают в фальшивости, дело веры не ко Христу и Его Духу возводя, а представляя оное только политическою сделкою между римско-католическою и русскою иерархией; и что также нынешние возражения папистов против православия, взятые из наших книг церковных, выражают слишком много духовного легкомыслия, следящего в наших книгах какую-нибудь букву, могущую показаться благоприятною мнимому главенству римскому, а опуская из виду живой дух и – солнечный свет, в каком в наших церковных канонах и службах апостолу Петру или св. Льву и Клименту римскому представляется на вид и воспевается благодать и слава прямо самого Христа, единого человеколюбца, дивного во святых Своих. С другой же стороны, мы подвигнемся до глубины души жалостью любви, к западным братьям, которые из-за своих нововведений ниспали, как звезды небесные на землю, с высоты небесного жительствова во Христе до мирского гражданства, имеющего и в самой вере земного главу; мы тонко заметим, что добираться до папистов с истиною православия надобно в наше время, может быть, уже не столько чрез разработку давно уже разъясненной буквы догмата, сколько чрез неуклонное и живое внимание веры к самому Христу и Его Духу в самих папистах, как христианах, чтобы таким образом сам Христос своим Св. Духом, от Отца исходящим, возглаголял

наконец в их сердце к оправданию и раскрытию для них Своей истины. Этого можно нам достигнуть, если будем более и более входить в дух и расположения Агнца Божия, вземлющего грехи мира и тем в основании подорвавшего владычество в мире всякого греха и лжи, и если, притом, формально-религиозному главенству папы будем противопоставлять живое и вседейственное главенство самого Христа, раскрывая оное в самой силе и истине в отношении ко всему, на что паписты ни хотели бы наложить оковы подчинения папе. Такую надежду внушает нам особенно то, что Бог дал православно-русскому принять догматы о главенстве Христовом и об исхождении Св. Духа от Отца прочно в глубину своего духа. Случается у нас и простому русскому мужичку (положим, – так называющему себя относительно только Богословского образования) ответить на предположения папистов, не может ли и Россия сделаться римско-католическою, прямо – Богословским противопоставлением папе самого *Христа Сына Бога живаго*, и сказать немного слов, но самых метких об истинном значении и заслуге для России нашего православного, не знающего папы, духовенства.

В заключение и скажем несколько слов об отношении между православным духовенством и мирянами, которое определяется догматами о главенстве в Церкви одного Христа и об исхождении Св. Духа только от Отца. Православные обращаются к духовным служителям возрождения в благодатную жизнь и поддержания оной, как к отцам, называя того или другого из них прямо «батюшкою». Да будет же у нас, духовных, всегда в памяти слово Христово, что собственно един наш Отец небесный, и что, следоват., миряне православные суть чада собственно Божии; и таким образом мы не посягнем своим духовным отчеством на благодатную духовную свободу православных. Но и православные миряне, называя духовных отцами, должны помнить, что отчество, приписываемое ими нам, существенно принадлежит самому Отцу небесному, кроме или вне Которого нам и не следует *никого звать Отцом на земле*, и что, следов., есть место для их заботливого опасения, как бы, чрез неосторожное

уничтожение иными духовных, не возмутить и не преогорчить Духа Святаго, от Отца исходящаго. Главным образом, признавая Господа Иисуса единственным главою Церкви, вся действующим в ней своею благодатию, православные и должны, в своих отношениях к священству разных степеней, взирать верою к самому пришедшему послужить нашему спасению, вечному Иерею и Архиерею, который только Сам собою в Св. Духе приводит нас к Отцу и от Него преподает нам всякие дарования и блага. А мы, стоящие на той или на другой степени священства, должны внутренне, сколько можно постоянное, внимать самому Христу, избравшему нас в орудия к раскрытию для мира той Его благодати, чтобы Ему же самому вселяться и во всех людях Божиих, возводя их умы и сердца к Отцу и живительно просвещая оные благодатию Св. Духа, и чтобы таким образом весь Божий народ православных составлял *святительство свято* и «царственное священство» (1Пет.2:5,9). Так исполнится слово апостольское – и на призванных к священству: *не себе проповедуем или выставляем на возвышенный вид, но Христа Иисуса, себе же самех представляем рабов вам Иисуса Господа ради* (2Кор.4:5), – и на всех прочих православных: *искушения моего еже во плоти, немощей проповедника слова Божия не уничижите, не оплевайте, но якоже Ангела Божия приясте мя, яко Христа Иисуса* (Гал.4:15). И Церковь православная явится для самого запада во всей, сохраненной ею, апостольской чистоте и красоте. Да! Представим себе, напр., чудное и Божественное зрелище нашего православного Богослужения, если бы нам Бог дал участвовать в нем, как следует по духу и силе нашего православия.

Диакон, сослужа священнику и руководя предстоящих к молитвенному участию в служении, своею верою неуклонно взирает к самому Господу Иисусу – относительно священника, как приводящему верных чрез священнодействие сего избранного орудия к небесному Своему Отцу и к сокровищам Его любви, а относительно предстоящих, как к движущему и благонаправляющему их умы и сердца своею благодатию: так поддерживая и священника в духе и силе великого его

служения и предстоящих в живом общении благодати Христовой, диакон совершает свое благодатное служение, как истинно-нужное и благотворное для Церкви Божией, к охранению духовной чистоты ее служителей и чад. Священник, служа и священнодействуя, внутренне с благоговением сознает и чувствует себя только как недостойное орудие в невидимой руке пренебесного Иерея – Христа, который в благодатном жертвоприношении есть Сам *принесай и приносимый, приемляй и раздаваемый*, Который знает и собственным сердцем подымлет все истинные нужды, скорби и приношения всех своих людей и для всех раскрывает благоволение своего Отца со всеми дарами Св. Духа, наконец, который Сам же вообразен таинственно в умах и сердцах всех членов Его Церкви: в таком настроении совершая службу Божию, священник находится в живой благодатной связи со всею полнотою Церкви Божией, как светильник тихо и незримо разливающей живительный Христов свет в православных. Архиерей, окруженный в своем священнослужении целым сонмом священников и диаконов, имеющих в нем тайноводственный корень благодати своего звания служить спасению людей, – по истине оказывается вместе и некоторою как бы жертвою, на которой тяготеет бремя стольких ответственностей пред Богом за себя и за других; или, сказать то же точнее, оказывается живым сосудом благодати и духа самого вечного Архиерея, который один только и явился очистительною и умиловительною за весь мир жертвою пред своим Отцом, и в существе дела один Сам раздает дары благодати Св. Духа, будучи животворным светом для всякого человека на всех его путях от самого вступления в сей мир. Посему-то архиерейское служение есть именно «Богопоклонное (по выражению Максима исповедника) ведение святой Троицы» умом и сердцем, просительное и благодарное за себя и за всех, сопричастное духу Христова истощания за всех, и потому приводящее постоянно в живое движение благодать Божию и в поставленных на разные степени священства и в простых христианах. Предстоящие при совершении Богослужения, взирая верою к невидимо действующему избранными орудиями самому небесному Архиерею и Иерею во век по чину

Мельхиседекову, приходившему на землю послужить нашему спасению, – по мере своей веры усвояют внутренне своей мысли и сердцу благодатный дух «архиерейского непрестанного поклонения пресвятой Троице», и священнического светения человеку Христовою благодатью и истиною, ее диаконской деятельной стражбы за духовным очищением чад и служителей Церкви⁴⁷. И все в Церкви Божией является полным благодатного Христова духа ее силы: святые иконы, горящие свечи пред ними, книги богослужебные и прочие внешние выражения того, что есть и совершается, или должно быть и совершаться, в самих предстоящих и священнодействующих. Такой благодатный дух да разносится всеми и в дома, во все занятия и отношения наши, так-чтобы в нас всегда теплилась, как свеча, светоносная мысль об образе Божием в каждом из нас, и, как по Богослужебной книге, мы читали бы в своей совести начертанные Духом благодати живые письма истины и добродетели. И это да будет не к упразднению для нас значения и важности внешней действительности (как то бывает в ложном мистицизме), а к духовному поддержанию и оживлению всего в этой действительности – от важных вещей до мелочей.

12. Педагогические заметки о приготовлении и образовании благонадежных деятелей для обращения заблуждающих, особенно в расколе

Судя по заглавию предлагаемой статьи, читатель может подумать, что она имеет слишком специальное назначение. Это с одной только стороны справедливо. Правда, что при написании этой статьи имелось в виду специальное приготовление надежных деятелей для обращения раскольников (и именно старообрядческого раскола). Но к более обширному взгляду на самый раскол приводят нас следующие слова апостола Павла: *«да не бываем ктому младенцами, которых колеблет и увлекает всякий ветер учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения, но истинною в любви все да возрастит в Того, который есть Глава, то есть, во Христа, от которого все тело, составляемое и совокупляемое, посредством всякого вспомоществующего соприкосновения, при соразмерном действии каждого члена, получает приращение для своего созидания в любви»* (Еф. 4:14–16). Если в этом Христовом теле Церкви какие-либо неправые понятия или правила, не поражая членов его решительно насмерть, так однако останавливали бы в них ток духовной во Христе жизни, что духовно парализованные члены уже не способны были бы к «вспомоществующему соприкосновению» к другим членам, или судорожно выходили бы из надлежащей «меры» или нормы своих действий и так. обр. отделялись бы от общего строя церковной жизни и только препятствовали бы ей развиваться или *возвращение тела творить* во Христе и *возвращать в Него всяческая*: то упорство в таких понятиях и правилах и составляет то, что называется *расколом*. Но когда такова именно сила раскола: то, за обличенными и осужденными уже понятиями и правилами грубого раскола, сколько еще можно открыть правил и понятий, которые, может быть, столь же давно и упорно, как грубый раскол, не допускают

«вспомоществующего соприкосновения» одних членов Христовой Церкви к другим, препятствуют дружному «соразмерному действию» всех членов для «возвращения» всего во Христа и так. обр. не дают телу церковному «получать приращение для своего назидания в любви и истине»! Вот наприим., в общественном составе православного народа между образованным классом и простонародием есть ли такая духовная связь, чтобы духовная жизнь того и другого, жизнь мысли и нравов, стройно развивалась во взаимно-уважительной и доверчивой любви, «при вспомоществующем взаимном соприкосновении» и как следует быть в православно-христианском народе? Если на деле не совсем так, то непременно тут действуют какие-либо правила и понятия, не возведенные по надлежащему ко Главе – Христу и останавливающие токи Его жизни и света в православных, и след. имеющие силу раскола, хотя и утонченного. Или еще: научное образование или просвещение, духовное и светское, имеют ли у нас своим живым направлением и характером «вспомоществующее друг другу соприкосновение и соразмерное», содружное друг другу содействие, да возрастим во Христа всяческая, чтобы таким образом свет и жизненность единой для всего спасительной истины и благодати проникали во все области знания и жизни общественной? Дай Бог, чтобы было так; ибо противное обличало бы вмешавшиеся во взаимные между тем и другим отношения такие понятия и правила, которые более в духе раскола, нежели самой истины – Христа, сошедшего с неба на землю и здесь вошедшего не только в церковный, но и в гражданский порядок, восприявшего полное человечество и проходившего разнообразные состояния человеческие – до страдания и смерти, нисходившего до ада, и – все это для того, чтобы всюду открыть Свой свет и жизнь и именно грешным и погибающим. По всему этому грубые раскольники представляются такою жертвою заблуждения и упорства, на которой можно и следует дознавать, обличать и ниспровергать или врачевать действующую у нас же и в нас самих силу такого же губительного, но духовно-утонченного раскола. В этом направлении и писаны предлагаемые здесь

«педагогические заметки», как читатель сам увидит. Впрочем, в заключении их сделаны будут нужные на этот счет пояснения. – Так-как деятели, на которых возлагается назначение обращать заблуждающих, называются обыкновенно одним словом – *миссионерами*: то мы в наших «заметках» и употребляем это название, говоря о деятелях для обращения раскольников. Потому и все наши «заметки» получают вид и значение краткого очерка миссионерской против раскола педагогики.

Общие мысли о педагогическом приготовлении деятелей для обращения раскольников или о миссионерской противораскольнической педагогике

Педагогика противораскольническая есть руководство к образованию благонадежных и благоуспешных деятелей для ниспровержения раскола и обращения раскольников к православию.

Другие научные против раскола пособия и предметы заняты тем, что относится собственно к расколу или раскольникам, как-то: их заблуждениям, историей, их книгами; а педагогика имеет предметом своим самих деятелей против раскола, благонаправление и благонастроение их – в воззрениях, расположениях и образе действий.

Начало к благонаправлению и благонастроению деятелей против раскола выражается в следующем слове Христовом Апостолам, избранным для обращения ко Христу всего мира: *Аз есмь лоза, вы же рождете (ветви). И уже будете во Мне и Аз в нем, той сотворит плод мног, яко без Мене не можете творити ничесоже* (Ин.13:5). Итак, вся задача педагогики – так направить избранных в миссионеры, чтобы они непременно и постоянно, как ветви от лозы, от самого Господа воспринимали жизненную силу для своего миссионерского дела, давая Ему самому делать это дело в них и чрез них: задача трудная! Но зато и дело будет, по слову Христову, *многоплодно*. Иначе не будет *ничесоже* истинно благоплодного. Тут нечего ни прибавить, ни убавить: слово Христово.

Выполнение такой задачи должно быть сообразно с разными родами миссионерской против раскола деятельности; к сей деятельности относится, прежде всего, дело рассуждения, потребного как в изучении раскола и всего, касающегося до раскола, так и в самых сношениях и беседах с раскольниками, потом – дело самых сношений с раскольниками, действию на них словом и распоряжениями, наконец – дело разных законо-необходимых отношений, по миссионерству против раскола, ко

властям церковной и гражданской. Относительно всех этих родов деятельности и надобно так направить миссионера, чтобы все означенные три дела он исполнял не иначе, как живую верою давая в своем духе делать оные самому Господу Иисусу и в Нем Отцу небесному – благодатью Святого Духа. Посему миссионерская педагогика и состоит из трех частей: первая часть – об устройении надлежащего образа рассуждения в миссионерском против раскола деле; вторая – о должном устройении самых сношений с раскольниками для их обращения; третья – о должных отношениях, по миссионерству, ко властям церковной и гражданской.

Часть первая. Как устроить и утвердить в себе надлежащий образ рассуждения в миссионерском против раскола деле

Коренное препятствие к обращению раскольников состоит в том, что любовь Божия, во Христе нам открытая и действующая Св. Духом, раскольниками крайне преогорчена и постоянно преогорчевается в существенно свойственном ей стремлении, *да вся едино будут* (Ин. 17:21); и потому она сама отвращается их и отвергает: так-как они принадлежат к числу *просвещенных уже единою и вкусивших дара небесного, и причастников бывших Духа Святого... и отпавших* (Евр.6:4–6). Пока продолжается такое ужасно-несчастное отношение между раскольниками и спасающею мир любовью Божиею, – как можно истинно *обновлять* и спасать раскольников?! *Без Меня не можете творить ничего*, говорит сама воплощенная Любовь Божия своим посланникам для обращения всех заблуждающих... Посему для благоуспешного и благонадежного обращения раскольников надобно прежде и более всего стараться об умилоствлении и привлечении к ним самой любви Божией, ими преогорченной и от них отвращающейся. Но умилоствление Бога ко всем, следовательно и к раскольникам, есть все же один Иисус Христос Агнец Божий, взявляя грехи всего мира, как будто бремя сих грехов было Его собственное. Итак, миссионеру, желающему умилоствить и привлечь к раскольникам любовь Божию, ими до крайности преогорченную и преогорчеваемую, необходимо обращаться всеусильно и прямо к самому Христу и входить в живейшее внутреннее сообщение с Агнцем Божиим. Сказать то же другими словами: необходимо ему как можно полнее и глубже усвоить себе верою, в силе Св. Духа, те расположения Христовой любви к грешному человеку, по которым и чужие бремена немощей и заблуждений поднимаются и выносятся, как собственные. Когда, так. обр., миссионер будет своею верою и любовью поднимать в Господе и на себя самого *тяготу* своих заблуждающих собратий (т. е. тяжкую вину раскольничьего

противления любви Божией), и это не сам собою, а по благодати общения своего в духе единого Агнца Божия, вземлющего грехи Мира: то, по мере успеха в этом духовном делании миссионерском, раскольники и будут более и более вводимы снова в любовь Божию. Коренное препятствие к их обращению понемногу будет решительно устраняться. Соответственно сему и определяется следующий образ рассуждения, потребного в миссионерском деле против раскола: в изучении ли раскола и в его опровержении, или в беседах с раскольниками, миссионер должен рассуждать не иначе, как в таком внутреннем настроении и направлении, что как бы он сам был виновен в нелепых заблуждениях, слепоте и упорстве раскольников, и это – именно по благодатному общению в духе и расположении самого Агнца Божия, вземлющего грехи Мира, как будто Он один и был виноват во всем. Так миссионер в своем образе рассуждения и будет держаться Господа, точно как ветвь своей лозы, воспринимая от Него самого и в Нем от Отца жизненную во Св. Духе силу и действенность для своего рассуждения о расколе и раскольниках, или, что то же, давая в деле своего рассуждения делать самому Господу.

Как такой образ рассуждения вытекает прямо из духа и существа православной веры, это видно само собою. Мы, как христиане, не иначе и спастися можем, как *сие мудрствуя, еже во Христе Иисусе (Флп.2:5)*. Посему, если миссионер не успевает и даже не довольно располагается войти в то *мудрствование* Христа Агнца Божия, чтобы, в общении Его любви к нам грешным, сознавать и себя самого пред Богом не чуждым вины собратий – вины раскольничьего сопротивления и заблуждений: то он еще не преусвоил, не приобрел *Христа* (Флп.3:8) в самой силе Его любви и истины, – не успел еще и не вполне желает достойно и прочно усвоить себе спасительную благодать Господню. Нужно ли на это более прямое доказательство из Евангелия? Самаряне были именно раскольниками Церкви ветхозаветной. Но Господь на вопрос одного законника: *кто мой ближний*, сказал известную притчу о милосердом Самарянине, в которой в лице этого Самарянина

Он представил Себя самого: так-как Он взял на Себя с грехами всего мира и вину раскола самарянского; и – в такой именно силе своей любви к грешному миру Он один спасает *впадшаго в разбойники* человека. Так разумеет эту притчу св. Церковь, воспевая в своих песнях милосердного Самарянина, происшедшего *не от Самарии, а от Марии*. Не иначе и должно разуместь, ибо в противном случае вопрос законника о ближнем оставлен был бы Господом без полного ответа, без разрешения главной своей трудности, которая состояла в следующем: как снять преграду, разделявшую чад Церкви – иудеев от неверных-язычников, или Самарян-раскольников, чтобы так. об. для веры первых и эти последние были также ближними, родными? Эту преграду снял или уничтожил един Христос, взяв на Себя грехи всех. Поэтому Он *и не стыдится* представить, по отношению к омерзительному для Иудеев самарянскому расколу, и Себя самого Самарянином: так Он милосерд к гибнущему, израненному духовными врагами, человечеству. *Иди и ты твори такожде*, таким наставлением законнику заключил Господь свою притчу о милосердом Самарянине. Сказать то же другими словами: «входи и ты, учитель Божия закона, в дух и расположение той Моей любви, по которой вполне поднимаю на Себя тяготу и раскольников Самарян, – принимаю в такой мере ответственность за них, как будто Я Сам и был Самарянином, виновным в этом расколе». Это слово Христово прямо относится к миссионеру для обращения раскольников, внушая ему, каков у него, по этому делу, должен быть образ мыслей и расположений.

Согласие указанного образа рассуждений особенно с православно-русским духом также не трудно понять. Русский раскол есть одностороннее, и потому извращенное, обнаружение того (самого по себе или вне односторонности – доброго) требования и стремления русского верующего духа, чтобы христианину спасительную истину и благодать Божию выражать и воспринимать и в простых принадлежностях внешности, относящейся не только к Церкви, но и к самому себе⁴⁸. Таков уж Русский народ, что, по его воззрениям и в простом крестном знамении можно удержать или потерять

самое существо крестной Христовой силы, и след. самую веру и спасение: в омрачении, в злоупотреблении эти воззрения привели к расколу, но в своем благонаправлении и чистом свете те же воззрения обещают раскрыть небесное достоинство православия – до самомалейшей в нем иоты или черты. Так у нас, даже и в преобразованной Петром Великим России, – такие по-видимому, малости народной жизни, как простой покрой платья на европейский образец, стрижка волос и бритье бороды, имеют свой высокознаменательный смысл: в преобразованиях по этим чисто-наружным предметам, великий Петр дал русскому народу (сообразно с русским свойством) великий урок, что истинно-православная русская жизнь и быт и истинный образ в нас Божий состоят отнюдь не в отчуждении нашем от других народов, не в мертвой букве нашей старины или в привычной внешности... Пусть же миссионер всякий раз, как будет рассуждать, наприм., о нелепой вражде раскола против достославного исправителя церковных книг Никона, о безумных вопияниях раскольников против православного чтения имени *Иисуса*, против пятипросфория, против троеперстия, – пусть всякий раз испытывает себя, насколько он сам относительно этих предметов успел раскрыть на деле живую и действенную силу Христовой истины, премудрой и в самых кажущихся малостях, – силу благодати, животворной и в самых простых вещах. Но в сем самоиспытании пусть он не довольствуется самохвально тем, что знает смысл и значение того или другого из означенных предметов; не без смысла же вовсе и сами раскольники держатся своей старой неправленной книги или двуперстного крестного знамения. Нет! Пусть миссионер добросовестно пред самим Богом испытает себя, выдерживается ли он, и много ли выдерживает то доброе свойство и требование православно-русского духа, чтобы на самом деле, а не в одном бездейственном: «конечно, то или другое так», – разумелась верующим и живую блюлась в нем благодатная сила того или другого наглядного церковного предмета. Будет ли, напр., миссионер верен этому свойству и потребности русского духа, не удовлетворяющегося одними отвлечениями, а стремящегося к истине живой и на все

внешнее простирающей живое духовное влияние , если в троеперстии будет разуместь и другим раскрывать указание на тайну пресвятой Троицы без всякого, так сказать, прикосновения своего духа и мысли к любви Отца небесного, в Сыне существенно почивающей и на нас, как мы ни грешны, сияющей живительною и согревающею душу благодатью Св. Духа?. Он сам найдет и признает свою неверность православно-русскому духу, когда, опровергая, и большею частью с осмеянием, благоговейное пристрастие старого раскольника к бороде, сам не умеет читать великого урока, выраженного великим преобразователем России в наружном же виде целых известных классов русского народа, того урока, что давно уже пора нам серьезно, общими силами постараться о точнейшем уяснении и раскрытии в нас образа Божия. Ибо от вины раскольниковского неразумия, полагавшего знамение образа Божия именно в бороде, ведь не слишком далека вина не довольного разумения или маловникания в силу той истины, что образ Божий в человеке определяется первоначально сообразностью и сообщностью человека с существенным образом Божиим – Христом Богом Словом; и что потому все в нас идеи истины и добра, бесконечного и прекрасного суть отблески света Христова, и след, здание знаний и искусств и прав имеет глубочайшим основанием того же Бога Слова Христа. Таким-то образом, чем более и беспристрастнее будет миссионер поверять себя, в своих суждениях, свойствами и требованиями нашего православно-русского духа, тем яснее будет видеть и живее чувствовать, что даже и по правде придется нам разделить с раскольниками пополам вину отчуждения его от церкви Божией.

Впрочем, само собою разумеется, миссионер, внутренне в своем духе так настраивая образ своего рассуждения, как будто и он сам виноват в вине раскольников, – отнюдь не должен ни мириться в чем-либо с их ложью, ни ослаблять своей ревности против этой лжи. Агнец Божий Христос взял грехи Мира не для потворства им, а для решительного их испровержения и упразднения. Наше дело в том, чтоб истину раскрывать и свидетельствовать, сколько возможно, в том самом духе и

расположении, как свидетельствовал истину Агнец Божий – нам во всем первообраз и для всего начало.

Как образ рассуждения по духу Агнца Божия благонадежен и плодотворен и для собственного усовершенствования миссионера и для обращения раскольников, – скажем и об этом несколько слов. Миссионер чрез такой образ рассуждения будет более и более исполняться духом любви Агнца Божия Христа к грешным и заблуждающим, той любви, по которой Он, будучи воплощенной правдой и *Сыном любви* (Кол.1:13) Отчей, стал за них на кресте как грех и проклятие; эту самую Христовую любовь еще в ветхом завете одушевлялся Моисей, молившийся о помиловании виновного народа, и, в противном случае, сам готовый разделить с сим народом Божиим отвержение за его вину (Исх.32:33); эту же любовь самого Господа к погибающим был в новом завете движим ап. Павел с такою силою, что от всей души желал бы сам *отлучена быти от Христа по братии* своей, *сродницех по плоти* (Рим.9:3). Будет миссионер духовно усовершенствоваться и как миссионер: ибо, рассуждая о всем касательно раскола в том общении и настроении любви Христовой к заблуждающим, как бы сам он и виноват в вине их заблуждений, миссионер с первого же разу избежит той опасности, чтобы, при защищении православия от раскола, не прираził к нему самому дух раскола, дух самооправдательного фарисейства, дух неразумной ревности – не более, как то же только к одной букве православия. Что же касается до благонадежности такого направления в образе рассуждения для самого дела обращения раскольников, – упорная слепота их к истине, происшедшая от противления их любви Божией и так утвердившаяся в них главным образом вследствие отвращения от них преогорченной ими любви Божией, будет незаметно ослабляться и проходить, когда эта страшная вина их упорства будет более и более разрешаться чрез миссионерское общение и усвоение, в пользу их, той любви Агнца Божия ко всем виновным, как будто Он безгрешный один и виноват за всех. Всякий на опыте может познавать, что, с привлечением к заблуждающим животворной во Святом Духе любви – Отца небесного, открытой Сыном

Божиим к грешным, в заблуждающем сами собою, даже прежде его воли и сознания, начнут возбуждаться благодатно-живые движения мысли и чувства; а это, по отношению к раскольнику, и значит – начать и производить истинное его обращение к Церкви православной.

Только нельзя не признать великой трудности приобрести и упрочить в себе надлежащий образ рассуждения в противураскольничьем миссионерстве. Ибо для усвоения себе такого расположения Христова, чтобы во Христе брать на себя или, по крайней мере, разделять с раскольниками тягость их вины пред любовью Божией, требуется, очевидно, самая живая вера, любовью споспешествуемая; а между тем наше время во многих отношениях есть время слишком ощутительного для всех ослабления веры и иссякновения, радостно стремящейся к самопожертвованиям для других, любви. Впрочем, всегда открыты нам обильные и действенные способы к устроению и упрочению в себе должного образа рассуждения относительно раскола и раскольников. Таковы, прежде всего, самые воззрения веры к Господу Иисусу (в молитве и при всяком случае, как представляется или возбуждается мысль о Нем, особенно при совершении и общении таинств), – воззрения к Нему, именно как к Агнцу Божию, простершему, по домостроительству Своего воплощения и распятия, всю полноту почивающей в Нем любви Отчей на все человечество и на все человеческое, с понесением на Себе самом безмерной тягости всякого вида и рода человеческой виновности пред Отцом небесным, и всегда воссозидательно действующему такую любовь ко всем грешным в силе Святого Духа; – также воззрение веры к Божией Матери, как святейшей из всех именно по превосходнейшему пред всеми усвоению себе такой любви Христовой к грешным и виновным, что Она сама готова принять ответственность на себя, как наша Споручница, за все наши преогорчения любви Божией; – равно и воззрение веры к св. Ангелам, прославленным за святость человеками, как участникам, по степеням своего совершенства и служения, в той же Агнчей любви к грешным и виновным. – Ибо истинная святость всех святых и состоит в усвоении себе духа и силы

святости Христовой; а Он явил миру Свою святость именно как Агнец Божий, взявляя грехи мира. Святые и блаженствуют, вкушая силу и славу и сладость Агнчей любви к грешному человечеству и открытой в Агнце Божиим любви к человеку Отца и Св. Духа: так как все, не только земное, но и небесное, возглавлено во Христе Богочеловеке, Агнце Божиим, вземлющем грехи мира (Еф.1:10. слич. Откр.5:6–14). Такие духовные воззрения веры к Господу и Его Матери и всем святым, чем чаще будут у миссионера, тем будут живее и светлее; а чем они будут живее и светлее, тем миссионер живее и тверже будет сознавать, что, без истинного общения и усвоения себе духа и расположения Агнчей любви к человеку, он сам не упрочит за собою благодати Божией и может погибнуть. Таким образом может соделаться для него удобным рассуждать по отношению и к ожесточенному расколу – не иначе, как в духе Агнчей любви, т. е. как будто сам виноват за раскольников пред Богом.

В этом отношении весьма также полезно вникать в силу церковных праздников: ибо все существенно-важные события того домостроительства, в котором совершилась и открылась тайна Агнчей любви к человеку, в этой самой своей силе и воспоминаются церковными праздниками для усвоения оной всем православным. Так, например, праздник Рождества Христова торжественно напоминает вере такую тайну: когда единосущный Отцу Сын Божий, в Котором существенно почивает любовь Отчая со всеми силами единосущного Ему и Отцу Св. Духа, родился полным человеком с душою и телом, с умом, сердцем и т. д., и – это собственно для всякого человека и именно для гибнущего во грехе человека: то, с одной стороны, все стороны человеческого, все, что относится к душе-ли человека, телу-ли, к уму, к воле и т. д. – все это присвоено Сыном Божиим, на все это простерта уже в Нем любовь Отчая и даже вся бесконечная полнота сей любви, – только бы сам человек уже не похищал себя и всего своего у такой Его благодати; а с другой стороны, *всяко исполнение Божие*, принадлежащее единосущному Сыну Божию, Его ум, воля, любовь стали уже открыты к общению, по мере веры, для

каждого из нас, – только, бы опять сама вера не отказывалась исполняться всяким исполнением Божиим, уже предоставленным человечеству чрез явление на сей свет Бога – человеком. Таким образом, один этот праздник миссионеру противураскольничему даст достаточно благодатной силы для устройства в нем надлежащего образа рассуждения. – В празднике Богоявления сила дела явна: под руку Предтечи, строгого проповедника покаяния, *преклоняет выю* Агнец Божий, истинно как будто Он и есть виноватый в человеческой греховности, – и при сем с чувственной наглядностью открывается, что такой дух Агнчей любви к грешному человеку есть дух самого существенно-возлюбленного Сына Божия, проявляющей все благоволение Отчее в самой силе и голубино-кротком наитии Святого Духа. А все это – для нас, для усвоения такой благодатной силы события, нашей вере. Миссионеру же, сверх того, в том же праздничном событии внушается, что не иначе, как в таком духе Агнчей любви, и можно с благонадежностью и спасительно начинать миссионерское служение для обращения раскольников: так-как основания и первообраза для сего служения нельзя вере нашей полагать иного, кроме Христа и Его общественного служения, открытого крещением на Иордане. – Праздник Успения Божией Матери представляет вере следующее: благочестное успение или смерть в Господе есть окончательное усвоение праведником силы смерти Господней (ибо в том и праведность, чтобы во всем сообразоваться и иметь общение с Господом Иисусом); а сила смерти Господней – есть та любовь Его к грешным людям, по которой Он умер за их грехи и осуждение, как бы Сам за них был клятвою и грехом; отсюда очевидно, что успение Божией Матери, несравненно святейшей всех святых праведников, было для нее тою светлою дверью, чрез которую Она окончательно входила в общение смерти Господней, в полноту Агнчей любви к грешному человечеству, и потому – решительно открывалась заступницею рода христианского и всего человечества, готовою отвечать и жертвовать самой Собою пред Богом для помилования и спасения всех грешных,

– следовательно (так скажет миссионер в благоустроение своего образа рассуждения относительно раскола), и раскольников.

Важно для сего и вообще надлежащее разумение духа церковности православной. Церковь, как благодатное тело Христово, полнота Исполняющего все во всем (Еф.1:23), и есть благодатная область и сокровищница сил и любви Христовой и, чрез Христа, любви Отчей – в Св. Духе. Посему церковность, как вообще в своем составе, так и во всех частях и подробностях, и представляет выражение, облачение, указание, урок, намеки все той же любви Божией и Агнчей к нам грешным; потому ничего ни великого ни малого в церковности православной миссионеру не должно иначе ни представлять себе, ни выполнять, ни толковать, как непременно соприкасаясь верующим духом к выражающейся в церковности любви Отчей и Агнчей, действующей Святым Духом, и – таким образом просто и незаметно он будет настраиваться в своем образе мыслей тем же духом. – Для нашей немощи или младенчества во Христе есть и еще прекрасное и действенное средство исполняться этим живым духом церковности. Уже и в ветхом завете в одном образе выражаемы были мысли о Церкви – матери всем нам, и о Матери Божией – Матери всем общникам Ее Сына, как напр. в словах 44 псалма: *предала Царица одесную Тебе* В новом завете то же поразительно показано в 12 гл. Апокалипсиса. *Мать Пасущего вся языки жезлом железным* (ст. 5) есть собственно единая Мать единого Господа: ибо *упасти вся языки жезлом железным* – принадлежит Ему одному, как то было предсказано и в ветхом завете (во 2 псал.). Но, с другой стороны, в апокалипсическом изображении жены-матери есть некоторые черты, которые не приличествуют Божьей Матери, а идут вполне к Церкви, рождающей в жизнь благодатную; какова, например, эта черта – страдальчески-болезненные муки рождения (ст. 2). Итак, и здесь в изображении жены представляются вместе и Божия Мать и Церковь. Посему, во избежание той опасности для нашей духовно-младенчествующей веры, чтобы ни говорить, ни думать о Церкви и о разных принадлежностях церковности – без силы и живого значения, прекрасно соединять с мыслью о Церкви

вместе мысль и о Богоматери, т. е. представлять себе, что и Церковь, рождающая нас в жизнь во Христе и дающая способы сей жизни, есть мать наша, и Богоматерь, не могущая, без всякого сомнения, отрещися от своего Сына, в нас таинственно воображаемого и вселяющегося Своею благодатью, в сем отношении есть также мать наша. Так сама мать Божья будет поддерживать и укреплять во Христа наши мысли и расположения и вводить миссионера, по мере духовного его преспеяния, в Свои материнские мысли и попечения о заблуждающих наших братьях. Относительно же раскольников миссионеру всего нужнее, чтобы у него мысль и слово о церковности были проникнуты живою и действенною силою.

Но, чтобы не колебаться, а быть твердым в должном настроении по образу рассуждения о расколе, не надобно миссионеру терять из виду жестокой на смерть брани, идущей между змием и его семенем – с одной стороны, и женою-Церковью или Господом и Его общниками – с другой. Чем важнее пункт на поле брани, тем тверже надобно стоять на нем и тем бедственно-опаснее колебаться и быть небрежным. А та сила в нас любви Агнчей к миру, чтобы нам рассуждать и настраиваться духом сей любви, – это самый существенный и средоточный пункт в миссионерских подвигах. Следовательно, всего опаснее не устоять в этом средоточии, в малом-ли, в великом-ли: ибо все равно потерять дело брани, в важном чем, или в мелочах.

Как, теперь, применять раскрытые выше начала миссионерского рассуждения к частным предметам пререканий раскольничьих?

Касательно этого прежде всего должно заметить, что мы здесь не намерены входить в исторические или полемические разыскания о сих предметах, а, согласно с задачею педагогики, – у нас дело в настрое самого миссионера, потребность в расследованиях о тех или других частных предметах. Посему и нужды в самых таких расследованиях, ни важности, ни пользы их – мы нисколько не колеблем и не уменьшаем, намереваясь применять общий образ рассуждения, по делу раскола, к самым частным предметам.

В рассуждении об исправлении церковных книг, давшем повод к обнаружению раскола, вот что миссионеру надобно иметь в виду. К церковным книгам относятся как самые книги свящ. писания, так и те книги, в которых многообразно раскрывается и разъясняется сила также св. писания, каковы книги Богослужебные и учительно-отеческие. Но в св. писании раскрытая Божественная истина, существо которой вообще есть спасающая мир любовь Божия во Христе (Еф.3:18–19), настоятельно требует, чтобы ей ныне, в новом завете, быть наворачываемой уже не по ветхозаветному на внешних скрижалях, а на скрижалях сердца Нашего *плотных Духом Бога жива*: в этом именно апостол Павел полагает существенное отличие нового завета от ветхого (2Кор.3:2–18). Отсюда объясняется то значение церковных христианских книг, что из них – книги св. писания суть Богоданные способы и Боговдохновенные изображения Божественной истины, как она Духом Бога жива должна быть наворачываема на скрижалях сердца верующих или в самом духе церковном, а книги Богослужебные и учительно-отеческие суть просто-церковные, благодатные способы и выражения той же истины, направленные также к действию Св. Духа внутри сердца и духа общества православно-церковного. Итак, когда неотъемлема от Церкви и всегда действительна та благодать нового завета, чтобы сему завету любви Божией, открытой во Христе Агнце Божиим, быть начертану и действовать на скрижалях *сердца* верующих или *внутри* духа Церкви Божией, к чему именно способами и чего выражениями благодатными, служат книги церковные: то церковный пересмотр и исправление книг церковных, со всеми поводами и побуждениями к нему, относится не просто только к их *письменам* или букве, но имеет значение такого благодатного пересмотра, у всех-ли чад Церкви, вполне-ли чисто, и во всех-ли чертах сохранно и свято блюдется и действует – на скрижалях сердца, в совестях, в воззрениях и настроении веры – завет любви Сына Божия к человеку, не вкрались ли где по местам, по духовной небрежности или неведению, какие-нибудь отклонения от силы Божественной истины и начертания ее на самых скрижалях сердца; и все это – с тем, чтобы, если в чем

оказались бы где-либо какие уклонения и порчи, исправить оные Духом Бога живого, согласно истинно-древнему апостольскому и свято-отеческому начертанию и вечному существу и силе нового завета. Таким образом и разные порчи в книгах церковных, так озаботившие всю Церковь всероссийскую, были, – если только (что несомненно для веры) благодать Божия всегда была и действовала в Церкви, – были и суть ни более ни менее, как наружно всплывшие неточности и неверности в самом образе разумения и соблюдения Божественной истины, вкравшиеся в скрижали сердца, в совести, в правила и воззрения веры многих чад Церкви. Древле-русская жизнь, к временам которой относятся начало и первоначальное направление дела об исправлении печатных книг, отличалась именно тою духовною особенностью, что православно-русский дух просто и непосредственно в предметах и принадлежностях православной церковности почерпал благодатную силу православия, которая возвышала его к самому Господу и держала его, как евангельское отроча, у престола Божьей Благодати. Соответственную сему силу (очевидно – духовную, а не мертвыми только буквами ограничивающуюся) имело и дело исправления церковных книг: отвергать такую силу значило бы не знать в древней православно-русской жизни существенного ее характера. – Таковую силу дела исправления церковных книг и нужно иметь в виду при всех исторических изысканиях о сем деле. И как совести других людей, во всей их глубине, известны только одному Богу: то миссионер всякий раз, когда у него дело касается исправления церковных книг, поставляется при сем во внутреннее наблюдение главным образом за самим собою, не допущено-ли у него какое уклонение от силы нового завета в самых его воззрениях и правилах веры, не потребно-ли ему самому ту или другую черту Божественной истины (касающуюся даже, например, самого имени Иисуса, кроме которого нет другого имени, *о немже подобает спастися*) на скрижалях его сердца обновить или исправить Духом Бога живого. Так миссионер об этом частном предмете исправления церковных книг и будет рассуждать по тому общему началу, чтобы во Христе, Агнце Божиим, сознавать и себя не совсем правым по

этому делу – сообща с раскольниками. И, что при сем особенно важно по отношению к этому частному предмету раскольничьих хулений – исправлению церковных книг, все изыскания миссионера по этому предмету будут производимы в сознании и ощущении того сладостного для веры и вместе премудрого распоряжения любви Божией во Христе, что она, по свойству нового завета – начертываясь *на скрижалях сердца плотных Духом Бога живаго*, в этой самой силе своей выразилась и воздействовала как в допущении, так и в исправлении столь случайных описок слов или иногда одной буквы в слове в церковных книгах. Вот церковное вековое доказательство, что кажущееся мелочным и пустым, но взятое во Христе или находясь в распоряжении Его любви, оказывается мудрым по своему значению и действенным по силе⁴⁹.

Так, миссионер знает, сколько шуму и потрясений произвело и, что всего важнее, потери скольких душ стоило нашей Церкви случайное, вместе с другими подобными случайностями, опущение одной буквы в имени *Иисус* в некоторых местах церковных старых книг. Знает уже он и значение церковных книг, как способов и выражений Божественной истины, начертываемой в сердцах Духом Святым. И потому он прямо приходит к такому рассуждению об исправлении, столь маловажного – по-видимому, опущения в имени *Иисуса*: «видно, это Божественное имя, вне которого нет ни в ком и ни в чем спасения, ни на небе ни на земле, на скрижалях нашего сердца, или у того или у другого из нас, поставлено в чем-нибудь не так, как требовала бы сила сего имени – имени Агнца Божия, ставшего таким за всякого человека и за все человеческое; видно, нет ли у нас, понимаемой в смысле долга, такой ревности по самом Господе Иисусе, которая соединяется с немилосердием в чем-либо к человеку, с отвержением и отчуждением каких-либо сторон человечества, якобы уже недостойных очищения благодатию Христовою; видно, исповедуя имя Иисуса, не совсем считаем себя имеющими и полное право и благодатное во Св. Духе удобство и обязанность – исполняться Божией полнотою, во Иисусе Сыне Божиим нам открытою, именно – всякими сокровищами Его

премудрости, святости и любви». Такую собственно силу имени Иисуса, как начертываемую и действующую в нас Духом Святым, миссионер и должен (имея, впрочем, ввиду, для обличения и поражения, всегда себя самого в первую голову) отстаивать, когда говорит или думает о неправильности раскольнического чтения *Исуса*.

Подобным образом миссионер должен защищать в Богослужбных книгах троеение *аллилуйя* против сугубой аллилуйя. Он знает значение сего слова: *хвалите Бога*, – знает и то, что аллилуйя есть слово еврейское, оставшееся однако в живом церковном языке греческом и славянском; проразумевает наконец в тройственном числе, согласно с употреблением оного в Богохвалениях библейских и церковных, указание на тайну пресвятой Троицы. И все это он берет во внимание и в рассуждение не иначе, как имея в виду начертание нового завета именно на скрижалях сердца Святым Духом, чего способом и выражением служат церковные книги. И вот у него сам собою определится такой образ рассуждения об *аллилуйя*, правимом в книгах церковных: «надобно пересмотреть наши духовные скрижали, не ослаблено-ли и не усечено ли в них, или не перебито-ли то неперменное требование Христовой истины, чтобы нам уметь находить и разбирать повсюдное, во Христе уже никак не ветшающее, указание на пресвятую Троицу, именно –выражение и осуществление во всем мыслей Бога Отца ипостасным Его Словом в силе Святого Духа, чтобы таким образом слышать всюду в природе и в истории, в науке и искусстве, в душе и во всех мирах это троичное *хвалите Бога*, раздающееся для нас в Церкви искони – из века в век, из рода в род. Не даром же и самые раскольники так превозносят (только слепо) Божественное *аллилуйя*, и – Богомудрая мать – Церковь никак не потерпела раскольнического упорства в усечении тройственности *аллилуйя* в книгах.

Вот еще в самом символе веры, этом вселенском зеркале всей Божественной истины, допущена в старых книгах неточность: и именно в члене веры о Святом Духе поставлено *истинного* вместо *Господа*. Миссионеру, знающему то отличительное свойство и требование нового завета, чтобы

Божественная истина начертывалась собственно на духовных скрижалях Духом Святым, знающему и назначение книг служить именно сему способом и выражением, нельзя иначе рассуждать об этой неточности и ее исправлении, как следующим образом: «видно, в соблюдении и исповедании нами Божественной истины – этого дара Духа истины, нет ли по местам у нас, в самом деле, недосмотра или небрежности о том, чтобы истина Божественная была соблюдаема и выражаема непременно по духовному, т. е. с силою Св. Духа, Который есть Господь, дающий духовную свободу и своим общникам (2Кор.3:16–18)? Напротив, иногда не по рабской ли только букве, подвергающей нравственному рабству и мысль, и волю, и самое чувство, держимся мы истины, не входя в ее дух и силу, дающие послушливой вере духовно-властительную свободу в самом Духе Святом *Господе!*». Сию-то, истинно-раскольничью, неточность миссионер и должен иметь в виду и отражать в своих разысканиях об исправлении указанного выше чтения в символе веры, разумеется – взявшись сначала за себя самого.

Нет нужды изъяснять, что, с таким настроением рассуждая об исправлении разных неточностей в церковных книгах, миссионер вместе – и поймет истинную цену и высокий смысл сего церковного дела, и будет служить Божественной истине в духе и силе ее, как следует, – по-новозаветному, и незаметно вводить и раскольника в силу нового завета, наворачиваемого на скрижалях сердца Духом Святым. Ибо, говоря с раскольником, например, об имени Иисуса, и занятый сам благодатною силою и животворным значением сего имени, миссионер естественно станет навевать на раскольника благодатный дух сего имени.

Относительно перстосложения для крестного знамения и благословения, и также хождения по-солонь, надобно брать в рассуждение, прежде всего, значение для веры видимой природы – как собственно-человеческой, к которой относятся персты слагаемые для крестного знамения и благословения, так и внешней, порядок которой берется в соображение при священнослужебных хождениях по солнцу или на встречу видимого солнечного течения. Миссионер знает о видимой природе, нашей собственной и внешней, что она и все

принадлежности в ней, как выражение и осуществление мыслей Божиих ипостасным Словом с утверждением от Святого Духа, составляют, действительно, как бы выразительную грамоту о духовном и Божественном, открытую для нашего научения и вместе для употребления к выражению духовных предметов нашей веры. Только уже (при сем само собою разумеется) не должно извращать эту грамоту природы, или делать ей насилие по нашему произволу; против собственного ее Богоустроенного порядка; напротив, должно пользоваться этою, так называемою нами, грамотою сообразно ее порядку или, так сказать, значению букв в оной. Иначе будет слагаться из них превратный смысл или нелепица. Так, по роду сей грамоты, несомненно оказывается следующее: если, для указания на тайну Св. Троицы, слагать большой палец руки вместе с безымянным и мизинцем так, чтобы *эти три перста разделялись между собою* перстами указательным и средним, простертыми вверх (как делают раскольники): то, хотя бы не намеренно, по подлинно арианские мысли (*о неединосущии пресв. Троицы*) выражаются таким перстосложением для крестного знамения, как решительно и утверждал это Никон⁵⁰. Или: если в священнослужебных хождениях будем направляться, как хотели бы раскольники, не на встречу солнца, а взад его, уходящего на запад и скрывающегося на-полночь: то это значило бы выразить как бы буквами, взятыми из грамоты природы, что стремимся не к свету, каков духовно сам Христос с своею благодатию, истиною и правдою, а к отшествию и отсутствию света. Также, когда с раскольниками стали бы мы употреблять одно и то же перстосложение для благословения и для крестного знамения: то опять как бы буквами выразилось бы у нас смешение двух совершенно различных понятий – *о Божией благодати*, преподаваемой в священническом благословении, и *о нашей вере*, молитвенно простирающейся к Богу в крестном знамении; подобно, как напр., принадлежащие существенно Господу Богу слава и владычество смешиваются иногда с начальственными человеческими служениями в общественной жизни. Располагаемый всем этим к тому, чтобы не слишком отделять себя от виновности раскольничьих недоразумений и неразумия,

миссионер и должен отстаивать самую духовно-действенную силу означенных пререкаемых предметов, вообще указующую на глубокий во Христе смысл и видимой природы, человеческой и внешней. И в особенности должен иметь в виду самую действенную силу и а). крестного троеперстного знамения, так чтобы, защищая оное, молитвенно соприкасаться духом к самой любви Божией, открытой нам в Сыне Божиим и изливающейся Святым Духом, и б). благословения священнического, как собственно от Бога Отца и именно в Сыне Его Иисусе Христе преподаваемого, духовного или благодатного во Святом Духе благословения (Еф.1 гл.), в). хождения на встречу солнцу, как нашего устремления к свету Христову, к свету истины и благодати и правды, идущему к нам с востока, с отвращением от раскольнического движения за ним, уходящим на запад и на-полночь, т. е. скрывающимся за человеческою земляностью, огрубением, заблуждениями или мудрованиями не по Христу.

Рассуждая о просфорах, миссионер не должен опускать из виду, во-первых, того, как благодать, действующая в Церкви, благословляет служить для ее таин и человеческий, самый даже смиренный, труд и искусство в отношении к предметам видимым, каково все, что делается для приготовления хлеба или просфоры, начиная от посева семян до приготовления теста и печения хлеба; а во-вторых, говоря о православном правиле, чтобы в просфорах не отделять особых просфор для христианского народа и особых для его пастырей, духовных и гражданских, миссионер приметит в сем прямое выражение и внушение того, что велено в Апокалипсисе (2 и 3 гл.) написать Ангелам Церквей, т. е. что пастыри, подъемля и неся тяготы паствы, как собственные, и паства, вменяющая себе самой и достоинства и немощи пастырей⁵¹, судятся и награждаются одни в других, и потому имеют для себя общую и нераздельную среду, как одну просфору, из которой изъемятся частицы равно и вместе за тех и других. Нет и нужды уже напоминать миссионеру, вполне ли он сам верен духу и силе этих священных, как и ниже указуемых предметов.

Рассуждая о кресте четвероконечном и осмиконечном, миссионер должен иметь в виду также собственно самую силу

креста, т. е. любовь Агнца Божия, открытую и действующую на кресте, именно загладившую и поправшую все греховное в нас и в вере: ибо боговраждебность мира и наши грехи точно распяты на кресте, – только следует усвоить себе и проносить в мире и во все его области такую благодать креста, действующую даже и чрез видимые и вещественные его изображения (см. Гал.6:14). Что касается до пристрастия раскольников к старым иконам, – трудно и догадаться, какая духовная, но выродившаяся или выдохшаяся, мысль выразилась в этом раскольническом пристрастии. Св. Иоанн Дамаскин, в учении об иконопочитании (см. точное исслед. правосл. веры), раскрывает, что самая старая или первая в мире икона есть сам человек, созданный по образу Божию, и что во взаимных наших поклонах и выражается почтение, собственно, к образу в нас Божию. Этой самой мысли, почти не обращающейся в живом действии и у нас православных, и следует внутренне держаться в рассуждениях о старых иконах: это значит то же, что внутренне внимать существенному образу Божию – Христу Богу, отобразившему Себя в человеке по самому его созданию, а особенно по воссозданию в христианстве.

Таким образом, происшедшее по рассмотренным пререканиям отпадение многих от Церкви Божией в разные секты раскола получает для миссионера значение многообразного, по указанным выше предметам, отступления от той силы, от того жизненного начала открытой нам во Христе и изливающейся Духом Бога живого любви Божией, чтобы быть живыми членами живого благодатного тела Христова, чувствующими и содержащими свое внутреннее общение и сродство во Христе и между собою, движущимися во всем по духу такой неизреченной к нам любви Божией. *Поповщина* есть довольное только внешнею формою священства отступление от той благодатной силы священства в новом завете, что приводит к Отцу во Святом Духе собственно один Иерей вовек, единосущный и существенно возлюбленный Сын Божий, избирая и освящая для проявления и действия в Мире такой благодати особенные сосуды из людей – архиереев и

священников. *Беспоповщина* – это отступление от означенной силы священства в новом завете даже с отрицанием самой нужды в служении и служителях освящения. Не то, чтобы священники или архиереи были какие-либо заместители Христовы, как величает себя папа в римском католичестве, но в благодати священства сам Христос и единственно Собою во Св. Духе приводит людей к небесному Своему Отцу, как един вечный Иерей и Архиерей. И опять не то, чтобы православное священство только себе присвоило Христа, но оно напротив и считает прямым своим назначением и долгом служить тому, чтобы и во всех православных был и действовал сам Христос, и чтобы, потому все они были царственным священством, по сыновнему служащим во Христе небесному Отцу. Не признающий всего этого с упорством и есть *беспоповец*, признающий только одну внешнюю форму или букву этого, без разума и употребления самой силы, похож на раскольника *поповца*.

Легко понять, что и простому чувству духовному, не распаляемому, впрочем, до фанатизма спорами, мудро успокоиться в самообольщении мертвящего душу раскола; но, с другой стороны, также само собою понятно, что от привычных темных понятий освободиться вообще не легко. Церковь матерински признала это последнее; и потому она открыла доступ из области раскола в живой состав свой, внутренне связуемый и одушевляемый духом жизни и любви Христовой, хотя бы кто и не отрешался от слишком загроможденных предубеждений против правленых книг, против троеперстия и под., а только духовным чувством или чутьем устремлялся бы к благодати быть живым членом жизненосного Христова тела Церкви. Вот и *единоверчество*. Оно требует от православных, при всяком соприкосновении к принадлежащим оному, с одной стороны – искренно братской осторожности, чтобы как не оскорбить духовного их чувства пренебрежением и унижением снисходительно им позволенного, а с другой – всеусильного старания внутренне выдерживать относительно пререкаемых предметов истинную духовную мысль и живые воззрения (как отчасти выше этого протолковано). Тогда будет более и более

присвояться им и раскрываться в них благодатно-церковный дух Христовой светоносной любви, от которого наконец легко совсем спадут узы грубых и жестких их понятий. В противном случае надобно опасаться, чтобы единоверие не оказалось у иных маскою того же раскола. – Обратимся теперь к самым сношениям с раскольниками.

Часть вторая. Как устроить самые сношения с раскольниками для их обращения?

Не трудно согласиться с таким, на этот счет, правилом: нужно повести дело с раскольником так, и внушать ему то, что и как он может принять, что и как требуется для него. Но как исполнить такое правило, когда всякая личность имеет свою особенную духовную приемлемость и нужду, и когда, преимущественно в расколе, всякий молодец на свой образец? Вот тут-то и следует вспомнить главное начало – делать дело так, чтобы делал его в нас сам Господь, без Которого *не можем творити ничесоже* истинно благонадежного; и применить это начало к настоящему вопросу не мудрено.

Известно, что и по самой природе своей (не в конец же и всецело и теперь растленной грехом), человек при сотворении поставлен в живую сообразность и следовательно в союз с существенным образом Божиим – единосущным Сыном Божиим, как созданный по образу Божию; а главное известно, что именно для грешного человека стал человеком сам Бог Слово Сын Божий, взяв на Себя вину отпадения его от Бога, за Самарянина раскольника – самого Себя представляет нашей вере Самарянином (о чем выше уже была у нас речь). Итак, во всяком собеседовании и сношении с раскольником, пусть миссионер очами веры и любви к Господу взирает на самого Господа, Который стал человеком и за раскольника, взял и его грех на Себя, и потому собственным лицом, так сказать, стоит за него пред Отцом и всеми созданиями, а на раскольника пусть смотрит как на одушевленную, правда – слишком попортившуюся от ветхости, но тем не менее достойную чествования, икону его: ибо, как тоже выше уже был случай говорить, и самое начало иконопочитания лежит и св. отцами указывается именно в образе Божиим, впечатленном в человеке при самом его создании (см. точное излож. прав. веры, св. Иоанна Дамаскина, в статье об *иконпочитании* первые строки). Тогда сам раскольник скажет или покажет миссионеру, что и как он (раскольник) духовно требует и может принять. То

же точнее и прямее сказать: только бы миссионер, в сношении с раскольником, духом взирал и внимал самому Господу, как пред Его иконою: тогда во свете Господнем легко и ясно будет примечать, какие точки соприкосновения с Господом еще блюдятся в раскольнике, какой пищи требует и берет у Господа дух раскольника. Вот как *вообще* нужно устроить дело самых сношений с раскольниками! Но это не в то только время, когда прямо о вере миссионер беседует или входит в сношение с раскольником; но так должно быть при всяком с ним сношении, при собеседовании и о житейских предметах. Иначе миссионер стал бы одною рукою созидать, а другою разорять. Подумайте, что, если в разговоре или сношении с раскольником по житейским предметам, вы, внимая собственно Господу, дадите Ему чрез такую вашу веру и любовь коснуться духа раскольника, то, ведь, это есть уже дело благодатного обращения раскольника. Известно, что бывает и наоборот...

Можно из того же начала развить еще важные правила для сношения с раскольниками.

Известно, что дверь греху, следовательно, и всякому заблуждению и обольщению, отверста в человечестве именно женою. Есть свидетельство опыта, что упорство в заблуждении раскола много поддерживается женщинами. Да и сами вожди заблуждения (как например у папистов иезуиты, равно и наши расколоучители) расставляют сети особенно для обольщения женщин. Но ужели благодать и истина Христова слабее греха, лжи и обольщения? – напротив, *идеже умножися грех преизбыточествова благодать* (Рим.5:20). Пресвятая Богородица заплатила долг Евы с преизбытком за все времена – прежние, настоящие и будущие. Итак, если особенно жена замешалась в деле обольщения, то и в деле обращения обольщенных надобно иметь в виду особенно женщину. Как же это? – Когда вы, имея перед собою женщину, положим – именно раскольницу, *только бы имели в благоговейном вашем виду Господа*, поскольку Он в ней вообразен по самому ее созданию, особенно по благодати искупления, хотя бы только предваряющей: то в этой самой личности женской, которая, с сохранением своего пола, носит в себе хотя бы и слишком уже

потускневший образ Господа, для вашего духовного и благоговейного внимания уже сам собою открывается еще, хотя бы, так сказать, почернелый и изветшавший, образ той Жены (Гал. 4:4), в которой Господь благоволил для всего мира вообразиться именно чрез Свое в ней воплощение и которая, преизбыточнее самых Серафимов, сообщна той любви Агнца Божия к грешным и заблуждающим, чтобы в Нем чувствовать и сознавать себя саму за них ответственною⁵². Как же скоро это будет у вас, то женщина, орудие обольщения, будет становиться орудием благодати к обращению обольщенных и заблуждающих, и тем более действенным и благодвижным, чем неуклоннее и благоговейнее и чище вы будете, в подобных живых иконах, взирать к самой первообразной и чрез это более и более приближать к ним благодать и любовь Матери Божией. Ибо сим образом облик обольщенной Евы будет в женщине или девице заменяться чертами новой, истинной Евы (жизни), Матери истинного живота. И в этом случае, против опасности собственного вашего искушения от женщины, явится предохранительною стражею сама же женщина: потому что Та, образ которой вы будете вашею к Ней верою и любовью находить, живописать или очищать или поправлять в той и другой личности женской, есть пресвятая Дева. Она сама будет с вами и, при случайном забвении вашем о Ней, будет выразительно напоминать вам о себе чрез те же свои одушевленные иконы. И таким образом, как бы ни был расколом подавлен и убит дух истинного христианства, обновится и возродится он благодатным отображением в женах и девах Родшей самого Христа Господа для изветшавшего в грехах и заблуждениях мира.

Союз супругов, в котором, уже и по порядку творения, отражается тайна союза между Господом и Церковью, – также отношение между детьми и родителями, сила которого понятна вере из того, что, по ап. Павлу, всяко отечество и на земли, также, как на небеси, именуется по Отцу небесному (Еф. 3:14–15), – и самые христианские имена, взятые от угодников Божиих, в которых уже до предначатия славы вообразился Господь, дают вере миссионера новые способы к благодатному

действованию на раскольников. Следует только ему вниманием духовным следить за отражением в *супругах* Божественной и небесной любви между самим Господом и Его Церковью, наблюдать *в родителях и детях* (как бы даже ни были они грубы) действительный, а не мечтательный ответ любви Отца небесного, простертой на Его чад и возбуждающей в них соответственную любовь, взирать духом к тому или другому святому или святой, *имена* которых носят и раскольники.... Да всего мудрено и пересчитать, что, в сношениях с раскольниками, миссионеру дано благодатию для привития их к Господу и Его Церкви. Что обычнее и нагляднее одежды, которую носят все? В христианстве православном первая одежда, от которой, как от семени, с возрастом по потребностям человека развиваются и все виды одежды, получается как церковное и благодатное знамение облачения во Христа в крещении⁵³. Итак, когда, например, раскольник просто шапку надевает: ты, вспомня благодать Божию относительно христианской одежды, своею живою верою принимай за знамение именно возглавления во Христа простое надевание шапки или картуза, и так. обр. духовно препосылай или навей на голову и ум раскольника дух и силу Христовой истины и благодати; и – ты увидишь, что духу раскольника ощутительна и любя будет твоя духовная подачка. И так далее. Только помни, что и имени Господа Иисуса Христа не можем нареши по надлежащему иначе, как *точию Духом Святым* (1Кор.12:3); а – с призыванием Господа Иисуса дух твой соприкасается и к любви Отца: это сущность и условие всякого духовно-благодатного действия нашего внутреннего и внешнего.

Но, может случиться, что, и воспринимая охотно столько и таких даров Божиих, раскольники тем не менее будут противиться вам, как скоро станете, для упрочения за ними благодати Божией и решительного их воссоединения с Церковью, определенно раскрывать перед ними все это дело. Все подобного рода случаи для миссионера бывают случаями или к тому, чтобы еще лучше узнать, показанным выше способом, духовную потребность и приемлемость раскольников, или к тому, чтобы еще глубже вникнуть в силу и расположение

Христовой любви к заблуждающим, вземлющей на себя тяготу их, как бы собственную. Первое для миссионера, дорожащего более своим делом, чем собою, драгоценно потому, что он чрез самое противление раскольников избегает несчастья делать духовное насилие им, т. е. действовать на них совсем против духовных их требований и приемлемости. Второе же важно для миссионера потому, что, когда он, внимая Господу в своих сношениях с раскольниками, видит с Его стороны соответствие своему вниманию, но не находит соответствия лично к себе со стороны раскольников, то чрез это он, хотя и прискорбным для его сердца образом, научается делать дело Божие – прямо для самого Господа, который, без сомнения, видит и не забудет скорби своего служителя. Если гадаринские жители, из-за гибели своих свиней, остались непризнательными к Господу за изгнание легиона бесов из их бесноватого, и всем своим обществом сказали Господу, чтобы Он удалился из их страны: то они же в последствии, когда Он возвратился в их страну, во множестве собрались к Нему (Мк.5:17–21), так как Он Агнец Божий, при удалении от них по их желанию, вину их пристрастия к свиньям понес на Себе пред Отцом Своим.

Сказав, хотя и мало, о том, что существенно должно наблюдать миссионеру в сношениях с раскольниками, заключим эту статью тем замечанием, что из главного правила повести дело с раскольниками так, как они могут принять, вытекает и то, чтобы в сношениях с ними наблюдать особенно благочестивую степенность во всем, делать «истово» крестное знамение в молитве, при входе в дома непременно молиться пред святыми иконами и проч, подобн. Но только все подобное надобно выполнять не иначе, как на основании того существенного, что выше раскрыто: выдерживать иконопочитание, по мысли св. Дамаскина, даже в простых поклонах и других знаках внимательности взаимной с раскольниками, – в крестном знамени выдерживать внутренне самую силу Христова креста, этого символа умилоствления Отца небесного ко всем грешным и заблуждающим, – в степенности держаться собственно Господа, о котором сказано: *уже не преречет, ни возопиет*, и проч. Миссионер всевозможно должен всякие свои

действия, в сношениях с раскольниками, до простого крестного знамения – беречь от духовной закваски того же раскола, состоящей в старании соблюдать форму или букву без надлежащей силы дела. Это значило бы уже не обращать раскольников, а самому духовно совращаться в раскол.

Часть третья. Как, наконец, устроить, по делу миссионерства противураскольничьего, отношение к началству церковному и гражданскому?

Вопрос, требующий в деле против раскольников заботливого разрешения: потому что раскольники и погрешают особенно в отношении к иерархии, а потом и к гражданскому правительству. Чего ждать доброго, если у самого миссионера отношения к началству будут только или почти только формальные, слишком недалекие от раскольничьих отношений к началству, если понимать началство по православному? В Церкви Божией священнослужащий так часто и торжественно возглашает, что всякая власть и держава, честь и поклонение подобает Отцу и Сыну и Святому Духу. Эта возглашаемая истина непреложна. Поэтому *вообще* при всяких отношениях к началству, даже до последних бумаг официальных, обыкновенно так и называемых *отношениями*, миссионер неопустительно и непреложно должен поднимать глаза, в своем духе, к державе пресвятой Троицы, т. е. в Духе Святом взирать к Господу Иисусу, а в Нем созерцать самого Отца, которому в возлюбленном Его Сыне, так сказать, и докладывать все. Так у миссионера все дело его пойдет прямо под ведением и распоряжением самого Вседержителя, действующего какими бы ни было орудьями по Своему благоволению, и – он это будет ощущать и разумеать в постоянных опытах.

Скажете: не мудрено это соблюдать по отношению к священноначалию церковному, в котором Своею благодатью действует сам всесвятой Архиерей – Господь. Но как в отношения и к светскому началству?

В отношении к сему-то началству и надобно в особенности наблюдать и остерегаться, чтобы не оскорбить и не стеснить благодати, данной собственно церковной иерархии. Как так? – Благодать священства всех степеней даруется во благо и спасение всей Церкви; и если, в этом своем назначении не вотще, не по-латински, а по православному, нами духовными она воспринимается, так что в нашем служении сам небесный

Архиерей и Иерей во век, по истине, всех и вся приводит Св. Духом ко Отцу: то в силу этого и гражданские или воинские вожди становятся также избранными Его орудиями, чрез служение которых, как чрез иерархию своего рода, Он от Отца препосылает своим людям разные блага и дары. (Посему-то Константин Великий и сказал отцам 1-го вселенского собора: «вы поставлены от Бога епископами во внутренних делах Церкви, а я епископом же во внешних ее делах»). Так и смотрите на светское начальство, в потребных к нему отношениях по миссионерскому делу: иначе будете стеснять и обижать благодать священства, данную самой церковной иерархии – для всех верных; будете это благодатное священство, в котором верховный и существенный священник есть един Христос Спаситель всех, превращать в папское или подзаконное⁵⁴. Боже мой! если бы это было так в нас: какая бы взаимная радость и торжество были и у церковной иерархии и у властей гражданских, у первой – потому, что благодать, даруемая ей для пасомых, действительно простиралась бы даже и на земные порядки пасомых, у других – потому, что они видели бы или чувствовали бы в своем земном служении служение также благодати и истине Господней!.. И обращаемые раскольники, при таком действовании миссионера, сначала только ощущали бы, а потом и ясно сознавали бы, что их хотят отнюдь не скручать рабскими и мучительскими узами, как им кажется, власти, и церковная и гражданская, но ввести в истинно-благодатную державу Господню, под которую *и на земле, в земных порядках, ищут и обретают волю Отца небесного, яко на небеси.*

Но начальники, скажете, бывают разные: бывают добрые, но бывают также и бессовестные. В этом, отвечаю вам, вся и беда наша, что хотим верить людям, а не Богу. Веруйте не человеку (хотя бы он был и добрый начальник), – веруйте Богу хотя бы он действовал и чрез негодное и недостойное орудие. Бог не отвергнет веры. Только верую взирайте во Христе к Отцу небесному, в самых даже ничтожных и пустых, по-видимому, отношениях – хотя бы и к таким начальникам, каковы изображаемые в светской литературе разного низшего разряда

начальники; соответственно вашей вере увидите, что точно всякая власть и держава принадлежит Ему единому. Сколько тут может быть добра не только для раскольников, но и для вас самих и для властей!

Но если, тем не менее, встретишься с таким бесовестным начальником, который самого же миссионера будет только затруднять, чернить и унижать: как тут быть? – Так же, как сам Господь был ради вас пред незаконными судьями и начальниками; Он стоял, несправедливо судимый и посягаемый от них, но пред Отцом взимающий и их вины на Себя; входите же и вы в это расположение Агнца Божия, открытое вам в Духе Его Святом. Выше и бесценнее этого ничего нет ни на земле, ни на небе. А то, пожалуй, иногда и раскольник стоит пред светским или духовным начальством, представляя себе и в мыслях и на словах Господа самого, стоявшего перед Пилатом или Каиафою; но все же он стоит как раскольник, которому недостает существенного, именно – общения в духе и расположении Агнца Божия. Помните это! Господь наш и бичом вооружался против оскорбителей храма Божия. Но заметьте хорошенько, что, когда Его спросили, по какому праву Он это делает, Он не указал на свою Божественную власть, на свое главенство церковное, но сказал: «разорите храм сей, а Я в три дня воздвигну его» (Ин.2). Евангелист Иоанн Богослов в изъяснение сего замечает, что Господь говорил здесь о храме тела Своего. Вы знаете, что Он предал на разорение храм тела Своего именно и решительно, как Агнец Божий, взяв грехи мира, следовательно – грехи и осквернителей святыни храма. Итак, Господь, по силе Своих слов, как бы так говорил Иудеям: «вот на чем утверждается Мое право в изгнании из храма продавцов: пред Отцом Моим самого Себя представляю виновным в этом осквернении вами святыни храма; вину ваших мерзостей беру на Себя, и тем их потребляю и изгоняю из Моей Церкви, как изгнал и этих продавцов, и изгоню их окончательно и всецело, когда, распятый вами же на кресте, всецело явлюсь за вас как олицетворение проклятья и греха, дабы потом в тридневном воскресении всем воссиять жизнью и светом правды и благоволения. Кто же Мне не дозволит святыню

храма освобождать от вашего осквернения, когда вину сего осквернения несущи на Себе, и потому храм собственного Моего тела готов отдать вам же на разорение?» Вот какова ревность по дому Божию, сие дело Господа Иисуса! Этим и закончим наши педагогические заметки: потому что, только бы нам постигнуть и присвоить такую Христову ревность, – никто и ничто не возбранили бы и не препятствовали бы нам очищать дом Божий от всевозможных нечистот и *грубого и утонченного* раскола⁵⁵.

Нужны ли теперь еще какие-либо пояснения относительно разных утонченных видов такого же, в силе дела, раскола, каков грубый раскол, следимый нами в нашей статье? – Сказанное в наших педагогических заметках о миссионерских отношениях по делу раскола, ко властям церковной и гражданской, и о сношениях с самими раскольниками, также и о потребном миссионеру общем образе рассуждения относительно раскольников и раскола, имеет всю силу и вполне понятное значение и по отношению ко всякому, сколь бы ни было, скрытному и утонченному расколу в понятиях и правилах. Рассуждающему читателю легко понять приложение к тому же и остального, касающегося более частных предметов, в очерке педагогики. Но вот что требует более ясного раскрытия: – это именно та губительная духовная беда, которая скрывается в свойственных расколу понятиях и правилах, если не будем стараться и каждый в себе и взаимно друг в друге ослаблять и подрывать такие правила и понятия (что желающему и не слишком трудно было бы делать при духовной внимательности и настроении, внушаемых педагогикою). Если будут нами оставляемы в действии те понятия и правила, которыми нравственно отчуждаются взаимно образованный класс и простой народ: то кроме того, что будут так. образ., развиваться у нас начала, не возведенные по-надлежащему к Главе всего земного и небесного – Христу и чуждые жизненной и связующей силы Его – любви, и потому истинно-раскольнические, – самая образованность при всех своих успехах будет оставаться у нас как бы чуждою, не родною для России; полуобразованные, не получая ничего твердого от образования, обыкновенно будут

мельчать и пустеть по своему образу мыслей и нравственности; а простой народ, утрачивая более и более целостность и простоту прежних времен, оставаться будет в своем большинстве на жертву страшной по последствиям необразованности. Также, если бы под какими-либо личинами стали укрываться и действовать у нас такие правила и понятия, которые поддерживали бы разделяющую нравственную преграду между духовным и светским просвещением: то опять, кроме того, что это были бы начала не по духу самого Христа – нашего *мира*, соединившего некогда *во единого нового человека* (Еф.2:14–15) отвергаемых дотоле от Бога язычников и отделенных от всего мира Иудеев, – ужасно терпело бы от этого как духовное просвещение, так и светское. Первое терпело бы от того, что свет Христов, просветительный для *всякого человека грядущего в мир* (Ин.1:9), тем не менее оставлял бы у нас без своего осияния многочисленные и обширные области человеческого знания; второе терпело бы от того, что вне Христа нет спасения и благоволения от Отца небесного ни для чего, следовательно, и ни для знания. Как страшна эта последняя беда, можно всякому сколько-нибудь понять – хоть наприим., из того, что некоторые из наших же братьев – соотечественников, сгоравшие жаждою знаний и на этом поприще опередившие весьма многих, наконец потеряли родную веру и самую отчизну. Легко ли уже это одно для христианства и человечества? А, может быть, предначатию этой их беды были какие-нибудь и чьи-нибудь чисто-раскольничьи понятия, закрывшие для них чудный свет Христов на первых же порах их развития. Надобно же нам пожалеть человека, искупленного Сыном Божиим ценою собственной Его крови, пожалеть и самих себя; стоит серьезно и общими силами позаботиться о возведении наших понятий и правил и, так же как понятий и правил и ближних наших, к началу и истинному духу Того, в Ком назначено возглавить и примирить с Богом все небесное и земное (Еф.1:10, Кол.1:20). Надобно нам дружно выгонять раскольничий дух, страшно ослабляющий и разрывающий внутренние связи общественного тела. Ведь не только науки и искусства, но и земледелие, и торговля, и другие

земные интересы нашего положительного, как говорят, века – для православных должны иметь общий живой смысл и великое значение раскрытия и употребления сокровищ благоволения Отца небесного, открытого нам в едиnorodном Его Сыне, Который не только создал и носит всяческая глаголом силы Своей (Евр. 1:1), но и стал полным человеком для спасения от греха и гибели всего человеческого. Ведь, и не для одной России, но и востоку и западу, всему миру нужно, чтобы раскрылся совершенно-чистый от грубых или утонченных примесей лжи – свет вселенского Православия.

13. Вразумление раскольников из Евангелия

Вразумление: *аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не увидите в царствие небесное (Мф.5:20)* – от имени самого Господа Иисуса Христа, пребывающего в своей Церкви, мы можем обратить к отродившемуся и в христианстве фарисейскому духу, увлекшему столь многих от Церкви Христовой в разные виды расколов.

Так, для них существенным в деле спасения представляются собственно письма и внешность церковного чина, кажущиеся им древними, и отличные от общецерковного и истинно-древнего порядка. Вот из-за чего они вначале оставили дом Божий, в котором пребывали! Исполнение же внешних добрых дел, исполнив самих самомнения и духа осуждения против мирской нескромности нравов в христианстве, утвердило их в той уверенности, что они идут путем правды и спасения. Ослепленная ревность, а иногда прямая недобросовестность руководителей их или расколоучителей, довершила и упрочила это отделение детей от своей матери – св. Церкви. – Но да станут они на суд самого Христова слова! Не спорной или мнимой старины держались иудеи, не предания только своих старцев они отстаивали: в их руках были письма самого слова Божия, свидетельствующие, что сам отец верующих – Авраам принял обрезание по заповеди Божией, что Геден, Самуил, Давид спасались исполнением закона Моисеева. Что же? Когда иудеи, под руководством фарисеев и книжников, стали почитать за существенное в спасении внешность Богоданного обрядового чина и в исполнении внешне-законных дел полагать свою правду, хотя при сем не забывали и грядущего Мессию, только поступая не в Его духе и благодати: то Господь прямо им сказал, что, если они не возвысятся над такою правдою, то не войдут в царствие Божие. Итак, – не говорим уже о произвольности и мнимости самой старины, за которую стоят наши подобо-иудейские ревнители, – если бы старинные письма, которыми они дорожат, были

подлинные письма даже самого слова Божия, если бы правда их держалась на исполнении такого Богопреданного чина, который засвидетельствован был бы прямо в свящ. писании: то и в таком случае они, как древние иудеи, не вошли бы в царство небесное с своею правдою непослушною, чуждою духа любви, самомнительною, не утвержденною на единой истинной лозе – Господе нашем Иисусе Христе, который Един сообщает жизнь своим ветвям чрез св. таинства и живую смиренно-послушную веру.

Да рассудят об этом сами наши ревнители некоторых писем, оставя хотя на время вражду и войну против никоновского, как они говорят, христианства! Да подумают, что полагать собственно по внешности, в письменах, правду и довольствоваться исполнением добродетели, без искреннего общения в духе Агнца Божия или вообще в благодати таинств, есть само по себе направление древних книжников и фарисеев, которые и сами не вошли в Христово царство и хотящих внити не допустили (Лк.11:52), под руководством которых избранный возлюбленный Божий народ сделался народом христоубийственным и отверженным! Вот главным образом чем да озаботятся бедные, поистине бедные и жалкие, братья наши, бывшие сочлены единого благодатного тела Христова, но сами себя осуждающие на отсечение от оногo!

Кроме сего, в словах Господа, которые изречены Им вместе с осуждением правды фарисеев и книжников, содержится прямое оправдание православной Церкви против главных нареканий раскольников. Господь сказал, что скорее небо и земля прейдет, нежели йота едина или черта прейдет от закона (Мф.5:18). Как же раскольники говорят, что Церковь, которая в слове Божиим прямо называется столпом и утверждением вообще всей Божественной истины (Тим.3:15), могла повредиться в существенных своих принадлежностях, каковы – чин иерархии и св. таинства? – Господь сказал, что в Царстве небесном велик только тот, *уже сотворит и научит* (Мф.5:19). Но православная Церковь не тех ли только ублажает и величает, которые и творили и учили во всем по слову Божию? – Господь сказал, что извративший и одну малую заповедь и

научивший тому же других унижается до лишения царства небесного (там-же). Также св. Церковь не отвергает ли решительно всех тех, которые в чем-либо изменили истину Христову и научили других тому же извращению оной? Не довольно ли этого для истинной ревности о чистоте и правоте Церкви? – Но видно, и нашим ревнителям буквы, как древним книжникам и фарисеям с руководимым ими иудейством, нужно и бесценно стало уже не самое существо и сила Божественной истины Богопреданного чина церковного. Не к тому уже, видно, они стремятся, чтобы удержаться в причастии любви Отца небесного, раскрывшейся в Богочеловеке Христе, изливающейся в сердца чрез св. таинства благодатью Св. Духа, приемлемой и хранимой послушною и живою верою: ибо в сем случае в них был бы дух смиренного послушания и любви, и – они неотступно были бы в великом доме Отца небесного, какова Церковь, святая область и царство спасающей любви Божией.

Найдя в слове Божиим обличение и вразумление, направленное против самого духа раскольного, возьмем из оного нужное и для нас руководство в отношении к раскольникам. Приметим, как Христос начал учить своей благодатной истине иудеев, по пристрастию к букве закона и к фарисейской правде, доходивших до отпадения от существа и силы истины и правды Божьей. Он стал действовать прямо на самое направление, бывшее основанием такого упадка в иудеях духа веры, и внушать им, чтоб они возвысились, над сим фарисейским ложным направлением. Не изменяя сего направления, ни один из Иудеев не мог войти в силу и дух Христова учения; как большая часть книжников и фарисеев, упорно держась своего превратного направления, действительно и не признали истины Христова учения. По мере же возвышения над фарисейским направлением, слушатели Христовы более и более могли уразумевать, как ученики Христовы и уразумевали, Христово учение в его духовной высоте и животворности. Что же отсюда можем и должны мы извлечь для себя в руководство в отношении к ново-фарисейскому духу раскольническому? Прежде и более всего будем заботиться о возвышении раскольников над тем

несчастливым направлением, по которому они самодовольно успокаиваются на наружной лицемерной правде, по которому отстаивают одну внешность дел и обряды, как самое существо в деле спасения. Будем особенно *начинать* с ними дело с того, в чем они более или менее согласны с нами, но в силу и дух чего не входят, в чем однако самое существо спасения нашего: будем, то есть, возбуждать и возгревать в них живую мысль о самой тайне любви Отца небесного, открытой в воплотившемся единородном и единосущном Сыне Божиим, сообщаемой послушной вере в силу Св. Духа, действующего в Богоустановленных таинствах. По мере возвышения над мертвою буквою к духу и силе Христовой тайны, раскольники будут в состоянии беспристрастно и благонастроенно рассуждать и о самых разностях и отступлениях своих, не закрывая очей от ясных обличений заблуждения их и от святой истины, открываемой им в дневном свете. Может быть, они увидят, по благодати Божией, что пристрастие их к букве и внешности, в деле спасения, ставит их в одно положение с книжниками и фарисеями! Может быть, по сему самому бросят свою фарисейскую правду, с которой, по слову Христову, нельзя войти в царствие небесное.

14.О современности в отношении к православию. Статья четвертая и последняя

В ряду судеб христианства за преобладанием папства, о котором мы говорили в третьей статье под поставленным здесь заглавием, следует появление на западе разных преобразований христианства. Сличим и это прошедшее время с нашим.

Но ведь перемены церковные, сделанные Лютером и подобными ему западными преобразователями, не касались нас православных? Тут дело, стоившее так дорого западу, обошлось без опасностей и тяжких борений для восточного православия? Согласимся пока с этим: но к такому согласию прибавим, что тем лучше и точнее мы можем понять значение и силу западных преобразований, как сторонние беспристрастные зрители тяжелой борьбы между этими преобразованиями и папством. А тогда откроется, что и для нас, православных, не совсем чужое и постороннее дело составляет подобная борьба.

В духе западных христиан, противопоставивших папству и отделившихся от него, нам православным удобно различить две стороны. Во-первых, надо иметь в виду лживость самого папства, против которого пошли эти христиане. Папство, как известно православию, отнимает истинную жизнь у христианства, превращая его из небесного в самом Христе жительства в мирское гражданство, возглавленное под земною главою – немощным и грешным человеком; папство посягает на благодатную свободу христианских умов и сердец, верующих безусловно единому Христу, и делает из самой веры форму рабского подчинения мысли и чувства римскому первосвященнику. В отношении к этой лживости папства, лютеранство и протестантство стали отчасти, без сомнения, за правду, за убиваемую папством жизнь и духовную свободу христианства. Но это только одна сторона дела. Во-вторых, не надо опускать и того из виду, что преобразователи западного христианства, не захотевши по правде подчинять мысль и волю

свою римскому папе, не подчинились же своею мыслью и волею и самому Христу Богу, Спасителю и Царю душ наших. Они решились, правда, повиноваться самому слову Божию, но только как собственной их мысли и воле угодно было понимать слово Божие и делать практическое из него приложение. Чрез это они подчиняли само слово Божие собственной человеческой мысли и произволу, и таким образом открыли новое губительнейшее зло в христианском мире, именно – направление умов и сердец, независимое от самого Христа Бога, который один светит человеку и в самых врожденных идеях, законах и стремлениях его духа. Все крайности новейшей философии, разнузданной свободы и ложного рационализма истекли из того направления мысли и воли человеческой, какое явилось у христиан чрез западные преобразования христианства. Вот и другая, совершенно уже мрачная, сторона дела Лютерова с клевретами. – Само собою разумеется, что эта темная сторона как первоначально закрывалась для сознания самих этих деятелей, так и доныне держится – более всего противоборством духовному рабству, введенному в христианский мир папизмом.

Обратимся теперь к себе самим, к нашей современности.

Дух папизма, отвлекающий мысль и воззрение веры от самого Христа и любви в Нем Отца небесного – в пользу кого-либо мнимо-авторитетного, мнимо-важного для веры, может приражаться и к нам. Так, в расколе нашем, отвлекшем многих в пользу мнимо-священной старины от благодати большей части таинств и Церкви, очевидно – есть часть заблуждения, сродная духу папизма. То же самое, по силе дела, бывает и в духовно-утонченном виде, когда, напр., не взвесив, не выразумев по-надлежащему чего-нибудь восточно-церковного, во имя его ратуют совершенно против духа Христовой истины и правды. Поэтому легко может случиться, что некоторым ревнителям православия, без осторожного духовного испытания покажутся неправославными и такие голоса, которые поднимаются иногда, может быть, только в отражение западного духа, готового отстаивать или распространять своего рода римско-католическое рабство духа. По крайней мере, на столько

возможна в них и эта добрая сторона, на сколько она есть и в лютеранстве и других преобразованиях западного христианства. Но, с другой стороны, не надобно и того опускать из виду, что в самой борьбе против духовного рабства и мертвого застоя, распространяемого лживым духом папизма, можно прийти к несчастной независимости духа от самого Христа и от любви в Нем Отца небесного, а отсюда к совершенной разнузданности в мыслях и действиях. Такая именно беда и случилась на западе. Что и мы не безопасны от этой беды, доказательств на это, кажется, не нужно приводить. – Пусть же бедственные, тяжелые опыты наших западных братьев вразумляют нас – как в том, чтобы, не допуская и не терпя папистического порабощения нашего духа, предаваться и следовать своими умами и сердцами самому Христу, а не своевольничать или буйствовать, – так и в том, чтобы, служа и следуя Христу своею мыслью и волею, удерживать свободно-разумную преданность *сынов*, одушевляемых духом любви Отца небесного, без жесткости или убитой боязливости невольников и рабов (Рим.8:15). За односторонностью, допускаемую по сему предмету в том или другом отношении, обыкновенно скрывается целая бездна духовной низости и лжи, и особенно взаимных между христианами (даже и православными) недоразумений, раздоров и разделений.

Посмотрим в поразительно-верное зеркало этой страшной бездны, представляемое словом Божиим, именно в руководство к избежанию или даже к упразднению такой губительной бездны. Это – в одном из видений св. пророка Даниила.

Видение Даниила, в целом его составе, таково. Пророку дано было Духом Святым видеть сначала, что из большого, обуреваемого сильными ветрами, моря исходят один за другим четыре зверя: первый *аки львица* с орлиными крыльями, второй *подобен медведице* плотоядной, третий *аки рысь* или барс с четырьмя птичьими крыльями, четвертый, без названия, но особенно страшный и губительный, с десятью рогами, из которых наиболее примечателен один – с очами *аки человеческими* и с горделиво-говорящими хульными устами. Потом увидел пророк страшное судилище, на котором судиею

сам Всевышний, в виде *Ветхого* деньми; *тысящи* тысяч *служажу* Ему и *тьмы* тем *предстояху* Ему. На сем судилище все четыре зверя осуждены и низложены. И при сем увидел пророк, что на облацех небесных яко Сын человек идыи баше, и даже до Ветхаго деньми дойде, и пред Него приведется: и Тому дадеся власть и честь и царство; и вси людие, племена и язЫцы Тому поработают: власть Его власть вечная, яже не преидет, и царство Его не разсыплется (Дан.7глав.). По отношению к ветхозаветным временам значение этого пророческого видения объяснено было Даниилу Ангелом, и вполне уже раскрыто и оправдано событиями. Четыре зверя означают четыре, следовавшие одно за другим, языческие преобладания над Церковью Божией – вавилонское, персидское и последующие, за которыми и открылось для всего человечества вечное царство Господа Иисуса, совершившего наше искупление на земле и возшедшего на небеса и сидящего одесную Отца. Но дело в том, что образы зверей, виденных Даниилом, видел и св. Иоанн Богослов в откровении относительно судеб мира христианского. Так, новозаветный тайнозритель видел выходящего из моря же такого чудовищного зверя, в виде которого соединены образы всех четырех зверей Данииловых: пасть у этого зверя как у льва, ноги – медвежьи; туловищем он похож на рысь или барса; наконец, отличался он и горделиво-хульным словом (Откр.13). Все эти черты взяты с зверей, виденных Даниилом. Видно, что Даниилово видение зверей, низложение которых соединено с славой Христова превознесения, относится не к ветхозаветным только временам, но и к новозаветным, христианским.

Что же значит это видение по отношению к нашим христианским временам? – Понятно само собою, что чудовищный зверь, в составе и виде которого соединены образы четырех зверей, означает не собственно зверя, а что-нибудь духовное. Не справедливо также объяснять значение этого зверя о каких-нибудь мирских царствах, принадлежащих христианским временам и враждебных Церкви Божией: ибо в христианстве уже *несть* наша брань, собственно, к *плоти* и *крови* или к чувственным врагам, но к самым *началам* лжи и зла

(Еф.6:12). Начала зла и лжи суть духи злые; но их губительное влияние на человека открывается в человеческих же действиях, мыслях, расположениях и направлениях. Итак, значение и силу духовно-нравственных зверей надобно искать в началах действия и образа мыслей человеческих.

Истинно-человеческое в нас и в наших действиях и направлении есть то, в чем выдерживается истинное достоинство человека. А достоинство человека выражено в самом Творческом определении о бытии человека: *рече Бог: сотворим человека по образу нашему и по подобию (Быт.1:26)*. Существо же и основание в человеке образа Божия заключается не в нем самом (ибо и в таком случае человек был бы божественно-самобытен), но в едином существенном Образе Божиим, каков сам единосущный Отцу Сын Божий, Христос – Бог Слово. Итак, если человек выдерживает живую сообразность и верность Сыну Божию Христу, то он верен и своему человеческому достоинству, в противном же случае он ниспадает с высоты человеческого достоинства до того, что ниже человека, до духовного скотоподобия или зверообразия. Пусть он имеет в виду и отстаивает человеческие права, пусть и рассуждает и старается о возвышении человеческого достоинства, человеческого разума и сердца, только не по Христу – Сыну Божию: то началом его все-же будет зверь, хотя и *с очами аки человеческими*. Пусть этот, не хотящий знать Христа Сына Божия, человек отличается орлиным полетом мысли, властительною силою слова: начало его деятельности и направления опять все-же есть не истинное человечество, а упавшее до образа зверя, хотя этот зверь и с львино-царственными устами и с орлиными крыльями. Пусть утончает и удовлетворяет он свои чувства изящными искусствами или эстетическими наслаждениями, не заботясь, однако, нимало не заботясь об истинном облагорожении их верностью Христу, о возвышении их до Христовой истины и благодати: это опять не истинно-человеческое начало, это – зверь, у которого *нозе яко медведя* и который поедает, по пророческому изречению, *плоти многи* – все греховно-чувственное. Пусть этот, не дорожающий сообразностью самому Сыну Божию, человек

отличался бы многостороннею образованностью, – пусть был бы то же в наше время, что Эллин пред варварами в древнем мире: увы, в его началах все-же не видно человека, а только образ *рыси*, или привлекательного по виду барса, который, в видении Данииловом, означает именно древнее эллинское преобладание над Церковью Божией. Не касаемся уже того, как допускаются прямые хулы на то или другое церковное и Божественное: это было бы прямым проявлением такого духовного зверя, который *словеса на Вышнего возглаголет и святых Вышнего смирит*. Но, говоря истину Божию без лести другим, не будем льстить и сами себе. Если мы и ревностно возвещаем и твердо содержим истину Христову, сами однако при этом не одушевляемся тем духом Христа – Агнца Божия, что Он взял грехи мира на Себя, как будто Он именно и виноват в них пред Отцом, – если, потому возлагаем на других тяжкие бремена ответственности и неоплатных долгов пред Богом, сами же и пальцем не хотим и не думаем коснуться этой тяжести: то мы также не сообразуемся со Христом Сыном Божиим и, следовательно, также ниспадаем до начала не человеческого, но беспощадного к человечеству или человекоядного... А то бывает еще и так: сам я живу не по Христу и по большей части управляюсь духом мирским – духом самомнения, человекоугодничества, корыстолюбия и тщеславия, а в других не терплю не только прямого отступления от истины Христовой, но разногласия с моими, хотя бы и односторонними, воззрениями веры. И потому иногда поражаю беспощадными приговорами, во имя веры, и таких людей, которые, случается, только бессознательно, но вернее меня следуют внутренним указаниям *Света, просвещающего всякого человека грядущего в мир*, каков един Бог Слово Христос. Какая, в таких случаях, несчастная с моей стороны неверность и несообразность Христу, и притом в самом возвещении Его истины! Допустить несообразное Христу, следовательно нечеловеческое, начало в деле раскрытия и внушения Христовой истины – это самое горькое несчастье!

И если подобная невыдержанность истинно-человеческого достоинства, происходящая от неверности духу Христову, или

чрез отступление ума и сердца от Христа, открывается в неправославных христианах: то, к изъяснению и некоторому извинению этого, служит самое их неправославие. Что же сказать о нас православных, если допускаем и в нас действовать духу инославных неверностей Христу и отступления от него в образе мыслей и действий? Сколько чрез это света и жизни, открытых нам во Христе, мы похищаем у себя и у прочего мира!

Но вот как и закрывается вся эта бездна зла, унижающего и христиан до ниже-человеческого состояния: *на облацех небесных, яко Сын человекъ идый бяше и даже до Ветхого деньми дойде и пред Него приведется: и Тому дадеся власть и честь и царство; и вси людие, племена и язѣицы Тому поработают: власть Его власть вечная, яже не преидет, и царство Его не рассыплется.* Это значит, что во Христе человечество, воспринятое Им ради всех нас человеков и именно – с понесением всех наших греховных виновностей, возведено до престола Бога Отца, во всю полноту Его любви, владычества и славы, принадлежащую Христову Божеству: и – это для открытия нам такой любви Отца небесного, чтобы уже и на земле нам иметь Его одним своим Отцом, Сияющим собственно Своим небесным отчеством во всех видах и земного нашего отчества. Итак, осмелится-ли кто по-папски, во имя чего-либо мнимо-авторитетного, подавлять или насильственно исказать, убивать что-либо человеческое – мысль, чувство, волю, даже телесность, все, кроме самой греховности, составляющей уже порчу и разрушение человечества? Это значило бы идти против самого Христа, принявшего человечество для спасения, а не на пагубу всего человеческого. Не говорим уже о том, что подобное проявление приражающегося и к некоторым православным папистического духа именно и вызывает и поддерживает движение протестующей мысли в роде западного лютеранства или протестантства. Но, с другой стороны, достойно-ли действительно-гуманных или филантропических идей и стремлений, достойно-ли разумности и знания – разуметь, содержать или исполнять то или другое человеческое не по

Христу, светящему человекам в совести и в идеях самого разума, – главным же образом, возведшему в Себе человечество *до Ветхаго деньми* – в полную, светоносную и животворную любовь Отца, почивающую в Нем, – вынесшему в Себе самом все враждебное и унижительное для человечества *во всех людях, племенах и языках* – и открывшему нам такую Свою любовь к человеку для общения в самом этом Ее расположении или настроении? Бесчеловечно низвергать что бы ни было человеческое, особенно же мысль, творческую фантазию, свободу – ниже человечества, до духовной зверовидности; а это неизбежно при уклонении от Христа самых начал нашей мысли и деятельности. К какому-нибудь осмыслению подобного неразумия (как же иначе назвать?), нам православным, не как западным лжерационалистами или реформаторам нельзя сослаться и на духовный деспотизм папства. Ибо у нас все-же никому нет препятствия, а напротив есть достаточные побуждения и удобства входить в свет и силу православия: только бы в какой угодно области жизни и знания сами деятели не закрывали глаз от света Христова. Пример Киреевского в области научной мысли, пример Гоголя и Иванова в области искусства, пример Сперанского в области гражданской правды – доказывают это до очевидности.

Итак, мы, следя общий дух, испытанных христианством, в прежние времена, тяжких борений, дошли уже и прямо до нашей современности! Что же, теперь, скажем в общее заключение наших сличении прошедшего с нынешним?

Мы видели, что православию в каждое прежнее время свойственно было приводить в особенно-живое движение именно те свои пружины или стороны и силы, которые ложь усиливалась остановить, подкопать или подавить собою. Возбуждаются против веры открытые гонения, лишаящие христиан свободы, безопасности, жизни: и являются св. мученики, которые своими страданиями и смертью доказали, что истинная их жизнь, свобода и спасение от всех опасностей неотъемлемы у них во Христе. Ложь усиливается извратить самое значение Христа, равно значение и того, как Он

усвояется верующими: и вера поставляет все это в таком свете, чтобы верующие умы и сердца могли полнее или сознательнее жить Христом. Так шло дело и далее до нашего времени, и всегда сообразно с характером своего времени. Не хотят на западе оставаться под единственным, всегда в Церкви действующим главенством самого Христа, и потом доходят естественно уже до подчинения всего церковного и Христова человеческой мысли и произволу, не прикрываемым уже личиною духовного авторитета: и православию Востока открылось славное поприще подвизаться, чтобы чадам православной Церкви быть живыми членами самого Христа, движимыми Его Духом, Его любовью, премудростью и святостью, и предающими все свое человеческое Ему самому. И такие чада Церкви православной не оскудевали ни на порабощенном исламу востоке, ни у нас в России. – Ныне же какие особенно пружины или стороны православия приводятся в бездействие, от которого и мертвеем мы православные? Одна подобная сторона слишком заметна всем: именно – мы ищем глав. образ. житейского и мирского, а не Христова, – ищем благ, приятностей, знаний, сколько они относятся к земной жизни, а не ко Христу, в Котором одном надежда всего лучшего для нас и в настоящей и в будущей жизни. В этом придется повиниться не только не устоявшим, более или менее в самой вере, но и наибольшей части из признающих себя чадами истинной веры. С другой же стороны, самая иногда искренняя ревность по православию у нас направляется большею частью к тому, чтобы не только безучастно, но и с некоторым осуждением смотреть на труждающихся и обремененных в обстоятельствах, делах и нуждах житейских, чтобы бить и поражать не только заблуждающих, но и несостоятельных в чем-либо, собственно, по незрелости. Очевидно, что подобным направлением останавливается движение в нас духа Христовой любви, призывающей к себе всех труждающихся и обремененных, взыскующей и спасающей погибшее, матерински лелеющей и возвращающей детскую незрелость. Итак, что же надобно делать нам в такое время, которое во многом или не ищет Христова, по своей житейской положительности, или и ревнует по Христу, но

не в истинном Его духе? Очевидно, что, следуя неизменному во все времена порядку православия, мы и должны подвизаться более всего о приведении в движение или действие именно этих самых пружин и сторон православия, которые более всего делаются или оказываются бездейственными в наше время. С одной стороны, надобно самое житейское и мирское, которым так глубоко занята современность наша, взвешивать мыслью и устраивать в жизни именно по Христу; а для этого, с другой стороны, ревность по православию, служение благочестию должны настраиваться не по духу ветхозаветной мстительности к нарушителям правды, не по духу отчуждения Израиля от языков, а по духу самого Христа, пред Которым равно виноваты Израиль и языки, и Который равно для того и других сошел с неба на землю, взял вины того и других на Себя и привел обоих ко Отцу, как детей Его, отечески хранимых и возвращаемых в меру возраста исполнения Христова⁵⁶

«Но погрязших ли в житейском омуте щадить? На оземленевшие ли умы и души действовать небесным духом и словом кротости»? – На подобные возражения строгости, основывающейся, может быть, на опытах духовной жесткости многих, мне всегда представляется притча Христова о приставнике. Этот домоправитель оклеветан был своему господину, что расточает имения его, и потому должен был вскоре потерять такое выгодное и почетное место. В опасности подвергнуться безвыходной бедности он стал сбавлять долги с должников своего хозяина, рассчитывая на то, что, когда последний выгонит его из своего дома, они из благодарности примут его в свои кровы. *И похвали господин дому строителя неправеднаго, яко мудре сотвори,* – так заключил Господь свою притчу, – *яко сынове века сего мудрейши паче сынов света в роде своем суть* (Лк.16:1–8). В приложении к нашему предмету речи, притчу Христову можно изложить, по ее значению, следующим образом. *Оскуде преподобный*, – «мало святых» (Пс.11:2), – так говорит ныне искренняя и мнимая ревность по благочестию. В таком несчастии, каково оскудение духа истинного благочестия, открывается крайняя нужда для нас со всею снисходительностью к человеческим немощам и вместе со

всею пронизательностью христианской мудрости посмотреть и поискать: нельзя ли и из дел житейских, в которые так погрузился наш век и мыслью и практикою своею, открыть источник к движению несметных талантов веры и благодати, именно чрез уяснение мирских вещей и устройство земных дел, без насилия им, по Христу Спасителю, в котором Отец небесный *дает нам вся обильно* не только к обогащению знаниями или к пользам нашим, но и к *наслаждению* (1Тим.6:17)? Так, истинное благочестие могло бы и должно бы *сотворить себе други от мамоны неправды* и, при самом оскудении своем, найти или открыть у них обширные для себя *кровы* (Лк.16:9). Но читатели мамоны, последователи и провозвестники неправды не стоят такого раскрытия для них Христовой благодати и истины? – Так. Но кто же достоин этого? Тем более славы Благодетелю и Спасителю нашему, что Он взыскует потерявшихся и прощает виновных. *Похвали господин дому строителя неправеднаго, яко мудре сотвори*, прощая должников господина своего по личному расчету в свою пользу: наш ли Господь не примет с благоволением веры и упования на Него же, вземлющего грехи и житейских попечений и мирских мудрований со грехами всего мира? Он ли отринет любовь к Нему, ищущую Его же – небесного своего Жениха и на стогнах городских, хотя бы с испытанием иногда такой опасности: *обретоша мя стражие обходящие во граде* (может быть, не из одних читателей мамона, но и из ревнителей неразумных по Богу), *биша мя, язвиша мя, взяша верхнюю ризу от меня стражи стеннии* (Песн.5:7)? Или и это не убеждает в истине? Ну, давай строгими взысками за неверности, доходящими даже до придилок, распугивать и без того уже бегущих от благочестия, как от страшилища для грешных людей; тогда-как оно дышит любовью и сияет милующею грешных благодатию и все освещающею истиною... Таким образом, вместо того, как никогда в самых обширных размерах шло движение и употребление в христианстве талантов духовных, мы будем обращаться в духовного скупца, дрожащего за каждую тряпку или подметку, но уже не замечающего общей почти остановки в делах духовной купли от нерассудительно-ревнивой скупости...

Видно, особенно к нам и нашему времени относится упрек Спасителя в том, что, пользуясь полным светом Его истины и премудрости, во многом поступаем с явною духовною нерасчетливостью: так, что *сынове века сего мудрейши паче сынов света в роде своем суть*.

«Что нам в высоких или хитрых мудрованиях? Будем дорожить и спастись простотою веры старого русского времени» – Но и простота бывает разная: иная простота, по русской пословице, бывает хуже воровства. Никому, без сомнения, не захочется иметь такую простоту, которая, и в отношении к вере, крада бы духовную пользу многих. Истинная *простота* веры должна оградить верующие умы от опасности всякого увлечения и обольщения, подобной тому, *якоже змий Еву прельсти лукавством своим* (2Кор:2–3). Потому эта «Христова простота» требует от нас, чтобы, без высокоумия и хитрого двоедушия мудрствуя обо всем только по Христу Сыну Божию, вочеловечившемуся нас ради человеков, – стремиться к всестороннему просвещению человека, к спасению всего человеческого от греха и заблуждения. С такую человеколюбивою простотою веры, на первом вселенском соборе, св. Спиридон Тримифунтский в немногих словах так глубоко раскрыл пред неверующим философом тайну единосущия Бога Слова с Отцом, что философ, по собственному его сознанию, слышал Бога глаголавшего устами святителя (см. Чет. Мин. 12 Декаб.). Такой Христовой простоте свойственно, с одной стороны, прямо и твердо стоять за то, чтобы христианину, облеченному во Христа еще в крещении, и по уму, как по сердцу или воле, *не ктому себе жить, но чтобы жил в нем Христос* (Гал.2:20). Но, с другой, она хорошо знает и помнит, что и самое сердце и воля, на пути к успокоению своему во Христе или к достижений Христовой жизни в себе, должны неизбежно встречать много нравственных чудовищ, терпеть от них много нападений и даже поражений, – что тот же закон или порядок предлежит и умственной стороне жизни духовной; и след. если мысль, добросовестно стремящаяся к истине, встречается со многими чудовищными или обольстительными ее призраками и долго-долго не

освобождается от них, то совсем не по-христиански было бы к ее струпам и язвам прибавлять только новые удары одних укориш и осуждений. Ведь, для подвижника такой мысли, с многосторонним ее воззрением, определенно и Богосветло сознать всеобъемлющую истину в едином Христе то же, что для подвизающихся преимущественно сердцем и волею войти в меру совершенной святости и бесстрастия. Достигшие такой меры духовного совершенства, святые угодники Божии обыкновенно с отеческою и материнскою любовью щадили, берегли и носили юных, борющихся еще со страстями и ими уязвляемых, нередко низлагаемых; так и эти последние доводимы были постепенно до совершенства. По этому примеру, и на том же самом основании, свойственно утвердившимся во свете Христовой истины смотреть и следить с глубоким участием любви за тружениками мысли, хотя бы во многом претыкающимися и падающими; – свойственно верою своею незримо поддерживать или приближать мысль их ко Христу, как единой Истине, подобно-как в православной Церкви восприемники верою своею держат во Христе и бессознательные души младенцев. Так человеколюбивая ревность одних с мудрою простотою приносила бы сторишный плод в других. Если кто подвизается или стоит преимущественно за чистоту и доброту сердца, то и такой, при явном ныне оскудении любви в сердцах наших, посмотрел бы, не откроет ли новых *кровов* и для жизни сердечной благонаправленная многосторонняя мысль современников; и потому, вместо того, чтобы запугивать или отталкивать ее, не умнее ли будет для оживления самого сердца нашего с осторожным и уважительным участием следить за делом и движениями современной мысли, чтобы она и своей искренности не утрачивала и верно шла к истине.

Что касается особенно до простоты веры старого русского времени, – это есть особенный вид духовной простоты, которая также не может быть употреблена в личину для прикрытия невежества или беспечности о ближних. Есть такая простота духа человеческого, в состоянии которой действуют в этом духе начала и движения жизни глубоко-разумной, но вполне еще не

сознаваемой. Так в детстве человека, введенного уже в общение жизни Божией во Христе и поддерживаемого в этой жизни живым вниманием веры восприимчивых и любви родительской, эта благодатная жизнь выражается для духовного наблюдения в свойственных ей Богоправимых движениях, в которых однако само дитя не в состоянии дать сознательного отчета до известного возраста. Так и все верующее и спасаемое человечество жило духовно в ветхом завете ничем иным, как Христом; но ветхозаветные предъявления Его истины и благодати вполне понятны уже только для новозаветной веры. Соответственно тому же, и в жизни православного народа есть возрасты, в которых духовный стихии православно-народной жизни действуют с силою и разносторонностью, но полным общенародным сознанием озаряются уже в последующие времена. Посему, простота веры наших предков была такова, что разумно обнимала не только прямо церковную, но и гражданскую жизнь нашего народа; но как, в каком порядке это было, отчетливо сознать это предлежит уже нашему позднему времени. Наука нашего времени выясняет понемногу, что народно-гражданская жизнь древней России шла под условиями родовыми, не исключавшими, впрочем, и общинных стремлений, пока не развилось до строго-государственного порядка под единодержавием московского самодержавного царя, во время, приговорительное уже к нынешнему у нас порядку вещей. Сколько борений испытать должна была старая Русь на этом пути своего развития, – сколько кровавых жертв принести и отдельными личностями и в общественных кровопролитиях! Все это ужели было только по временным случайностям или чисто житейским потребностям? Поистине, обидно было бы это для поколений предков наших. К счастью, для какого бы ни было воззрения ясно, что древле-русская народная жизнь шла показанным порядком, водясь общим духом (или, пожалуй, находясь «под опекою») религиозного начала. А наше православно-религиозное начало есть сам Христос, который отвергнул как вообще фарисейскую правду, с которою нельзя войти в царствие небесное (Мф.5:20), так и свойственное фарисеям же воззрение к тому или другому

виду отечества иль отчества помимо единого нашего Отца небесного (Мф.23:9), *из Негоже всяко отчество на небесех и на земли именуется* (Евр.3:15). Отсюда же открывается, что родовые условия, под которыми шла древле-русская жизнь православно-верующего народа, определялись у него не просто плотским происхождением или сродством, но и благодатным отображением в родовом быте – духовного родства по Отцу небесному. А потому и борения или непрерывные столкновения, происходившие в древней отечественной жизни по родовым условиям, стоившие для нашего отчества стольких жертв, – совершались не просто по совместничеству или недоразумениям родичей, а и по духовным, выше-разумным основаниям, хотя и безотчетно большею частью действовавшим в Руси; в кровавых борениях и испытаниях народных выработывались иль очищались начала народной жизни, изшедшие от любви Отца небесного для народа, при самом начале своей жизни, уверовавшего в возлюбленного и единосущного Его Сына. Бессознательность большинства древней Руси в отношении к такой любви Отца небесного – выкупалась, при народной преданности православию, бедствиями порабощения татарского. И таким образом произошло, что наше отчество, удостоенное в своей народной жизни чудного благодатного осенения и отображения любви к нам во Христе Отца небесного, в своем древнем быте более и более выносило это духовное сокровище из сбивчивости и темноты плотски-родовых условий и отношений в государственную определенность и прочность, к полнейшему сознанию и употреблению этого небесного сокровища. И этому благодатно служила именно св. Церковь, не только поддерживая и возгревая в народной жизни благодатный дух Христов, но и прямо соучаствуя народным и гражданским потребностям, – что особенно открылось в деле обоснования и утверждения московского единодержавия. Созерцатели таин Божиих, подвижники духа не сомневались отряжать избранных из духовного Христова воинства иноков в великокняжеское войско, на сражение с татарами, – как именно пр. Сергей. Видно, эти св. Духоносцы видели, что у нас и в делах

гражданства земного совершается тайна Божией во Христе любви к спасаемому ею народу. Итак, простота веры древних наших предков совсем не похожа на ту простоту, которая не хочет и *самим званым* вполне раскрывать во Христе всеобъемлющую *Божью премудрость* (1Кор.1:24). Чтобы нам сознательно унаследовать себе и вполне проявить в жизни то, что совершалось в древней простоте веры как бы в семени, – для этого надобно православию быть как солнцу, во всей гражданской жизни нашей, сколько она развита ныне, во всем круге наших знаний, искусств, служебных отношений, различных званий и состояний до простого крестьянского быта, без духовного стеснения и насилия чему-нибудь, а напротив к оживлению и обновлению всего. А для этого нужны и ныне уже, кажется, готовы очищенные или испытанные в своей чистоте и западным образованием – духовные очи православного народа.

«По крайней мере, нам западного-то образования не нужно с его прогрессом. Могли бы мы просвещаться и без западной цивилизации». – Да полно, так ли? Незнакомые с западной наукой, умели ли бы мы открыть достойные милости к нам Божией толк и смысл в самой древле-русской жизни, которая, по наружности, шла среди таких беспорядков непрерывных междоусобий? Главное же дело в том, что для нас же самих всего опаснее и бедственнее, в духовном отношении, было бы до того отказаться от братства с западными народами, чтобы не хотеть ничем и попользоваться от этих народов. Это значило бы для нас повторить фарисейское самодовольство современного Христовой земной жизни иудейского народа, доведшее этот народ до того, что большинство его не терпело и слышать о спасении и избрании язычников. Это было бы уже явным знаком самого неудобоисправимаго духовного падения нашего. Кроме того, само православие, которым мы обладаем, предоставлено и назначено для всего мира, как единая чистая Христова истина. Потому оно нас делает должниками пред прочими народами. Нам нужно до совершенства узнать, до чего добился и чем живет дух этих народов, – чтобы наконец открылся нам удобный доступ к ним и с нашим православием. Многое-многое,

принадлежащее им и уже перенимаемое нами, так легко было бы, для оправдания и спасения его, пересадить на почву православия. Если же чрез сближение наше по делу образования, с запад. народами пробиваются от них к нам и превратные начала мыслей и жизни: то и в этом, может быть, выражается для нас великий урок от промысла Божия. С всемирным сокровищем православия мы слишком равнодушны к духовной участи других; мы крайне мало заботимся об открытии не только для них, но и для себя всемирного значения и назначения православия. Но Божий долг на нас взыскивается сам собою тем, что, когда не стараемся пособить тяготам и нуждам других обществ или народов по отношению к православию, тяготы и нужды их падают на нас чрез собственное наше сближение с их ложными началами. И таким образом, дело у нас и по отношению к православию становится общим с прочими народами, против воли нашей, не смотря на наше равнодушие к другим народам относительно духовной их участи. Это нам – наказание Божие для вразумления, что уже давно бы пора нам перестать обижать себя и других чрез невнимание или маловнимание к вселенскому свету православия.

15. Неверие и уверение св. апостола Фомы

И отвеща Фома и рече Ему: Господь мой и Бог мой. Ин.20:28.

Утверждение в вере одного из св. апостолов – Фомы, не верившего было Христову воскресению, служит прямо к назиданию и утверждению веры всей Церкви, всех нас. Ибо мы все, по слову Божию, *назданы на основании апостол и пророк, сущу краеугольну самому Иисусу Христу (Еф.2:20)*. Так и Тайновидец созерцал новый Иерусалим огражденным такою стеною, у которой *оснований дванадесять и на них имен дванадесять апостолов Агнчих (Откр.21:14)*. Посмотрим же, как утверждаемо было одно из этих оснований Божия града, имеющее на себе имя апостола Агнчего – св. Фомы.

Фоме почему-то не случилось быть вместе с другими апостолами при явлении им Господа еще в первый день Его воскресения. Этот случай, по распоряжению управляющего всякими случайностями промысла Божия, и был началом того, что устроено воскресшим Господом с Фомою. Когда прочие апостолы сказали ему: *видехом Господа*; то в Фоме с силою открылся дух недоверия свидетельству своих собратий по апостольству. *Аще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя, говорил он, и вложу перста моего в язвы гвоздинныя и вложу руку мою в ребра Его, не иму веры*.

Что это значит? Призванный приводить мир к вере в Господа – сам не верит, и притом с какою-то особенною настойчивостью неверия. От чего это? Объяснить это необходимо, чтобы видно было нам, что именно чрез уверение Фомы, составляющего одно из оснований церковных, утверждалось или обосновывалось во св. вселенской Церкви.

Из Евангелия можно примечать, что Фома апостол, до сошествия Св. Духа, обнаруживал, вместе с проницательным и отчетливым умом и полною сердечною привязанностью к своему Божественному Учителю, некоторую пытливость и слишком резкую прямоthu духа. Таким именно является Фома в

Евангелии везде, где оно ни упоминает о нем. Так, когда Господь, по случаю смерти праведного Лазаря, решился идти в Вифанию, не смотря на возражение учеников, что так недавно иудеи искали побить Его камнями: то Фома не успокоился словами Господними, что ходящему в полном свете истины, всегда с небесным Отцом и по Его, непосредственно слышимым, указаниям, – нечего опасаться неосторожного шага или преткновения (Ин.11:8–10). Он не успокоился и радостным обещанием Господа возбудить Лазаря от сна смерти. Проницательный ум Фомы, видно, хорошо понимал, что, каковы бы ни были дела Господни, от Иудеев с их воззрениями, держащимися одной мертвой буквы закона Божия и потому совсем противоположными животворящему Духу Христовой благодати, ждать Господу и Его последователям – нечего, кроме противления и гонения на смерть. И только всецелая преданность Христу не позволяла Фоме отступать от Него, хотя бы надо было идти на явную опасность смерти от Иудеев. И вот на слова Христовы: *Лазарь умре, и радуюся вас ради, яко не бых тамо, но идем к нему*, – Фома нашелся только сделать замечание прочим апостолам об угрожающей Христу и им всем смертной опасности в Иудее: *идем и мы, да умрем с ним*, т. е. с умершими Лазарем (Ин.11:14–16). Эти слова сказаны как будто наперекор обещанию Христову – *возбудить* или *воззвать* к жизни умершего Лазаря. – Вот еще случай. В беседе на тайной вечере Господь говорил возлюбленным своими учениками: *поиму вы к Себе, да, идеже есмь Аз, и вы будете со Мною; и аможе Аз иду, весте, и путь весте* (Ин.14:5). Сердцу и самой мысли Христовых учеников слова эти, и по течению речи и особенно по свыше-трехлетнему слушанию Христова учения, должны быть понятны, по крайней мере, в том общем своем значении, что Христос и сам идет и своих последователей ведет именно к небесному своему Отцу в Его обители. Но Фома, приникая к благодатной глубине Христовых слов, не успокоивается ими; он прерывает речь Христову возражением, выражающим прямое отрицание Христова уверение: *весте... весте. Господи*, говорит он, *не вемы, камо идеши и како можем путь водети* (Ин.14:6)? Ясно, что этот Апостол был образчиком

или представителем таких людей, которые, если бы чувству или сердцу их и близка была истина, без строгой и пытливой отчетливости не воспринимают ее от кого бы то ни было; и не обвиняясь выражают это пред кем бы ни было. Ведь есть такие люди; есть целые поколения, времена, запечатленные подобным характером. И особенно наше время не отличается ли этим самым направлением, из которого и проистекает пытливость, недоверие, сомнения многих относительно самых священных и бесценных для человека предметов?

Из этого усмотрите, что дело о Фоме касается утверждения в вере людей, не иначе успокаивающихся в истине, как по строгом, даже грубо-пытливом ее дознании. Особенно нынешнее время может благонаправлять и утверждать *на основании апостола* Фомы, как он сам был испытан и утвержден от Господа, – одну из самых слабых своих сторон, открытую для великих духовных опасностей, именно – свою пытливость и неудободвижность к простоте веры. С такой точки зрения и будем смотреть на неверие и уверение Фомы.

После уяснения для нас духовного настроения Фомы, должно быть понятно, почему он никак не хотел довольствоваться свидетельством прочих Апостолов: *видехом Господа*. С настроением его духа не успокаиваться на удостоверениях в истине, которой он еще не испытал и не дознал сам в себе, ему ли принять чужие видения за достаточное удостоверение для себя? Конечно, этим не оправдывается неверие его, как пренебрегающее свидетельством многих других, его же притом собратий, вполне ему известных по своей добросовестности и достоверности. Но только пусть иной человек и нынешнего времени, который видит, с одной стороны, господствующий образ мыслей и действий не по Христу, а с другой – свойственный и самим, держащимся Христа, дух недоверия прочим и осуждения неверностей их Христу, пусть такой человек, сознающий и ощущающий духовное как бы повторение в нас многих смерти Христовой, представит себе, что сам он сказал бы или подумал бы, когда бы услышал уверения от близких и известных ему по достоверности людей: «воскрес Христос духом

самоотверженной любви своей к грешным и заблуждающим – в беспощадных доселе ревнителях о Нем; воскрес Христос духом своей истины – в наученых и обихших мыслить и действовать не по Нему». Кажется, если бы и Ангел с неба возвещал эту неоцененную радость, трудно было бы просто – на веру принять такую весть воскресения, без собственного испытания и, так сказать, осязания Воскресшего. Итак, судя по себе и своему времени, можем понять недалекий от нас самих смысл ответа Фомы на радостную весть воскресения Христова: *аще не вижу на руку Его язвы гвоздинные, и вложу перста моего в язвы гвоздинные и вложу руку мою в ребра Его, не иму веры.*

Когда же Фомино неверие, при своей виновности, было так сродно духовному его настроению и согласно с самыми обстоятельствами: то, вот, Господь, наказав виновность неверия целонедельным недопущением Фомы до отринутой им радости Своего воскресения, явился наконец собственно для уверения Фомы.

И по днех осмих паки бяху внутрь ученицы Его, и Фома с ними. Прииде Иисус дверем затворенным, и ста посреде их и рече: мир вам. – Христово слово мира, осеняющее верующего благодатью мира вообще – и с Богом, и с ближними, и самого с собою, как благопотребно было к успокоению собрания апостольского, и в особенности, по делу неверия Фомина! Сам Фома не мог иметь мира по собственному неверию: душа его по любви к Господу, стремилась предаться радости о Его воскресении, и тем тяжелее для него были мрачные помыслы сомнения и недоверие воскресению. Прочих апостолов также не могло не смущать неверие собрата как по состраданию к нему, что сам себя мучит своими сомнениями и неверием, так и по недовольству тем, что он ни во что ставит их уверения и свидетельства. *Мир вам*, сказал Господь в успокоение их всех, явлением своим вместе утверждая достоверность свидетельства прочих апостолов о Своем воскресении и развеивая мрак неверия Фомы. – Но, чтобы Христово благословение мира было ближе и к нашему сердцу и уму, применим это слово мира к нашему состоянию и времени, сколько оно смущается духом Фомина неверия. Именно

подумаем, что было бы для нас, если бы Господь убедительно для самого неверия открылся нашему времени солнцем истины – и в области мысли неудобосклонимой к вере, пытливой до грубости, верящей только осязаемому земному, а потому сильно смущающей верующих и вооружающей против себя ревность их по благочестию? *Мир вам*, – духовно услышали бы тогда от Господа борющиеся ныне взаимно поборники пытливой мысли и простой веры, ревнители жительствова небесного и осязаемого мирского благоустройства.

Само собою разумеется, что, если только благоволит Господь открыться пытливому времени солнцем истины и правды, Он употребит меры достаточные, для уверения в своей благодати и истине всякого Фомы. Посмотрите, как Он уверяет этого неудободвижного к вере ученика. *Глагола Фоме: принеси перст твой семо, и виждь руце Мои: принеси руку твою и вложи в ребра Моя, и не буди неверен, но верен.* Поразительная и трогательная сила этих слов, по отношению лично к Фоме, понятна сама собою. Попытаемся приблизить эту силу Христовых слов к нашему времени, во многом волнуемому духом неверия Фомина; постараемся приблизить эту силу к человеку с Фоминым настроением, который напр., или бывает занят в мысли и жизни дольным и вещественным, не хотя и знать или ожидать чего-нибудь от Христа в этом отношении, – или же стремится к духовному, но с какою-то враждебностью по отношению к мирской вещественности, и уже никому и ничему не позволяет переуверить себя в своем образе мыслей.

Принеси перст твой семо и виждь руце Мои, говорит Господь. Да видит же всякой, что Христом принята плоть, сродная с нашею телесностью, что удержана Им, соестественная нам, вещественность рук и всего тела и в славе Его воскресения. Зачем это? Затем, чтобы и вся многосложная область дольного, вещественного, в которой многообразно труждается и обременен человек, была не вне Христовой благодати и истины; затем, чтобы христианин, и занимаясь в мысли или в жизни земным, держался Христа, как главы всему – и земному и небесному (Еф.1:10), и в Нем осенялся, и среди Мирских или светских своих занятий, любовью небесного своего

Отца; затем, чтобы христианин, и стремясь ко Христу с отрешением от всего мирского, делал это без предосуждения для вещественно-плотского, к которому принадлежит и за которое, так сказать, заступается самая Христова плоть, доступная и по воскресении осязанию. *Принеси перст твой семо и виждь руце Мои.* Зло, заблуждение, грех – невещественности, но в том, что человек занимается вещественным ли, духовным ли – без Христа, не по Его духу; так-как именно Он есть *истина, премудрость и правда наша* (Ин.14:6; 1Кор.1:30). Но чтобы, и при этом, ревность против зла, заблуждения, греха не доходила у нас до свойственного иудеям неразумия *мнитья службу приносить Богу* беспощадностью к человеку, за которого Христос умер, язвы крестных Христовых страданий, приятых Им за виновность нашего зла, греха и заблуждения, сохранились у Христа и в прославленном Его состоянии. Он всегда умиловливает своими язвами Отца небесного к грешным и заблуждающим; и навсегда открыт в этих Христовых язвах источник для нашего общения в духе и расположениях любви Его к заблуждающим грешникам. *Виждь руце Мои* с язвами гвоздинными, говорит Господь Фоме, *и принеси руку твою и вложи* в пронзенные копием *ребра Моя*.

Вот какой смысл *Господней* речи к Фоме слышится и для нас, и для нашего времени, сколько нас в нынешнее время смущает дух Фомина маловерия или неверия.

Господь мой и Бог мой, воскликнул теперь Фома, созерцая Господа, воскресившего Своим явлением дух его, как незадолго доселе Лазаря, с которым Фома думал разделить одну смерть. *Господь мой и Бог мой*, говорит теперь Фома, на опыте познавая и ощущая светящуюся ему во Христе единосущном Сыне Божьем любовь небесного Отца, к которому так недавно он, по его же словам, еще не знал и пути, находясь сам при едином ведущем ко Отцу пути, истине и животе. И утверждение св. апостола Фомы, как одного из оснований духовного Иерусалима, дополнено ограждением духа его, чрез внушение ему глубокого смирения пред другими: *видев Мя*, сказал ему Господь, *веровал еси блажени невидевшие и веровавшие*. Сошествием Св. Духа на сего Апостола впоследствии на веки

запечатлено имя и лицо св. Фомы, как *Агнчаго апостола* для вселенской Церкви, на все времена, для возвышения и самой пытливой мысли к благодати и истине Христовой, для утверждения в Господе и неудобопреклонных к вере сердец.

Только бы сам Христос Господь явился солнцем истины и правды для нашей мысли и сердца во всем, в самой области и мирских дел, занятий и отношений; только бы он своею благодатью устроил по состраданию к духовно-страждущему человечеству, чтобы нам всем, хотя бы сначала только для испытания истины, держаться во всем воззрения по Нему, Господу нашему. Тогда все бы обратилось к уверению в действительной всеобъемлемости истины и благодати Христовой; во всем мы услышали бы Христов глас, удовлетворяющий пытливость нашего времени осязанием в Нем едином верховной для всего истины: *принеси руку твою и вложи в ребра Моя, виждь руце Мои* с крестными на них язвами. В самом деле рассуждайте! Так как язвы и смерть приняты Господом за грехи всего мира, за всех человеков: то дух такой Его любви к человечеству, разносящий все доброе, истинное и прекрасное, носится на всем прошедшем и настоящем у человечества, на всех человеческих званиях и состояниях, предваряя веру одних, раскрываясь в других, судя и вразумляя иных. Значит, изучая человека в его природе, истории, в разных его состояниях и самых недугах духовных и телесных можно и должно осязать духовно, мыслью и ощущением, язвы Христовы за человека; подобно как и в практической жизни, в работах земледелия, в купле и продаже, в делах судебных, и воинских, можно и должно быть всегда со Христом, принявшим и язвы для того, чтобы всякому на своем месте удобно и просто было иметь в Нем своего верховного Вождя, Судию или Хозяина. Далее, так как и самая внешняя природа поработчена суете тления из-за греха человеческого, взятого Агнцем Божиим: то дух этой любви Его к человечеству осеняет и видимую природу, которая потому стремится неудержимо к свободе славы чад Божиих (Рим.8:19–23). Значит, изучая в разных отношениях и видимую природу, или разнообразно пользуясь ее произведениями, можно и должно также соприкасаться духовно – мыслью и ощущением –

язв Христовых или пронзенного Его ребра. Наконец, заметим, что указанное Фоме для его уверения ребро второго Адама – Христа само собою указывает еще на ребро первозданного, бывшего образом Христа, – то ребро, из которого создана жена, введшая в мир грех, взятый на самого себя Христом Агнцем Божиим. Отсюда усмотрим, что, видно, этот немощный сосуд – женщина (не иначе всеконечно, как по благодати пресв. Девы Богородицы, уплатившей за праматерь – виновницу человеческой всеродной греховности, и потому по праву ставшей первообразом для верующих жен и дев, по слову Божию: *приведутся Царю девы во следе Ее*), истинно верующая женщина может особенно послужить к смягчению жесткого и упорного духа неверия. И такое благотворное влияние христианской женщины, если она в своем круге, в семействе, в обществе будет внутренне движима верою и любовью к Господу, понятно само собою для всякого.

Поревнуем же все мы тому, чтобы наконец и наше пытлиное время повторило воззвание Фомы неверного: *Господь мой и Бог мой*, сам в себе имеющий истину и правду для нас, и сам же на себе понесший вины наших неправд и заблуждений, и так. об. открывший благоволение единосущного своего небесного Отца и к грешным и заблуждающим, из самой смерти изводящий Собою жизнь, и жизнь путем креста своего ведущий истинно к преспеянию и совершенству бесконечному в собственной своей беспредельности! И когда это будет, не гордостью будет одушевляться истинно-просвещенный век пред временами неведения и простоты, и истинно-просвещенный человек пред простолюдинами; напротив в смирении любви будет их возвышать над собою, слыша кроткий глас Христовой благодати: *видев Мя веровал еси; блажени не видевшии и веровавшие*.

Да даст Господь и Бог наш милость и мир такого благодатного просвещения нашему времени и нашему отечеству – ко благу христианского востока и запада и всего мира, к радости святых Божиих Ангелов и человеков, по молитвам особенно св. апостола Фомы, на себе дознавшего искушения пытливой мысли и неудобопреклонного к вере

сердца, и просветителя России св. равноапостольного
Владимира.

16. Заключение

В статьях, подведенных под одно общее заглавие «о православии в отношении к современности», не сказать почти ни слова о современных политических обстоятельствах – значило бы прямо опровергнуть заглавие. Потому, хотя в заключении, скажем несколько о Православии и в отношении к современным политическим обстоятельствам.

Вопрос о значении православия для политики и обратно – о значении политики для православия так важен и труден, что, действительно, только после многих рассуждений о соприкосновенных к сему предметах можно, и то разве несколько, коснуться этого великого вопроса. Но и теперь нельзя нам обойти, прежде всего, еще вот какого вопроса: вправе ли мы, служители Христовой истины и Духа, касаться дел и вопросов мирских, каковы политические?

Наше дело служить Духу и истине Христовой; этого священного права и обязанности нашей никто, даже целый мир, не может у нас оспаривать. Посему если бы дела внешне-мирские ни в каком отношении, не подлежали силе истины Христовой, если бы в них не было и быть не могло ничего от Духа Христова: то очевидно, что до них решительно никакого дела не было бы служителю Христовой истины и Духа. В противном же случае прямой его долг – раскрывать спасительную силу истины Христовой и для внешне-мирских дел, чтобы и они желающими совершались и устроялись со Христом, осеняясь благодатным Его духом. Обидно было бы самим деятелям всего внешне-мирского, если бы их оставить без помощи Духа истины Христовой. *Кто Мя постави судию или делителя над вами?* – говорит наша истина – Господь, и однако тут же дает духовное правило или руководство для разбора этих мирских дел⁵⁷. Что касается в особенности того рода внешне-мирских дел, который принадлежит к политическим взаимным отношениям и столкновениям народов и царств, – слово Божие целою, и притом числительно – большею, половиною своих откровений, именно всем Ветхим

Заветом, свидетельствует, что, даже и в Ветхозаветные времена, в соотношениях и столкновениях народа Божия с прочим политическим миром раскрывались и действовали дух и сила Христовой истины и благодати, вполне открытой уже в новом завете⁵⁸. Итак, кому ж как не служителю Христовой истины и Духа, раскрывать, что духовного совершается и в политических отношениях и столкновениях нового *Израиля* с *языками*? Сколько тысяч и миллионов положило живот свой в этих политических отношениях и столкновениях! И вся надежда их осталась только в том невидимом – духовном, которое совершалось или совершается в кровавых политических борьбах. Поэтому, если бы кому из живущих в сем мире и не хотелось благодатно-духовного в самой мирской политике, воздадим должную память, по крайней мере, подвизавшимся до крови в области мирской политики – чрез раскрытие духовного и для этой области. *Остави мертвые погребсти своя мертвецы*, сказал Господь одному из своих последователей, *ты же шед возвещай царствие Божие* (Лк.10:60). В настоящем же случае, ради достойной памяти самых мертвых надо *возвещать царствие Божие* относительно судьбы и дел царств мирских. Духовное, вмешиваясь в мирское или впадая в мирские притязания, само падает: такое падение духовного представляется в папстве⁵⁹. Но истинный дух Христа – Вседержителя Бога и вместе Агнца Божия, вземлющего грехи мира, простирается своим благодатно властительным влиянием на все, и у истинных христиан принимается за начало во всем и для всего, не исключая и дел политики. Служить сему мы и призваны и обязаны самою благодатью священства. – Кто ныне не любит следить за политикою? Надобно давать этому общему вниманию к явлениям мира политического направление духовное, которое возвысит его над праздною суетностью.

Как же нам истинно по-духовному, вполне свободно от мирских пристрастий и притязаний, судить о делах мирской политики? – Книги слова Божия, в которых говорится о политических соотношениях Израиля, в Ветхом Завете, к другим народам и царствам, уже раскрыты пред нами Новым Заветом. Новый Израиль состоит из общников Божественного семени

Авраамова – Христа (Гал.3:29), содержащих истину и благодать Его во всей чистоте: таковы именно православные христиане. Но сколько есть и в неправославных обществах остатков истины, неповрежденных ложью, и сколько тот или другой из неправославных возвышается к духу оставшейся у них отчасти истины, – столько и самые неправославные приближаются к Православной Церкви и принадлежат к останкам ее же благодатного семени (Откр.12:17). И даже, сколько Христос Бог Слово, в котором – вся сила православия, духовно *светит* и *всякому человеку, грядущему в мир* (Ин.1:9), и сколько верны этому светению самые неведущие еще Его (Деян.17:23; Ис.45:5), столько и самые неверные приближаются к правомысленному христианству и не чужды духа предваряющей Христовой благодати. Равно с другой стороны, и дух неверия, дух той или другой неправославной лживости, приражаясь к православному и овладевая некоторыми из них, тем не менее все же есть часть неверных языков, а не Израиля Божия (Гал.6:16); и сколько православные уступают такому лживому духу, столько отступают и от силы православия (Гал.5:2–4). Все это и должно быть у нас в виду при внимании нашем к политическим соотношениям и столкновениям царств и народов. Главный же светильник к открытию и уяснению духовного и в этих делах, может быть, самых запутанных из для человеческих, представляется нашей вере в той любви Господа к человекам, по которой Он восприял все человеческое естество в своем воплощении и есть Спаситель всего человеческого от зла и греха.

С такими воззрениями попробуем, напр., дать себе духовный отчет в последней отечественной войне по Восточному вопросу. Кресты и медали с изображением «Всевидящего Ока», – которыми за подвиги и жертвы в эту войну щедро награждены Царем все сословия, – действительно требуют от нас такой духовной отчетливости.

Дух «Восточного вопроса» не трудно уследить. Магометанство, против своего ведома и воли, служило пользам Церкви Православной, с одной стороны, тем, что оно во время страшного мирского могущества и преобладания западного

папства, дало на себе истощиться⁶⁰ силам и усилиям последнего готовым поглотить Восточное Православие, а с другой – своим варварским игом, отяготевшим на Востоке, подвергло очистительному испытанию упавшей тогда нравственный дух последнего⁶¹. И вот, вдруг это самое магометанство начинает открыто благоприятствовать западному неправославию во вред православному Востоку... Духу православия нельзя было не ощутить в этом движении губительной для человечества ее духовно-враждебной православию силы. Против этой собственно силы зла и лжи (как это было протолковано первосвященниками нашими в «Воззвании» Св. Синода всенародно) Православная Россия и открыла борьбу. Итак со стороны России подвигнут был, в этой брани, прямо дух Православия, который есть именно дух чистой Христовой истины и благодати, не могущий мириться с духовными примесями лжи и зла, кому бы они ни принадлежали, – равно и враждовать ни с самым слабым мерцанием в ком бы ни было Света, просвещающего всякого человека, грядущего в мир. На враждебной стороне оказались, – кроме магометанства, силу которого составляет порабощение духа чувственности, простирающиеся и на высшие духовные стремления и чаяния⁶² – представители как римского католичества, имеющего для себя главу земную и потому низвергающего Христианство до значения дольне-мирского гражданства, так и тех преобразований христианства, в которых Вера и само слово Божие подчиняются разуму человеческому и чрез это открывается собственно вера в самообоготворенный разум и самоспасение человека. Само собою впрочем разумеется, что – сколько и мы, православные русские, отвлекали бы свою веру от своего небесного Главы и Его духа, сколько верили бы в свой разум без Христа, или погрязали бы в чувственности, столько бы давали враждебному магометанству, папству и реформатству водворяться и на собственной нашей почве; равно сколько и тогдашние враги наши имели бы хотя самых слабых остатков или же предначатий духовного света, свойственного истинному христианству, столько и по праву они утверждались на нашей почве. Так произошло, что среда

наиболее ожесточенной брани была в собственных наших пределах. – Какие же наконец вышли результаты такой, истинно-великой по значению своему, борьбы? – Благодарение Богу Спасителю нашему, соблювшему еще, видно, в нас ими же весть судьбами – столько верности духу православия, что даровано было нам устоять против страшного напора со стороны и Азии и западной Европы! И православный Царь наш признал и почтил достойные заслуги, в этой чрезвычайно-знаменательной брани, всех сословий... Но все-таки, с другой стороны, важно для нас самих, что бывшие враги наши не прежде оставили пределы наши, как мы перестали видеть в них врагов. Видно, в них кроме лжи магометанства, папства или самочинно-преобразованного христианства – есть довольно и того, что не враждебно православному христианству, если только сами православные христиане не будут допускать в себе лживого духа папства, самочинного христианства и тем паче магометанства. И таким образом, пожалованные нам кресты и медали, в память столь знаменательной нашей войны с тройственным врагом, увенчанной столько же знаменательным с ним миром, служат выразительнейшим напоминанием нам духовного троякого урока. Во первых, против плотского-греховного или не Христова у православного христианства всегда война, как против духа и лжи магометанства; но с самою плотью или телом, как воспринятым от самого Господа чрез воплощение, – с человеком, с его национальностью, хотя бы и магометанскою, враждовать нечего, а напротив следует разуметь и благоустраивать по Христу и самое плотское материальное, чтобы открыть место у Христа, в области Его благодати и истины, всякому человеку, всякой национальности хотя бы турецкой или персидской. Во-вторых, с возносивостью разума над Верою и словом Божиим, хотя бы он казался держащимся слова Божия и Веры, как в реформатстве, – православию нельзя сойтись; но с самим разумом, как воспринятым также от Господа в единство Его лица (с понесшим до Креста, вместе с другими грехами человечества, грехов и человеческого разума), воевать опять не следует православным, напротив надо дать разуму во Христе завладеть

всеми сокровищами знания и мудрости (Кол.2:3). И в-третьих, кроме Христа, соединяющего нас со Отцом действием Св. Духа, никакого и ничьего главенства над верою и духом нашим нельзя потерпеть православию, хотя бы претендовал на это главенство и первый некогда из иерархов во вселенной; но главенство самого Христа не должно быть у православных только отвлеченной идеей, напротив по вере нашей надобно этому главенству действительно раскрываться, и притом относительно не только горнего, прямо духовного или небесного, но и всего земного (Еф.1:10), так чтобы всяко отчество родителей и предков, власти и авторитета, старшинства и почета, тем более учительства или руководства для мысли, сердца и воли имело силу для нас именно во Христе по Отцу нашему небесному (Еф.3:14,15). С раскрытием для нас и в нас такого, истинно-вселенского, значения Православия восточного Бог и дает нам, наверное, достигнуть того, чтобы православный восток воскрес в достойную православия независимость и славу. Ибо тогда всякое противоборство нам по «Восточному вопросу», если бы оно еще было возможно, уже не имело бы на своей стороне ни тени духовного оправдания для себя и основания к уликам пред Богом против нас, владеющих вселенским сокровищем православия, но недостаточно пользующихся вселенством его даже для себя самих. Таков дух последней отечественной войны и мира, которые, по этому своему духу и силе, и имели прямыми своими последствием усиление общего всем у нас заботливого внимания к внутреннему народному состоянию и устройству. Да! Кому из нас истинно жалко угнетенного и страждущего Востока, тот всемерно старайся верою познавать и усвоить вселенское сокровище Восточного православия, чтобы оно, – сначала в духе и истине, а потом уже непременно вовне, – восторжествовало над зверскими началами магометанской и всякой другой лжи...

Посмотрим на духовное и в таких современных политических явлениях, которые не имеют никакого прямого отношения к России. Что есть духовного, напр., в событиях, совершающихся на западе по отношению к владениям Папы? –

Римские католики (хотя чрез испытание нестроений светского управления своего верховного отца), начинают догадываться, что папа устроил свое верховное отчество, действительно, не по Отцу небесному, что главенство и преобладание папы не обнаруживает в своих плодах духа светоносной и животворной благодати. Но, с другой стороны, и римский Иерарх (хотя чрез посягательство мира на внешнее его одержание), начинает возвышаться – если не к ясному сознанию, то к живому предчувствию той великой духовной истины, (которая впрочем односторонним образом держалась и всегда на западе), что внешнее или мирское владычество и устройство у христиан, если они хотят быть истинными христианами, не должно же выступать из порядка благодатно-духовного, что и в видимом нашем должна выражаться и действовать духовная власть и сила невидимого, именно власть и сила любви прямо Самого небесного Отца, в Сыне на все простирающаяся Св. Духом. Так заблуждающие овцы и их, сбившийся с истинного пути, пастырь начали борьбу между собою, в которой взаимно друг с друга понемногу сглаживают многовековые дикие наросты своего западного неправославия; но как не хотели они прийти к истине путем чисто-нравственным, путем свободного духовного рассуждения (которое впрочем теперь и возможно для них уже не иначе, как при помощи правомыслящих), то льется кровь для дознания истины... Православные (ὀρθόδοξοι «правомыслящие»)! Будем помнить, что не помимо Духа истины Христовой, которою в ее целостности и чистоте владеем мы, идут и события политического мира; тем страшнее ответственность наша, если, не входя сами достаточно в глубину и силу истины, заграждаем чрез это путь к ней и другим.

Для нашей цели и довольно о духовном в явлениях мирской политики. Homo sum, говорит гуманность современная, nihil humanum mihi alienum puto. Истинным и совершенным, полными человеком соделался ради нас Единосущный Сын Божий Бог Слово; и ничто человеческое истинно не чуждо Ему, так как бремя грехов, заблуждений, вообще зла человеческого Он принял на Себя, а все человеческое доброе, истинное, благородное, благотворное относится, в своем существе, к

полноте святой Его благодати и истины. Будем же усвоять себе во всем дух и силу этой Христовой, истинной человечности в избавление и избежание от зла всех родов и к получению и упрочению истинного добра и пользы – в жизни частной и общественной, в трудах мысли и рук наших, в вопросах церкви и политики.

Примечания

¹ - Впрочем, случается нам, христианам, даже держаться и такого направления, в котором с фальшивым христианством соединяются вместе духовное иудейство и язычество, подобно как магометанство составилось из смеси понятий извращенного христианства, иудейства и язычества. Это бывает, когда при внутренней неверности Христу, в образе мыслей и правилах своих по-язычески управляемся разными мнимыми божествами нехристианских идей и страстей, и однако по-иудейски прикрываем себя не только пред другими, но иногда и в обман собственной совести – личиною законности, буквою православия. Но это духовное магометанство, собственно, и разлагается нами на составные свои начала – направления в христианстве духовно-иудейское и духовно-языческое, действующие, впрочем, иногда и во взаимной отдельности. Приражения их едва ли не каждый внимательный к своей совести приметит в собственной жизни.

² - И таким образом из духовности христианской делают какое-то страшилище, которого пугаются и убегают все труждающиеся и обремененные в разнообразных земных человеческих нуждах и интересах. И христианство оказывается как будто данным не для земли и земнородных, чтобы и на земли была воля Отца небесного, как на небе.

³ - «Кто коснулся Мне?» разыскивал Он об исцелении Им же одной жены. К бесплодной смоковнице Он шел, ища плода.

⁴ - Слово Высокопреосвященного Митрополита Московского Филарета по освящении храма св. благоверного князя Александра Невского в доме воспитания бедных детей и проч.

⁵ - Так выражаюсь, желая ярче выставить на вид, чем именно утверждено на веки наше личное бытие или «Я» каждого из нас. За наше «Я» Христос Бог ручается собственным «Я», низшедшим для нас до вочеловечения.

⁶ - См. «Точное начертание православной веры, гл. об иконопочитании, Св. Иоанна Дамаск.

⁷ - Выражались именно, что в Пресвятой Троице одна Ипостась, принимая, впрочем, это слово (с латинского substantia) в смысле не лица, а сущности.

⁸ - Речь, очевидно, о деятелях в каждом событии.

⁹ - Быт. 2:7: И созда Бог человека... и вдуну в лице его дыхание жизни. С Евр. «вдунул в ноздри его дыхание жизни». Такое выражение показывает, что человек, возванный из небытия в бытие, тут же стал и дышать (дыханием из ноздрей) в общении с Творческим дуновением.

¹⁰ - Кстати заметить, что первоначальное (нормальное) человеческое воззрение шло именно «путем непосредственного реального соотношения с предметом знания», как выражается один русский мыслитель.

¹¹ - Называем небесные блага первобытного состояния благодатью, потому что они составляли чисто только дар творческой благодати. Такие выражения о благах первобытного состояния употребительны в церковном слове. «Когда не было в мире греха, тогда, говорит современный святитель Московский, не знаю, все ли было удобопроницаемо и прозрачно для сего стихийного света, но, без сомнения, все прозрачно и проходно было для света благодати. Он беспрестанно изливался на природу», и проч.

¹² - Ниже, следя последовательное раскрытие ветхозаветных особенностей в жизни и вере, увидим, какие страшные злоупотребления и извращения допускал ветхозаветный человек относительно остатков в нем первобытной приемлемости к Божественному.

¹³ - Т. е. такая, без усвоения которой неизбежна для человека гибель. Сюда относятся особенно истины о Мессии и о явлении Его в мире для приведения людей в любовь Божию.

¹⁴ - См. книгу Екклесиаст.

¹⁵ - Царство Израильское, в котором было десять с половиною колен.

¹⁶ - Иудейское царство.

¹⁷ - В этом отношении особенно примечательно, как противно истинному значению и духу стали тогда понимать

ветхозаветную строгость. Если судить по букве, эта строгость была подлинно беспощадна к преступлениям и слабостям людей. Приходит напр. к Илии посланный от царя пятидесятник с своей полсотней воинов и высказывает пророку царскую волю, чтобы он явился к царю. В чем вина этого пятидесятника, повинующегося царской власти? И однако, по слову пророка, огонь спал с неба на этого несчастного и на его полсотню. Та же участь постигла и другого пятидесятника с новой полсотней воинов. Другой случай: царь и пророк Давид, возвращаясь в Иерусалим, после усмиренного Авессаломова мятежа, в радости простил ругателя Семея, но в последние минуты своей жизни вспомнил обиду со стороны последнего и завещал Соломону казнить его. Что же это значило? Пока невидимое духовное еще достаточно слышалось в видимом, без строгого разграничения духа от видимости или буквы: дотоле беспощадная строгость направлялась собственно не против того или другого человека, но против действующих на него духовных сил зла, сдерживая в то же время страстного человека в должных границах теократии, служителями которой были св. пророки, а средоточием царственный дом Давидов, из которого должен был произойти Христос. Таким образом эта строгость святых, Илии, или Давида, была в духе Божией отеческой любви к человеку, держащей его, как еще несовершеннолетнего и своевольного наследника, под строгой опекой. К концу же ветхозаветных времен стали понимать ее уже в смысле беспощадности к самому человеку. Так однажды не дали Господу и Его ученикам ночлега; и – лучшие, наиболее мягкосердые из учеников Его, готовы были низвести огонь на этих людей, якоже Илия сотвори! До того забыли истинный дух Божия завета. Не весте, коего духа есте, сказал тогда Спаситель своим ученикам.

¹⁸ - Илиада и Одиссея Гомера.

¹⁹ - См. Православн. Собеседн. Январь 1859 г. «Общество и Духовенство».

²⁰ - С. Соловьев, в Атенее. См. первую статью последней книжки.

²¹ - В предыдущей статье.

²² - Ибо Моисей уже решительно поставил быт народный вместо патриархального – в избранном роде.

²³ - Такой, напр. случай указан в Евангелии: муж не любит своей жены; при жестокой страстности тогдашнего человека, нелюбимая жена неминуемо делалась бы жертвою жестокой ненависти мужа; потому с духом правды согласно было снисходительно позволить нелюбимой жене отойти от мужа, при разводном от него письме или свидетельстве. (Мф.19:7,8).

²⁴ - Этот закон состоит в том, чтобы спасительную истину, закрываемую и обессиливаемую грехом, в ее образных проявлениях, открывать уже в существенном ее виде. См. об этом в предыдущей статье.

²⁵ - Это было прежде раскрыто чрез вникание в самое законодательство, и следовательно, чрез изучение совета о сем Божия, а отнюдь не в том духе и не тем путем, чтобы своими советами одолжать Господа Бога, что необходимо последовало бы, если бы раскрывать духовные потребности тогдашнего времени и человека независимо от слова Божия.

²⁶ - Красота младенца, например, кажется особенно родительской любви, ангельскою.

²⁷ - Luciani «Lucius sive Asinus»: «Omnes ibi gaudent de spectaculo turpissimo», так отзывается о жителях Фессалоники Лукиан.

²⁸ - Здесь речь о некоторых римских императорах, которые в буквально- строгом смысле усвоили себе этот титул – „Dominus Deus» „Господь Бог».

²⁹ - Ибо существительного здесь также нет – ὁ κατέχων, как и в предыдущем стихе – τὸ κατέχον; а в таких случаях, при мужеском роде прилагательного имени или причастия подразумевается обыкновенно человек, Бог или подобн.

³⁰ - Из светских писателей у Ксенофонта (Lib. I. cap. V, 14. Anabasis): ἐκ μέσου γίνεσθαι значит сходить с дороги, не препятствовать!

³¹ - Определяя, в чем существо образа Божия, по которому человек создан, мы ни мало не касаемся и, следовательно, не

колеблем тех изъяснений этого предмета, которые раскрывают собственно проявления в человеке образа Божия – чистоту ума, святость воли и тому подобные.

³² - Св. Макария Егип. творения, стр. 127 и 128.

³³ - Твор. св. Григория Богосл. Ч. V. стр. 13.

³⁴ - С человеколюбием, не на Христе основанном, называем крестьян меньшими нашими братьями, очевидно возвышая себя самих; человеколюбие христианское смотрит на них (по слову Божию о благодетельствуемых в разных нуждах, Мф. 25:40), как на меньших братьев Христа, в которых Ему Самому воздается или не воздается тот или другой дар, или благодеяние.

³⁵ - Господь идет не туда, где стоит указующий на Него Креститель, но, наперерез Крестителю указанию, направляется к тому месту, где виднеются фарисеи.

³⁶ - Кстати здесь привести прекрасные слова Н. В. Станкевича: «разумеется, поэт не говорит себе: разовьем мысль такую-то, ибо в сем случае он развил бы ее логически. Нет, он часто повествует факт жизни, в чудном свете явившийся душе его, без сознания, что сей факт развивает великую идею. Не верю, чтобы Шекспир имел ясное (логически-ясное) понятие о смысле своих драм; он творил так потому, что так являлась ему жизнь и возбуждала его гений (41 и 42 стр. Перепис. Станкев.). Таков и живописец-поэт.

³⁷ - Разумею здесь, как и в других местах, правую или левую сторону в отношении не к самому Иоанну, а к зрителю.

³⁸ - В журнале «Лучи», по намекам, слышанным лично от покойного Иванова, так изъясняются внутренние думы этого почти-старичка с энергическим выражением, что он, предавшись духом своим Иоаннову учению, затрудняется идти еще к другому учителю – Агнцу Божию.

³⁹ - В том же месте журнала «Лучи» со слов самого Иванова говорится об этом человеке, что он собственно не кается, но только внутренно, в глубочайшей сосредоточенности беседует с своим духом, настроенным на тон Предтечевой проповеди, и – едва ли даже можно, в настоящем его состоянии, проникнуть в его душу другому благовестию.

⁴⁰ - «Однако же (слышал я такое возражение:) сам Бог устроил для прикрытия наготы наших прародителей ризы кожаные». Но Богосотворенные кожаные ризы и были, сообразно ветхому завету, выражением мысли именно о прикрытии греховной нашей наготы самим Христом, облачение в Которого, при открытом явлении Его самого, так живо и предощутил юный Израильтянин.

⁴¹ - У евангелиста в сем месте разумеются именно телесные недуги, об исцелении которых он говорит: вся болящий исцели, да сбудется реченное ... Той недуги наши прият и проч.

⁴² - Иванов (сказано в «Лучах») этого старца с побелевшими от холодной воды руками относил к Христовым апостолам наряду с Иоанном Богословом. Старец действительно в настоящую минуту представляется более близким к духу Христову, нежели все трое, следующие в нашем описании за Иоанном Богословом. Но решительно не знаю, кого из апостолов можно признать в нем.

⁴³ - Так выражаемся на основании свято-отеческого учения о св. иконах. В точном изложении православной веры св. Иоанн Дамаскин учение об иконопочитании начинает указанием на первые в мире живые иконы – именно на созданного по образу Божию человека. В христианстве восстанавливаются эти духовные иконы, грехом испорченные.

⁴⁴ - Иванов похоронен, как известно, на кладбище при женском монастыре.

⁴⁵ - Сказано в такой день Великого поста, когда предлагалось, за литургией преждеосвященных даров, чтение из книги Бытия о ходатайстве Авраамовом за Содом и Гоморру, прекращенном за недостатком в сих городах и десяти праведников (Быт.18, 20 и след.).

⁴⁶ - Как бдительно нужно предусматривать и предотвращать приращения к нам духа папства (который, конечно, не станет повторять прежних форм для своего могущественного проявления, а может пробираться к власти над миром уже в новых формах), – этому достаточно научает нас то, что здание

папства не вдруг же выросло, а строилось в духе западных христиан постепенно, сначала незаметно. В сочинении г. Ешевского «Аполлинарий Сидоний», прекрасно раскрывающем жизнь запада еще православно-христианского, ясно выставлено на вид, что христиане западные, будучи еще православными, при внешних опасностях от варваров избрали духовных себе вождей – епископов по уважению, главным образом, внешней их силы и значения, по богатству, по связям и проч. Вот – когда начали они склонять взоры своей веры от единственного Главы Церкви – Христа и Его Духа к земным опорам или к более видным мирским вершинам. И вот – что составляло живой зародыш главенства папского, а не внешние богатые средства римской Церкви и не высокий авторитет ее епископа: все подобное, при господствующем направлении и воззрении веры прямо к самому Христу и Его Духу, составляло бы только среду к благотворному раскрытию истинно-церковного благодатного духа.

⁴⁷ - Смотр. речь высокопреосвященнейшего Филарета, митр, москов., сказанную новорукоположенному епископу дмитровскому, викарию москов. Евгению. В этой речи приведено и относительно степеней священства изъяснено в означенном нами смысле изречение св. Максима исповедника о духе трех степеней священства, доступном ревнующим о духовном совершенстве.

⁴⁸ - Эта духовная потребность наша имеет основание, без сомнения, в том свойстве сохранившегося в целости Русского человека, что вообще ему нужны и дороги не бездейственный отвлеченности, не щегольской блеск и пыль и проч. подоб., но жизнь и дело, хотя-бы в самых обыкновенных и простых своих обнаружениях

⁴⁹ - Чтобы указанное историческое значение исправления церковных книг сделать понятнее читателю и с непривычным к такому рассуждению образом мыслей, пользуемся кстати попавшимися словами одного европейского ученого: «никогда не достигнешь исторической истины, если не станешь проникать до невидимой идеи, кроющейся в каждом событии. В этом отношении можно сравнить историю с искусством, которое

стремится не к простому подражанию форме, но к выражению идеи посредством формы». (Из частн. переписки Гумбольдта). Если, в самом деле, искусство и из ничтожного предмета, воспроизводя его в творческой идее об нем, делает высокое создание, и если в каждом, и чисто-мирском, событии осуществляется высшая идея, которую и должна по возможности проникать история: то в св. Церкви – этой внутренней области самой всетворческой Премудрости – возможно ли и представить какое событие, хотя бы наглядно относившееся к поправке слов и букв, в котором бы не осуществлялась высочайше-духовная и творчески-действенная идея той же ипостасной Премудрости...

⁵⁰ - Чтобы не казалось это странностью или фанатическим ригоризмом людям совершенно иного об этом образа мыслей, вот – что надобно еще прибавить. Возьмем во внимание изучение той же великой грамоты видимой природы – в естественных науках. Если изучающие эту грамоту христиане не только ни мало не думают, что они изучают в природе именно мысли Отца небесного, открытые и осуществленные во всех силах, законах и явлениях природы единосущным Его Сыном Богом Словом Христом, завершенные и запечатленные во всем мире единосущным Отцу и Сыну Св. Духом, но и не считают такой думы своею обязанностью при изучении природы, относя это к совершенно сторонней для них области – Богословской: то в таком изучении видимой природы этими христианами, конечно – совсем ненамеренно с их стороны, тем не менее выражается мысль древней ереси, что как будто Сын Божий Христос не есть Бог – Создатель мира, что как будто не Им, как единосущным своим Словом, Отец открыл и осуществил в Мире Свои зиждительные мысли и проч. То же самое и потому же выражается в простом перстосложении раскола. Бог уравнивал и мудрых и неразумных членов Своей Церкви...

⁵¹ - Разумею и церковных и гражданских, следуя словам равноапостольного Константина, что он, император, есть также епископ церкви во внешнем, как епископы во внутреннем и духовном.

⁵² - Помня, что Сам распятый за нас Христос, Божия сила и премудрость, казался Иудеям соблазном, а Эллинам-язычникам безумием (1Кор.1:23), мы и здесь должны предусматривать и предотвращать духовно-иудейские или языческие понятия. Как, в самом деле, к раскольнице приравнять образ Божией Матери? – Так же, как даже сам Господь, в притче о милосердии Самарянина приравнял себя к лицу ветхозаветного раскольника – Самарянина. Или недостойно Божией Матери быть, несравненно более всех матерей, общною духа и расположений своего Сына?! – Первосвятитель московский, Филарет, так любящий и умеющий величать Божию Матерь своим словом (в проповедях, особенно в богородичные дни), не усумнился однако, в одном своем поучении, указать в Матери Божией, напрасно искавшей своего двенадцатилетнего Сына во сродницах и знакомых и нашедшей Его в храме посреди учителей (Лк.41–46), начертанный Духом Святым образ и наших раскольников, тщетно ищущих Христа у своих отцов и родных, но могущих найти Его только в церкви Божией при Богопоставленном учительстве. Св. Иоанн Дамаскин в простых поклонах друг другу, обычных всем нам, людям (не исключая и раскольников), находит следы и оправдание церковного иконопочитания. Он говорит: «поелику некоторые обвиняют нас за то, что покланяемся и воздаем почитание иконам Спасителя и Владычицы нашей, а также и прочих святых и угодников Христовых: то пусть услышат они, что Бог в начале сотворил по образу Своему (Быт. 1:26). Не потому ли кланяемся друг другу, что мы сотворены по образу Божию? Ибо, как говорит Богоглаголивый и многосведущий в Божественном Василий, честь, воздаваемая образу, переходит к Первообразу». Мысль, которою св. отец подтверждал правоту иконопочитания, действительно, разве Иудей или Эллин-язычник может признать неуместною или странною.

⁵³ - Помнится, когда в комнатном разговоре с кем-то я развивать эту мысль, то мой собеседник, указывая на свой сюртук, заметил с улыбкою: «да у нас не белая, а черная одежда». – Он разумел очернение одежды крещения грехами. Между тем надлежало бы нам чистоту, полученную в крещении

(каков Сам облекший нас в Себя – Христос), раскрыть в себе уже до того, чтобы во Христе выносить в себе и черноту мирскую: ибо Христос именно понес на Себе все мирские черноты. «Вот что говорит вам, – заметил я собеседнику, – ваш черный сюртук, если эту одежду не отрываете от корня христианского одеяния, полученного вами в крещении, если т. е. не хотите носить одежды только так, как и язычники носят».

⁵⁴ - Следя развитие сих мыслей, некто воинского чина (имевший начатки духовного воинствования) просил меня кстати понагляднее объяснить как значение духовного священства, усвояемого в слове Божиим и мирянам, так и необходимость церковного священства. Посему и присовокупляется здесь требуемое объяснение. – Благодать «царственного священства» дана всем христианам, как ап. Петр в первом своем послании и называет вообще всех царским священством или «царственным священством» (1Пет.2:9) и как св. Иоанн Богослов говорит, что Господь сотворил есть нас вообще и, архиереи Богу и Отцу Своему (Откр.1:6). Это последнее место объясняет нам, что все мы, христиане, имеем благодатное священство в том смысле, чтобы каждому, в своем месте, духовно служить во Христе пред самым Отцом небесным, принося Ему Св. Духом жертвы своей мысли, своего чувства, дел, желаний, отношений – чрез устроение всего этого по Христу, возлюбленному Сыну Божию. Ведь, это простая истина; в этом и состоит жизнь и сила христианства. Что же и зачем, теперь мы, духовные, возводимые по особенному избранию на разные степени священства? Все мы, начиная от архиерейства до чина посвященных в стихарь, – мы благодатию Божиею и избраны и поставлены служить тому, чтобы во всем исполнении церковном, во всем составе этого Божия народа – православных христиан постоянно действовала она всеобщая благодать царственного священства. Другими словами сказать: мы необходимы и поставлены от Бога собственно для того, чтобы благодатью, нам данною, внедрять, поддерживать и приводить в живое движение и действие благодать «царственного священства» во всем народе православного христианства, дондеже достигнем вси в соединение веры и

познание Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Еф.4:11–13). А так-как в народом общественном устройстве есть свои степени – начальства и подчинения, старшинства и меньшинства, отечества и сыновства: то во всем этом действующая, при служении церковной иерархии, благодать «царственного священства» и сообщает разным степеням народного устройства силу и значение Христовой же иерархии своего рода. Вообразите меня, например, полковым священником. Если я исполняю свое дело как следует, и следовательно привожу в своем воинственном приходе в живое движение благодать «царственного священства» (хотя бы и вовсе бессознательно для большинства, подобно тому, как обыкновенно в детях приводится в действие или возгревается благодать св. таинств): то в этом благословением приходе генерал, командующий войском, и все офицеры, предводящие своих солдат, будут живыми проводниками и служителями любви Отчей, – в единомродном Сыне властвующей над верными, к вечному их благу, благодатию св. Духа. В противном же случае, если т. е. по моей же вине не умею или не хочу, не забочусь возбуждать и приводить в живое действие благодать «царственного священства», принадлежащую и солдатам с их вождями: то очевидно, что я – священник, оставивший без полного живого употребления благодатное сокровище собственного своего священства, или же, сказать по силе дела, заботящийся главными образом о собственных только правах Христова наместничества, – римский поп. Ибо я на то и поставлен на степени священства, чтобы во всем моем приходе была в силе и действии благодать «царственного священства». Для того я и служу, и таинства совершаю, и священнодействую слово Божие.

⁵⁵ - Как основная мысль наших педагогических заметок приложима и относительно известного Русского же, хотя и не столь распространенного раскола – духоборчества и молоканства, – это видно из следующего. Раскол духоборческий есть извращение той стороны или того направления в нашем народном русском духе, чтобы дорожить не просто только обыкновенными обнаружениями жизни и дела, по самую жизнью

и делом, хотя бы то былой в необыкновенных и чрезвычайных их обнаружениях. Только вместо того, чтобы искать истинной жизни духа теми путями и в тех источниках самого животворящего Духа Божия, которые Он сам благоволил для нас открыть в области своей Благодати – св. Церкви, – духоборцы, молокане самочинно возбуждают в себе остатки естественной духовной восприимчивости к Божественному, а возбужденные живые и сильные движения сей последней мечтательно принимают за движения и проявления самого Св. Духа жизни. Это, в сфере религиозной, бывает у них точь в точь, как иногда у нас в жизни нравственной, особенно в сфере искусств и наук, за истинно-духовную энергию, за истинно-высшие идеи принимаются мысли и движения внутренние, ничуть не возведенные к открытому и удободоступному нам во Христе Духу Вышнего. Итак, вина и этого раскола не слишком далека и от нас грешных – православных. Следовательно, и сюда идет сказанное в наших заметках об образе рассуждения о расколе. Сказанное же нами о сношениях с раскольниками особенно полезно и важно по отношению к духоборцам и молоканам, потому что из мечтательно-духовного их состояния они незаметно, чрез самые показанные сношения и собеседования с ними миссионера, могут быть изводимы в истинную область Духа. Об отношениях к начальству, относительно молоканского раскола, и говорить нечего, что оно должно быть у миссионера таково, как и показано в «Заметках».

⁵⁶ - Это есть общая заключительная мысль и в прежних статьях. Не излишне заметить, что и в составе христианского мира ревнующие по Богу и его закону соответствуют Израилю, а ходящие самовольными путями в мысли и жизни – языкам древнего мира.

⁵⁷ - Лк.12:14 и след. См. о сем выше в статье: «о принципах в делах житейских».

⁵⁸ - См. о сем выше в статьях: «о Ветхозаветном образе воззрений и жизни, и «о Божественном законодательстве чрез Моисея».

⁵⁹ - См. «третью статью о современности в отношении к Православию»

⁶⁰ - В Крестовых походах.

⁶¹ - Свидетельство об упадке, пред падением Константинополя, нравственного духа на Востоке, – дает в резких чертах блаж. Патриарх Геннадий. См. статью о нем в «православ. обозрен.» за Апрель. Эта же статья впрочем фактически доказывает, что, при всем нравст. упадке общества, дело унии с папою не принималось на Востоке, : когда в софийском храме торжествовали унию с папою, на которую согласились только три епископа и несколько клириков, – народ бежал из храма, как из еврейской синагоги, и кричал: «лучше достанемся туркам, чем франкам»·(папистам). Прямое выражение народной верности православию до смерти!

⁶² - Магометанство, и в загробной жизни, окончательное торжество добра над злом видит глав. обр. в бесконечно-полном торжестве сластолюбивой чувственности.